

Группа авторов

На правом фланге Московской битвы

Проект "Военная литература": militera.lib.ru

Издание: На правом фланге Московской битвы / Сост. М. Я. Майстровский. — Тверь: Моск. рабочий, 1991. 352 с.: ил.

Книга на сайте:

Иллюстрации: есть

OCR: Volxov (alex800511@rambler.ru)

Правка: Volxov (alex800511@rambler.ru)

Дополнительная обработка:

[1] Так обозначены страницы. Номер страницы предшествует странице.

{1} Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

На правом фланге Московской битвы / Сост. М. Я. Майстровский. — Тверь: Моск. рабочий, 1991. — 352 с.: ил.

Общественная редколлегия: Ю. М. Бошняк (председатель), Н. М. Афанасьев, М. А. Ефимов, Л. В.

Зарыпова, О. Н. Ломакова, Б. А. Шишов, Я. А. Якиманский

Составитель М. Я. Майстровский

ББК 63.3(2)722

Н12

©Издательство «Московский рабочий», 1991

Тверской объединенный музей

ISBN 5-239-01085-4

Аннотация: Включенные в книгу фрагменты из воспоминаний советских военачальников и политработников, документы архива Министерства обороны СССР, относящиеся к кульминационному периоду Великой Отечественной войны — Московской битве, очерки об участниках боев, дневниковые записи той поры воссоздают правдивую картину событий, которые происходили в районе города Калинина в октябре-декабре 1941 года.

Издание за счет Тверского государственного объединенного историко-архитектурного и литературного музея.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Карпов К читателю [3]

От составителя [5]

Ю. М. Бошняк, Д. Д. Слёзкин, Н. А. Якиманский Калининское операционное направление в битве под Москвой [7]

НА РУБЕЖАХ ОБОРОНЫ [61]

И. С. Конев Воспоминания [62]

М. И. Щедрин В ту злую осень... [66]

П. В. Севастьянов Московское шоссе [70]

П. А. Ротмистров В бой идут танкисты [78]

А. В. Егоров Поединок [81]

М. Яковлев Упрямая батарея [89]

С. Флигельман Всем смертям назло [91]

А. Ф. Семенов В небе над Волгой [99]

Г. С. Кац Три дня в октябре [104]

Н. Розов В полках оставалось по 150 штыков... [115]

Н. Б. Ивушкин За каждый дом... [120]

В. Флеров Мы — пулеметчики [133]

К. И. Сушан Первые залпы [139]

Г. С. Кац Рыловская тетрадь [140]

С. Флигельман Они не пропали без вести [153]

М. Майстровский Камен Цанов [160]

Борис Полевой По следам легенды [164]

В. В. Мочалов Оружием слова [169]

ФРОНТ ИДЕТ ВПЕРЕД [173]

А. М. Василевский Начало коренного поворота в ходе войны [174]

И. С. Конев По замыслу Ставки [178]

М. И. Щедрин Наступление [181]

Обращение Военного совета Калининского фронта к жителям г. Калинина [187]

П. К. Случевский Переправа [187]

Борис Полевой Началось [191]

В. С. Антонов Мы теряли друзей боевых... [198]

Константин Симонов Штурм города [207]

Н. А. Фиронов Они шли впереди [208]

М. Н. Розов В боях за Краснове [211]

М. А. Бегайкин «Гитлер капут» [216]

В. Абросимов Батареи ведут огонь [217]

А. Г. Русских Первая победа [219]

Борис Полевой И вот дома [224]

Н. А. Летунов В общей цепи [234]

Говорят ветераны [237]

И. Монахов Таран Евгения Пичугина [244]

М. Майстровский Два комдива [247]

В. Шиков Подвиг комбата [256]

А. Душенков Старший политрук Шопан Конуспаев [259]

Александр Фадеев Изверги-разрушители и люди-созидатели [264]

Н. П. Деев Это не должно повториться [267]

НАРОД ВЗЯЛСЯ ЗА ОРУЖИЕ [273]

Директивное указание Калининского обкома ВКП(б) секретарям райкомов и горкомов партии об организации подпольных партийных ячеек [274]

Н. Шушаков Сводный истребительный...[274]

И. Борисов В калининском подполье [280]

С. Г. Дороченков В суровые дни [304]

Виктор Хомяченков Диверсанты [313]

Партизанскими тропами [322]

Н. Шушаков Во вражеском логове [325]

М. Яковлев Тоня. [331]

Из сообщения Калининской областной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников об ущербе, причиненном ими гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям на территории Калининской области [334]

Юрий Иванов Побег [335]

С. Флигельман Письма учительницы Лашиной [339]

Примечания

Список схем

К ЧИТАТЕЛЮ

Течет время, и ушла в историю Великая Отечественная война. Как ни грустно — уходят и ветераны.

Пройдут годы, и не останется свидетелей и участников грозных событий 1941–1945 гг.

Эта книга создана в преддверии 50-летия освобождения Калинина (Твери) от гитлеровских полчищ по инициативе Совета ветеранов 31-й армии и Тверского государственного объединенного музея.

Авторы сборника — в основном участники Московской битвы — рассказывают о том, что сами видели и пережили, и поэтому в повествовании нет ни вымысла, ни ложного пафоса. Такую тональность книге задает открывающий ее военно-исторический очерк — документальное историческое исследование, правдиво поясняющее предпосылки наших побед и причины наших поражений.

Книга эта оригинальна и даже уникальна тем, что в ней встретились теперь уже в дневниках, воспоминаниях, литературных записях и письмах солдаты и полководцы, которым выпало в смертельных боях на земле Верхневолжья защищать столицу, а затем и освобождать Калинин.

Вот и я, рядовой красноармеец, разведчик, участник боев на Калининском фронте. Разве мог я подумать в те далекие дни, что будет создана такая книга, а мне доведется представлять ее читателям!

Делаю это с радостью и уверен: книга принесет большое удовлетворение авторам, которые искренне желали рассказать новому поколению земляков (да и не только им) о тяжелых боях и какой ценой достались нам свобода и независимость, о чем, к сожалению, сегодня многие забывают.[4] Читатели не найдут в книге литературных ухищрений — она в этом не нуждается: правдивость повествования, честная обнаженность и трагического, и героического, равно как и примеры истинного мужества людей, идущих на смерть ради Отечества, лучше всяких стилистических приемов помогут, особенно молодым людям, проникнуться уважением к нашей истории, испытать чувство гордости за деяния своих отцов и дедов. Пусть книга станет местом встречи нескольких поколений и вызовет доброе и теплое уважение друг к другу людей самых разных возрастов — в наши дни это очень нужно!

Владимир Карпов, Герой Советского Союза, писатель[5]

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Прежде всего о том, как появилась идея этого сборника. О Московской битве (в том числе о боях на Калининском фронте) написано уже немало воспоминаний, мемуаров,

документальной и художественной прозы. В преддверии 50-летия освобождения Калинина от немецко-фашистских захватчиков была задумана книга, которая в хронологической последовательности отразила бы события, происходившие на относительно узком пространстве — в районе самого города и на подступах к нему — с октября по декабрь 1941 года — в период наивысшего накала битвы за Москву. Именно в эти месяцы ценою больших потерь и благодаря массовому героизму наших воинов гитлеровские войска были остановлены, обескровлены и обращены вспять.

Повествования авторов сборника документально выверены. Особую ценность представляют помещенные в сборнике записи, дошедшие до нас из того далекого времени через столетие. Кажется, они и сегодня пахнут порохом, эти ценнейшие человеческие документы войны.

В книге большой перечень имен — солдат и полководцев, павших и живых. Многие из них названы впервые.

Не исключено, что ветераны войны кого-то и недосчитаются в этом воинском братстве, но не потому, что они забыты, а только лишь из-за нехватки материалов и, увы, сравнительно небольшого объема настоящего издания.

В поиске материалов и подготовке настоящего сборника самое горячее участие приняли ветераны войны Б. А. Шишов и Г. С. Кац, журналист В. В. Хомяченков, сотрудник Тверского государственного объединенного музея Н. А. Якиманский.[6] Особой признательности за большую организаторскую работу по подготовке сборника заслуживают сотрудник Тверского государственного объединенного музея М. А. Ефимов и бывший секретарь Калининского горкома КПСС Л. В. Зарыпова, В сборнике использованы фотоснимки из фондов Тверского музея, фотографа Е. С. Скрыпникова, а также репродукции снимков из ранее издававшихся, посвященных Великой Отечественной войне книг.[7]

КАЛИНИНСКОЕ ОПЕРАЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В БИТВЕ ПОД МОСКВОЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Введение

Битва под Москвой — одно из важнейших событий второй мировой войны. Она началась в исключительно сложной для нашей страны военно — политической обстановке осени 1941 г.

В первые дни и недели Великой Отечественной войны врагу удалось нанести серьезное поражение советским войскам в приграничной полосе. За два-три недели немецко-фашистские полчища оккупировали Прибалтику, Белоруссию, значительную часть Украины и продвинулись от 300 до 600 км в глубь страны.

На фронтах создалось тяжелое положение. И хотя события тех дней были насыщены мужеством и героизмом советских воинов, а советское командование делало все возможное, чтобы остановить продвижение противника, эффективных результатов в начале войны это не давало: слишком велики были потери войск, слишком тяжелы последствия первых массированных ударов.

Одной из главных причин поражения наших войск в начальный период военных действий были просчеты советского политического руководства в оценке военно-политической обстановки

накануне войны. Располагая обширной достоверной информацией о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз, руководство страны и в первую очередь И. В. Сталин не сумели увидеть и оценить реальную угрозу и своевременно не приняли ответных мер. Части и соединения приграничных военных округов не были приведены в боевую готовность и оказались застигнутыми врасплох.

Вторая причина состояла в крайне слабой подготовке руководящих военных кадров, потерявших за время сталинских репрессий 1937–1941 гг. наиболее опытных военачальников. Наконец, сыграли свою роль грубые просчеты[8] военного и политического руководства в подготовке Вооруженных Сил к войне (хвастливо-победоносная наступательная доктрина, упование на опыт гражданской войны, недооценке автоматического оружия, значения крупных механизированных соединений и т. д.) Быстро исправить все эти ошибки было, естественно, невозможно. Все они сказались на событиях, развернувшихся в первых числах октября 1941 г. на Московском стратегическом направлении. Только ценою огромных жертв, усилиями всего советского народа удалось изменить ход вооруженной борьбы в нашу пользу.

К осени 1941 г. стратегическое положение Советской Армии оставалось крайне напряженным. Наши войска вынуждены были отступать к Ленинграду, оставить Смоленск и Киев. Создалась угроза Донбассу, Харькову и Крыму.

Потеря богатых промышленных и сельскохозяйственных районов и эвакуация большого числа важнейших промышленных предприятий на восток создали чрезвычайные трудности для перевода промышленности на военные рельсы. В то время в войсках не хватало танков, самолетов, боеприпасов, другой военной техники и вооружения.

Советский Союз фактически один вел активную вооруженную борьбу против государств фашистского блока. Кроме того, советское командование вынуждено было держать значительные силы на границах с Японией и Турцией.

В ходе битвы под Москвой произошли большие изменения в международной обстановке. В декабре 1941 г. Япония развязала войну на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии против Соединенных Штатов Америки, Англии и Голландии. С вовлечением в войну США — крупнейшей капиталистической державы — соотношение сил изменилось в пользу государств антигитлеровской коалиции.

Битва под Москвой, включившая в себя сложный комплекс различных по характеру, до предела напряженных операций и боев, развернувшихся на огромной территории, продолжалась непрерывно более шести месяцев. С обеих сторон в ней одновременно участвовало более 3 млн. человек, более 2,6 тыс. танков, свыше 2 тыс. самолетов и свыше 21,6 тыс. орудий и минометов[1].

На заснеженных полях Подмосковья, на калининской и тульской земле, на Смоленщине Советская Армия нанесла[9] германскому фашизму первое крупное поражение во второй мировой войне, развеяла миф о непобедимости немецко-фашистской армии. Под Москвой Советская Армия похоронила гитлеровскую стратегию «блицкрига» в войне против СССР. Вместо «молниеносной» победы фашисты получили затяжную войну, которой они так опасались. Победа советских войск под Москвой способствовала укреплению антигитлеровской коалиции и создала благоприятные условия для активизации движения Сопротивления в странах, оккупированных фашистской Германией.

Победа под Москвой означала начало коренного поворота в войне. Здесь загорелась заря победы над фашизмом, победы, путь к которой пролегал через Сталинград и Курск, Кавказ и Карпаты, Белоруссию и Польшу и заканчивался в Берлине.

Составной частью битвы под Москвой были боевые действия на калининском операционном направлении. Здесь, на калининской земле, начался разгром гитлеровских войск и освобождение не только нашей территории, но и народов Европы от фашизма.

Новые данные позволяют нам объективнее осветить фактический ход событий на калининском операционном направлении в октябре-декабре 1941 г.

Авторы сборника старались на основе глубокого исследования и объективного анализа архивных данных, а также критического изучения других исторических материалов и воспоминаний участников дать достаточно развернутое освещение военных событий в районе Калинина, показать героизм и мужество советских людей.

1. КАЛИНИНСКОЕ ОПЕРАЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ПЛАНАХ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОГО КОМАНДОВАНИЯ (схема 1)

В планах немецко-фашистского командования району Калинина придавалось большое значение. Еще в 20-х числах июля 1941 г., намечая общие контуры дальнейших операций на западном направлении, главное командование сухопутных войск фашистской Германии так определяло задачи группы армий «Центр»: «Для ведения фронтального наступления на Москву выделить две армии. На флангах этих армий вводятся: на юге — 2-я танковая группа с задачей выйти в район южнее Москвы, на севере — 3-я танковая группа с задачей наступать в направлении Калинина, пере[10] резать коммуникации, соединяющие Москву и Ленинград, и, увлекая за собой левое крыло северной общевойсковой армии, выйти в район севернее Москвы»{2}.

Замысел операции по овладению Москвой получил наиболее четкое выражение в директивах верховного главнокомандования вооруженных сил фашистской Германии № 35 от 6 сентября и командования группы армий «Центр» о подготовке операции «Тайфун» от 16 сентября 1941 г.

ДИРЕКТИВА ОКВ №35{3}

Ставка фюрера

06.09.41

Верховное главнокомандование вооруженных сил

Штаб оперативного руководства

Отдел обороны страны (1 опер) № 441492/41

2. В полосе группы армий «Центр» подготовить операцию против группы армий Тимошенко таким образом, чтобы по возможности быстрее (конец сентября) перейти в наступление и уничтожить противника, находящегося в районе восточнее Смоленска, посредством двойного окружения в общем направлении на Вязьму, при наличии мощных танковых сил, сосредоточенных на флангах.

С этой целью главные усилия подвижных войск сосредоточить: на южном фланге предположительно в районе юго-восточнее Рославля, с направлением удара на северо-восток. Состав группировки — имеющиеся в распоряжении силы группы армий «Центр», 5-я и 2-я танковые дивизии, которые высвобождены для выполнения этой задачи; в полосе 9-й армии с направлением удара предположительно через Белый. В состав группировки будут включены по возможности крупные силы из группы армий «Север».

После того, как основная масса войск группы Тимошенко будет разгромлена в этой решающей операции на окружение и уничтожение, ГрА «Центр» должна начать преследование противника, отходящего на Московском направлении, примыкая правым флангом к р. Оке, а левым — к верхнему течению Волги.[11] ВВС поддерживать наступление 2-м воздушным флотом...

..Главные усилия авиации сосредоточить на флангах...для поддержки подвижных соединений.

Гитлер

ДИРЕКТИВА КОМАНДОВАНИЯ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР» О ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАЦИИ «ТАЙФУН»^{4}

Штаб группы армий

16.09.41

Командование ГрА «Центр»

Оперативный отдел

№ 1300/41

Директивы для новой операции.

1. После получения пополнений группа армий переходит в наступление не позже начала октября.

2. 4-я и 9-я армии с подчиненными им 4-й и 3-й танковыми группами, которые к моменту наступления должны быть усилены по меньшей мере на один пехотный корпус каждая, приводятся в готовность с таким расчетом, чтобы каждая из армий при помощи сильной ударной группы, состоящей из моторизованных, танковых и пехотных соединений, смогла бы осуществить прорыв обороны противника по обе стороны дороги Рославль — Москва и севернее автодороги и уничтожить войска противника, зажатые между внутренними флангами.

Для этой цели... прикрывшись с востока, совершить в зависимости от обстановки поворот либо против общей линии Вязьма — Дорогобуж, либо с обеих сторон к Вязьме.

9 А должна использовать все возможности для того, чтобы прорваться также через лесистую местность перед северным флангом армии и продвинуть войска в направлении Ржева.

3. 2 А ... пробивается в направлении Сухиничи — Мещовск.

4. 2 ТГр из района Рыльска, Почепа, Новгород-Северского нанести удар через линию Орел — Брянск. Р-н Брянска захватить с тыла...

.....
16. Гл. командование сухоп. сил для маскировки операции выбрало секретный пароль «Тайфун».[12]

Таким образом, по плану операции «Тайфун» группа армий «Центр» должна была тремя мощными ударами танковых групп из Духовщины, Рославля и Шостки в восточном и северо-восточном направлениях расчленить оборону советских войск, окружить и уничтожить войска Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы и Брянского — в районе Брянска, затем сильными подвижными группами охватить Москву с севера и юга.

30 сентября 1941 г. 2-я танковая группа противника перешла в наступление против войск Брянского фронта. Утром 2 октября перешли в наступление против войск Западного и Резервного фронтов основные силы группы армий «Центр» — 9-я, 4-я, 2-я армии, 3-я и 4-я танковые группы.

Из «Военного дневника» начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии Ф. Гальдера^{5}:

2 октября 1941 г.

Группа армий «Центр». Сегодня в 5.30 войска, используя ясную осеннюю погоду, начали крупную операцию «Тайфун».

...Танковая группа Гота и 9-я армия вполне успешно наступают, продвинувшись до 20 км в глубину.

4 октября 1941 г.

Операция «Тайфун» развивается почти классически.

...Танковая группа Гота достигла Холма, подойдя таким образом к верхнему течению Днепра, а на севере продвинулась до Белого. Противник продолжает всюду удерживать неатакованные участки фронта, в результате чего в перспективе намечается глубокое окружение этих групп противника.

...К сожалению, командование Западного (командующий генерал И. С. Конев) и Брянского (командующий генерал А. И. Еременко) фронтов не смогло своевременно обнаружить сосредоточение ударных группировок и разгадать направления главных ударов противника. В полосе Западного и Резервного фронтов удары из района Духовщина (3-я танковая группа) и Рославля (4-я танковая группа) уже на шестой день наступления привели к прорыву обороны армий первого эшелона и окружению в районе западнее^[13] Вязьмы четырех общевойсковых армий — 19-й, 20-й, 24-й, 32-й.

На участке Брянского фронта удары 2-й танковой группы и 2-й армии немцев завершились окружением в районе Трубчевска 3-й и 13-й армий.

Это позволило противнику быстро ввести в образовавшиеся бреши подвижные танковые группы, рассечь фронт обороняющихся и вести наступление в высоком темпе.

Из «Военного дневника» Ф. Гальдера:

6 октября 1941 г.

3-я танковая группа, подчиненная 9-й армии, окончательно прорвала вторую линию обороны противника на всю ее глубину и вышла 7-й танковой дивизией на автостраду в районе севернее Вязьмы. 9 А сломала сопротивление противника в районе Белого. Операция... приближается... к полному завершению окружения противника.

7 октября 1941 г.

...Сегодня танковая группа Гёпнера соединилась с танковой группой Гота в районе Вязьмы. Это крупный успех, достигнутый в ходе пятидневных боев.

9-я армия прорвала оборону противника на ржевском направлении (в районе Белого) и выставила пехотные заслоны для прикрытия с северо-востока и востока своего фланга, заходящего на Вязьму. Войска здесь действуют превосходно, руководство осуществляется уверенно.

8 октября 1941 г.

...окружение группировки противника в районе Вязьмы завершено и обеспечено от возможных ударов противника извне с целью деблокирования окруженных соединений.

9-я армия, обеспечив себе сильный заслон с ржевского направления и с востока, по-видимому, окончательно устранила угрозу своему флангу и тылу.

9 октября 1941 г.

Бои против окруженной группировки противника в районе Вязьмы носят прямо-таки классический характер. Вне котла 4-я армия наступает своим правым флангом на Калугу, а 9-я армия сосредоточивает силы на северном фланге для удара по району Ржева.

Обстановка на фронте вечером — Разговор по телефону с фон Боком — Обмен мнениями о дальнейшем проведении операции. Я просил усилить левый фланг группы армий и направить его на Калинин. Плохие дороги![14]

...4-я армия, наступающая южнее котла в районе Вязьмы, успешно продвигалась в течение дня, но вечером натолкнулась на упорное сопротивление противника.

Севернее котла под Вязьмой наши войска перегруппировываются для дальнейшего флангового наступления на Калинин.

...Оценивая создавшуюся в начале октября 1941 г. на Московском стратегическом направлении обстановку, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков впоследствии отмечал:

«Я не хочу набрасывать тень на войска. В этой критической ситуации они сделали все, что могли... Но я не могу умолчать, сколь неповоротливо оказалось командование Западным фронтом, в чем виноват прежде всего командующий Конев. Ничего иного он не нашел, как сделал попытку перевалить вину за поражение на других, — так он силился поступить с командующим армией Рокоссовским»{6}.

Особенно тяжелая обстановка сложилась на правом крыле Западного фронта. Под натиском превосходящих сил противника войска 22, 29, 30 и 31-й армий отходили на рубеж Осташков — Ржев. В обороне наших войска на калининском операционном направлении образовался разрыв шириною до 80 км. В этот разрыв немецко-фашистское командование направило 3-ю танковую группу в составе 41-го и 56-го моторизованных корпусов (1-я, 6-я, 7-я танковые, 14-я и 36-я моторизованные дивизии и 900-я учебная моторизованная бригада). На калининское операционное направление были нацелены и значительные силы 9-й армии. Всего здесь действовало до 20 процентов немецко-фашистских войска, предназначенных для захвата Москвы.

Боевые действия советских войска на калининском операционном направлении продолжались с 10 октября 1941 г. по 7 января 1942 г. и включают Калининскую оборонительную операцию 1941 г. и Калининскую наступательную операцию 1941–1942 гг.

2. КАЛИНИНСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (10.10–4.12.1941 г.) (схемы 1–6)

Калининская оборонительная операция началась 10 октября[15] 1941 г. с выходом фашистских войска в район Сычевки и поворотом 3-й танковой группы на калининское операционное направление с задачей с ходу захватить город Калинин, обойти Москву с северо-запада, а также развернуть наступление на север в тыл Северо-Западного фронта, а при благоприятных условиях нанести удар на Ярославль и Рыбинск{7}.

События развивались стремительно. 10 октября из района Сычевки, нанося главный удар в направлении Старица — Калинин, в наступление перешли 41-й моторизованный (1-я, 6-я танковые, 36-я моторизованная дивизии) и 27-й армейский корпус. Одновременно из района северо-западнее Днепрово в наступление на Ржев перешел 6-й армейский корпус и на Ельцы из района Нелидова — 23-й армейский корпус (схема 2).

Утром 11 октября передовые отряды 41-го моторизованного корпуса заняли Зубцов, в 20.00 того же числа Погорелое Городище, а в 17.00 12 октября Старицу{8}. Наши отдельные разрозненные части, потерявшие связь со своими штабами, в беспорядке отступали на восток.

Прорыв Западного фронта на калининском направлении значительно осложнил обстановку. Появление противника в районе Калинина — важнейшего узла дорог —

грозило глубоким охватом Москвы с севера и северо-востока и создавало угрозу окружения войск левого крыла Северо-Западного и правого крыла Западного фронтов.

В этой обстановке советское командование приняло ряд мер.

Военный Совет Западного фронта направляет Верховному Главнокомандующему следующий план уничтожения вышедшей в район г. Калинина немецкой группировки{9):

По прямому (проводу) Вручить немедленно

г. СТАЛИНУ

Докладываю свои соображения по уничтожению вышедшей группы противника на Калинин и недопущению ее движения на Москву: 1. В течение 14 и 15.10 (1941 г.) бить эту группировку[16] всей авиацией резерва Главного командования, авиацией Сев.-Зап. фронта и частично авиацией правой группы Западного фронта.

2. В эти же дни частями 5 сд, частями Хоменко, рабочими и истребительными отрядами упорно обороняться на окраине города, не допуская захвата противником самого города.

Из района Безбородово, куда сегодня сосредоточен мотоциклетный полк и усиленный стрелковый полк, с утра 14.10 выдвинуться в район Городня, Межево, откуда начать наступление в направлении Салыгино во фланг противника.

Собрать в течение двух дней группировку в составе 4 (четырёх) сд в районе Старица, Горки, откуда 3 (тремя) сд нанести удар в тыл противника в общем направлении на Рязаново. Действия этой группы с юга прикрыть одной сд.

В течение 2 дней подтянуть за счет Сев.-Зап. фронта 8-ю танковую бригаду, одну стрелковую дивизию в район Медное и нанести удар через город.

К исходу 14.10 подтянуть в район Завидово танковую бригаду резерва Главного командования, откуда нанести удар во взаимодействии с авиацией, мотоциклетным батальоном и стрелковым полком в направлении Салыгино.

Начало операции 16.10. Просим утвердить.

Жуков{10}
Булганин

13.10.41 События в районе Калинина развивались настолько стремительно, что пришлось вносить в этот план существенные изменения. Дело в том, что уже 14 октября противник захватил город и тем самым нарушил все намеченные мероприятия. Кроме того, в распоряжении командующего 30-й армии генерал-майора В. А. Хоменко никаких частей и соединений не оказалось, за исключением прибывающей по железной дороге в район Калинина 5-й стрелковой дивизии. Поэтому пришлось часть дивизий, перебрасываемых с правого крыла Западного фронта на Можайскую линию обороны, задержать у Калинина.

Командующему Северо-Западным фронтом Ставка ВГК дала указание направить в район Калинина не два, как предлагал Жуков, а пять соединений (183-ю, 185-ю стрелковые, 46-ю, 54-ю кавалерийские дивизии, 8-ю танковую бригаду) и 46-й мотоциклетный полк. Из этих соединений была создана оперативная группа, которую возглавил начальник[17] штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенант Н. Ф. Ватулин.

Руководство всеми войсками на калининском направлении было возложено на

заместителя командующего Западным фронтом генерал-полковника И. С. Конева.

«12 октября в качестве командующего группой войск, — вспоминал впоследствии И. С. Конев, — я прибыл в Калинин и сразу попал в очень сложную обстановку»{11}.

Обстановка была действительно очень сложной. Фашистская авиация ночью и днем 12 октября наносила непрерывные удары по городу. В результате во многих местах возникли пожары. Фашистские танки, не встречая серьезного сопротивления, продвигались по Старицкому шоссе. На подступах к городу не было оборонительных сооружений, а для организации обороны в районе Калинина (за исключением курсов младших лейтенантов, Высшего военно-педагогического института и истребительных отрядов) не было армейских частей. Генерал И. С. Конев в 16.20 12 октября отдает следующее боевое распоряжение:

«Командарму 30 генерал-майору Хоменко.

1. Противник группой танков до 40 машин 11.10 занял Зубцов и отдельными танками распространяется в северо-восточном направлении.
2. Генерал-майору Хоменко все разрозненные части 30-й и 31-й армий собирать и организовывать оборону на рубеже Тургиново и далее по р. Лама до правого фланга Волоколамского укрепленного района.
3. В районе Калинина разгружается 5-я стрелковая дивизия, которой поставлена задача организовать оборону на рубеже Иваниши, Московское море с целью прочно прикрыть Калинин с юга и юго-запада.
4. Ваша задача, подчинив себе 5-ю стрелковую дивизию и все разрозненные части 30-й и 31-й армий, собирать и организовать в боевые подразделения и части и переводить в оборону на указанном рубеже.
5. Наводить порядок решительными мерами, по отношению трусов, паникеров и дезертиров, бегущих с фронта, расстреливать на месте.
6. Для задержания бегущих с фронта создать заградотряды»{12}.

Для выполнения намеченных мероприятий требовалось[18] время, инициативой же владел противник. Поэтому общая оперативная обстановка складывалась не в пользу советских войск.

12 октября в Калинин начали прибывать железнодорожные эшелоны с частями 5-й стрелковой дивизии (командир подполковник П. С. Телков). Дивизия в своем составе имела: 1964 активных бойца, 1549 винтовок, 7 станковых пулеметов, 11 ручных пулеметов, 14 орудий калибра 76 и 122 мм и 6 противотанковых орудий калибра 45 мм. В стрелковых полках (142-м, 336-м и 190-м) насчитывалось в среднем по 430 человек{13}.

Утром 13 октября в Калинин прибыл генерал-майор Хоменко с оперативной группой и сразу же отдал распоряжение начальнику управления НКВД учесть все имеющееся в городе оружие и обратить его на вооружение отрядов народного ополчения{14}. К этому же времени части 5-й стрелковой дивизии заняли оборону на подступах к городу с юга и юго-запада. Ширина полосы обороны дивизии достигла 30 км, глубина 1,5–2 км. Подготовить оборону в инженерном отношении не было времени, так как уже в 9 часов 13 октября разведывательный отряд 142-го стрелкового полка вступил в бой с танками противника западнее села Даниловского. Противник вынужден был свернуть со Старицкого шоссе и нанести удар через Опарине на Мигалово.

Во второй половине дня 13 октября 1-я танковая дивизия противника, имевшая в своем

составе 12 тыс. человек, 150 танков и около 160 орудий и минометов, после артиллерийской и авиационной подготовки атаковала 142-й стрелковый полк. Одновременно батальон мотопехоты противника форсировал Волгу и овладел д. Черкасowo (Черкассы){15}. Оказывая упорное сопротивление, подразделения полка вынуждены были отойти к юго-западной окраине города. Командир дивизии ввел в бой 190-й стрелковый полк. Усилиями двух полков наступление противника было приостановлено. Попытка немцев захватить город с ходу не удалась.

В ночь с 13 на 14 октября в Калинин автотранспортом стали прибывать части 256-й стрелковой дивизии (командир генерал-майор С. Г. Горячев) в составе 934-го, 937-го стрелковых[19] полков и 531-го легкого артиллерийского полка. В стрелковых полках в среднем было по 700 человек{16}. 934-й стрелковый полк получил задачу оборонять Заволжье по Безымянному ручью северо-восточнее Черкасове, а 937-й стрелковый полк должен был сосредоточиться в городском саду, составляя резерв командующего армией{17}.

К утру 14 октября фашистское командование подтянуло к городу основные силы 1-й танковой дивизии, 900-ю моторизованную бригаду и часть сил 36-й моторизованной дивизии.

Таким образом, несмотря на принимаемые советским командованием меры, обстановка в районе Калинина оставалась исключительно напряженной.

Части 41-го механизированного корпуса вплотную подошли к Калининu. Численное превосходство оставалось на стороне противника. Отсутствие наших войск северо-западнее и юго-восточнее города позволяло гитлеровцам осуществить обходный маневр и выйти на тылы 5-й стрелковой дивизии. Форсирование немцами Волги создавало угрозу захвата северной части города. Обстановка на других направлениях также складывалась не в пользу советских войск. Части 6-го армейского корпуса противника завязали уличные бои в Ржеве, а 23-й армейский корпус, овладев Ленином, продолжал наступление на Ельцы.

К 10.00 14 октября положение частей 30-й армии было следующим (схема 3): 5-я стрелковая дивизия 142-м и 336-м стрелковыми полками занимала оборону на рубеже Желтиково, Никулино, Лебедеве, седлая Старицкое и Волоколамское шоссе; 190-й стрелковый полк сосредоточился в районе школы № 12 (южная часть города); курсы младших лейтенантов оборонялись в районе Бортниково; 256-я стрелковая дивизия 934-м стрелковым полком занимала оборону на рубеже Николо-Малица, Межурка, не допуская прорыва противника в город вдоль левого берега Волги.

В подчинение армии была передана 21-я танковая бригада (командир полковник Б. М. Скворцов), которая разгружалась на железнодорожных станциях Завидово и[20] Решетникове{18}. В городе у важных объектов заняли оборону бойцы истребительных отрядов.

В 10.30 14 октября фашистские войска перешли в наступление, нанося главный удар по обоим берегам Волги. На западной окраине Калинина завязались упорные бои. Советские воины стойко оборонялись. Вместе с бойцами 5-й стрелковой дивизии сражались курсы младших лейтенантов, слушатели Высшего военно-педагогического института, бойцы истребительных отрядов и отрядов народного ополчения. Но силы

были слишком неравны. С 12.30 начались уличные бои в городе. Боевые порядки советских войск подвергались массированным ударам вражеской авиации. Части 5-й стрелковой дивизии под давлением превосходящих сил противника отошли в центр города и заняли оборону по р. Тьмаке. Упорные уличные бои в южной части Калинина продолжались весь день и ночь. К утру 15 октября 5-я стрелковая дивизия вынуждена была оставить город и отойти на рубеж: Старая Константиновка, Малые Перемерки, Котово.

В северной части города наступление фашистских войск сдерживал 934-й стрелковый полк, в помощь которому из резерва был выдвинут 937-й стрелковый полк. Но после выхода противника в центре города к мосту через Волгу создалась угроза прорыва немецких танков в тыл частям, сражавшимся на левом берегу. По этой причине 934-й стрелковый полк отошел на рубеж Николо-Малица и севернее, имея задачу совместно с подошедшими передовыми подразделениями 8-й танковой бригады (командир полковник П. А. Ротмистров) и 16-го пограничного полка не допустить прорыва противника по Ленинградскому шоссе на Торжок. 937-й стрелковый полк к исходу 14 октября занял оборону по восточному берегу Тверцы, удерживая плацдарм на западном берегу в районе моста.

Ценою значительных потерь врагу удалось захватить основную часть города. Поселки Вагонников, Сом инка и 2-й силикатный завод удерживали наши войска.

Потеря Калинина еще более осложнила обстановку. Захватив город, противник получил возможность развивать наступление, используя шоссе на Москву, Бежецк и Ленинград. Чтобы воспрепятствовать этому, генерал-полковник И. С. Конев поставил 30-й армии задачу нанести с утра 15 октября контрудар и восстановить прежнее^[21] положение. Главный удар с юго-востока наносила 21-я танковая бригада во взаимодействии с 5-й стрелковой дивизией. По замыслу, они должны были овладеть железнодорожной станцией, выйти к правому берегу Волги западнее Калинина и отрезать прорвавшуюся в город вражескую группировку^{19}.

Однако 21-я танковая бригада получила от заместителя начальника Генерального штаба другую задачу и поэтому 15 октября в боях за город Калинин не могла принять участия. Остальные части армии в течение 15 и 16 октября нанесли по противнику разрозненные удары, которые не привели к желаемым результатам.

И все же активные действия 30-й армии сыграли важную роль в боях за город в октябре 1941 г. Они заставили противника отказаться от нанесения удара вдоль Московского шоссе на Клин и не позволили ему развить наступление по Бежецкому шоссе.

Захватив Калинин, немецко-фашистское командование поворачивает главные силы 9-й армии из района Старицы и Ржева в направлении Торжка, Вышнего Волочка. 3-я танковая группа также должна была из района Калинина двигаться на Вышний Волочек. Этими операциями фашистское командование намеревалось отрезать пути отхода на восток войскам правого крыла Западного и Северо-Западного фронтов и уничтожить их.

Из приказа командования группы армий «Центр» на продолжение операций против Москвы^{20} (схемы 1, 2):

Штаб группы армий

Оперативный отдел № 1960/41

14.10.1941 г.

экз. №16

Сов. Секретно

Только для командования.

4. 9-я армия и 3-я танковая, группа должны не допустить отвода живой силы противника перед северным флангом 9-й армии и южным флангом 16-й армии, взаимодействуя с этой целью с 16-й армией, а в дальнейшем — уничтожить противника.[22]

3-я танковая группа с этой целью, удерживая Калинин, как можно быстрее достигает района Торжка и наступает отсюда без задержки в направлении на Вышний Волочек для того, чтобы предотвратить переправу основных сил противника через р. Тверда и верхнее течение р. Мета на восток. Необходимо вести усиленную разведку до рубежа Кашин — Бежецк — Пестово. Надлежит также удерживать линию Калинин — Старица и южнее до подхода частей 9-й армии.

9-я армия во взаимодействии с правым флангом 3-й танковой группы уничтожает в районе Старица, Ржев, Зубцов противника, который еще оказывает сопротивление на фронтах 6-го и 23-го армейских корпусов, а затем левым флангом поворачивает через Луковниково на север. Основное направление дальнейшего удара на Вышний Волочек. Войска правого фланга армии должны возможно скорее занять Калинин и высвободить находящиеся там части 3-й танковой группы.

Важная роль в срыве этих замыслов противника принадлежит войскам оперативной группы генерала Ватутина. Всего за одни сутки 8-я танковая бригада с 46-м мотоциклетным полком (командир майор В. М. Федорченко) совершили 250-километровый марш и 14 октября передовыми подразделениями вступили в бой за Калинин.

В целях улучшения руководства всеми частями, действовавшими северо-западнее Калинина, генерал Ватутин подчинил их командиру 8-й танковой бригады и приказал ему контратакой разгромить врага в северной части города.

В течение 15 октября на северо-западной окраине Калинина велись ожесточенные бои. В 14 часов 934-й стрелковый полк во взаимодействии с 8-м танковым полком бригады контратаковал противника и овладел Горбатым мостом. 46-й мотоциклетный полк с ротой танков 8-го танкового полка ворвался на северо-западную окраину Заволжья. В 16 часов противник крупными силами пехоты с 30 танками перешел в атаку. Развернулись ожесточенные бои, в ходе которых было уничтожено 3 танка, 5 бронемашин и до 600 фашистов. К исходу дня наши войска отошли на рубеж: мост через ручей Межурка — Николо-Малица — 600 м северо-западнее Горбатого моста — южная окраина Дорошихи{21}{23}

Фашистское командование сосредоточивает на этом направлении основные силы 1-й танковой дивизии и 900-й моторизованной бригады, которые в 12 часов 16 октября наносят сильный удар из района железнодорожной станции Дорошиха на Николо-Малицу. Им удается быстро прорвать оборону 934-го стрелкового полка и к исходу дня выйти в район Медного{22}.

Командиру 8-й танковой бригады было приказано выйти к Полуустову (8 км северо-западнее Медного) и не допустить дальнейшего продвижения противника на Торжок. Выполнение этой задачи полковник Ротмистров возложил на 8-й танковый полк

(командир полка майор А. В. Егоров). В полку к этому времени был один танк КВ, пять Т-34, шесть Т-40, шесть Т-38. Контратаками и огнем из засад танковый полк за 17 октября уничтожил 5 немецких танков и два орудия ПТО^{23}. Однако часть танков и мотоциклов прорвались к Марьино и захватили переправу через р. Логовеж. До Торжка оставалось всего 20 км.

В этой обстановке командир 8-й танковой бригады решает отвести бригаду в район Лихославля. Это был самый критический момент в оборонительной операции советских войск в районе Калинина.

В боевом донесении на имя генерал-полковника И. С. Конева П. А. Ротмистров так обосновывает свое решение:

«Сообщаю, 8 тбр 17.10 была атакована танковой дивизией противника при поддержке мотоциклистов и авиации, которая бомбила бригаду все светлое время 17.10. Вследствие открытого моего правого фланга и превосходящих сил противнику удалось прорваться у с. Медное через р. Тверца и захватить вторую переправу у Марьино через р. Логовеж.

В силу сложившейся общей обстановки, общего отхода частей Красной Армии из этого района я произвел рокировку и сосредоточил бригаду в 12–15 км северо-восточнее Лихославля, в лесу, непосредственно восточнее Поторочки-но»^{24}.

Генерал-полковник Конев в телеграмме на имя генерал-лейтенанта Ватутина потребовал:

«Ротмистрова за невыполнение боевого приказа и самовольный уход с поля боя с^[24] бригадой арестовать и предать суду военного трибунала»^{25}.

Генерал-лейтенант Ватутин, оценив обстановку и положение остальных соединений оперативной группы, потребовал от Ротмистрова:

«Немедленно, не теряя ни одного часа времени, вернуться в Лихославль, откуда совместно с частями 185 сд стремительно ударить на Медное, уничтожить прорвавшиеся группы противника, захватить Медное. Пора кончать с трусостью!»^{26}

Этот суровый урок пошел на пользу П. А. Ротмистрову. В последующих боях 8-я танковая бригада действовала весьма успешно, получила звание гвардейской, а П. А. Ротмистров был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. После войны ему было присвоено воинское звание Главного маршала бронетанковых войск. Он стал почетным гражданином города Калинина.

Войска оперативной группы к исходу 17 октября занимали следующее положение (схема 4): 183-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор К. В. Комиссаров) вышла в район Погорелова (16 км северо-западнее Марьино). По указанию генерала Ватутина от дивизии в район Марьино был выслан передовой отряд, который завязал здесь бои с противником; 185-я стрелковая дивизия (командир подполковник К. А. Виндушев) сосредоточилась в Иванцево (15 км севернее Медного); 46-я (командир полковник С. В. Соколов) и 54-я (командир полковник И. С. Есаулов) кавалерийские дивизии подходили к Торжку; 46-й мотоциклетный полк вел боевые действия севернее Калинина.

Кроме того, в состав оперативной группы были включены: 133-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор В. И. Швецов), которая вела бои северо-западнее Калинина, 119-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор А. И. Березин), находившаяся в районе Нестерова (50 км юго-западнее Калинина), отдельная мотострелковая бригада

(командир комбриг А. Н. Рыжков), располагавшаяся в Васильцеве (28 км юго-западнее Марьино).

Всего в оперативной группе было более 20 тыс. человек, 200 орудий и минометов и 20 исправных танков. Они охватили с трех сторон растянувшуюся вдоль Ленинградского [25] шоссе прорвавшуюся группировку противника. Генерал Ватутин принял решение окружить и уничтожить 1-ю танковую дивизию и 900-ю мотобригаду противника. Соединениям он поставил следующие задачи: 133-й стрелковой дивизии с 46-м мотоциклетным полком и 934-м стрелковым полком — освободить северо-западную часть Калинина; 119-й стрелковой дивизии — наступая вдоль левого берега Волги, овладеть рубежом Черкасове, Городня; 183-й стрелковой дивизии — ударом вдоль шоссе в восточном направлении захватить Марьино; 185-й стрелковой дивизии во взаимодействии с 8-й танковой бригадой — наступать в южном направлении и овладеть селом Медное; отдельной мотострелковой бригаде — атаковать противника в Марьине с юга.

Для поддержки действий оперативной группы из военно-воздушных сил Северо-Западного фронта было выделено 20 самолетов [27]. 18 октября войска оперативной группы приступили к выполнению поставленных задач. Наступление наших войск с разных направлений явилось внезапным для противника (схема 4).

133-я стрелковая дивизия с оперативно подчиненными ей 46-м мотоциклетным и 934-м стрелковым полками, овладев населенными пунктами Ново-Кал икино и Никол о-Малица, а также пересечением шоссе и железной дорог северо-западнее Калинина, вышла в тыл прорвавшейся на Торжок группировке противника и отрезала ее от города. За ночь она успела прочно закрепить за собой занятый район. С утра 19-го и весь день 20 октября дивизия отражала атаки 129-й пехотной дивизии врага, выдвинутой из Калинина.

183-я стрелковая дивизия и отдельная мотострелковая бригада, тесно взаимодействуя между собой, смелыми атаками с севера и юга разгромили противника в Марьине и перешли к его преследованию, 185-я стрелковая дивизия совместно с 8-й танковой бригадой в течение двух дней разгромили гитлеровцев в населенных пунктах Ямок, Слобода и Медное.

Решительно наступала вдоль левого берега Волги 119-я стрелковая дивизия. Она форсировала р. Тьму и вышла в тыл отступающему противнику. На поле боя у Тьмы враг оставил свыше 600 трупов, 14 подбитых танков, 200 мотоциклов, 12 грузовых машин, 8 ручных пулеметов и много боеприпасов [28]. [26] Остатки разгромленных войск противника бежали на правый берег Волги. Угроза выхода немцев в тыл Северо-Западного фронта была ликвидирована.

Это был наш первый серьезный удар по врагу на Калининской земле. Более того, именно здесь было положено начало освобождения захваченной противником территории. Решающая роль в этих боях принадлежит войскам оперативной группы Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина. Противник не смог развить наступление на Торжок, Лихославль и Бежецк, была ликвидирована угроза окружения 22-й и 29-й армий, изоляции войск Северо-Западного фронта, обеспечена бесперебойная работа железнодорожной линии Рыбинск — Бологое. В ходе боев были разгромлены 1-я танковая дивизия и 900-я моторизованная

бригада противника. Немецко-фашистское командование вынуждено было перебросить в район Калинина 6-ю, 26-ю, 161-ю пехотные и 14-ю моторизованную дивизии, сняв их с других направлений.

Определенное влияние на общую обстановку в районе Калинина оказал рейд 21-й танковой бригады по тылам противника (схема 5). Закончив 12 октября формирование в районе г. Владимира, бригада 14 октября прибыла по железной дороге на станции Завидово и Решетниково, где в ночь на 15 октября получила приказ командующего 16-й армией генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. В приказе указывалось:

«...немедленно перейти в наступление в направлении Пушкино, Иванцево, Калинин, с целью — ударом во фланг и тыл противнику содействовать нашим войскам в уничтожении калининской группы войск противника»{29}.

Чтобы выполнить этот приказ, необходимо было скрытно совершить марш, преодолеть две водные преграды (реки Ламу и Шошу), сосредоточиться в районе Тургинова, а затем по занятым противником дорогам пробиться к Калинину.

В Тургинове бригада приказом командующего войсками Западного фронта была вновь переподчинена 30-й армии, командующий которой уточнил ее задачу. Она заключалась в том, чтобы, двигаясь по Волоколамскому шоссе, уничтожить резервы противника в районе деревень Кривцово,[27] Никулино, Мамулино и совместно с частями 5-й стрелковой дивизии овладеть Калинином{30}.

С утра 17 октября танковый полк бригады в составе 27 танков Т-34 и восьми танков Т-60 взял курс на Калинин. Танкисты встретили упорное сопротивление противника в Ефремове и Пушкине. По всему маршруту от Пушкина до Калинина танки подвергались непрерывной бомбардировке с воздуха, а при подходе к Троянову и Калинину их встретил мощный огонь противотанковых орудий. Достичь южной окраины Калинина удалось только восьми танкам, и лишь один танк Т-34 (командир старший сержант С. Х. Горобец) прорвался в город и совершил по нему героический рейд. Остальные уцелевшие танки вышли в район Покровского на Тургиновское шоссе.

Бригада нанесла определенный урон противнику, посеяла панику. Но поставленная бригаде задача оказалась невыполнимой. В районе Калинина у немцев были две танковые, одна моторизованная дивизии и одна моторизованная бригада. Наш танковый полк был брошен в бой без поддержки пехоты и прикрытия с воздуха. Захваченная танкистами территория не закреплялась пехотой. Кроме того, наступление бригады не было поддержано активными действиями других соединений 30-й армии. В оперативной сводке штаба армии на 17.00 17 октября указывалось, что 5-я стрелковая дивизия в течение дня все еще производила перегруппировку сил{31}. В этом бою бригада потеряла 11 танков Т-34 и 35 человек убитыми и ранеными. Погибли командир полка Герой Советского Союза майор М. А. Лукин и командир танкового батальона Герой Советского Союза капитан М. П. Агибалов{32}.

Придавая исключительно важное значение калининскому операционному направлению, Ставка ВГК 17 октября принимает решение о создании Калининского фронта.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ О СОЗДАНИИ КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА{33}

Командующим Северо-Западным, Западным фронтами

Зам. командующего Западным фронтом т. КОНЕВУ

17 октября 41 г. 18 час. 30 мин.[28]

В целях удобства управления войсками калининского направления Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войска, действующие на осташковском, ржевском направлениях и в районе Калинина, выделить в самостоятельный Калининский фронт с непосредственным подчинением его Ставке Верховного Главнокомандования.
2. В состав войск Калининского фронта включить 22, 29 и 30 А Зап. фр., 183, 185 и 246 сд, 46 и 54 кд, 46 мотоциклетный полк и 8 тбр Сев.-Зап. фронта.
3. Командующим Калининским фронтом назначить генерал-полковника Конева. На усиление штаба фронта обратиться штаб 10 армии. Штаб фронта развернуть в районе Бежецка.
4. Разгранлинии: с Сев.-Зап. фр. — Пошехонье — Воло-дарск, ст. Остолопово, ст. Академическая, оз. Источино, все для Калининского фронта включительно; с Зап. фронтом — ст. Берендеево, ст. Вербилки, ст. Решетникове, ст. Князьи Горы, Сычевка, все для Зап. фр. включительно.
5. Очередная задача фронта — очистить от войск противника район Калинина и ликвидировать во взаимодействии с Западным и Сев.-Зап. фронтами попытки противника обойти Москву с севера.

Ставка Верховного Главнокомандования

Сталин

Василевский

Всего в составе фронта было 16 стрелковых и две кавалерийские дивизии, одна мотострелковая и две танковые бригады. Войска фронта действовали в полосе 220 км. К 17 октября превосходство в силах было на стороне противника: по пехоте — в 1,9, по танкам — в 2,8, по орудиям — в 3,3, по пулеметам — в 3,2 раза{34}.

Создание Калининского фронта было своевременным и отвечало сложившейся обстановке. Это позволяло надежно укрепить центральный участок нашего стратегического фронта, прочно связав его с северо-западным направлением.

Авиации Калининский фронт не получил. Заявки на авиационную поддержку должна была выполнять авиация Северо-Западного фронта. Значительные затруднения возникли в связи с тем, что в первое время фронт не имел и[29] своего тыла. В этой исключительно сложной обстановке огромную помощь войскам фронта оказали местные советские и партийные органы, и прежде всего областной комитет партии, возглавляемый первым секретарем И. П. Бойцовым.

Одновременно с созданием Калининского фронта было решено для объединения управления войсками, действовавшими на направлениях Торжок и Калинин, восстановить полевое управление 31-й армии. Командующим армией был назначен генерал-майор В. А. Юшкевич. В ее состав были включены соединения оперативной группы генерала Ватутина, а также 119-я и 133-я стрелковые дивизии. Однако в последующие дни часть соединений оперативной группы передается в состав 29-й и 30-й армий и выводится в резерв фронта.

В связи с этим следует отметить, что командование Калининского фронта допустило ошибку, предпринимая в ответственный момент оборонительной операции

расформирование оперативной группы генерала Ватутина. Это была реально действующая ударная сила из пяти соединений. Передача этих соединений армиям нарушила налаженное управление. Возможность немедленных действий по освобождению города Калинина была упущена.

Вот как об этом указывал в отчете о боевых действиях оперативной группы генерал Ватутин:

«17.10.41 г. создается Калининский фронт. Войска оперативной группы включаются в состав войск Калининского фронта. 18.10 генерал-полковник Конев отдает боевой приказ № 00122, ставящий войскам задачу окружения и уничтожения Калининской группировки противника.

Главный удар должны были нанести войска оперативной группы Северо-Западного фронта, с форсированием реки Волги и действиями в общих направлениях: Медное — Калинин; Станишино, Даниловское, Калинин. Однако этот приказ прибыл в группу с опозданием и без учета элемента времени на ликвидацию медновской группировки противника и сосредоточения войск. Несмотря на это, обстановка в районе Калинина все же благоприятствовала выполнению этого приказа. Противник еще не подтянул свежие резервы в район предполагаемых переправ оперативной группы Северо-Западного фронта.

В самые ответственные дни войска оперативной группы передаются 31-й армии, которая не могла быстро наладить связь с войсками. В последующие дни следуют новые приказы^[30] от Калининского фронта для армии, по которым вся группировка войск оперативной группы раздается по армиям и часть дивизий выводится во фронтовой резерв...

Таким образом, войск оперативной группы Северо-Западного фронта, как единого организма, не стало. Единственная ударная сила в районе Калинина была рассредоточена по армиям.

Это было ошибкой командования Калининского фронта, так как, пока шла перегруппировка дивизий по армиям, противник, предвидя возможную переправу наших войск у Нестерова и Акишева, выбрасывает сюда свежую 6-ю пехотную дивизию, упреждает нас и срывает намеченные активные действия 46-й, 54-й кавалерийских и 183-й стрелковой дивизий»^[35].

20 октября командующий фронтом отдает войскам директиву, в которой армиям ставится задача на окружение группировки противника в районе Калинина. 22-й армии — прочно оборонять рубеж оз. Селигер — р. Волга до Старицы, не допуская прорыва противника на Торжок с юга и юго-запада. 29-й армии, обороняясь на правом фланге в районе Старицы, Акишева, в ночь с 20 на 21 октября главными силами форсировать Волгу на участке Избрижье, Даниловское. К исходу дня овладеть Некрасовом, Даниловским, отрезать противнику пути отхода на юго-запад, установить взаимодействие с 21-й танковой бригадой (30-й армии) в районе Неготино. 31-й армии наступать с северо-запада и севера на Калинин и во взаимодействии с 30-й армией к исходу 21 октября овладеть северо-западной и южной частью города Калинина. 30-й армии наступать с северо-востока и юго-востока на Калинин и к исходу 21 октября овладеть южной и северо-восточной частью города, не допуская отхода противника на юг и юго-восток^[36].

Ввиду того что часть соединений 29-й армии (командующий генерал-лейтенант И. И. Масленников) вела ожесточенные бои с отступающей из района Марьино — Медное группировкой противника, задача, поставленная в директиве командующего фронтом от 20 октября, в указанный срок не была ею выполнена. Только 22 октября 246-я стрелковая дивизия этой армии форсировала Волгу на участке Хвастово, Чапаевка и захватила плацдарм на правом берегу в районе Путилова. В течение двух дней сюда были переправлены^[31] части 246-й и 119-й стрелковых дивизий. К 25 октября им удалось значительно расширить плацдарм и перерезать основную транспортную

магистраль противника Старица — Калинин в районе Талутина, Даниловского. Создалась реальная угроза окружения калининской группировки противника.

Фашистское командование для ликвидации плацдарма вынуждено было перебросить в этот район две новые дивизии (14-ю моторизованную и 161-ю пехотную). Одновременно немецко-фашистские войска приступили к осуществлению новой операции по захвату Торжка с дальнейшим развитием наступления на Вышний Волочек. Для ее проведения привлекались 23-й и 6-й армейские корпуса 9-й армии, усиленные двумя моторизованными дивизиями 3-й танковой группы.

24 октября противнику удалось переправиться на левый берег Волги на участке Старица — Броды и развернуть наступление на Стружню — Торжок{37}.

Усилиями войск 22-й и 29-й армий наступление противника к концу октября было остановлено. Но вместе с тем 29-й армии пришлось оставить плацдарм в районе Путилова, Талутина, Даниловского и отойти на рубеж р. Тьмы.

В полосе наступления 31-й армии бои приняли упорный и напряженный характер. Части 133-й стрелковой дивизии освободили деревню Киселеве (0,5 км севернее Калинина) и захватили несколько кварталов на северной окраине города.

Соединения 30-й армии первыми вступили в бой за Калинин. За пять дней (с 14 по 19 октября) они потеряли свыше 1600 человек и 25 танков. В 256-й стрелковой дивизии было убито и ранено 400 человек, в 5-й стрелковой дивизии — 525 человек, 21-я танковая бригада потеряла 450 человек, 21 танк Т-34, три танка БТ и один танк Т-60{38}. Но, несмотря на это, армия вела ожесточенные бои на восточной и юго-восточной окраине города. Большие и Малые Перемерки, Элеватор, Кольцове, Власьево несколько раз переходили из рук в руки.

Боевые действия конца октября не принесли нашим войскам победы, но в итоге враг отказался от попыток наступать и вынужден был перейти к обороне. В районе Калинина фронт стабилизировался.[32]

Интересно высказывание бывшего командующего 3-й танковой группой генерала Г. Гота:

«3-я танковая группа из-за недостатка горючего растянулась между Вязьмой и Калинином и застряла на этом участке, ввязавшись под Калинином в тяжелые бои, и уже испытывала недостаток в боеприпасах. Крупные по численности, боеспособные силы противника, сосредоточенные по левому берегу Волги и северо-западнее Ржева, нависали над ее флангом. Таким образом, шансы на обход Москвы одновременно с севера и юга были весьма невелики»{39}.

Особое беспокойство у Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина вызывали не разрушенные при отступлении мосты через Волгу в Калинине. Он потребовал от Конева:

«Уничтожить посредством авиации железнодорожный и шоссейный мосты в городе Калинине»{40}.

Своей авиации у Калининского фронта в это время еще не было, и задача эта была возложена на авиацию дальнего действия.

Вот что по этому поводу пишет бывший командир 12-го гвардейского

бомбардировочного авиаполка дальней авиации Николай Богданов в книге «В небе гвардейский Гатчинский»:

«Самым тяжелым для нас заданием оказалось уничтожение калининских железнодорожного и шоссе́йного мостов. И не только для нас. Они оказались крепким орешком, который не под силу было «расколоть» и экипажам других частей»{41}.

Фашисты надежно прикрыли подступы к мостам, сосредоточили на обоих берегах реки большое количество зенитной артиллерии разных калибров и зенитные пулеметы. Кроме того, для защиты мостов привлекалась и истребительная авиация.

Начиная с 16 октября 1941 года наши летчики регулярно бомбили мосты. Применялись самые разные методы бомбометания. Однако мосты оставались целыми.

Следует отметить, что в начале войны бомбардировка мостов производилась обычно 100-килограммовыми фугасными бомбами. Часть из них пролетала сквозь ажурные фермы железнодорожного моста и разрывалась в воде, не причиняя ему никакого вреда. В одном из налетов на железнодорожный мост экипаж самолета лейтенанта Корякина[33] повторил подвиг капитана Гастелло. В книге «В небе гвардейский Гатчинский» Николай Богданов пишет:

«В день вылета на задание 12 ноября погода стояла пасмурная... Полет обещал быть сложным. У цели зенитная артиллерия и пулеметы врага встретили нас ураганным огнем. Все внимание сосредоточиваю на точном выдерживании заданного штурманом курса. Из-за плотного зенитного огня сделать это было очень трудно. Наконец, из мглы, за яркими всплесками рвущихся зенитных снарядов, крупно, под острым углом, как бы наплывая на нас, показался мост, еще несколько секунд, и с шестисотметровой высоты из люков наших машин на него полетели бомбы.

В это время справа от меня загорелся самолет Корякина. Снаряды, по-видимому, попали в кабину летчика и бензобаки. В какие-то доли секунды весь самолет обьяло пламя. Я успел увидеть только голову летчика, склоненную к приборной доске; стрелка-радиста мне не было видно из-за черного густого дыма, окутавшего фюзеляж.

Самолет перешел в пикирование. Но это не было произвольным падением, видно было, что машиной еще управляет рука летчика. Повинуясь ей, самолет резко развернулся в сторону группы орудий, которые все еще выплескивали своими длинными жерлами языки пламени, и как бы прикрывая нас распластавшимся стальным телом от их губительных снарядов, упал на батарею и в тот же миг взорвался, запыхал огромным костром. Так погибли смертью героев наши молодые товарищи — командир экипажа Корякин, штурман Белов, стрелок-радист Шиленко и стрелок Вишне́вский»{42}.

Было решено разрушить калининский железнодорожный мост при помощи системы наведения по радио самолета, начиненного взрывчаткой. Для этого было привлечено конструкторское бюро, разрабатывающее систему радиоуправления беспилотными самолетами.

На эксперимент выделили два бомбардировщика: ТБ-3, предназначенный быть самолетом-торпедой, и ДБ-3Ф, с которого должны были управлять им по радио. Пока шли пробные полеты, советские войска перешли в контрнаступление под Москвой, освободили Калинин и надобность в разрушении мостов отпала.

Заняв Калинин, немецко-фашистские войска превратили его в крупный опорный пункт. Они сосредоточили [34] здесь большое количество техники, живой силы. Принимались все меры, чтобы удержать город. Отсюда гитлеровцы поддерживали свои полчища, наступавшие на Москву, охраняя их левый фланг. Здесь, на теплых квартирах, они рассчитывали восстановить силы своих измотанных в боях дивизий.

К концу октября фронт стабилизировался и проходил по линии: Селижарово, реки

Большая Коша и Тьма, северная и восточная окраины Калинина, Малые Перемерки, Вишенки, Тургиново, Дорино, Синцово. Общая протяженность линии фронта достигала 270 км (схема 2).

Калининскому фронту в октябре удалось решить задачи: отразить наступление противника на Торжок, Вышний Волочек и не допустить его продвижения в обход Москвы с северо-запада.

В конце октября командующий фронтом отдает директиву о переходе к обороне и о строительстве прифронтового тылового и промежуточных армейских рубежей обороны^{43}.

Наиболее слабой была полоса обороны 30-й армии, прикрывавшей клинско-солнечногорское направление. В боевом составе ее к середине ноября были стрелковая и мотострелковая дивизии, танковая бригада, моторизованный и запасный полки. Этими силами армия оборонялась на фронте около 70 км. Вторые эшелоны и резервы отсутствовали. Оборона носила очаговый характер, промежутки между опорными пунктами достигали четырех километров^{44}.

Еще в конце октября командующий 30-й армией докладывал командующему фронтом о том, что «армия не имеет достаточной численности боевого состава и техники, мало средств минирования... Левый фланг армии особенно слабое место»^{45}. Вместе с тем по сведениям, полученным от местных жителей и из опроса пленных, уже было известно, что фашистское командование сосредоточивает войска и готовит новое наступление на Москву в полосе обороны 30-й армии^{46}.

Надежная оборона и недопущение прорыва войск противника к Москве с северо-запада, по замыслу Ставки ВГК,^[35] являлось одной из главных задач войск Калининского фронта. Однако командующий и его штаб не приняли необходимых мер для усиления боевого состава 30-й армии и укрепления ее обороны. По ней-то немецко-фашистские войска и нанесли главный удар в ноябре 1941 г.

К середине ноября против левого фланга 30-й армии фашистское командование сосредоточило ударную группировку в составе 27-го армейского корпуса 9-й армии и части сил 41-го и 56-го моторизованных корпусов 3-й танковой группы.

Соотношение сил показано в приводимой таблице^{47}:

№№ пп	Подразделения и вооружение	Количество		соотношен ие
		30-я армия	противни к	
1.	Батальоны	19	30	1:1,6
2.	Станковые и ручные пулеметы	191	882	1:4,6
3.	Минометы	36	272	1:7,6
4.	Орудия ПТО	35	148	1:4,2
5.	Артиллерия (орудия)	69	159	1:2,3
6.	Танки	56	300	1:6

В воздухе превосходство также было на стороне немецко-фашистских ВВС.

С утра 15 ноября противник перешел в наступление на всем фронте 30-й армии, нанося

удар в стык 5-й стрелковой дивизии и 21-й танковой бригады. В боевом донесении командующего 30-й армией на 15.00 15 ноября указывалось:

«5 сд задержала наступление противника и к 15.00 занимает свой рубеж. 21 тбр, 2-й моторизованный и 20-й запасный полки под натиском превосходящих сил противника отошли на рубеж: Марьино, Щербинине, (иск) Чуприяново, Федосово, Труново»{48}.

К исходу дня передовые части противника вышли непосредственно к Волге. Создалась реальная угроза окружения 5-й стрелковой дивизии и вероятность переправы противника на левый берег Волги.

Командующий войсками Калининского фронта приказал командующему 30-й армией отвести 5-ю стрелковую дивизию на левый берег Волги и принял обоснованное, но^[36] запоздалое решение усилить 30-ю армию 185-й стрелковой, 46-й кавалерийской дивизиями, 8-й танковой бригадой и мотоциклетным полком.

К исходу 16 ноября 5-я стрелковая дивизия отошла на левый берег Волги на рубеж: Поддубье, Оршино, Лисицы, Судимирка и отразила все попытки противника форсировать реку на этом участке. 21-я танковая бригада, 2-й моторизованный и 20-й запасный стрелковый полки продолжали вести тяжелые бои на рубеже Городня, Красная Горка, не допуская прорыва противника к мостам через Волжское (Иваньковское) водохранилище.

Южнее водохранилища, у переправы через р. Ламу, сдерживала наступающего противника 107-я мотострелковая дивизия (командир полковник П. Г. Чанчибадзе) с приданными частями. Во второй половине 16 ноября противнику удалось с большими потерями (до 60 танков и бронемашин и 30–35 орудий) форсировать Ламу и овладеть деревнями Дорино и Гришкино. Самоотверженные действия 107-й мотострелковой дивизии и приданных ей частей не позволили противнику сразу развить наступление в высоком темпе и захватить с ходу шоссейный и железнодорожный мосты через водохранилище (эти мосты по решению Военного совета 30-й армии были взорваны). Однако количественное превосходство противника сказывалось все более и более, обстановка на левом крыле Калининского фронта продолжала резко ухудшаться.

К исходу 17 ноября войска 30-й армии действовали уже в трех расчлененных группировках: за Волгой — у Поддубья, Судимирок, Свердловца; на южном берегу Волжского водохранилища — в районе Ново-Завидовского и Завидова; восточнее р. Ламы — на участке Дмитрове, Гришкино. Разрыв между войсками, действовавшими в районах Ново-Завидовского и Дмитрова, расширился до 20 км.

Оценив сложившуюся обстановку и перспективы ее развития, Ставка ВГК 17 ноября передала 30-ю армию в состав Западного фронта, а 18 ноября командующим армией вместо генерала В. А. Хоменко был назначен генерал-майор Д. Д. Лелюшенко.

В результате ошибок, допущенных в управлении войсками со стороны командования Калининским фронтом, и неудачных действий войск 30-й армии войска фронта на этот раз задачу по прикрытию московского направления с северо-запада выполнить не смогли. Центр тяжести борьбы полностью переместился в полосу Западного фронта.^[37]

Из «Военного дневника» Ф. Гальдера:

16 ноября 1941 г.

...Наши войска, наступающие юго-восточнее Калинина, продолжают продвигаться. Противник отходит за Волгу.

19 ноября 1941 г.

Группа армий «Центр». Наступление приостановлено из-за трудностей в снабжении войск и неблагоприятной погоды. 9-я армия с 3-й танковой группой: вначале им удалось застигнуть противника врасплох, сейчас он приходит в себя.

...Наши войска испытывают трудности со снабжением из-за неблагоприятных условий на дорогах и на жел. дороге. Не хватает горючего.

...С целью наращивания силы удара и темпов наступления на Москву командующий группой армий «Центр» снял из-под Калинина свой резерв — 41-й механизированный корпус и 21 ноября ввел 23-ю пехотную дивизию в сражение на клинском направлении.

23 ноября противник овладел г. Клин, а 28 ноября прорвался к каналу Москва — Волга и форсировал его у Яхромы.

В этой обстановке командующий войсками Калининского фронта генерал-полковник И. С. Конев 27–29 ноября предпринял ряд разрозненных ударов малыми силами на отдельных направлениях, которые не оказали сколько-нибудь существенной помощи Западному фронту.

Лишь к началу декабря усилиями войск 30-й, 1-й ударной и 16-й армий удалось задержать продвижение вражеских войск на правом фланге Западного фронта.

Из «Военного дневника» Ф. Гальдера:

22 ноября 1941 г.

Обстановка на фронте... Фельдмаршал фон Бок лично руководит ходом сражения под Москвой... Его необычная энергия гонит войска вперед. Снять еще какие-либо соединения с южного фланга и центрального участка 4-й армии для использования их в наступлении не представляется возможным.

Войска совершенно измотаны и неспособны к наступлению... зато на северном фланге 4-й армии и в полосе наступления 3-й танковой группы еще имеются шансы на успех, которые следует всеми средствами использовать.

Фон Бок сравнивает сложившуюся обстановку с обстановкой в сражении на Марне, указывая, что создалось такое положение, когда последний брошенный в бой батальон^[38] может решить исход сражения. Противник между тем «подтянул на фронт свежие силы. Фон Бок бросает в бой все, что возможно найти, в т. ч. 255-ю пехотную дивизию из тылового района.

23 ноября 1941 г.

...наши войска достигли новых успехов на северном фланге группы армий «Центр»... Клин занят нашими войсками.

25 ноября 1941 г.

...На северном фланге 4-й армии и на фронте 4-й танковой группы наши войска успешно продвигаются. Противник бросает на этот участок все, что имеет в распоряжении (в том числе из района Калинина).

27 ноября 1941 г.

...Противник стягивает силы против наступающего крыла группы армий «Центр», в районе сев.-зап. Москвы. Хотя это и не крупные соединения, а мелкие группы, но они непрерывно прибывают на фронт и создают все новые препятствия на пути наших уставших войск.

28 ноября 1941 г.

...Противник начал оказывать упорное сопротивление на фронте 9-й армии, в особенности в районе Калинина и западнее. Видимо, это имеет целью облегчить положение в районе Москвы.

29 ноября 1941 г.

...В донесениях говорится о подготовке противника к наступлению. Противник перебрасывает силы (по-видимому, снятые с участка фронта перед 9-й армией и выведенные из района Ярославля) против 7-й танковой дивизии, наступающей через канал Москва — Волга в районе Яхромы. Противник предпринял сильные атаки на фронте 9-й армии у Калинина и западнее. На остальных участках фронта — затишье.

30 ноября 1941 г. (воскресенье)

...Общие потери войск на Восточном фронте составляют (без больных) 743.112 чел., т. е. 23,12% средней общей численности войск Восточного фронта (3,2 млн человек).

2 декабря 1941 г.

Группа армий «Центр». Наступающий фланг группы армий вследствие тяжелых боев медленно продвигается вперед. Общий вывод: сопротивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких новых сил.[39] 3 декабря 1941 г. Группа армии «Центр». На фронте 4-й армии наступающие части медленно и с большим трудом продвигаются вперед. В это время противник на некоторых участках фронта частными контратаками добивается успехов, окружая отдельные немецкие части.

...Перед фронтом 3-й танковой группы — минные поля и болота. И все же мы не оставляем надежды на то, что части сумеют продвинуться еще немного. Однако уже близится час, когда силы войск иссякнут.

К началу декабря войска Калининского фронта (22-я, 29-я, 31-я армии) оборонялись на рубеже: оз. Селигер, р. Большая Коша, р. Тьма, северная и восточная окраины г. Калинина, левый берег Волги до Волжского водохранилища (схема 2). Ширина полосы обороны превышала 250 км. Всего в составе фронта было 15 стрелковых, одна кавалерийская дивизии, одна мотострелковая бригада и два танковых батальона.

Военно-воздушные силы фронта состояли из одного полка пикирующих бомбардировщиков (13 самолетов), полка штурмовиков (18 самолетов), трех полков истребителей (52 самолета) общей численностью 83 самолета{49}.

31-я армия (119, 252, 243, 256 и 5-я стрелковые дивизии) занимала оборону на левом фланге фронта — от населенного пункта Тухинь по левому берегу рек Тьмы и Волги, северной и восточной окраинам Калинина и далее по левому берегу Волги до Ивановского водохранилища.

Непосредственно у Калинина оборонялись части 252, 243 и 256-й стрелковых дивизий. Передний край обороны проходил: по левому берегу Волги — от устья Тьмы до Черкасова, вдоль опушки рощи западнее станции Дорошиха и Горбатого моста, по железнодорожным веткам, ведущим на Васильевский мох и на химбазу, по улице Красина, Обозному переулку, Исаевскому ручью, улице Старобежецкой, через

Бежецкое шоссе к перекрестку улиц Стрелковой и Добролюбова, по улице Маяковского — до Волги восточнее Барминовки (у Восточного моста через Волгу). (Схема 6).

...Калининская оборонительная операция велась в сложной обстановке боев и сражений с превосходящими силами противника. В ходе операции широко применялись активные формы оборонительных действий, был создан Калининский^[40] фронт, войска которого в октябре — ноябре сумели сковать до 13 дивизий группы фашистских армий «Центр» и не позволили использовать их против Западного фронта.

Были сорваны попытки немцев осуществить прорыв на Торжок — Вышний Волочек с целью окружения войск Западного и Северо-Западного фронтов.

Однако в управлении войсками со стороны командования и штаба Калининского фронта допускались ошибки в оценке возможностей противника и своих войск. Это привело к невыполнению войсками фронта замысла главного командования. Фронту не удалось ни окружить группировку противника в Калининне в октябре, ни прикрыть московское направление в середине ноября 1941 г.

В своих решениях командующий фронтом не всегда учитывал конкретную обстановку в полосе действий каждой армии. Поэтому его приказы зачастую не соответствовали реальному положению и не могли быть выполнены или выполнялись войсками армий, как правило, с опозданием.

В начале боев за Калинин командование фронтом считало, что в город прорвались незначительные силы немецко-фашистских войск и что их можно уничтожить наличными силами, если действовать энергично. Только этим можно объяснить требование приказа командующего фронтом от 24 октября, в котором указывалось:

«Решительно покончить с топтанием на месте. Калинин должен быть взят в течение суток. Всякое промедление и нерешительность пагубно отражаются на ходе операции»^{50}.

Атаки наших войск проводились, как правило, без тщательной подготовки, недостаточными силами и не приносили положительных результатов. При этом войска фронта несли значительные потери. Все это подрывало веру у личного состава в наши силы и в организаторские способности командиров и штабов.

В ходе оборонительной операции советские войска уничтожили до 35 тысяч вражеских солдат и офицеров, подбили и захватили 150 танков, 150 орудий, сбили в воздушных боях 50 самолетов противника^{51}.

Войска Калининского фронта за октябрь и ноябрь потеряли^[41] в боях убитыми и ранеными свыше 50 тыс. человек^{52}. К итогам этих тяжелейших месяцев следует отнести приобретенный опыт управления войсками в сложной обстановке. Войска научились отражать удары превосходящих сил противника, обрели упорство, стойкость, стали грамотнее использовать местность, строить систему огня, различные заграждения и минные поля. Все это пригодилось в последующих операциях Великой Отечественной войны и в определенной степени сохранило свое значение до наших дней.

3. КАЛИНИНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ (05.12.1941 г. — 07.01.1942 г.)

Контрнаступление советских войск под Москвой было первой крупнейшей наступательной операцией в Великой Отечественной войне.

К началу декабря 1941 г. рвавшиеся к Москве группировки немецко-фашистских войск в ожесточенных боях с войсками Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов понесли большие потери, оказались растянутыми на широком фронте и утратили свою ударную силу.

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ГРУППЫ АРМИЙ «ЦЕНТР»
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ СУХОПУТНЫМИ ВОЙСКАМИ О ПОЛОЖЕНИИ ПОД МОСКВОЙ,
ПЕРЕДАННОЕ ПО ТЕЛЕГРАФУ {53}

Только для командования!

Совершенно секретно

Передавать только через офицера

штаб-квартира
1 декабря 1941 г., 13.00
Господину главнокомандующему сухопутными войсками

Несмотря на неоднократные запросы и донесения группы армий в ОКХ об угрожающем состоянии войск, было принято решение продолжать наступление, невзирая на опасность полной потери боеспособности войск. Продолжающееся в настоящее время наступление ведется с использованием всех тактических возможностей, но в основном [42] фронтально. Для более крупного охватывающего маневра, как уже докладывалось, не хватает сил, а теперь уже отсутствует и всякая возможность крупномасштабной переброски войск. В ходе кровопролитных боев мы, возможно, и продвинемся на небольшую глубину, а также разгромим часть сил противника, но в оперативном отношении наступление едва ли даст ощутимые результаты. Как показали бои последних 14 дней, предположение, что противостоящий группе армий противник «близок к поражению», оказалось иллюзией. Остановиться перед воротами Москвы — крупнейшего транспортного узла Восточной России — означает вести тяжелые оборонительные бои с противником, обладающим большим численным превосходством. Для этого у группы армий недостаточно сил даже на ограниченный срок. И если бы даже невозможное стало возможным и удалось бы выиграть дополнительное пространство, то для окружения Москвы и ее блокады с юго-востока, востока и северо-востока сил и вовсе бы не хватило. Следовательно, наступление теряет всякий смысл, тем более что недалеко то время, когда силы войск иссякнут. Сейчас нужно решить, что делать дальше. Группа армий растянута по фронту приблизительно на 1000 км и имеет в тылу в качестве резерва лишь одну слабую дивизию. При такой расстановке сил, когда у нас большие потери в командном составе и низка боеспособность войск, мы не в состоянии вести более или менее планомерные наступательные действия. Из-за перебоев в работе железной дороги мы также не имеем возможности подготовить войска широко по фронту к оборонительным боям и обеспечить их снабжение в ходе таких боев.

Намерения высшего руководства мне неизвестны. Если даже группе армий придется перейти к обороне на достигнутых рубежах на зимний период, то при нынешнем соотношении сил это возможно только при условии выделения крупных резервов, чтобы быть в состоянии блокировать возможные вклинения противника и поочередно выводить на отдых и пополнение обескровленные в боях дивизии первого эшелона. Для этого дополнительно потребуется не менее 12 дивизий. Я не знаю, имеется ли у нас столько дивизий и могут ли они быть переброшены в район боевых действий в обозримом будущем. Следующим обязательным условием являются порядок и надежная работа железнодорожного транспорта и таким образом возможность регулярного снабжения войск и создания необходимых запасов.[43] Если оба эти требования невыполнимы, то необходимо срочно выбрать выгодный и менее растянутый рубеж в тылу для войск Восточного фронта и соответствующими силами оборудовать его в инженерном отношении, подготовить места для расквартирования войск и тыловые коммуникации, чтобы при получении соответствующего приказа его можно было занять в течение короткого времени.

Подпись: фон Бок (командующий войсками группы армий «Центр»).

Используя сложившуюся обстановку, Ставка ВГК приказала оборонявшимся на западном стратегическом направлении войскам перейти в контрнаступление.

Необходимо было разбить основную стратегическую группировку вражеских войск, действовавших на московском направлении, добиться решительного изменения общей обстановки на советско-германском фронте и повернуть ход войны в свою пользу. Перед Вооруженными Силами стояли и другие военно-политические задачи, в том числе ликвидация вражеской блокады Ленинграда, устранение угрозы прорыва противника на Кавказ, освобождение жизненно важных районов Донбасса. Однако основное внимание партии и народа было приковано к событиям в районе Москвы{54}.

Замысел контрнаступления Советской Армии на западном стратегическом направлении сводился к тому, чтобы ударами армий Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Калининского и правым крылом Юго-Западного фронтов разгромить ударные группировки противника, действовавшие севернее и южнее Москвы¹.

Необходимость привлечения войск Калининского фронта к контрнаступлению была убедительно выражена заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом А. М. Василевским в переговорах с командующим фронтом генерал-полковником И. С. Коневым 1 декабря 1941 г.

«Сорвать наступление немцев на Москву, — говорил Василевский, — и тем самым не только спасти Москву, но и положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями с решительной целью. Если мы этого не сделаем в ближайшие дни, то будет поздно. Калининский фронт занимает исключительно выгодное [44] оперативное положение... Вы обязаны собрать буквально все, для того, чтобы ударить по врагу...»{55}.

Занимая выгодное фланговое положение по отношению к противнику, войска фронта постоянно угрожали тылам его основной группировки, наступавшей на Москву.

Фашистское командование вынуждено было держать здесь значительные силы — 9-ю полевую армию в составе 12 пехотных, одной охранной дивизии и одной кавалерийской бригады «СС». Соотношение сил в полосе фронта на 1 декабря 1941 г. приведено в следующей таблице{56}:

№№ пп	Силы и средства	Количество		
		Войска Калининского фронта	9-я армия противника	соотношение
1.	Личный состав дивизий и бригад	ок.200000	ок.153000	1,5:1
2.	Орудия и минометы	980	2198	1:2,2
3.	Танки	17	60	1:3,5

Пытаясь предотвратить переброску войск противника на московское направление, войска фронта в конце ноября наносили по врагу разрозненные удары. Существенных результатов они не дали.

1 декабря Ставка ВГК издает директиву на наступательную операцию войск Калининского фронта.

ДИРЕКТИВА СТАВКИ НА КАЛИНИНСКУЮ НАСТУПАТЕЛЬНУЮ ОПЕРАЦИЮ{57}

Командующему Калининским фронтом

Командующему Западным фронтом

Частные атаки на разных направлениях, предпринятые войсками Калининского фронта 27–29.11, неэффективны.

Ставка ВГК приказала:

1. Калининскому фронту, сосредоточив в течение ближайших двух-трех дней ударную группировку в составе не менее пяти-шести дивизий, нанести удар с фронта (иск) Калинин, (иск) Судимирка в направлении Микулино Городище и Тургиново. [45]

Задача: выходом на тылы клинковой группировки противника содействовать уничтожению последней войсками Западного фронта.

2. Ставка рекомендует включить в состав ударной группировки наиболее боеспособные дивизии (119, 246, 250, 256 сд, отд, мотобр., 54 кд), большую часть артиллерии РГК и все «РС» и танки.

3. Разгранлиния между Западным и Калининским фронтами с 24.00 1.12.41 устанавливается: Тургиново, Судимир-ка, Калязин, все пункты для Западного фронта.

5 сд с частями усиления включается в состав Калининского фронта; кроме того, из состава Сев.-Зап. фр. передается 262 сд.

4. Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Василевский

1 декабря 1941 г. 3 ч. 30 мин.

Утром 1 декабря генерал-лейтенант А. М. Василевский, уточняя, как понял директиву Ставки ВГК командующий фронтом, установил, что генерал-полковник И. С. Конев проявил ограниченность в оценке сложившейся оперативно-стратегической обстановки и вместо операции с решительной целью, предусматривающей разгром правого крыла группы армий «Центр» во взаимодействии с Западным фронтом, предлагает провести операцию местного значения по овладению городом Калинином.

А. М. Василевский последовательно, твердо и вразумительно, используя данные Калининского фронта, доказал его командующему, что замысел Ставки ВГК относительно Калининского фронта реален и будет, в случае его осуществления, способствовать общему успеху. И. С. Конев, прося усилить его фронт, заверил, что будет действовать так, как требует Ставка, нанося главный удар на Тургиново с тем, чтобы «обязательно прорвать оборону и выйти в тыл противнику»[58].

По указанию Ставки ВГК была проведена перегруппировка войск. Передав значительную часть полосы обороны (в том числе и Калинин) 29-й армии, 31-я армия сосредоточила[46] свои соединения в 30-километровой полосе — от Калинина до Судимирок (схема 7).

2 декабря командующий фронтом отдал войскам боевой приказ, в котором в соответствии с

директивой Ставки ВГК принял решение:

«Войска Калининского фронта, продолжая активно обороняться на селижаровском и торжокском направлениях, 4.12.41 г. левым крылом наступают в направлении Стар. Погост — Микулино Городище, выходят на тылы клинской группировки противника и во взаимодействии с войсками правого крыла Западного фронта уничтожают ее»{59}.

31-й армии отводилась основная роль в операции. Она получила задачу наступать на фронте Калинин — Лисицы, нанося главный удар в направлении Старого Погоста, уничтожить противника и к исходу 4 декабря выйти на рубеж: Неготино, Старый Погост, Козлове. В дальнейшем, продолжая наступление в направлении Микулино Городище, к исходу 1 декабря выйти на рубеж р. Шоши, на тылы клинской группировки противника. Ей также предписывалось в ночь с 3 на 4 декабря передовыми частями овладеть Большими Перемерками, Гороховом, Старо-Семеновским и тем самым обеспечить переправу главных сил армии через Волгу.

29-й армии было приказано: обороняться на торжокском направлении, главными силами в составе трех дивизий, во взаимодействии с 31-й армией, нанести удар на Даниловское, овладеть Калинином и в дальнейшем наступать на Тураево.

Авиация фронта должна была прикрыть сосредоточение ударных группировок в исходных районах, а с переходом войск в наступление — содействовать им в уничтожении противника на направлениях главных ударов и не допустить подхода его резервов.

Таким образом, фронт наносил два удара: один — в обход г. Калинина с запада войсками 29-й армии и другой — с востока и юго-востока соединениями 31-й армии.

Операцию планировалось осуществить в два этапа. На первом войска 29-й и 31-й армий, прорвав в первый день наступления оборону противника, должны были овладеть Калинином и, продвинувшись на 14–15 км юго-западнее города, выйти на рубеж: Даниловское, Неготино, Старый Погост, Козлове. На втором этапе предусматривалось развить^[47] успех в южном направлении и ударной группировкой фронта выйти на рубеж р. Шоши. Продолжительность этапа — трое суток, глубина продвижения — свыше 40 км, темп — 12–15 км в сутки.

Командующий 31-й армией генерал-майор В. А. Юшкевич решил главный удар нанести на 6-километровом участке силами 119-й (командир генерал-майор А. Д. Березин) и 250-й (командир полковник П. А. Степаненко) стрелковых дивизий в направлении на Старый Погост, Пушкино. Для развития успеха в резерве армии иметь 262-ю стрелковую дивизию (командир полковник М. С. Терещенко). Чтобы отвлечь внимание противника, наносились два вспомогательных удара: 256-я стрелковая дивизия своим правым флангом — на Большие Перемерки, а 5-я стрелковая дивизия — на Смолино Городище {60}. Таким образом, армия, имея сравнительно ограниченные силы, наносила не один удар, а три, рассредоточенные по фронту.

В течение короткого срока была проведена значительная перегруппировка войск. Все передвижения частей и соединений производились ночью, соблюдалась тщательная маскировка. Фашисты, по-видимому, были настолько уверены в своих силах, что просмотрели подготовку к наступлению, и, как потом подтвердили пленные, наступление наших войск оказалось для них неожиданным.

В результате перегруппировки в полосах наступления 29-й и 31-й армий наши войска

превосходили противника по численности пехоты в 1,5 раза, уступая ему в артиллерии и танках{61}. Плотность артиллерии на главном направлении удара 31-й армии была незначительной и составляла 45 стволов на 1 км фронта.

Этими силами предстояло штурмовать достаточно прочную оборону противника. Вдоль Волги тянулась цепь окопов и дзотов. Местами берег был круто срезан и полит водой. Взобраться под огнем по ледяному склону было почти невозможно. Деревни на переднем крае и в глубине обороны противник превратил в опорные пункты, а каменные и наиболее прочные деревянные постройки — в доты и дзоты с круговым обстрелом. Промежутки между опорными пунктами прикрывались минными полями и двумя-тремя рядами проволочных заграждений. В самом Калинин[48] была создана сплошная линия окопов, дзотов и блиндажей.

В связи с тем, что 262-я стрелковая дивизия задержалась в пути, а тылы не успели подтянуться, начало наступления было перенесено с 4 на 5 декабря.

4 декабря для осуществления контроля за подготовкой к наступлению и для оказания помощи в Кушалино, где находился штаб Калининского фронта, прибыл генерал-лейтенант А. М. Василевский, исполнявший в то время обязанности начальника Генерального штаба.

5 декабря войска Калининского фронта начали наступление. Вслед за ними утром следующего дня перешли в наступление ударные группировки Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. Ожесточенные сражения развернулись на фронте свыше 1000 км (от Калинина до г. Ельца).

На калининском операционном направлении события развернулись следующим образом (схема 8).

В 3 часа ночи 5 декабря передовые батальоны дивизий первого эшелона 31-й армии устремились по льду на правый берег Волги, чтобы захватить плацдармы в населенных пунктах Перемырки, Горохове, Старо-Семеновское и тем самым обеспечить преодоление водного рубежа главными силами армии.

К 10 часам плацдармы у Горохова и Старо-Семеновского были захвачены передовыми батальонами 119-й и 5-й стрелковых дивизий.

В 13 часов после 45-минутной артиллерийской подготовки и ударов авиации в наступление перешли главные силы армии. С самого начала бой принял ожесточенный характер. Стрелковые роты, наступавшие без поддержки танков, броском преодолели Волгу, но на противоположном берегу попали под сильный огонь. Несмотря на это, они смело бросились на штурм населенных пунктов Горохове, Губино, Эммаус, Старая Ведерня, Алексино. В ход шли гранаты, штыки, приклады. В ожесточенных боях к исходу 5 декабря войска 31-й армии, преодолевая сопротивление противника, прорвали его первую линию обороны, оседлали шоссе Москва — Калинин и, продвинувшись вперед на 4–5 км, передовыми подразделениями вплотную подошли к Октябрьской железной дороге. Всего за первый день наступления было освобождено 15 населенных пунктов. Однако поставленную командующим фронтом задачу войска армии не выполнили.[49]

Соединения 29-й армии перешли в наступление в 11 часов 5 декабря в общем направлении на Даниловское. Части 246-й (командир генерал-майор И. И. Мельников) и 252-й (командир полковник А. А. Забалуев) стрелковых дивизий, переправившись к

14 часам по льду через Волгу, вышли на дорогу Красново — Мигалово. 243-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор В. С. Поленов), наступавшая на северную окраину города, встретила упорное сопротивление противника. Дальнейшего развития наступление не получило.

Противник, боясь за свои тылы, оказывал войскам армии упорное сопротивление, переходя в контратаки. Части 246-й и 252-й дивизий вынуждены были отойти на левый берег Волги и к исходу пятого дня боев практически оставались на тех же рубежах, с которых начали наступление. 243-я стрелковая дивизия получила задачу не ввязываться в затяжные уличные бои в Калинин, а ограничиться разведкой и артиллерийско-минометным огнем по оборонительным позициям противника.

Соединения 31-й армии в течение 6 и 7 декабря вели ожесточенные бои на достигнутых рубежах. Уже в ночь с 5 на 6 декабря противник перебрасывает к участку прорыва значительные силы и с утра усиливает контратаки, в результате которых ему удается вновь захватить населенные пункты Мятлево, Ощурково, Эммаус. Части 250-й стрелковой дивизии, добившиеся 5 декабря наибольшего успеха, вынуждены были отойти на левый берег Волги.

Главной причиной этого отступления явилось отсутствие надежной связи в дивизии. Произошло следующее. Утром 6 декабря один из батальонов 922-го стрелкового полка был повернут для отражения контратаки вражеской группировки, угрожавшей флангу соседней 5-й дивизии. Приняв этот маневр за отход от Кузьминского, 916-й и 918-й полки дрогнули и стали пятиться. Возникла паника. Немецкое командование воспользовалось заминкой и бросило в контратаку свои части. Управление в наших отступающих полках было потеряно. Неорганизованный массовый отход привел к большим потерям (около 1500 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести).

Как выяснилось, командование дивизии не знало, что происходит на передовой. Военному совету армии о случившемся доложили с большим опозданием.

За самовольный отход с занимаемых позиций командование полков было предано суду военного трибунала.^[50] Командир и комиссар 918-го полка, комиссар 916-го полка были приговорены к расстрелу. Командир 916-го — к 10 годам лишения свободы с понижением в должности и отправкой на передовые позиции.

Чтобы восстановить положение и развить дальнейший успех на главном направлении, командующий армией во второй половине дня 6 декабря вводит в бой свой резерв — 262-ю стрелковую дивизию.

Весь день 6 декабря велись упорные бои за переправы через Волгу. С помощью авиации противнику удалось разрушить переправу у Орши, но у Поддубья в ночь с 6 на 7 декабря на захваченный плацдарм были переправлены часть артиллерии РВГК и шесть танков Т-34.

7 декабря, после 15-минутной артиллерийской подготовки, наступление возобновилось. В упорных боях войска армии вновь освободили Эммаус — важный опорный пункт на шоссе Москва — Калинин.

8 декабря наши части вышли на линию железной дороги Клин — Калинин и овладели

железнодорожной станцией Чуприяновка. На правом фланге армии части 256-й стрелковой дивизии также перерезали железную дорогу.

Удары войск Калининского и Западного фронтов привели в смятение немецко-фашистское командование.

Из «Военного дневника» Ф. Гальдера:

5 декабря 1941 г.

...Противник прорвал наш фронт в районе восточнее Калинина.

...В группе армий «Центр» возникла некоторая неразбериха. Фон Бок сообщает: силы иссякли. 4-я танковая группа завтра уже не сможет наступать. Завтра он сообщит, есть ли необходимость отвести войска. Мороз 36° ниже нуля.

Главком сообщил о своем решении уйти в отставку.

6 декабря 1941 г.

Группа армий «Центр». По шоссе Дмитров — Москва сильное движение. Продолжается эвакуация из Москвы.

Обстановка на фронте вечером: В результате наступления противника на северный фланг 3-й танковой группы создалась необходимость отвода войск, располагавшихся южнее Волжского водохранилища, их нужно отвести к Клину. 7 декабря 1941 г.

Группа армий «Центр»... Противник совершил прорыв с севера на Клин. В районе восточнее Калинина противник[51] также на ряде участков вклинился в наш фронт, но эти вклинения пока удалось локализовать.

8 декабря 1941 г.

Группа армий «Центр».

...В районе восточнее Калинина в наступление перешло семь дивизий противника. Обстановка здесь по-прежнему напряженная. Я считаю этот участок фронта самым опасным, так как здесь у нас нет никаких войск во второй линии.

...С начала наступления стояла солнечная морозная погода с температурой — 30–33°. С утра 8 декабря начался очень сильный снегопад. Он занес все дороги и тропы. Если орудия сопровождения пехоты продвигались без труда (они заранее были поставлены на салазки), то автотранспорт не мог двинуться с места. А частям надо было подвозить боеприпасы, продовольствие, фураж, горючее. На помощь войскам пришло местное население с лошадьми и санями.

Немецко-фашистское командование, учитывая сложность маневра наступающих войск вне дорог, всю силу обороны сосредоточило в населенных пунктах.

В упорных боях войска 31-й армии 9 декабря на своем правом фланге овладели опорным пунктом Кольцово, а на центральном направлении освободили от противника Кузьминское. Передовые отряды 256-й стрелковой дивизии к исходу дня перерезали шоссе Тургиново — Калинин в 1,5 км восточнее Мозжарина.

За пять суток напряженных наступательных боев войска армии продвинулись вперед на 10–12 км и фактически прорвали всю тактическую зону обороны противника.

Однако обстановка в полосе фронта оставалась напряженной. Все попытки 29-й армии

освободить Калинин окончились неудачей. Несмотря на усиление 31-й армии из резерва фронта одной стрелковой и одной кавалерийской дивизиями, наступление развивалось медленно. Фашистское командование понимало, что быстрое продвижение войск Калининского фронта в юго-западном направлении грозит катастрофой для его 3-й и 4-й танковых групп, отходивших в это время под ударами войск Западного фронта. Поэтому оно перебрасывает под Калинин 129-ю пехотную дивизию, сняв ее с московского направления, а также 110-ю и 251-ю пехотные дивизии, действовавшие против войск правого крыла фронта.[52]

Из «Военного дневника» Ф. Гальдера:

9 декабря 1941 г.

...Крайне сильный натиск противника юго-восточнее Калинина, видимо, позволит ему вновь овладеть городом.

10 декабря 1941 г.

...В районе севернее Клина обстановка становится все напряженнее. Отмечено прибытие новой дивизии противника. В районе юго-восточнее Калинина фронт кое-как восстановлен.

...В связи с медленным продвижением Ставка ВГК потребовала от командования фронтом повернуть часть сил 31-й армии в обход г. Калинина с юго-востока и во взаимодействии с 29-й армией незамедлительно освободить город, а остальными силами 31-й армии стремительно развивать наступление на юго-запад и совместно с войсками Западного фронта разгромить противника.

Взятие Калинина позволяло высвободить связанные в этом районе силы и направить их для удара в тыл отступавшей от Москвы группировки противника. Кроме того, это давало возможность открыть железнодорожное сообщение на участке Москва — Бологое — Малая Вишера, что имело большое стратегическое значение.

Учитывая огромную роль войск Калининского фронта в ходе дальнейшего развития операции под Москвой, Ставка ВГК провела крупные мероприятия по его усилению. И декабря ему были переданы 359-я и 375-я стрелковые дивизии, которые уже 12 декабря стали прибывать на железнодорожную станцию Кулицкая (в 15 км северо-западнее Калинина). Одновременно Ставка ВГК поставила в известность генерал-полковника И. С. Конева о передаче в состав фронта 39-й армии (в составе шести стрелковых и двух кавалерийских дивизий) для ввода ее в сражение на ржевском или старицком направлениях.

Выполняя указания Ставки ВГК, командующий фронтом приказал командующему 31-й армией повернуть часть соединений на северо-запад в направлении Лебедева, Мамулино и во взаимодействии с 29-й армией в короткие сроки завершить окружение калининской группировки противника.

Остальные соединения армии должны были продолжать наступление в направлении Микулино Городище.

Командующему 29-й армии была поставлена задача — создать группировку в составе двух дивизий и нанести удар[53] на Даниловское с целью отсечь пути отхода противника на запад и юго-запад.

Преодолевая упорное сопротивление, части 246-й стрелковой дивизии 29-й армии к исходу 14 декабря в третий раз в ходе наступления отбили у противника населенный пункт Красное. Однако согласованного удара на Даниловское не получилось из-за несвоевременного сосредоточения 252-й стрелковой дивизии на направлении главного удара.

Для завершения окружения противника командующий 31-й армией создал ударную группировку в составе 250-й, 247-й дивизий, двух полков 119-й стрелковой дивизии и 54-й кавалерийской дивизии, двух танковых батальонов, двух полков артиллерии РК, двух дивизионов реактивной артиллерии и трех лыжных батальонов.

В течение 13 декабря группировка отражала сильные контратаки на прежнем рубеже. До шести батальонов автоматчиков противника с четырьмя танками вышли в тыл 247-й стрелковой дивизии, атаковали ее штаб. Командир дивизии был ранен. В результате было потеряно управление частями.

Штаб армии восстановил управление, а прорвавшиеся автоматчики были уничтожены.

13 декабря в состав армии была передана из Западного фронта 46-я кавалерийская дивизия, наступавшая в направлении Редкино. Дивизия обеспечивала левый фланг армии со стороны Тургенева.

14 декабря наступление частей 31-й армии продолжалось. 54-я кавалерийская дивизия с 6-м лыжным батальоном вышли в район Курово и перерезали Волоколамское шоссе. Наиболее успешно развивалось наступление в центре и на левом фланге. 262-я стрелковая дивизия, отразив до шести контратак противника, к исходу дня овладела сильными укрепленными пунктами Бакшеево и Старый Погост. 5-я стрелковая дивизия вышла на рубеж: Труново, Межево. 46-я кавалерийская дивизия была выдвинута в район Трунова для действий по тылам противника. Для наращивания усилий армии была передана 359-я стрелковая дивизия, части которой стали прибывать в район железнодорожной станции Чуприяновка.

Из «Военного дневника» Ф. Гальдера:

13 декабря 1941 г.

...Наши войска успешно отошли на новый рубеж в районе юго-восточнее Калинина. Калинин удерживается нашими частями.[54]

14 декабря 1941 г. (воскресенье)

...У Клина обстановка постепенно стабилизируется. У Калинина ведутся бои с переменным успехом. Пока результаты этих боев для нас в целом благоприятны. Вечером: ...от 3-й танковой группы поступили донесения, говорящие о серьезном положении на ее фронте. Намерения: эвакуировать Калинин, постепенно отходить на отсечный рубеж у Старицы (7-й армейский корпус).

15 декабря 1941 г.

...В Калинине сегодня будет начата подготовка к эвакуации наших войск. Произойдет ли эвакуация войск из Калинина, пока неизвестно. Это будет зависеть от обстановки. Приказ на отход войск на рубеж Старицы еще не отдан.

Из переговоров с Йодлем я выяснил, что фюрер согласен на отвод 9-й армии, 3-й и 4-й танковых групп на рубеж Старицы.

С выходом войск 31-й армии на Волоколамское шоссе участь калининской

группировки противника была решена. У фашистских войск оставалась одна дорога Калинин — Старица, на которую прорывались части 29-й армии. Кроме того, выход войск 30-й армии Западного фронта на рубеж р. Ламы создавал реальную угрозу тылу 9-й немецко-фашистской армии.

Уже вечером 15 декабря запылали подожженные врагом Малые Перемерки, вспыхнули пожары во многих местах в Калининне. В ночь на 16 декабря фашисты взорвали железнодорожный мост и шоссейные мосты через Волгу{62}.

Преодолевая сопротивление арьергардов противника, части 243-й стрелковой дивизии 29-й армии к 3 часам 16 декабря заняли северную часть города, а к 9 часам вышли в район железнодорожной станции{63}.

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕМУ КАЛИНИНСКИМ ФРОНТОМ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ КОНЕВУ{64}

Штаб 243 сд, д. Софьино, 16.12.41 г.

1. Противник в 16.40 15.12.41 г. произвел артиллерийский налет по расположению частей дивизии и одновременно начал поджигать северную часть г. Калинина. После огневого налета противник, оставив прикрытие, начал{55} отходить основными силами по Старицкому шоссе на юго-запад.

2. Части дивизии, продолжая активно оборонять северную, северо-восточную и северо-западную окраины Калинина, вели активную разведку расположения противника и в 23.35 15.12.41 г. вышли в район Огородного и Исаевского переулков. Части дивизии перешли к активным действиям, имея задачей ударом фланговыми полками вдоль р. Волги отрезать и уничтожить противника в Затверецкой части города.

Обозначившийся успех на участках 906 и 912 сп изменил направление удара, так как противник, предвидя окружение, поспешил с оставлением Заволжской части города.

906-й стрелковый полк, наступая в общем направлении на северо-западную окраину Калинина, бульвар Ногина, встречая огневое сопротивление отдельных автоматчиков и пулеметчиков противника, в 0.45 16.12.41 г. достиг Артиллерийского переулка. В 3.15 16.12. 1-й и 2-й стрелковые батальоны вышли на северный берег р. Волги, 3-й стрелковый батальон достиг школы. В 7.15 16.12. 906-й стрелковый полк овладел южной окраиной бульвара Ногина и захватил двух пленных, принадлежащих 8-й роте 336-го пехотного полка 161-й пехотной дивизии. В 10.00 передовые части полка вышли на юго-западную окраину Калинина. На пути движения полк неоднократно производил разминирование улиц и вел борьбу с отдельными группами автоматчиков и пулеметчиков. К 13.00 906-й сп перешел к обороне на рубеже 500 м сев. деревни Мамулино и ведет активную разведку противника в южном направлении.

912-й стрелковый полк в 0.45 16.12.41 г. разведгруппами достиг ул. Шевченко 1-я, встречая сопротивление отдельных автоматчиков и пулеметчиков противника, а также и огонь кочующих минометов. Батальоны продвигались вперед за разведгруппами и в 3.15 16.12. овладели: Набережная и Тверецкий мост. В 7.15 912-й стрелковый полк овладел ул. Степана Разина и Кооперативным переулком.

В 8.40 передовые подразделения 912-го стрелкового полка подходили к ж.-д.

станции Калинин. Противник упорного сопротивления не оказывал. К 11.00 16.12. 912-й стрелковый полк вышел на южную окраину Калинина южнее ж.-д. станции и перешел к обороне на южной окраине.

910-й стрелковый полк 1-м и 2-м стрелковыми батальонами в 0.45 16.12 овладел Третьяковским переулком, 3-й стрелковый батальон занял д. Барминовка. Противник ока-[56] зывал наиболее серьезное сопротивление на участке 910-го стрелкового полка, вследствие чего полк продвигался медленнее других частей. В 3.15 16.12 1-й и 2-й стрелковые батальоны достигли Дурмановского переулка, 3-й стрелковый батальон овладел мясокомбинатом. При продвижении полк встречал минные поля и проводил разминирование улиц. В 7.15 16.12 полк достиг Советской площади, встречая на пути продвижения отдельные группы автоматчиков, и в 8.40 захватил одного пленного, переодетого в гражданское платье, принадлежащего 8-й роте 427-го пехотного полка 129-й пехотной дивизии. В 9.45 полк вышел на южную и юго-восточную окраину г. Калинина и, оседлав ж. д. 1 км юго-восточнее станции, перешел к обороне.

Приказом штарма 29 части дивизии перешли к обороне на достигнутых рубежах, ведя активную разведку перед фронтом. С 11.00 16.12.41 г. части дивизии боевого соприкосновения с противником не имели.

3. Взято пленных 7 человек, принадлежащие: 129 пд 427 пп — 1 чел.; 161 пд 336 пп — 5 чел.; 162 пд 314 пп — 1 чел.

4. Потери частей дивизии убитыми и ранеными — ориентировочно 10 человек. Данные уточняются.

5. Трофеи учтены по состоянию на 15.00 16.12.41 г. и прилагаются отдельной ведомостью. Сбор и учет трофеев продолжается.

За командира 243 сд начальник штаба — полковник Сенчилло

За военкома 243 сд военком штаба батальонный комиссар Бойцов

К 11 часам с юго-востока в Калинин ворвались правофланговые части 256-й стрелковой дивизии, а с юга к городу подошли части 250-й стрелковой дивизии 31-й армии. К 13 часам город был полностью освобожден от немецко-фашистских войск [65].

В итоге двенадцатидневных наступательных боев войска левого крыла Калининского фронта разгромили пять пехотных дивизий противника, составлявших почти половину всех сил 9-й полевой армии.

Из «Военного дневника» Ф. Гальдера:

18 декабря.

Фон Бок захотел попроситься. Из-за болезни он передает командование войсками группы армий фон Клюге. [57]

(На самом деле командующий группы армий «Центр» был снят Гитлером с этой должности за поражение ее войск под Москвой. Всего после поражения немецко-фашистских войск на советско-германском фронте в начале зимы 1941/42 гг. Гитлер снял с высших командных должностей 185 генералов.)

За период с 5 по 16 декабря войсками Калининского фронта было уничтожено 7157 солдат и офицеров противника, 1 танков, 220 автомашин, 11 автобусов, 61 орудие разного калибра, 55 минометов, 63 станковых и 11 ручных пулеметов, четыре склада

боеприпасов.

Наши войска захватили: 94 пленных, 14 танков, 200 автомашин, 3 самолета, 101 орудие, 49 минометов, 176 станковых и 23 ручных пулемета, 7 крупнокалиберных пулеметов, 88 автоматов, 1264 винтовки^{66}.

За 62 дня фашистской оккупации городу был нанесен огромный ущерб. Гитлеровцы взорвали и сожгли 70 фабрик, заводов и мастерских. В груды развалин были превращены предприятия текстильной промышленности, вагоностроительный завод, швейная фабрика, завод резиновой подошвы, элеватор, мукомольный завод, кожевенный завод, хлебозавод. Серьезные повреждения были нанесены электростанциям и железнодорожному узлу.

Были сожжены и разрушены лучшие здания города: областного и городского Советов, обкома и горкома ВКП(б), драматического театра, театра юного зрителя, кинотеатры, 118 магазинов, 25 столовых, 50 школ и 7700 жилых зданий. Оккупанты вывели из строя 47 км водопроводной и 37 км канализационной сети, 43 км трамвайного пути. Нарушили городскую телефонную и радиосвязь^{67}.

Общий материальный ущерб, нанесенный немецко-фашистскими захватчиками городу, составил 6,5 миллиарда рублей.

Одержанная под Калинином победа явилась крупным оперативным успехом Советской Армии, обеспечившим продвижение правого крыла Западного фронта и создавшим более выгодные условия для развития дальнейшего наступления войск Калининского фронта в юго-западном направлении. Войска левого крыла фронта продвинулись вперед от 10 до 22 км. Темп наступления войск был сравнительно^[58] небольшим. Сказывался недостаток танков, артиллерии, боеприпасов, автотранспорта и других средств материально-технического обеспечения. Имели место и недочеты в действиях войск, главным образом вновь сформированных и поэтому не имевших еще боевого опыта. В ходе наступления нарушалось взаимодействие войск, постановка задач по глубине часто превышала возможности войск, применялись лобовые атаки опорных пунктов и укрепленных позиций противника, имелись серьезные недостатки в управлении войсками.

В целом же контрнаступление войск Калининского фронта, несмотря на трудности и недостатки, развивалось успешно. На северо-западных подступах к Москве лучшие ударные войска противника впервые в ходе второй мировой войны потерпели сокрушительное поражение и с огромными потерями были отброшены на запад.

К исходу 16 декабря войска левого крыла Калининского фронта вышли на рубеж: Мотавино, Курково, Маслово, Болдырево.

Дальнейшее развитие контрнаступления происходило в обстановке ожесточенного сопротивления противника, в тяжелых условиях суровой зимы, при общем недостатке у наших войск вооружения и боевой техники. В Советской Армии не было еще крупных танковых и механизированных соединений и объединений, что не давало возможности раздробить оперативное построение противника на большую глубину и быстро завершить окружение и уничтожение его группировок. Наступление носило фронтальный характер. Не везде создавались ударные группировки. Темпы

продвижения войск были невысокими.

После освобождения Калинина фронту была поставлена задача продолжать энергичное преследование противника в направлении Старицы, выйти на пути отхода калининской группировки, окружить и уничтожить ее.

Выполняя поставленную задачу, войска фронта, усиленные 30-й армией из состава Западного фронта и 39-й армией из резерва Ставки ВГК, преодолевая упорное сопротивление противника, 1 января 1942 г. освободили районный центр Калининской области — Старицу, а к 7 января вышли на подступы к Ржеву и Зубцову и заняли выгодное охватывающее положение с севера по отношению к главным силам группы армий «Центр».

Калининская наступательная операция завершилась.

Эта операция была одной из первых фронтовых наступательных^[59] операций советских войск в годы Великой Отечественной войны. Она проводилась в исключительно сложной обстановке.

В ходе операции войска фронта продвинулись на торо-пецко-ржевском направлении на 60–70 км, а на направлении Калинин — Ржев на 100–120 км.

Калининскому операционному направлению в операции «Тайфун» гитлеровское военное командование придавало исключительно важное значение. По замыслу, операция должна была привести к проникновению в наш глубокий тыл на стыке двух фронтов к охвату всей северо-западной группировки наших вооруженных сил, к отсечению северной европейской части страны от центральных районов. Одновременно выход крупных подвижных группировок северо-восточнее Москвы через Калинин имел целью замкнуть внешнее кольцо окружения столицы, отрезать ее от резервов. На это противник выделил 20 процентов сил и средств, предназначенных для всей операции.

Для советского военного командования калининское операционное направление явилось полной неожиданностью. Возникло оно вследствие провала первого этапа октябрьского сражения на дальних подступах к Москве. В результате окружения четырех армий (19, 20, 24 и 32-й) Западного фронта в районе Вязьмы немецко-фашистские войска получили возможность беспрепятственно проникнуть в глубь страны на правом крыле Западного фронта.

Решительные действия командующего войсками Западного фронта генерала Г. К. Жукова, сменившего И. С. Конева, создание специальной группы войск, а затем и Калининского фронта для действия на калининском операционном направлении предотвратили катастрофу, хотя и не обеспечили удержания самого города.

Оперативная группа войск и Калининский фронт решали триединую задачу: предотвращали выход немцев на тылы Северо-Западного фронта, прорыв в сторону Москвы с севера и распространение противника в направлении Ярославля и Рыбинска.

Войска 30-й армии, соединения оперативной группы Северо-Западного фронта во главе с генералом Ватутиным сорвали в октябре 1941 г. замысел противника. Только в середине ноября врагу удалось прорваться на стыке Калининского и Западного фронтов к Волжскому водохранилищу и, таким образом, частично достичь одной из поставленных

целей. Однако, подтянув к этому времени стратегические[60] резервы, наше командование развить этот успех немцам не позволило.

Восьмидневные бои непосредственно за город Калинин (13–21 октября) и почти двухмесячные активные боевые действия на калининском операционном направлении сковали шестнадцать дивизий врага и не позволили перебросить их на московское направление.

В период оборонительных действий наибольший вклад был внесен 5-й, 133-й и 256-й стрелковыми дивизиями, 8-й и 21-й танковыми бригадами, а также в целом группой войск генерала Ватутина и 30-й армией (генерал Хоменко).

Большую помощь регулярным войскам Красной Армии оказали отряды калининского народного ополчения, а также широкое партизанское движение. В освобождение города наибольший вклад был внесен войсками 31-й армии (генерал Юшкевич). Освобождение Калинина — первого областного центра — имело колоссальное морально-политическое значение не только внутри страны, но и за рубежом. Была восстановлена прямая связь между западным и северо-западным стратегическими направлениями и обеспечено взаимодействие Калининского, Западного и Северо-Западного фронтов.

Ю. М. Бошняк, Д. Д. Слёзкин, Н. А. Якиманский[61]

НА РУБЕЖАХ ОБОРОНЫ [62]

И. С. Конев, Маршал Советского Союза, бывший командующий Калининским фронтом

ВОСПОМИНАНИЯ {68}

Рано утром 12 октября я выехал в Калинин через Москву и прибыл туда к вечеру. Вражеская авиация безнаказанно бомбила город, совершенно не защищенный с воздуха. В отдельных местах полыхали очаги пожаров. Никаких войск здесь и поблизости не было. В распоряжении облвоенкома имелся лишь истребительный батальон, сформированный из коммунистов Калининской городской партийной организации. Однако личный состав батальона не располагал оружием. По городу распространялись панические слухи. Говорили, что севернее и восточнее Калинина высадились немецкие парашютисты.

По прибытии в облвоенкомат я увидел во дворе большое скопление членов семей военнослужащих, которые требовали немедленно эвакуировать их в тыл. Страх перед выдуманными парашютистами, бомбежки и пожары драматизировали обстановку.

Между тем, узнав, кто я, скопившиеся у облвоенкомата люди еще настойчивее стали требовать эвакуировать их. Чтобы хоть немного успокоить взволнованных и перепуганных женщин и детей, я приказал облвоенкому срочно принести мне в его кабинет кровать и немедленно объявить, что генерал-полковник ложится отдыхать. Может, это было и не очень убедительно, но я хотел показать, что положение не безнадежное, раз не собираюсь уезжать и даже ложусь здесь спать. И подействовало! Шум прекратился. Собравшиеся в помещении и во дворе начали расходиться. Я лежал, укрывшись одеялом, и напряженно думал, что же мне предпринять как можно быстрее.

Вскоре встретился с И. П. Бойцовым и другими членами обкома партии, сообщил им,

что обстановка очень серьезная, и потребовал принять срочные меры для эвакуации города, в первую очередь банков, государственных ценностей^[63], важных документов. Следовало немедленно, по тревоге, мобилизовать областную и городскую партийные организации, эвакуировать население, создать отряды ополчения и подготовить город к обороне.

Из обкома поехал на вокзал, чтобы задержать 5-ю стрелковую дивизию 22-й армии, которая, по ранее отданному мною приказу, должна была следовать железной дорогой в район Можайска. Эта дивизия в предыдущих боях понесла потери, но еще не утратила боеспособности. У нее имелись артиллерийские подразделения и небольшое количество танков. Установил, что части дивизии должны прибыть в район Калинина на следующий день.

На рассвете вновь побывал в обкоме и убедился, что команда на эвакуацию отдана. На восток и частично на север по мосту через Волгу уже тянулись обозы, торопливо шли люди, на подступах к городу начались оборонительные работы.

Прибыв на вокзал, очень удачно встретил там эшелон со штабом 5-й стрелковой дивизии и комдива подполковника П. С. Телкова, которому приказал тотчас же разгрузить в Калинине все прибывшие части и занять оборону фронтом на запад и северо-запад. Потом разыскал командующего 30-й армией генерал-майора В. А. Хоменко. Приказал ему включить 5-ю стрелковую дивизию в состав его армии, а остальными войсками не допускать наступления противника по Московскому шоссе на Клин.

Отдав эти распоряжения, не теряя ни минуты, на большой скорости проследовал в 22-ю армию генерала В. А. Юшкевича, действовавшую на селижаровском направлении. На фронте этой армии обстановка была более-менее спокойной. Потребовал от командарма перебросить автотранспортом в район Калинина 256-ю стрелковую дивизию генерала С. Г. Горячева и занять ее частями оборону по восточному берегу Волги с задачей не допустить наступления противника по Бежецкому шоссе на Бежецк и Ярославль. Мы, конечно, учли и то, что излуцина Волги в Калинине, — здесь река поворачивает с северо-запада на юг, — могла быть использована как хороший оборонительный рубеж.

Далее мой путь лежал на юг, в Ржев, где находился штаб 29-й армии генерала И. И. Масленникова. Армия активных действий, по существу, не вела и могла, прикрывшись незначительными силами, перегруппироваться и нанести удар с запада в тыл противнику, наступавшему на Калинин. Это я и приказал сделать Масленникову. Замысел сводился^[64] к следующему: рокировать 29-ю армию с северного на южный берег Волги и, наступая вдоль берега на восток во взаимодействии с группой генерала Ватутина и 256-й стрелковой дивизией, ударить по тылу вражеской группировки, прорывавшейся к Калинину. Быстрое и четкое выполнение этого маневра неизбежно, по моему мнению, остановило бы противника, наступавшего на Калинин с юга. Но Масленников, видимо, не разобравшись в обстановке, не выполнил поставленной задачи, тайно обжаловал мое решение имевшему с ним связь Берии. Об этом я узнал только после войны, когда был председателем суда над Берией.

Вопреки моему распоряжению, он двинул армию северным берегом, решив переправиться на южный берег у Калинина, притом сослался на разрешение генерала

армии Г. К. Жукова, но командующий фронтом вряд ли мог отменить мой приказ, не поставив в известность меня, находившегося непосредственно в этом районе. Так или иначе, намеченный и реально возможный удар не был осуществлен.

Обстановка обострилась до крайности. Спешно стянутые к Калинин и явно недостаточные силы наших войск еще не успели полностью оборудовать оборонительные позиции, а крупная группировка врага подошла уже к городу. 14 октября соединения 41-го механизированного корпуса 3-й танковой группы противника при поддержке авиации отбросили части нашей 5-й стрелковой дивизии и ворвались в Калинин с юго-запада.

Заняв город, враг сразу же двинул часть сил по шоссе на Торжок, но столкнулся с подошедшей 8-й танковой бригадой Ротмистрова. Завязался встречный бой, в результате которого противник был остановлен у Горбатого моста. Наши танкисты перешли к обороне, оседлав шоссе Калинин — Ленинград.

Одновременно вражеские войска устремились из Калинина по дороге на Бежецк. Но здесь уже заняли оборону части 256-й стрелковой дивизии. Действуя решительно, они не допустили переправы противника на левый берег Тверцы.

Гитлеровцы развернули наступление и на юг по Московскому шоссе. Однако и тут им не удалось развить успех. 5-я стрелковая дивизия и другие части 30-й армии под командованием командарма В. А. Хоменко в упорном бою остановили противника. Особенно отличились артиллеристы,^[65] подбившие несколько фашистских танков и автомашин с мотопехотой.

Дальнейшие действия врага, овладевшего юго-западной частью Калинина, были локализованы. В ходе ожесточенных боев войска остановили противника на всех направлениях.

Северо-западнее города Ленинградское шоссе удерживали 8-я танковая бригада и другие части группы генерала Ватутина. С запада подходила 29-я армия генерала Масленникова. С востока на берегу Волги оборонялась 256-я стрелковая дивизия. Южнее на Московском шоссе сражались части 30-й армии генерала Хоменко. По существу, в районе Калинина образовался самостоятельный фронт из войск правого крыла Западного фронта и группы генерала Ватутина. Мне удалось организовать управление всеми этими войсками и добиться временной стабилизации положения.

Свой командный пункт я расположил на командном пункте командира 256-й стрелковой дивизии генерала С. Г. Горячева в деревне Змеево, непосредственно примыкавшей к восточной части Калинина. Отсюда мне отлично был виден город, и я мог контролировать действия 256-й дивизии.

Весьма серьезную угрозу представляли попытки противника прорваться по Московскому шоссе. Поэтому я приказал командующему 30-й армией генералу В. А. Хоменко все части армии группировать фронтом на юго-запад и удерживать шоссеюную дорогу Калинин — Москва.

Вечером 15 октября я направил самолетом на имя Сталина записку и донесение о сложившейся к 14 и 15 октября обстановке на калининском направлении. Докладывал о

мерах по отражению наступления противника на Торжок и Бежецк в тыл Северо-Западному фронту и на юг — в московском направлении. Это был первый и очень важный доклад в Ставку в тот критический период, когда немцы стремительно продвигались к Калинин и заняли его, а у нас в городе ничего не было. Только в результате невероятных усилий удалось собрать войска и остановить наступление левофланговой группировки немцев — танковой группы Гота и 9-й армии. Угроза глубокого охвата Москвы с севера и северо-востока на время была устранена. [66]

М. И. Щедрин, генерал-майор, бывший начальник штаба 31-й армии

В ТУ ЗЛЮЮ ОСЕНЬ...

Хмурый октябрь 1941 года...

Фашистские полчища рвутся к Москве. Прорвав на отдельных участках оборону Западного фронта, передовые механизированные части гитлеровских войск приблизились к Ржевскому оборонительному рубежу.

События нарастали со страшной быстротой.

6 октября группа штабных работников 31-й армии выехала из Ржева в Гжатск, в штаб Западного фронта, которому была передана из Резервного фронта наша армия. Поездка усилила тревожное настроение. Возвращались мы уже кружным путем, через Волоколамск, потому что в Карманово, которое мы проезжали утром и где нас обстреляли летевшие на Зубцов фашистские самолеты, по сведениям, уже вошли немецкие танки. Всю ночь наши эмки тащились по разбитой лесной дороге, по сторонам которой шли на восток усталые, угрюмые бойцы отступавших частей.

К утру мы добрались до Ржева, но отдохнуть так и не удалось. До этого фашисты бомбили город только по ночам. Теперь не давали покоя и днем, методично разрушая дома в центре, на Ленинской площади и у моста через Волгу. Большая бомба упала рядом со школой, где размещались штаб и управление тыла армии. Вырвало окна и двери. Пришлось перейти в здание детского сада. Ржев бомбили и жгли круглосуточно. Отбивалась от стервятников единственная в городе зенитная батарея.

В последующие дни тревожного октября войска нашей, а также 22-й и 29-й армий сдерживали фронтальные удары главных сил 9-й немецкой армии. Происходили тяжелые оборонительные бои.

По разрешению Ставки начался отход войск Западного фронта. Однако из-за нашей слабой маневренности врагу удалось нас опередить. Танки и мотопехота противника хлынули на Сычевку, обходя с юга Ржевский укрепленный район.

Героическую попытку остановить гитлеровцев перед Сычевкой предприняли части группы генерала Поленова. Местами они отбросили противника на пять — восемь километров[67]. Но успех был кратковременным, и уже 11 октября немцы прорвались к Зубцову и Погорелому Городищу.

На следующий день гарнизон Ржева перешел в подчинение 29-й армии, а наш штаб отошел на север — к Старице, затем на Мошки и, наконец, в Торжок.

Вечером 11 октября Старица была обстреляна пуле-метно-автоматным огнем немецкой мотопехоты, продвигавшейся от Зубцова на Калинин. В эту ночь немецкая авиация подвергла Калинин жесточайшей бомбардировке. Город пылал. Огромное пламя пожара было видно из Старицы. 13 октября танковые и моторизованные части противника с ходу захватили Мигалово и устремились к «Пролетарке».

У города гитлеровцам оказала сопротивление 5-я стрелковая дивизия. В сентябре она вышла из окружения в районе Осташкова, переформировалась и в октябрьские дни в железнодорожных эшелонах двигалась к Москве. Неожиданно части дивизии были выгружены в Калинин и поступили в распоряжение 30-й армии, оборонявшей город. Поздно вечером 12 октября комдив Телков получил письменное распоряжение, требовавшее к исходу этого дня занять Борисово, Рязанове, Измайлово, перехватить дороги на Калинин с юга и юго-запада, а к утру 13 октября прочно занять оборону между Волгой и Московским морем. Но было уже поздно. Дивизия не смогла выполнить приказ и под натиском превосходящих сил врага отошла к городу и дальше на юго-восток.

14 октября фашисты вошли в Калинин. Мы тяжело переживали это поражение, задавая себе один и тот же вопрос: неужели у нас нет сил и решимости остановить обнаглевшего врага?

Несколько дней оккупанты осваивались в городе, закреплялись, подтягивали пехоту, а затем предприняли наступление на Медное и Торжок с тем, чтобы, выйдя к Вышнему Волочку, совместно со своей северной группировкой окружить и уничтожить наши, находившиеся к западу от магистрали Москва — Ленинград, войска.

Однако на этот раз наше командование приняло нужные меры. 17 октября Ставка создала Калининский фронт. Командующим 31-й армией был назначен генерал-майор В. А. Юшкевич, старый, опытный командир, многие годы командовавший дивизией и корпусом в Киевском военном округе, участник боев в Испании. Несколько позже прибыл и новый начальник штаба полковник В. А. Глуздовский.[68]

Всю вторую половину октября под Калинином шли упорные бои. Удары врага сменялись сильными контрударами советских войск. 19 октября западнее Медного с противником столкнулись 185-я стрелковая дивизия и 8-я танковая бригада. После ожесточенного сражения фашисты, понеся потери, отошли в Медное, а затем под угрозой полного уничтожения, сбросив технику, поспешно отступили. Наши войска захватили большие трофеи и освободили из плена триста советских воинов.

Большую роль в разгроме захватчиков у Медного и на левом берегу Волги сыграла 119-я Красноярская стрелковая дивизия. 19 октября комдив 119-й генерал-майор А. Д. Березин получил приказ комфронта — стремительным ударом • на Дмитрово-Черкасское отрезать путь отхода группе противника, прорвавшейся к Городне и Медному. Внезапный удар дивизии 20 октября, совпавший с наступлением 31-й армии на северную окраину Калинина (133-я стрелковая дивизия) и на Медное (185-я стрелковая дивизия и 8-я танковая бригада), вынудил немцев 21 октября спешно очистить Медное и весь левый берег Волги.

Задача 31-й армии сводилась к тому, чтоб не допустить прорыва противника на Медное и в последующем освободить Калинин, битва за который не прекращалась ни на один

день.

Обстановка была исключительно напряженной. 22 октября противник перешел в наступление. Ожесточенные бои велись на рубеже рек Большая Коша, Нашига и Тьма. В листовках гитлеровцы называли дату взятия Торжка — 25 октября. Но, несмотря на большое превосходство, особенно в танках и авиации, немцам не удалось достичь цели. Встретив упорное сопротивление, враг вынужден был перейти к обороне. Западнее Калинина немцам, правда, удалось переправиться через Волгу и, потеснив 119-ю дивизию, подойти к Медному. Но сибиряки восстановили положение.

В октябре и ноябре были попытки освободить Калинин. Но успеха они не имели: наступление велось ограниченными силами, без должной подготовки и взаимодействия между армиями и родами войск. Ни истинного состояния наших частей, ни противника высшие штабы толком не знали. Долгое время считалось, что в Калинин у немцев сосредоточены лишь малочисленные передовые части, справиться с которыми можно малыми силами. Даже тогда, когда стало известно, что Калинин занимают три фашистские дивизии (1-я и 6-я танковые, 36-я моторизованная),^[69] штаб 30-й армии издал такое распоряжение: «В 24.00 27.10 начать ночное наступление всеми силами по захвату Калинина. Всеми силами, со всех сторон навалиться на противника и коротким ударом покончить с его группировкой в районе Калинина. Поднимите всех и все на быстрейший захват Калинина. Доносить каждые три часа».

При этом не было проведено никакой предварительной подготовки. Наступление захлебнулось...

Бесплодные попытки овладеть городом хотя и держали противника в постоянном напряжении, однако приносили большой урон и нам, не только в людях, но и в моральном состоянии личного состава. Подрывалась вера в свои силы, в организационные способности наших штабов и командиров.

Больно вспоминать о том, как много замечательных людей мы потеряли в ту холодную, злую осень. И как радостно было встретить бойца, считавшегося погибшим и вдруг вернувшегося в строй. Помню такой случай. После одной из неудачных атак 336-го полка перед заграждениями противника осталось несколько бойцов. Днем их вытащить не удалось. С наступлением темноты наши санитары поползли за убитыми. Один из санитаров, украинец, потом рассказывал: «Поки було видно, я наглядив собі стэжку и зараз, як стэмнило, поповз. Тыхэсэнько пидповзаю до вбы-того, звязав ему ноги, потягнув з собою. Мертвяк був дуже важкый, я умаявся як собака и у кущив схотив передохнуть!. Скрутив цыгарку и тильки накрывся шынэлкой, щоб запа-лыты, як чую, хтось коло мэнэ гуркотыть. Я аж обмер. Пиднимаю голову и бачу — мий вбытый сыдыть тай хлиба прохае».

«Убитый» оказался раненым бойцом. Весь день он пролежал перед заграждением немцев, иззяб и уснул. Проснулся, когда его потащил санитар, и, не зная, кто и куда тащит, решил на всякий случай притвориться мертвым.

В итоге проведенных нами в октябре и ноябре наступательных операций противник не только отказался от попыток наступать на север, но и перешел к обороне на всем Калининском фронте. Нам удалось сковать вражескую армию, и в критический период битвы под Москвой гитлеровцы не смогли перебросить отсюда к столице ни одной дивизии.^[70]

П. В. Севастьянов, генерал-майор, бывший комиссар 5-й стрелковой дивизии

МОСКОВСКОЕ ШОССЕ {69}

5-я стрелковая дивизия вела бои в районе озера Селигер. В начале октября пришел приказ погрузиться в эшелоны. Путь дивизии лежал на Солнечногорск.

Предстояли бои под столицей.

* * *

Ранним утром первые эшелоны со штабом дивизии и двумя полками, 142-м и 336-м, остановились на станции Калинин. Город имел вид еще сравнительно мирный, только входы в укрытия, вырытые на перекрестках улиц, да заклеенные крест-накрест бумагой окна напоминали о войне. На привокзальной площади бойко шумел базар. Впервые за эти месяцы мы увидели трамвай, обыкновенный красный трамвай, как в доброе мирное время, только еще с одной дугой на прицепе, чтоб не искрило ночью во время воздушной тревоги.

Военный комендант станции передал нам приказ Генштаба — выгрузиться и сосредоточиться на западной окраине города, а что делать дальше, на то последует приказ командующего Западным фронтом. Вскоре Телкова{70} и меня вызвал в обком партии заместитель командующего Западным фронтом генерал-полковник И. С. Конев.

Разговор с ним не занял и десяти минут.

— Командующий фронтом поручает вашей дивизии оборонять город Калинин. Хотели бросить вас под Москву, но так уж сложилось. Только что немцы взяли Ржев и движутся сюда. Поспешите занять оборону.

Конев поставил нам задачу и прибавил:

— Хочу предупредить: за сдачу города командир и комиссар дивизии будут строжайшим образом наказаны. Телков угрюмо промолчал. Я попросил слова.

— Наказать нас двоих, товарищ генерал, и даже расстрелять — дело несложное. Оборонять город с нашими силами много сложнее. Не может ли фронт чем-нибудь нам помочь? В Калинин у нас пока только два стрелковых полка. Остальные части еще в пути и едва ли скоро придут.[71] Железные дороги и поезда постоянно подвергаются бомбардировке, так что возможны всякие неожиданности.

— Обороняться будете с тем составом, который сейчас налицо, — ответил Конев. — Придут остальные ваши части — хорошо. Не придут — все равно, это не снимает с вас ответственности за судьбу города. Никаких резервов у меня сейчас под рукой нет. Впрочем, я распоряжусь, чтоб вас подкрепили маршевой ротой и отрядом слушателей Высшего военно-педагогического института имени Калинина: Кроме того, секретарь обкома товарищ Бойцов даст вам несколько отрядов ополчения. Вот так. Приступайте к выполнению приказа. Желаю успеха.

Через час действительно пришла маршевая рота... вооруженная учебными винтовками с

просверленными казенниками. Выстрелить из такой винтовки невозможно при самой горячей ненависти к врагу. Ее могли использовать только в рукопашной схватке. В какой-то мере облегчил наше положение обком партии, передавший дивизии несколько рабочих отрядов. Они существенно помогли 142-му полку в строительстве обороны в районе Мигаловского аэродрома, на ближних подступах к городу.

Строительство обороны еще продолжалось, когда разведка обнаружила немцев в семи километрах от Калинина. На аэродроме стояли самолеты гражданского воздушного флота, и администрация аэродрома просила нас продержаться немного, чтобы подвезти горючее и поднять машины в воздух.

В батальонах 142-го полка и в рабочих отрядах прошли короткие митинги. Выступая на одном из таких митингов, комиссар полка Луговой сказал:

— Никто из нас не забыл, конечно, ни голодных маршей по болотам и лесам Литвы, Западной Белоруссии, Калининской и Ленинградской областей, ни неистовых контратак и боев во вражеском кольце, ни гибели однополчан, ни ржавой воды, которую пили. Но мы и тогда не думали покоряться врагу. Дальше отходить некуда. Отомстим оккупантам за все и сполна. Каждый из нас должен драться так, словно от тебя одного зависит: победить всем или погибнуть...

Перед боем мы с Телковым побывали в рабочих отрядах. Честно предупредили их о том отчаянном положении, в каком окажутся дивизия и отряды, если гитлеровцы прорвутся к железнодорожному полотну. Подпускать их к полотну и станции нельзя ни в коем случае, внушали мы^[72] ополченцам, потому что эшелон с нашим 190-м и артиллерийским полками находится еще в пути.

Рабочие заверили нас, что будут сражаться до последней капли крови.

Между тем слышался нарастающий гул моторов. Это шли отступающие тылы 31-й армии. А за ними, буквально сидя у них на хвосте, приближались к городу части немецкой моторизованной пехоты. Нам удалось отсечь их и задержать на рубеже у самого аэродрома.

Уже шел бой, когда к самолетам подвезли, наконец, горючее, и летчики с немалым трудом и риском подняли в воздух тяжелые машины. Через несколько минут на взлетное поле уже упали первые вражеские снаряды.

Больше суток 142-й полк, рабочие отряды и слушатели военного института отстаивали свой рубеж у аэродрома, несмотря на подавляющее превосходство немцев в живой силе и технике. Мы держали бы его и дольше, но накануне 336-й полк по приказу штаба фронта послал к селу Измайлову, за тридцать километров от Калинина, где предполагался прорыв неприятеля.

Опасения эти не подтвердились. Полк дважды проделывал никому не нужный переход. Его возвратили в район аэродрома только к вечеру второго дня боев. Немцы потеснили нас у аэродрома. В образовавшийся проход хлынули батальоны противника, и здесь туго пришлось нашим пулеметчикам, специально выделенным на «аварийный случай».

Они удерживали немцев до подхода 336-го полка, немедленно брошенного Телковым в бой. Но к этому времени гитлеровцы успели оттеснить нас к насыпи, и в конце концов

мы отошли за нее.

Однако и немцы не могли продвинуться дальше ни на шаг. Они залегли по одну сторону насыпи, мы — по другую, перебрасываясь гранатами. При этом, конечно, редкая граната не находила своей цели, однако рельсы каким-то чудом не были повреждены. Так мы держались несколько часов, ожидая с минуты на минуту появления эшелона.

Какова же была наша радость, когда показался наконец эшелон. Он шел на всех парах под сильным обстрелом и прогрохотал прямо над нашими головами к станции.

Но и после прибытия 190-го полка соотношение сил определялось примерно один к десяти в пользу немцев. Если учесть, что у нас не было в это время ни авиации, ни танковой поддержки, станет понятным, почему дивизия оставила город.[73]

...На окраине Калинина, у знаменитого элеватора с его железобетонными стенами и удобными бойницами, мы и зацепились. Оставить его — значило отдать немцам Московское шоссе. Полки закрепились здесь с намерением держаться до последнего и принялись строить оборону, в особенности — противотанковую. К этому времени, на наше счастье, пришел походным порядком наш артиллерийский полк, которому не удалось проскочить по железной дороге вслед за 190-м стрелковым, так как немецкая авиация уже разрушила путь.

Большую часть орудий тщательно замаскировали в рощцах и кустарнике вдоль Московского шоссе и строго-настрого приказали орудийным расчетам тщательно укрываться, стрелять только по танкам или с разрешения командира.

Кажется, только однажды этот строжайший запрет нарушил один расчет. Командир орудия, сержант Устинов, увидел, как по шоссе обезумевшие лошади мчат повозку с перепуганным насмерть ездовым. Над самой его головой «полз» на бреющем полете немецкий истребитель. Устинов долго крепился, глядя, как летчик издевается над несчастным ездовым, заходя то справа, то слева, должно быть намереваясь сначала поугаать, а уж потом пристрелить. Устинову показалось, что истребитель идет прямо на его пушку, и, значит, орудие уже и так обнаружено. Артиллеристы мгновенно развернулись и дали всего один выстрел. У самолета отлетело крыло, и он, сильно накренившись, загораясь, пошел к земле. Упал он где-то за рощей, в полукилометре от пушки, и пока артиллеристы добрались туда, летчик уже обгорел. Последнему обстоятельству, кстати, усиленно способствовали деревенские ребятишки, подбросившие в огонь соломы. Удалось вытащить только сумку летчика с картами и документами. Он оказался итальянцем. Что побудило этого посланца Муссолини искать себе нелепую смерть на русской земле, этого, конечно, не поняли ни мы, ни Устинов, которого за такое «нарушение» приказа представили к награде.

Во второй половине октября 1941 года оборону под Калинином мы держали уже не одни. Левее нас на защиту города пришла механизированная дивизия, справа, за Волгой, стояла дивизия знакомого нам генерал-майора С. Г. Горячева. Все вместе мы входили в 30-ю армию Западного фронта и почти ежедневно проводили атаки, не давая оккупантам покоя ни днем, ни ночью.[74]

...В эти дни в нашей дивизии установился обычай своеобразного чествования героев.

Мы называли эти встречи «фронтовыми академиями».

Собирались обыкновенно по вечерам, после успешного боя или удачной вылазки, в зале маленького полуразрушенного клуба в совхозе или просто в хате. Растревоженные гитлеровцы освещали свой передний край ракетами и трассирующими пулями, весьма кстати дополняя праздник соответствующей иллюминацией.

Помню один такой вечер в 190-м полку. В зале полутьма, горят свечи, на стенах колышутся огромные тени людей. Бойцы сидят в полусубках, обвешанные оружием и гранатами.

В те дни отличились пулеметчик Куликов, перебивший до взвода фашистов, и снайпер Еременко, снявший какого-то крупного офицерского чина. «Именинников» просят на сцену: они выходят смущенные, пряча в воротники давно не бритые подбородки, извиняются — только что из боя. Командир полка майор Я. П. Сиятный торжественно отпускает бойцам этот грех и обращается к ним с кратким приветствием.

— Ну, а теперь, Куликов, — улыбаясь, говорит он, — сознайся, как дело было.

Пулеметчик рассказывает, из зала его подзадоривают солеными шуточками, отпускают прозрачные намеки насчет того, что он слегка привирает, но все это, разумеется, так, ради смеха. Все прекрасно знают, что Куликов — смелый боец и приписывать ему себе нечего.

— Все слышали? — спрашивает Сиятный.

— Все! — хором отвечает зал.

Тогда Сиятный вручает пулеметчику Куликову подарок.

— Бей, Куликов, немецких гадов покрепче!

— Есть бить покрепче!

И под восторженный гул всего зала герой дня сходит со сцены. Следует такая же процедура с отличившимся снайпером. Затем выступает начальник клуба Филимоненко и призывает подписываться на танковую колонну «Истребитель оккупантов».

Бывало, на таких вечерах командиры частей объявляли о представлении отличившихся к правительственным наградам, о присвоении сержантских званий, фотографировании под развернутым знаменем части. Дивизионная газета посвящала им статьи, заметки и даже стихи. Вечера непременно заканчивались пением «Интернационала».[75]

От таких встреч нам становилось теплее в заснеженных полях, крепла вера в разгром врага под Москвой. Между тем для нас наступала пора тяжелейших испытаний. В середине ноября немецкая звуковая установка на переднем крае объявила во всеуслышание о готовящемся наступлении в районе Калинина. Озлобленные проведенным на Красной площади парадом, они бравировали своей мощью и непобедимостью. Нашим дивизиям предлагалось до рассвета уносить ноги.

На сей раз они не соврали. Утром начались жесточайший артиллерийский обстрел и бомбежка элеватора. В гигантских хранилищах загорелось зерно, дым заполнил все помещения железобетонной коробки. Потом началась атака.

Пожар некогда да и нечем было тушить. Полк, оборонявшийся здесь, покинул здание и занял оборону в проломах длинного каменного забора. Бой не утихал до вечера, бомбардировки с воздуха сменялись артобстрелом, а затем нарастал оглушительный лязг и рев танковых моторов. И чадно дымило огромное здание, где столько дней провели наши бойцы. Становилось все более ясно, что здесь нам долго не продержаться, нужно отходить на новый рубеж.

Вечером этого дня в дивизию прибыл новый командир. Телкова отзывал в свое распоряжение Военный совет армии. Расставание было коротким и грустным, потому что и я, и другие крепко сдружились с Петром Сергеевичем Телковым.

Новый комдив, генерал-майор В. Р. Вашкевич, сам только-только вышедший из окружения, пришел к нам в драной ушанке, в потрепанной старенькой бекеше. Пришел и тут же, едва успев принять дивизию, должен был решать, что делать, потому что положение складывалось угрожающее.

Немцы обтекали дивизию с левого фланга, плохо прикрытого нашим соседом, и уже перекрыли за нашей спиной Московское шоссе. Оставалось отойти за Волгу — единственный рубеж на гладкой снежной равнине, куда еще мы могли отступить и закрепиться там. И Вашкевич, как говорится, с места в карьер предложил свой план, быстро одобренный командармом.

С именем Вашкевича связан у меня в памяти последний этап, точнее, последний день нашего отступления в 1941 году, завершившийся эпизодом, вошедшим в историю 5-й дивизии под названием «Ледовое побоище».[76]

Ночью полки перешли по льду на левый берег Волги. Здесь, в десяти километрах от Калинина, стоял древний и давно, видимо, заброшенный монастырь с длиннейшим каменным забором, тянувшимся вдоль высокого берега. Монастырь оказался в центре обороны дивизии, и его занял наш всегдашний «коренник» — 190-й полк. В темных залах и кельях гулял ледяной ветер, на полу из крепких плит лежал занесенный в разбитые окна снег. Бойцы легли спать на снег вповалку, не зажигая костров. Вашкевич строго-настрою приказал не подавать никаких признаков жизни, чтобы у немцев создалось впечатление: монастырь пуст, а дивизия ушла далеко за Волгу.

— Не может быть, — сказал он мне, — чтобы фашисты обошли монастырь стороной. Он у них, как зуб, торчит. И пока они его не обследуют, через Волгу не пойдут.

Утром с высокой монастырской стены мы с Вашкевичем рассматривали бескрайнюю белую равнину с разбросанными по ней кое-где маленькими деревеньками, уже занятыми врагом. Едва поднялось тусклое зимнее солнце, как от ближней деревеньки отделилась и направилась к нам черная колонна людей с машинами. Спустя час колонна подошла к берегу и рассыпалась вдоль него. Автомшины оказались с насосными установками, — должно быть, немцы намеревались наращивать лед реки для прохода танков и тяжелых орудий.

Монастырь не подавал признаков жизни. В бойницах и между зубцами стены застыли пулеметчики и стрелки.

Продолжая наблюдение, мы заметили вторую колонну — около двух батальонов. Вот она спустилась на лед и двинулась к середине реки. Наш берег молчал как вымерший. Оккупанты шли плотно сомкнутыми рядами, с оружием за спиной на ремне, громко разговаривая и смеясь, временами поглядывая в нашу сторону. И разговоры и смех звучали гулко в морозном воздухе. Должно быть, вчерашняя победа была основательно обмыта.

Но вот солдаты достигли середины реки, они все в секторе нашего обстрела, как на ладони.

— Огонь! — подал команду Вашкевич.

Этот бой был самым коротким из всех, какие я помню, и самым успешным. Мы не потеряли ни одного человека, не получили ни одного ранения и не упустили ни одной цели. При первом ружейном залпе и пулеметных очередях немецкая колонна мгновенно остановилась, затем с воплями и стонами рассыпалась по льду. Тогда наши артиллеристы^[77] выкатили орудия на берег для стрельбы прямой наводкой. Под градом пуль и снарядов гитлеровцы заметались, стали беспорядочно палить, затем бросились к противоположному берегу. Но пулеметы и пушки уже замкнули огнем этот смертельный четырехугольник.

Когда бой закончился, мы вышли на берег. На протяжении полутора километров лед был красным от крови и усеян трупами и тяжелоранеными. Их насчитали около семисот.

Так закончился для 5-й дивизии долгий путь отступления — от берегов Немана к берегам Волги. После «Ледового побоища» немцы на нашем участке уже не предпринимали попыток наступать.

Из всех наших последующих оборонительных боев под Калинином мне хотелось бы вспомнить здесь один маленький эпизод, показавшийся весьма характерным и даже символическим для того исторического отчаяния, которое постигло немецкую армию в памятную зиму великой Московской битвы.

Однажды перед нашими окопами возникли на снегу странные белые фигуры. Они шли на нас точно призраки, дергаясь, кривляясь, раскачиваясь из стороны в сторону, сложив перед собой на животе длинные белые руки. За ними шли уже обыкновенные немцы, в обыкновенных серо-зеленых шинелях, укутанные ворованным тряпьем. В первую минуту нам показалось, что впереди идут лыжники в белых балахонах. Они и раскачивались, как лыжники, идущие без палок. Но так как у них не было оружия, мы подумали, что немцы гонят перед собой пленных. Нам самим еще не приходилось с этим встречаться, хотя мы уже слышали о таких случаях. Наши бойцы приготовились к самому трудному испытанию, какое только выпадает солдату на войне, когда ему приходится выбирать между собственной смертью и смертью товарищей от его же руки.

Оказалось, это не лыжники и не пленные. Немцы гнали больных. Где-то в Калининской

области они захватили психиатрическую лечебницу и погнали ее обитателей по снегу, со спеленутыми руками и непокрытыми обритыми головами, в мороз и метель. Когда бойцы все это разглядели и поняли, ими овладела такая горячая злость, какой не приходилось видеть. Через несколько минут немцы бежали восвояси, а больные бросились к нам, путаясь в длинных полах смиренных рубашек и падая в снег. Бойцы привели их, посиневших от холода, к себе в деревушку, обогрели и [78] накормили. На другой день мы передали их местным органам здравоохранения.

Мы ходили тогда с тяжелым осадком в душе, сознавая в то же время, что этот последний предел человеческой низости свидетельствует и о переломе в войне в нашу пользу.

...Выдержав все испытания, всю горечь отступления первых месяцев войны, дивизия крепла и мужала... А когда подсчитали итоги ее боевых дел, оказалось, что за весь путь отступления нами уничтожено до трех дивизий врага. Совсем неплохой счет для соединения, которое гитлеровцы десятки раз, устно и печатно объявляли уничтоженным. И ведь это было только начало!

Но здесь обрывается мой рассказ о 5-й Краснознаменной стрелковой дивизии. После ранения меня отправили в медсанбат, а затем в Москву, и так получилось, что больше я в свою родную дивизию не попал. Однажды старые сослуживцы прислали мне гвардейский знак — дивизия была переименована в 44-ю гвардейскую. Гвардейцы победно прошли весь обратный путь до границы и дальше, до центра Германии. Их боевое знамя украсили ордена Ленина и Суворова.

П. А. Ротмистров, Главный маршал бронетанковых войск, бывший командир 8-й танковой бригады

В БОЙ ИДУТ ТАНКИСТЫ{71}

...13 октября я получил распоряжение командующего Северо-Западным фронтом генерал-лейтенанта П. А. Курочкина — 8-й танковой бригаде и 46-му мотоциклетному полку к исходу 14 октября сосредоточиться в районе Старое (южнее Вышнего Волочка) и быть готовыми действовать в направлении Торжок — Калинин. В те дни наше командование не имело в районе Калинина достаточных сил для обороны. Поэтому мы чувствовали ответственность поставленной перед нами задачи. От быстроты действия танкистов в значительной степени зависела судьба важного узла дорог, захватив который, враг мог угрожать глубокому тылу всего Северо-Западного фронта.

Совершив в одни сутки двухсоткилометровый марш, 8-я танковая бригада с 46-м мотоциклетным полком сосредоточилась [79] в районе деревни Думаново (юго-западнее Торжка), а передовые части, пройдя за сутки около 250 километров, подошли к деревне Каликино (в шести километрах северо-западнее Калинина) и с ходу вступили в бой.

Наши разведчики установили, что противник уже занял Калинин и силами до двух пехотных батальонов с артиллерией и минометами выдвинулся к перекрестку шоссе и железной дорог на северо-западной окраине города. В южной его части сосредоточивались танки противника. Сражавшиеся за город подразделения 934-го стрелкового полка перешли к обороне на рубеже Черкасове — Малица.

Оценив обстановку, я принял решение: в течение ночи привести в порядок материальную часть, дозаправить танки, дать короткий отдых личному составу, а с утра перейти в наступление. Но случилось по-иному.

Утром противник превосходящими силами начал наступление вдоль шоссе, имея целью захватить город Торжок. Когда главные силы бригады и мотоциклетного полка стали подходить днем 15 октября к Каликину, произошло столкновение с врагом. Неподдалеку от северо-западной окраины города завязался бой, который длился около четырех часов. Противник потерял три танка, пять бронемашин, свыше шестисот солдат и офицеров и отошел в город. Однако разгромить врага нам не удалось: к этому времени немецко-фашистские войска уже располагали здесь крупными силами.

Отразив попытку врага прорваться на Торжок, наши части заняли оборону: 46-й мотоциклетный полк закрепился на южной окраине Дорошихи, правее его занял позицию наш мотострелковый батальон, 934-й стрелковый полк сосредоточился в Малице, оседлав шоссе на Торжок, а позади него в Каликине, встали танки нашего 8-го полка. При таком расположении наша пехота блокировала пути выхода противника из города, а танкисты, находясь в тылу боевых порядков своей пехоты, были готовы в случае прорыва противника контратаковать его.

Ночью и днем 16 октября немцы подтягивали танки и артиллерию к северной части города. Здесь было сосредоточено до 60 средних танков, 25 бронемашин, до 40 машин с пехотой и около 15 машин с противотанковой артиллерией.

Во второй половине дня 16 октября противник силами до пехотного батальона с артиллерией при поддержке пятнадцати танков, прорвавшись из Калинина вдоль шоссе, начал продвигаться на Торжок. Завязались упорные бои. Наш[80] танковый полк, выполняя приказ, контратаковал вражеские колонны, нанес гитлеровцам большие потери и в этот день не дал им возможности развить наступление. Сдерживая превосходящие силы врага, бригада вела тяжелые бои до 19 октября. За это время противник ценой больших потерь смог продвинуться вдоль шоссе лишь на 15–20 километров.

В ночь на 19 октября я получил распоряжение командующего войсками оперативной группы генерал-лейтенанта Н. Ф. Ватутина, согласно которому 8-я танковая бригада (без мотострелкового батальона, который занимал оборону у перекрестка железной и шоссе на северо-западной окраине города Калинина) должна была к рассвету форсированным маршем выйти в район: Лихославль — Ильинское — Иванцево. Сюда же выходила 185-я стрелковая дивизия. Из этого района мы должны были нанести стремительный удар в южном направлении на Медное и, взаимодействуя со 183-й стрелковой дивизией, наступавшей из Думанова на Марьино, уничтожить вражеские части. Боевые действия нашей группы войск было приказано возглавить командующему 31-й армией.

В течение четырех дней (19, 20, 21, 22 октября) 8-я танковая бригада вместе со стрелковыми дивизиями ожесточенно сражалась с прорвавшейся немецкой группировкой. Гитлеровцы рвались к Торжку, но в районе Медное — Поддубки — Слобода — Старые Мермерины встретили решительный отпор. И танкисты, и пехотинцы бились упорно и уничтожили прорвавшуюся группировку врага.

К исходу 22 октября танковая бригада вышла в армейский резерв и сосредоточилась в

районе Поддубок. Наш мотострелковый батальон действовал в составе 133-й стрелковой дивизии, занимая оборону на рубеже Кадино — Казино. Части бригады приводили себя в порядок и готовились к новым боевым действиям.

25 октября бригада сосредоточилась в лесу в двух километрах северо-восточнее Медного. К этому времени к нам возвратился и мотострелковый батальон. Здесь наши подразделения находились до 27 октября.

27 октября передовые части 6-й немецкой пехотной дивизии форсировали Волгу в районе Якшино и начали продвигаться в северном и северо-западном направлениях. Наша бригада в это время поступила в подчинение командующему 29-й армией и форсированным маршем вышла на северный берег Волги к Городищу — Знаменке — Кошеву.^[81]

Три дня танкисты вместе с воинами 906-го и 910-го стрелковых полков вели ожесточенный бой с переправившимися сюда войсками противника. Контратакуя, мы нанесли значительный урон противнику. Наступление немцев было приостановлено на рубеже Заборовье — Избрижье.

В связи с общей перегруппировкой соединений 29-й армии, наша бригада в ночь с 30 на 31 октября перешла в район Стренева и готовилась к действиям на северном берегу реки Тьмы. Но противник нас опередил, и бригада, заняв оборону, два дня сдерживала натиск вражеских войск.

2 ноября бригада была выведена в армейский резерв в район Дмитровское — Букарево, после чего перешла на Клинско-Дмитровское направление в подчинение командующему 30-й армией.

...Военный совет Калининского фронта наградил орденами и медалями 88 танкистов нашей бригады. Все они сражались мужественно. Назову лишь несколько имен. Орденом Ленина был награжден лейтенант И. А. Горб, орденами Красного Знамени — политрук Д. П. Ларченко, старшина В. Н. Стахов, старший сержант П. А. Строгач, орденом Красной Звезды — красноармеец И. И. Крыленко и многие другие.

Бои под Калинином закалили танкистов, стали началом их дальнейших успехов в боях по изгнанию гитлеровских войск с советской земли.

А. В. Егоров, генерал-майор танковых войск, бывший командир 8-го танкового полка 8-й танковой бригады

ПОЕДИНОК

При въезде в Калинин стоит на пьедестале танк. Здесь воины 8-го танкового полка 8-й танковой бригады в неравном бою отражали атаки фашистских бронированных машин.

До этого наша бригада сражалась западнее Валдая. 14 октября меня вызвал комбриг полковник П. А. Ротмистров. Мне было приказано совершить 250-километровый марш и выйти в район города Калинина. Перед полком ставилась задача воспрепятствовать прорыву врага в тыл войскам Северо-Западного фронта.^[82]

Тогда я еще не знал действительной обстановки на фронте в районе Калинина. Но по тому, как командир бригады торопил нас, я понял: произошло что-то очень тревожное и опасное.

Полк пополнили личным составом, танками. В полку стало 70 танков (по штату 61 танк). Однако 26 машин по различным причинам оставались на переднем крае в районе Лычкова и Лужное. Марш совершали 44 танка. Шли день и ночь форсированным маршем, не обращая внимания на налеты вражеской авиации. Я останавливал полк только для подтягивания колонн, короткого осмотра машин и для заправки моторов маслом. Позади остался Валдай, ночью прошли Вышний Волочек, а к рассвету 15 октября вступили в Торжок.

На остановках к нам подходили местные жители. Одни хотели чем-либо помочь, другие просто побеседовать, узнать, нет ли земляков. Настроение у людей было бодрое, много говорили об успехах советских войск под Ельней. Мы рассказывали, что удалось остановить фашистов южнее озера Ильмень.

В бой мы вступили 15 октября утром на подступах к городу Торжку. Вначале полк попал под бомбежку, затем гитлеровцы обрушили на нас огонь артиллерии, потом перешли в наступление танки. Выполняя задачу, мы рвались к Калинину, не зная толком, какая там обстановка. Сбивая боевое прикрытие гитлеровцев, 1-й танковый батальон под командованием начальника штаба батальона старшего лейтенанта В. М. Лукина к 10 часам утра вышел к деревне Каликино, 2-й танковый батальон (командир капитан И. Д. Баскаков) сосредоточился в районе совхоза им. Вагжанова. Командный пункт полка развернулся в деревне Каликино, в школе. Начальник штаба полка старший лейтенант В. А. Калинин организовал разведку в направлении Городни, Ширяева и Малицы и установил связь с подразделениями и штабами. Вскоре разведка доложила: немецкая пехота с танками занимает западную окраину города Калинина.

Обстановка была очень сложная. Продолжали поступать все новые неутешительные сведения. Я знал, что полк ведет бой не один, где-то должны быть другие наши части. Вскоре офицеры штаба полка старший лейтенант М. Ф. Гребнев и старший лейтенант Б. А. Пименов связались с 934-м стрелковым полком, 46-м мотоциклетным полком и погранотрядом. Стало веселее. Установили связь и стали^[83] согласовывать план боя. Было принято решение начать общее наступление в 15 часов. Наш полк наступал вдоль Ленинградского шоссе, 934-й стрелковый полк — на Малицу, мотострелковый батальон бригады — в направлении Брянцево — пос. Красное Знамя, 46-й мотоциклетный полк — в направлении Брянцево, Сокулино, Башино. Погранотряд наступал на Черкасове.

Не имея артиллерийского обеспечения, мы были вынуждены выдвинуть две танковые роты для ведения огня прямой наводкой по целям у Горбатого моста.

Почти в то же время гитлеровцы также предприняли наступление. Произошел особенно запомнившийся мне встречный бой. 15 немецких танков, поддерживаемые истребителями, устремились в атаку на мотострелковый батальон капитана Шестака. От командира бригады мы получили приказ контратаковать. Собрав силы полка в кулак, имея впереди тяжелые танки, начали контратаку.

Появление наших танков было настолько неожиданным для немцев, что они приняли, видимо, нас за своих и огня не вели. Тяжелые танки «КВ» роты старшего лейтенанта С. П. Доценко залпом из пушек прямой наводкой остановили передние машины фашистов и подожгли их. Не давая немцам придти в себя, «тридцатьчетверки» батальона старшего лейтенанта Лукина атаковали их с фланга. Атака гитлеровцев захлебнулась, 10 подбитых машин остались на поле боя.

И тут же вторая волна немецких танков — до 30 машин — попыталась обойти нас справа. Огонь артиллерии нарушил их боевой порядок, несколько машин замерло на месте. В бой вступил второй батальон, которым командовал капитан И. Д. Баскаков. В сражение втягивались все новые силы. И тут мы обнаружили движение еще одной колонны немецких танков. Двигаясь ложиной, они явно намеревались отрезать нас с юга и прижать к Тверце.

Разгадав этот замысел, мы выслали вперед роты лейтенанта П. А. Недошивина и лейтенанта М. В. Фролова. Туда же подтянули и противотанковую артиллерию. Танки и пушки тщательно замаскировали в кустарнике вдоль ложины и стали ждать.

Первые залпы, видимо, ошеломили немцев, полагавших, что они совершают скрытый маневр. Однако численное превосходство было на их стороне, и они это знали.

У наших танкистов был уже боевой опыт. Кроме того,^[84] все это были люди незаурядной храбрости. В этом жестоком кровопролитном бою не дрогнул ни один.

Я вспоминаю имена этих простых, отважных людей: старшина В. Н. Астахов — командир экипажа, башенный, стрелок ефрейтор К. Д. Трубин, механик-водитель старший сержант П. А. Строган, радист М. А. Васин... Я буду помнить их до конца жизни...

...17 вражеских танков с ротой пехоты, тяжело поводя стволами пушек, шли вдоль шоссе прямо на танк Астахова. 600, 500, 400 метров... Грянул первый выстрел. Головной танк гитлеровцев завертелся на месте... И запыхало с обеих сторон...

Немцы вызвали авиацию. Грохот боя перекрыли тяжелые разрывы бомб. Тогда наши танки вышли из укрытий и ринулись на сближение с вражескими машинами. Бомбежка кончилась. Немецкие пикировщики кружили над полем боя, где вплотную сошлись танки с красными звездами и крестами, но помочь своим уже не могли.

Врезавшись в строй гитлеровцев, наши «КВ» в течение нескольких минут расстреляли и протаранили пять вражеских машин. Немцы заметались по полю и стали выходить из боя.

В этом бою гитлеровцы потеряли 12 танков.

А сражение продолжалось. Сплошного фронта не было. Танковые подразделения противника там и сям прорывались через промежутки боевого порядка полка. Район Каликина, Брянцева, Дмитровского представлял собой «слоеный пирог» советских и немецких танковых групп, постоянно перемещавшихся по полям и рощам Калининского района.

Помню, к нам на передовой командный пункт приехал комиссар бригады полковник Н. В. Шаталов. Он ознакомился с обстановкой и, сообщив мне, что бригада в течение двух суток будет вынуждена одна сдерживать противника, еще раз напомнил: сделать все возможное и невозможное, чтоб гитлеровцы не прорвались на Торжок.

Потом он отбыл в штаб и в пути попал под обстрел. Они отбились, но одна болванка попала в башню «тридцатьчетверки» и увязла в броне. Вернувшись в штаб, комиссар вышел из танка и похлопал по броне: «Спасибо, выручила. Значит, будем долго жить».

Поняв, что здесь им не пробиться, гитлеровцы отошли к Калинину. Мы преследовали их до Горбатого моста.

Здесь произошел очень сильный бой. Мы были вынуждены^[85] перейти к обороне. Участок обороняли батальон капитана Баскакова и рота тяжелых танков «КВ» старшего лейтенанта Доценко. Сдерживать натиск численно превосходящего врага было трудно. Горбатый мост много раз переходил из рук в руки. Отважно и дерзко действовали в этих боях механики-водители Г. В. Захаров, Н. П. Березнев, А. С. Кравчук. Они искусно маневрировали на поле боя, умело использовали поросшую деревьями и кустарником местность, выводили машины на удобные позиции и били прямой наводкой. Командиры танков лейтенанты А. Ф. Новокшенов, П. В. Деркач, В. С. Домников, стрелок-радист старший сержант Е. Ф. Гриманов, заместитель политрука старший сержант М. В. Овдин и комсорг Г. А. Шупиков в течение дня трижды участвовали во взятии Горбатого моста.

Вспоминаю один эпизод. За Горбатым мостом, между нами и немцами, остался подбитый танк «КВ» старшего лейтенанта Доценко. Надо было его выручать. Вечером я подполз к Горбату мосту. Здесь еще горели подбитые гитлеровские танки. Стоял густой туман, молочная дымка скрыла город и подступы к железной дороге. Убедившись, что все спокойно, я приказал воентехнику I ранга С. А. Сыромятникову эвакуировать поврежденный «КВ». И, как это бывает на войне, произошло неожиданное. Только ремонтники ушли, в нашем расположении затрещали немецкие автоматы. Группа гитлеровцев просочилась к моему наблюдательному пункту. Не знаю, как обернулось бы дело, если бы на выручку не пришли три танкетки из 46-го мотоциклетного полка, располагавшегося левее нас. Их прислал командир полка майор Федорченко. Командиры на войне не любили делиться славой. Но сосед в беде не бросали. Танкетки рассеяли немецких автоматчиков. А вскоре к моему НП подошел своим ходом и танк Доценко.

История эта потом долго передавалась по всему фронту. В танк Сыромятников с ремонтниками проник беспрепятственно. Перевязали раненых членов экипажа, стали ремонтировать машину, и тут пошла автоматная трескотня. По броне защелкали пули. Они закрыли люки и продолжали работать. И вдруг слышат: подъезжает чей-то танк и вроде бы берет их на буксир. Заглянули в смотровую щель: немцы! И трос уже натянут. И в этот критический момент двигатель, который все не удавалось запустить, вдруг завелся. Могучий «КВ» двинулся с места и поволок за собой немецкий танк «на привязи».^[86]

...В жестоких боях под Калинином у людей крепла вера в будущую победу. Первая растерянность прошла. Своими дерзкими атаками наши танкисты наводили панику и ужас на гитлеровских захватчиков. Вот, например, что писал немецкий ефрейтор Ганс

Леке, убитый в бою под Калинином. Письмо датировано 19 октября 1941 года.

«...Мы уже стояли за 5 километров от Ленинграда, сегодня мы стоим 150 километров от Москвы и теперь наступаем на Москву. Нам говорят, что должны наступать еще 100 километров и тогда сможем вернуться на родину. Но теперь уже нельзя никому верить... 16 октября 1941 года имели очень тяжелый бой у города Калинина... Не можете себе представить, какой тяжелый бой произошел... Ты пишешь, что цензура открыла мое письмо. Но это меня не волнует, потому что лучше сидеть 10 лет в тюрьме, чем остаться один месяц в России».

Об отваге и мужестве танкистов в те дни неоднократно сообщалось в нашей печати. «Комсомольская правда» 24 октября 1941 года рассказывала:

«...Выполняя приказ командования, смело, энергично, инициативно действовали танкисты тов. Ротмистрова. После большого марша они прямо с ходу вступили в бой. Схватка продолжалась недолго. Враг не выдержал удара и откатился назад. Но и после этого немцы пытались выйти к шоссе обходными путями. Однако танки остановили противника».

В районе шоссеной дороги завязался упорный танковый бой. Стремительным ударом наши танкисты опрокинули врага. На поле боя фашисты оставили более 600 трупов, 15 танков, 10 орудий, несколько минометных батарей».

Нелегкой ценой добывалась тогда победа. Мы тоже понесли потери, было убито и ранено несколько командиров танков и механиков-водителей. Были ранены командир танкового батальона капитан И. Д. Баскаков и командир роты тяжелых танков старший лейтенант С. Г. Доценко.

Мне вспоминается боевой эпизод, который ярко и зримо восстанавливает картину беспримерного мужества и стойкости наших воинов.

Во время одной из танковых атак экипаж И. Ф. Костюченко раздавил противотанковое орудие и автомашину, сжег один вражеский танк и, сокрушая все на своем пути, врезался в боевые порядки противника. Увлеченные успехом, танкисты не заметили, что наступавший рядом с ними[87] танк старшего сержанта Н. Г. Тарасова подбит и что они остались одни.

И тут машина содрогнулась от взрыва и остановилась. Снаружи послышалось: «Рус, сдавайся!» В ответ ударил танковый пулемет. Немцы отпрянули.

Неподвижный танк продолжал сражаться. Потом боезапас кончился. Танк замолчал.

Гитлеровцы застучали по броне: «Рус, выходи!» Несколько крепких слов дали им понять: русские не сдадутся...

Местные жители потом рассказывали: гитлеровцы притащили к неподвижной машине соломы, хвороста и подожгли. Когда пламя охватило танк, в машине запели. Это были слова «Интернационала»...

Майор Г. Громыко рассказывал:

— Когда Медное было отбито от врага, мы нашли этот героический танк на одной из улиц. Извлекли четыре обгоревших трупа. Опознать людей было невозможно. Нашли только обгоревший комсомольский билет на имя Ивана Федоровича Костюченко.

Тогда, в горячке непрерывных сражений, имена других членов экипажа так и не

установили. А после войны не вдруг вспомнили. Так и остались безымянными.

Эти двое суток — 15 и 16 октября между Медным и Горбатым мостом день и ночь шла непрерывная огненная круговерть. Стычки танковых групп, атаки и контратаки сменяли друг друга. Пальба, дым, чад, гул моторов, и при всем этом неясность общей ситуации. В полку оставалось 18 боеспособных танков, требовали ремонта 29 машин. Поредели ряды командиров взводов, выбыли три командира роты. Противнику удалось подтянуть силы. Против нас стали действовать части 36-й мотодивизии и 6-й танковой дивизии немцев. Подошла еще одна пехотная дивизия. 17 октября группе немецких танков удалось проникнуть в наш тыл, и полк был вынужден с боем оставить Каликино, Поддубки и Медное. При отходе отличился взвод лейтенанта Ф. К. Логинова. Его танкисты уничтожили 6 орудий, 5 минометов, 10 машин с боеприпасами и до 300 гитлеровцев.

Чтоб задержать гитлеровцев и вытащить свою неисправную технику, мы пошли на хитрость. С наступлением темноты стали гонять по Ленинградскому шоссе тракторы. К линии фронта тракторы шли со светом, затем втягивались в лес, гасили свет и уходили за неисправными танками, чтоб отбуксировать их на ремонтную базу под Лихославль. А в лесу оставляли костры. «Режиссером» этого «театра» был^[88] старший лейтенант А. Ф. Сотников. Немцы поверили, что в лесу «сосредоточение» наших танков. Над лесом гудели их самолеты-разведчики, а перед рассветом там загрохотали бомбы, от которых пострадал только лес.

18 октября бригада была подчинена 31-й армии. Полк пополнился личным составом и боевыми машинами. Батальоны приняли капитан Д. К. Гуменюк и капитан А. Н. Ушаков — смелые и энергичные офицеры. Ротой тяжелых танков командовал лейтенант Н. И. Лященко, помощником командира полка по технической части стал старший лейтенант А. Ф. Сотников.

Вместе со 185-й стрелковой дивизией нам предстояло 19 октября освободить Медное и Поддубки.

В то утро над Волгой и Тверцой опустился густой туман, укрывший боевые порядки полка. Видимость была не более 400 метров, это нам хорошо помогло. Танки первого эшелона вместе со стрелками 1319-го полка пошли в атаку. С опушки дубовой рощи хорошо был виден передний край противника. Мы наблюдали за движением танков. Они ходко шли ржаным полем. Первая линия танков под командованием капитана Гуменюка засверкала орудийными вспышками. Атака была столь стремительной, что немцы не успели организовать огонь. Беспорядочная стрельба их пушек не причинила нам большого вреда. Враг отступал. Поле было усеяно серо-зелеными шинелями. Преследуя противника, стрелки 1319-го полка бросились в ледяную Тверцу. Одеты в форму танкистов автоматчики батальона капитана Шестака (немцы их называли черной пехотой) первыми вышли вслед за танками на другой берег. Бросая танки и орудия, гитлеровцы поспешно отступали.

В разгар боя к моему танку подъехали полковник Ротмистров и еще три офицера из штаба армии и фронта. И в это время над головой завывали бомбы: немцы пытались с помощью авиации восстановить положение. Одна бомба рванула у самого здания, у которого мы стояли. Послышался треск, и мне на плечи упала оконная рама. В общем, было не до смеха, но остряки потом говорили: «Это нашему командиру за Медное

вместо лаврового венка».

К 14 часам 19 октября Медное было полностью очищено от врага. В селе было освобождено 500 советских военнопленных, которых фашисты не успели угнать.

Впоследствии наша 8-я танковая бригада была переброшена под Яхрому и в наступательной операции участвовала уже на другом участке фронта.[89]

УПРЯМАЯ БАТАРЕЯ

Ворвавшись 14 октября 1941 года в Калинин, передовые части противника тут же предприняли попытку развить наступление в направлении Бежецка. Первым препятствием была река Тверда. И фашистские танки устремились к Тверецкому мосту, рассчитывая овладеть им с ходу.

Серьезного сопротивления гитлеровцы, по-видимому, не ожидали. Действительно, кроме незначительных сил слабо вооруженных местных формирований, никаких иных наших подразделений здесь до последнего момента не было. 5-я стрелковая дивизия под натиском превосходящих сил противника отходила к Малым Перемеркам, а 256-я стрелковая дивизия, переброшенная с другого участка фронта, находилась еще в пути.

Однако, стремясь опередить противника и преградить ему путь на север и северо-восток, командование этой дивизии выбросило вперед на автомобилях один стрелковый батальон и пятую батарею 531-го артиллерийского полка, которой командовал лейтенант А. И. Кацитадзе. Батарея подоспела вовремя.

У Кацитадзе было четыре противотанковых орудия. Комбат понимал: чтоб задержать противника такими малыми силами, его надо ошеломить, оглушить внезапным ударом. До последней секунды не обнаруживать себя, затаиться, а потом бить в упор, внезапно и наверняка.

Тактическая обстановка этому способствовала. Мост неширок. Тяжелой технике на нем не развернуться. Два-три точных попадания — и будет пробка.

На Пожарной площади, прямо против моста, оказался закрытый двор с глухим забором и воротами. За ними две пушки спрятались, как за ширмой. Два других орудия командир батареи поставил в стороне для ведения флангового огня.

Артиллеристы знали: если враг прорвется через мост, им деваться некуда. Предстояло либо выстоять, либо погибнуть.

...На рассвете на той стороне взрели моторы, и к мосту подошли танки. За ними следовали автомашины с орудиями и прислугой. Голова колонны осторожно вползла на мост и двинулась к левому берегу.

В одноэтажном Затверечье стояла тишина. Улочки как будто вымерли, и даже дома, казалось, вжались в землю.[90] Идущий впереди танк прибавил скорость. Он уже миновал середину моста, когда внезапно распахнулись ворота и оттуда грянул залп. Рвануло, машина лязгнула расстелившейся гусеницей и развернулась поперек моста. Следующий снаряд пробил броню. Из танка вырвалось пламя.

На мосту началась паника. Еще два танка, пытавшиеся маневрировать в узком пространстве, были расстреляны в упор. Теперь над Твердой пылал огромный дымный костер. Все это произошло в считанные минуты. И опять в Затверечье воцарилась тишина — ни людей, ни орудий.

Пришли в себя гитлеровцы нескоро. Потом они пытались стащить с моста сгоревшие танки, но снова прогремел залп, и к трем изувеченным машинам присоединилась четвертая.

В тот день возобновить наступление противник больше не пытался. В последующие дни, подтянув артиллерию, гитлеровцы открыли массированный огонь по батарее. Горели вокруг дома. Были раненые и убитые. «Дивизия на подходе, — ободрял людей Кацитадзе. — Надо выстоять».

В течение трех дней батарея во взаимодействии с небольшой группой пехотинцев удерживала мост. И только 17 октября, когда подошли и заняли оборону основные силы 256-й дивизии, Кацитадзе, выполняя приказ, сменил огневую позицию.

В тяжелой обстановке, сложившейся под Калинином осенью 1941 года, фактор времени играл чрезвычайно большую роль. Ставка принимала меры для ликвидации прорыва немецко-фашистских полчищ, и дорог был каждый выигранный день и час. Трехдневная заминка вражеских частей на Тверецком мосту также сыграла определенную роль в развитии событий.

Впоследствии, бросив сюда большие силы, противник все же проник в Затверечье, но к тому времени здесь уже была создана прочная оборона, и развить наступление на Бежецк ему так и не удалось.

За бой на Тверецком мосту командир батареи лейтенант Кацитадзе был награжден орденом Красного Знамени. Награждены были и его бойцы.

Александр Илларионович Кацитадзе воевал до Победы. Закончил войну подполковником, командиром артиллерийского полка.

М. Яковлев^[91]

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

21-я отдельная танковая бригада родилась в тревожные и хмурые октябрьские дни сорок первого года во Владимире, формировалась она в военном городке, в казармах которого размещался запасной танковый полк. Здесь оказалось немало бывалых танкистов, прошедших суровую школу Халхин-Гола и финской кампании, и тех, кто принял боевое крещение на Украине и в Белоруссии в первые месяцы Великой Отечественной. Это были командиры машин, механики-водители, башнеры, стрелки-радисты, командиры взводов и рот. Они называли себя «безлошадными» и ждали, когда их посадят на танки, отправят в бой. Враг был на подступах к Москве, и люди жили в большой тревоге и ожидании перелома событий.

Для формирования прибыли старшие командиры и политработники: командир бригады

полковник Б. М. Скворцов, комиссар Матвеев, начальник политотдела А. А. Витрук, начальник штаба бригады майор Д. Я. Клиinfeld. Приехали сюда и недавние слушатели Военной академии механизации и моторизации РККА Герои Советского Союза майор М. А. Лукин, капитан М. П. Агибалов и старший лейтенант И. И. Маковский. Лукин был назначен командиром формирующегося в составе бригады танкового полка, Агибалов — командиром 1-го танкового батальона, Маковский — его заместителем.

Такое пополнение очень воодушевило и обрадовало танкистов. Солдат всегда склонен видеть в своем командире человека волевого, бесстрашного, знающего, надежного, которому можно во всем довериться. А тут настоящие герои с Золотыми Звездами на гимнастерках, попадавшие в разные переделки, знавшие почему фунт лиха!

Формирование бригады проходило в необычайно быстром темпе. В считанные дни укомплектовали мотострелковый батальон (примерно 700 человек), в состав которого вошли: три мотострелковые роты, рота противотанковых ружей, батарея ПТО, зенитная батарея, рота крупнокалиберных пулеметов ДШК, минометная рота (двенадцать 82-мм стволов). Были еще в бригаде рота автоматчиков, взвод разведки, саперный и комендантский взводы. Но главной ударной силой бригады, конечно, были танки. Танковый полк состоял из двух батальонов: первый батальон средних танков Т-34 (28 машин), второй — легких танков^[92] (одна рота из 10 танков БТ и две роты по 11 танков Т-60).

13 октября на станцию Владимир прибыли эшелоны из Горького и Харькова с боевыми машинами на платформах. Харьковский эшелон (танки Т-34) был уже полностью укомплектован экипажами. Их не разгружали, пополнили боеприпасами и имуществом.

Накануне, 12 октября, начальник Бронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенант танковых войск Федоренко прислал в бригаду с нарочным приказ, которым предписывалось принять прибывающие эшелоны с танками, не разгружая машин, укомплектовать экипажами, всем необходимым и следовать через Москву на Калинин с задачей: разгрузившись на станции Калинин, не допустить захвата противником города.

14 октября, к рассвету, пять эшелонов бригады прибыли в Москву. На Ленинградском вокзале, как вспоминает бывший начальник штаба (впоследствии командир этой бригады) Д. Я. Клиinfeld, первый эшелон встретил представитель Генштаба РККА полковник Демидов, подтвердивший приказ генерала Федоренко следовать на Калинин. Обстановку в городе он уточнить не мог. На станции Клиinfeld офицер связи из Бронетанкового управления передал майору Клиinfeldу топографические карты окрестностей Калинина. Точной обстановки он тоже не знал.

Кое-что прояснилось, когда первый эшелон со штабом прибыл на станцию Завидово. Начальник станции сказал: «Калинин занят немцами. Впереди высоких площадок, пригодных для выгрузки танков, нет... К тому же станция Ред-кино сейчас эвакуируется. Ехать вам некуда».

Командование бригады решило разгружаться тут же, а последним эшелонам — в Решетникове.

К исходу дня небо заволочло тучами, пошел густой снег, пожалуй, слишком ранний для середины октября, но он сослужил хорошую службу: над железной дорогой летали вражеские самолеты и при плохой видимости летчики не разглядели происходящего на станции.

Посланная в двух направлениях — по Московскому шоссе к Калининскому и к Тургинову — разведка доложила: Калинин занят противником, в Тургинове тоже немцы...

Тут необходимо отметить, что в сложной обстановке тех дней, которая менялась с каждым часом и не в нашу пользу, командованию бригады было трудно ориентироваться, так^[93] как оно получало приказы от ряда военачальников, ставивших разные задачи.

Сначала приказом штаб-группы войск калининского направления 21-й танковой бригаде было дано указание «ударом во фланг противнику в направлении совхоза Вагжа-нова окружить и уничтожить южную группу противника и овладеть ст. Калинин». Потом поступили приказы от командующего войсками МВО, заместителя командующего Западным фронтом генерал-лейтенанта Артемьева, командующего войсками 16-й армии генерал-лейтенанта Рокоссовского. В последнем распоряжении указывалось:

«Немедленно перейти в наступление в направлении Пушкино, Иванцево, Калинин с целью ударом во фланг и тыл противнику содействовать нашим войскам в уничтожении калининской группировки войск».

В приказе командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова указывалось:

«...овладеть Тургиново, в дальнейшем сводным отрядом наступать в направлении Ильинское, Цветково, Неготино с задачей — уничтожить группировку противника в районе Калинина».

Был ли выполнен приказ? Одна бригада против целой армады... Без всякой поддержки, без взаимодействия, без учета реальных сил противника... В том-то и дело, что в тот критический момент даже в высших штабах недостаточно знали обстановку, полагая, что в Калининском находятся лишь передовые подразделения немецко-фашистских войск и их легко выбить, если действовать решительно, стремительно и дерзко.

Части бригады совершили трудный марш по бездорожью вдоль южного побережья Московского моря. Первыми преодолели низкие заболоченные места танки капитана Агибалова, форсировали реки Ламу и Шошу и утром 16 октября вышли к Тургинову. Подтягивались другие подразделения. Необходимо было собрать их в единый кулак, подтянуть тылы.

Непредвиденные обстоятельства всегда мешают делу, но чаще всего они встречаются на войне. Приведем отрывок из никогда раньше не публиковавшихся воспоминаний начальника штаба бригады Д. Я. Клиinfeldа:

«Во второй половине 15 октября, когда мы находились в д. Гологузово, в штабную машину вошел высокого роста командир в бурке и представился:

— Полковник Доватор, командир кавалерийской группы.^[94]

Я очень обрадовался ему, так как на этом направлении впервые встретились свои. Но радость была недолгой. Доватор сообщил, что «со своими казачками» занимает оборону по восточному берегу Ламы.

Оборона очаговая и маневренная.

— Мною получен приказ, — добавил он, — передать занимаемый участок подошедшим частям и убыть в резерв фронта на формирование.

Такой была короткая встреча с человеком, имя которого вскоре стало легендарным. Нам же, увы, пришлось оторвать часть сил для обороны переданного Доватором рубежа. Его кавалеристов сменила мотострелковая рота, а танковая рота БТ заняла оборону юго-западнее Тургинова, чтобы прикрыть наши тылы».

Вечером 16 октября командиры частей и подразделений были вызваны на командный пункт бригады в Селино, где им был объявлен боевой приказ:

«Танковые и моторизованные дивизии противника 14 октября, овладев городом Калинин, продолжают наступать по Ленинградскому и Московскому шоссе. По Волоколамскому шоссе все время в направлении Калинина движутся колонны вражеских танков и автомашин с пехотой. Возможен удар крупных сил противника по Московскому шоссе.

21-я танковая бригада имеет задачу сорвать готовящееся наступление калининской группировки противника на Москву, нанести ей поражение и парализовать управление войсками.

Решил: танковым полком (без роты БТ 2-го танкового батальона) с десантом автоматчиков совершить глубокий рейд по маршруту: Большое Селище, Устинове, Левково, уничтожить противника в Пушкино. В последующем... овладеть юго-западной окраиной города Калинин. Остальными силами наступать по Тургиновскому шоссе с задачей поддержать действия танкового полка на юго-западной окраине города. Начало наступления с рассветом 17 октября».

Темной осенней ночью через густые перелески танкисты почти вплотную подошли к Волоколамскому шоссе. На Калинин двигались вражеские войска: танки, бронетранспортеры, тягачи с орудиями, автомашины с боеприпасами, цистерны с горючим.

...В воздух взвились три красные ракеты — сигнал к наступлению. Танки лавиной вырвались на шоссе и рванулись вперед. Они шли вслед за вражеской колонной. Немцы^[95] не обращали на них внимания: то ли не замечали, то ли принимали за своих. Лукин приказал не открывать огня, чтобы как можно ближе подойти к городу, ворваться в него, как говорят, на плечах противника.

В селе Пушкино танкисты разгромили немецкий штаб и устремились дальше, круша, поливая огнем бронетранспортеры с пехотой, автофургоны, орудия...

Удар ошеломил врага. Водители резко тормозили, чтобы свернуть в сторону, задние машины наезжали на передние, а танкисты настигали бегущих в панике фашистов, в упор расстреливали немецкие танки и стремительно уходили все дальше и дальше.

— Скорость, ребята, скорость! — слышался в шлемофонах голос комбата Агибалова.

Но вот над зажатой стеной леса дорогой, по которой мчались танки, появились «юнкерсы». Бомбовый удар пришелся по центру колонны. Загорелись машины, в воздух поднялись столбы черного дыма...

В деревне Трояново, что в шестнадцати километрах от Калинина, на берегу маленькой речки Каменки, наших танкистов встретил плотный артиллерийский огонь. «Тридцатьчетверки» отстреливались, маневрировали, но на подмогу гитлеровцам прилетели пикирующие бомбардировщики. Над речкой поднимались высокие дымы. Одна из наших машин была подбита у самого моста. Это был танк командира полка

Героя Советского Союза М. А. Лукина. Он вел огонь, уже потеряв способность двигаться: стреляла пушка, строчил пулемет. Танк замолк, когда кончились боеприпасы... Гитлеровцы сорвали с гимнастерки убитого майора петлицы, ордена.

...24 января 1942 года по улицам Калинина медленно шел танк без башни, на котором был установлен гроб, обтянутый красным полотном. Танк-катафалк сопровождали боевые машины. На площади Ленина в тот день хоронили Михаила Алексеевича Лукина, героя Халхин-Гола и боев за Калинин.

...Танк капитана М. П. Агibalова вел за собой батальон «тридцатьчетверок» сквозь плотный вражеский огонь. Последняя радиограмма от него была получена в штабе бригады в 12.00. Последний бой он принял в деревне Напрудное, в десяти километрах от Калинина. Здесь командирская машина подожгла бензовоз и обратила в бегство множество гитлеровцев. Потом танк остановился, замолкла его пушка. Несколько орудий расстреливали машину, а она^[96] оставалась неподвижной и безмолвной. Осмелев, немецкие солдаты бегут к застывшему танку. Их отрезает пулеметная очередь... После ураганного артобстрела волна за волной набегают на танк вражеские атаки. Пулеметчик отбивает их. Бьет короткими очередями, бережет патроны. После одиночных выстрелов, теперь уже пистолетных, наступает тишина. Гитлеровцы окружают танк, под которым лежит рослый танкист в комбинезоне, в руке зажат пистолет ТТ. Рядом с ним — пулемет. Этот неравный бой вел Герой Советского Союза М. П. Агibalов, прикрывший отход своего экипажа к лесу. Он приказал своим ребятам уходить, а сам лег за пулемет. Таким уж человеком был Михаил Павлович: он не мог приказать подчиненному своей смертью спасти его жизнь, хотя имел на то право. Своим правом он считал спасти жизнь других.

25 октября 1941 года газета «Известия» сообщала:

«Южнее деревни Л. (Лебедеве. — С. Ф.), совсем близко к городу, экипаж старшего политрука Гныри (комиссара батальона Агibalова. — С. Ф.) выскочил со своим танком на немецкий аэродром. Появление советского танка вызвало здесь невероятный переполох. Один за другим стали подниматься в воздух бомбардировщики. Один бомбардировщик так и не оторвался от земли: танк Гныри раздавил ему хвостовое оперение. Второй самолет выстрелом из пушки был подбит на взлете. Остальным все же удалось подняться в воздух... Вражеские бомбардировщики засыпали отважных танкистов бомбами...»

И все же экипажу подбитого, потерявшего управление танка удалось пробиться к своим. Это похоже на чудо.

Но не меньшее «чудо» произошло с экипажем «тридцатьчетверки» старшего сержанта Рыбакова, который пробился к аэродрому у въезда в город (теперь здесь раскинулись кварталы жилого района Южный). Заметив справа летное поле, ряды немецких самолетов, Рыбаков дал команду механику-водителю: «Бери вправо! На аэродром!» Танк таранит «юнкерсы», валит их, срывает с бортов обшивку... Но снова выйти на шоссе танку не удалось, от сильного удара заглох мотор, машина загорелась. Гитлеровцы окружают машину, танкистов, оставшихся в живых, берут в плен. Через сутки Рыбаков, задушив часового, бежит к своим... Он прошел всю войну. Был в пехоте, потом снова стал танкистом, водил в бой танк КВ-122.^[97]

На войне всякое бывало. Случалось, люди гибли при бомбежке, не доезжая до линии фронта. Случалось, всем смертям назло, из кромешного ада человек выходил невредимым...

Сквозь заслон наземного огня и непрерывную бомбежку к Калинину пробивались

восемь танков. Восемь Т-34 вошли в город. Экипаж старшины Шпака устремился к железнодорожному вокзалу и завязал неравный бой. На улицах Калинина бились экипажи лейтенантов Воробьева, Малеева и других. Все они погибли. Так же героически, как их комбат Агибалов, как командир их полка Лукин.

Удивительна судьба экипажа танка с цифрой «3» на башне, которым командовал Степан Горобец. Он не только ворвался в город, но с боем прошел его с запада на восток и вышел к своим около Березовой рощи, где оборону держала 5-я стрелковая дивизия. О героической и по-своему счастливой «тройке» слышаны калининцы, о ней написаны книги.

Внезапный прорыв советских танков в город вызвал панику у гитлеровцев, нанес им немалые потери. Через много лет стало известно, что в последние дни войны в Потсдаме был обнаружен архив немецкого генерального штаба сухопутных сил. Среди документов был найден приказ командующего 9-й армией генерал-полковника Штрауса от 2 ноября 1941 года. От имени фюрера он наградил железным крестом первой степени полковника фон Кестнера — коменданта оккупированного города Калинина. Это была награда «за мужество, доблесть и энергичное руководство гарнизоном при ликвидации танкового отряда Советов, который, воспользовавшись сильным снегопадом, прорвался непосредственно в город».

Сетуя на сильный снегопад, командующий тем не менее не смог обойти молчанием этого героический рейд, заметно поколебавший наступательный пыл его войск.

* * *

...В тот день, 17 октября, бригада понесла большие потери. После гибели майора Лукина оставшиеся в строю танки собрал и взял под свое командование комиссар полка Г. И. Закалюкин. Он умело вывел их из-под удара вражеской авиации на Тургиновское шоссе, в лес у деревни Гришкино,^[98] где сражался мотострелковый батальон, поддерживаемый легкими танками. На следующий день на этом рубеже шел тяжелый бой, противник старался окружить обороняющихся, наносил удары по флангам. Причем немцы занимали более выгодные позиции, с которых просматривалось расположение подразделений, огневых средств. Наши несли большие потери. Был убит заместитель командира бригады майор Сергеев, тяжело ранен Герой Советского Союза старший лейтенант Маковский, которому было поручено командование мотострелковым батальоном.

По приказу командующего 30-й армией генерала Хоменко бригаде было разрешено занять более выгодный рубеж. В ночь на 20 октября подразделения вышли в район деревни Старый Погост, установили связь с 5-й стрелковой дивизией, обороняющейся на Московском шоссе. На этом рубеже обороны, сдерживая продвижение фашистских войск на Москву, бригада находилась до 14 ноября 1941 года. Одновременно велась активная разведка, совершались ночные налеты на гарнизоны противника. Много внимания было уделено восстановлению танков и другой, получившей повреждение в боях техники. Позднее 21-я отдельная танковая бригада принимала участие в боях под Ивановском, Рогачевом, Яхромой, Дмитровом, наступала на клинском направлении. Потом участвовала в тяжелых боях в районе города Белый. Несколько слов о дальнейшей судьбе 21-й танковой. Она была разделена на два танковых полка. Один из них после формирования убыл на Северо-Западный фронт, другой под командованием

майора Д. Я. Клифельда вошел в состав 6-го мехкорпуса, участвовал в боях под Сталинградом. В этом полку остался основной личный состав бригады, в нем жили и приумножались славные традиции легендарной 21-й танковой бригады.

* * *

В заключение нужно сказать, что неожиданный для противника смелый рейд танкистов в немалой степени сдержал натиск, на какой-то срок отдалил наступление гитлеровцев на Москву. В середине октября 1941 года был очень дорог не только каждый день, но и каждый час. В этих условиях дерзкий рейд по тылам противника, бои 21-й бригады за Калинин помогли выиграть время. Но это стоило большой крови, многих жизней.[99]

Память о героях должна жить вечно. Думается, этому могли бы служить стела, поставленная в честь легендарного рейда танковой бригады, мемориальная доска, рассказывающая о героическом экипаже Героя Советского Союза С. Горобца.

Память должна жить!

С. Флигельман

А. Ф. Семенов, генерал-лейтенант, Герой Советского Союза

В НЕБЕ НАД ВОЛГОЙ^{72}

Утром 13 октября я полетел в паре с капитаном Хлусови-чем на разведку противника. В районе Зубцова по невзорванному волжскому мосту густо шли немецкие войска. Часть из них направлялась на Старицу, другие входили с востока в Ржев. Таким образом, наш полк оказался почти в полном окружении. Оставался лишь небольшой коридор на северо-западе.

Мы поспешили вернуться на аэродром. Он уже обстреливался из минометов.

— Надо немедленно улетать, — доложили мы командиру полка Сергееву. — Технический состав выйдет из окружения по лесам.

Сергеев колебался. Лишь после нескольких минут раздумья махнул рукой и приказал начальнику штаба майору Проворову установить очередность перебазирования. Для посадки самолетов облюбовали площадку на окраине Калинина.

Первой взлетела наша эскадрилья. Вскоре показалась охваченная пожарами Старица. Над городом кружили несколько «юнкерсов». Заметив нас, они поспешили ретироваться. Однако одного мы все же настигли и сбили. Затем загнали в землю повстречавшегося «хеншеля». Но ввязываться в длительный бой избегали: эскадрилье предстояло прикрыть посадку остальных подразделений полка.

Вот и Калинин. Знакомый пригород в дыму и пламени. Снижаемся и заходим на посадку. На аэродроме все вроде нормально: даже посадочный знак выложен. Финишер у «Т» помахивает белым флажком. Однако меня что-то настораживает. Решил садиться со второго захода.

Выполняем традиционную «коробочку», и тут неподалеку^[100] в леске я замечаю танки и бронетранспортеры с крестами. Фашисты! Или, может быть, мне это показалось? Киваю Долгушину и Макарову: мол, посмотрите, что там, под деревьями. Тот и другой скрещивают руки — садиться нельзя. Значит, я не ошибся. Но откуда здесь немцы? Неужели они взяли Калинин?

Быстро разворачиваемся и с набором высоты уходим в сторону города. С земли по нашим самолетам открывается огонь из зениток. Эффективность его невелика: лишь две машины получили пробоины.

Центр города тоже охвачен пожарами. По улицам движутся группы людей. Одни направляются в Заволжский район, другие — в Затверечье. Внутри у меня все похолодело, когда я подумал, что где-то в этих толпах, наверное, находится моя мать — ткачиха с фабрики «Пролетарская мануфактура». Пожалуй, никогда — ни раньше, ни позже — не чувствовал я такой неукротимой ненависти к фашистам. Вспыхнуло неистовое желание немедленно броситься на них и биться до последнего патрона, до последнего дыхания...

Делаем над городом один круг, второй, ожидая подхода других подразделений полка. Отсюда хорошо просматривается площадка, на которую мы предполагали сесть. Вдруг вижу над вагоностроительным заводом трех «юнкеров». Предупредив ведомых, включаю форсаж и на большой скорости атакую ближайший бомбардировщик. С короткой дистанции открываю огонь из всех пулеметов, и «юнкере» валится на землю...

Своих мы так и не дождались. Горючего в баках оставалась самая малость. Посадку произвели в районе Клина. Я сразу же бросился разыскивать горючее: надо было во что бы то ни стало предупредить товарищей об опасности, подстергавшей их на окраине Калинина. Но пока я мыкался, остальные наши эскадрильи тоже прилетели в Клин. Не было только командира и комиссара полка.

Капитан Тимофеев рассказал, что он все же садился на окраине Калинина. Не обнаружив на аэродроме ни одного из наших самолетов, подрулил к командно-диспетчерскому пункту, чтобы выяснить, где же те, что вылетели раньше него. Навстречу вышел человек в красноармейской форме и, морщась от воя незаглушенного мотора, замахал руками: мол, вылезай, сейчас все объясню. Тимофеев стал отстегивать ремни, но в этот момент раздалась автоматная очередь. Стрелял немецкий солдат, выскочивший из-за капонира.^[101] «Красноармеец» плюхнулся на землю и истошно закричал по-немецки. Автоматчик остолбенел от удивления.

Тимофеев понял, что аэродром захвачен противником. Он резко развернул свой И-16 и начал разбег. За командиром последовали остальные летчики эскадрильи. Лишь один из них замешкался, и его самолет на взлете попал под плотный пулеметный огонь. Бензопровод оказался перебитым, мотор заглох. Летчику пришлось идти на вынужденную посадку. Выскочив из самолета, он скрылся в лесу и через несколько дней вернулся в полк.

А третья эскадрилья, ведомая старшим лейтенантом Кусакиным, расчетливым и осторожным командиром, перебазировалась без происшествий. Не увидев на калининском аэродроме наших самолетов, она даже не попыталась там садиться, сразу направилась в Клин.

Командир же полка покинул место прежнего базирования только в середине дня. Ведомыми у него были капитан Хлусович и лейтенант Борис Власов. Над Старицей эта группа встретила вражескими истребителями и завязала ожесточенный бой. Немцам, имевшим численное превосходство, удалось сбить самолет лейтенанта Власова и повредить машину командира полка. Тем не менее Сергеев и Хлусович оторвались от противника и произвели посадку на окраине Калинина. Командир полка сразу же вылез из кабины, а Хлусович несколько задержался. Осмотревшись, заметили, что они здесь одни.

— А где же наши? — тревожно спросил Хлусович.

— Сам удивляюсь, — развел руками Сергеев.

— Надо немедленно взлетать. Что-то здесь не так, — предостерег Хлусович.

— Сейчас взлетим, только посмотрю, что с колесом.

Тем временем к самолетам вплотную подкатил грузовик, и из кузова его посыпались немецкие солдаты. Сергеев даже не успел вытащить пистолет. Хлусович стал запускать двигатель. Это удалось не сразу. Пока летчик возился с насосом, подбежал немецкий офицер. Размахивая пистолетом, он на ломаном русском приказал ему спускаться. Хлусович не торопился выполнять команду немца. Тогда гитлеровец, ступив одной ногой на плоскость, потянулся в кабине. Хлусович выхватил из кобуры «ТТ» и ударил немца по голове. Тот свалился, уронив свой пистолет к кабину самолета. В ту же секунду запустился мотор. Самолет рванулся с места и пошел на взлет. Автоматные очереди прошли мимо.

Обо всем этом Иван Михайлович Хлусович сам рассказал^[102] мне, приземлившись в Клину. А о судьбе командира полка А. П. Сергеева мы узнали лишь в апреле 1942 года. Его истерзанный труп был обнаружен в кустах неподалеку от стоянки самолетов...

Последними из-под Ржева вылетели на По-2 комиссар полка В. И. Зиновьев и командир эскадрильи В. И. Подмогильный, недавно вернувшийся из госпиталя и еще не садившийся за штурвал.

Зиновьев повел По-2 в направлении Калинина на предельно малой высоте. Прошли Старицу. Над городом висели вражеские самолеты. Один из них — корректировщик «хеншель» — прицепился к По-2. Зиновьев бросал свою легонькую машину из стороны в сторону, прижимался к земле, но фашист не отставал. Тогда комиссар, улучив момент, сел на крутом берегу Волги и зарулил в еловый лесок. Мотор не выключал, так как запустить его одному невозможно, а на помощь Подмогильного рассчитывать не приходилось.

«Хеншель» не оставил их в покое и на земле. Он открыл огонь с пикирования. Зиновьев едва успел вытащить из кабины Подмогильного. Пулеметная очередь врезалась в землю рядом с По-2. На повторную атаку фашист не пошел, вероятно, кончились боеприпасы. Он направился в сторону шоссе, по которому двигались на Калинин сухопутные немецкие войска, и начал покачивать крыльями. Наши летчики поняли, что корректировщик сигнализирует о их местонахождении. Теперь жди «гостей».

— Надо взлетать, — сказал Зиновьев. — Поможешь раз — вернуть самолет? — спросил он Подмогильного.

— Постараюсь...

С трудом развернули По-2 в сторону Волги. Площадка для разбега была слишком мала и круто обрывалась на берегу. На этот обрыв и рассчитывал Зиновьев. «Свалившись» с берега, можно увеличить скорость и удержаться в воздухе.

Взлетели благополучно — помог встречный ветер и сказалось мастерство Зиновьева. Набрав необходимую скорость, пошли низко над рекой у самого берега. Корректировщик отстал, потеряв их из виду. Вдали вырисовывались контуры Калинина.

Выйдя к намеченной площадке, Зиновьев увидел там два истребителя и решил садиться. Но

еще на заходе от левой плоскости самолета полетели щепки. Вторая пулеметная очередь разбила приборную доску, третья угодила в мотор,^[103] и он задымился. Подумалось, что попали в зону огня своих зенитчиков, стреляющих по вражеским бомбардировщикам, которые находятся где-то выше.

Зиновьеву удалось посадить искалеченный самолет. Не спеша он выбрался из кабины, огляделся вокруг. Неподалеку дымились какие-то строения. Повсюду разбросаны разбитые ящики. У посадочного «Т» застыл МиГ-3. И ни одной живой души.

Из-за ближайшего капонира неожиданно хлестнула автоматная очередь. Пули издырявили перкалевую обшивку По-2. Зиновьев и Подмогильный бросились на землю. Послышалось завывание мощного двигателя, и на летное поле выполз немецкий танк с автоматчиками на броне. Летчики ползком добрались до кустов, обрамлявших площадку, и спрятались в полуобвалившейся траншее.

Танк пересек поле и подошел к По-2. Один из автоматчиков забрался на плоскость самолета, заглянул в кабину. Затем вернулся к танку. Стальная махина направилась к кустарнику, где спрятались наши. Зиновьев вынул пистолет и перезарядил его. С горькой усмешкой подумал: «Против танка-то с пистолетом...» Казалось, вот-вот наступит развязка: о сдаче в плен, конечно, они и не помышляли. В этот момент на противоположной стороне аэродрома почему-то началась стрельба, разорвались несколько гранат. Танк устремился туда. Зиновьев и Подмогильный облегченно вздохнули. Потом поползли в сторону леса. В сумерках набрали на красноармейцев, отрывавших окопы. Те рассказали, что немцы захватили лишь Мигалово и примыкавшую к нему окраину Калинина, железнодорожная станция еще в руках наших войск и через нее идут эшелоны.

Глубокой ночью Зиновьев и Подмогильный добрались до станции, сели в попутный поезд и приехали в Клин. Утром 14 октября они уже были в полку.

А технический состав вместе с батальоном аэродромного обслуживания выходил из окружения через Торжок, Лихославль, огибая с востока уже занятый противником Калинин. Двигались по бездорожью, подвергались бомбежкам с воздуха и обстрелам с земли. Автомшины с различным имуществом пришлось бросить. Но людей начальник штаба М. Е. Проворов и инженер полка Н. С. Пантелеев сумели сохранить и вывести к месту дислокации штаба нашей 46-й смешанной авиационной дивизии. ^[104]

Г. С. Кац, подполковник, бывший литсотрудник дивизионной газеты «Защита Родины»

ТРИ ДНЯ В ОКТЯБРЕ

Эти три дня решали многое. Прорвется противник к Торжку — и уже некому будет остановить его на Ленинградском шоссе. И пойдут танки с крестами крушить наши тылы, отсекая обороняющиеся части Северо-Западного фронта.

133-я стрелковая дивизия оказалась в эти критические дни в центре событий.

Из воспоминаний Маршала Советского Союза И. С. Конева.

«Рано утром 16 октября направленный мной в танковую бригаду Ротмистрова офицер для поручений полковник Воробьев доложил, что противник прорвал оборону бригады и развил наступление севернее Калинина — по Ленинградскому шоссе, на Медное. Точно установить, где находится наша танковая бригада, ему не удалось.

Пришлось немедленно выехать в район Медного. Следуя дорогой, идущей параллельно шоссе Калинин — Медное, я действительно обнаружил движение немецких танков на Торжок. Наших войск не было.

Прорыв противника к Торжку вновь обострил обстановку. Создалась угроза совершенно безнаказанного наступления врага в тыл Северо-Западному фронту и на восток — в направлении Ярославля.

Необходимо было сделать все возможное и невозможное, чтобы предотвратить эту серьезную опасность.

В этот же день я узнал, что к Лихославлю подошли головные части 133-й стрелковой дивизии генерал-майора В. И. Швецова...»

...Небольшую крестьянскую хатенку на окраине Лихославля заполнили командиры полков, служб, приданных подразделений. На столе, занимавшем почти всю комнату, испещренная стрелами оперативная карта района Калинина. Среди собравшихся выделялся высокий, плотного телосложения генерал. Командир 133-й стрелковой дивизии генерал-майор Василий Иванович Швецов, склонившись над картой, излагал сложившуюся обстановку.

Уже в первых боях под Смоленском и Андреаполем комдив Швецов проявил незаурядные способности в военном[105] искусстве. Кадровый военачальник, шинель он надел еще в гражданскую и с тех пор ее не снимал. Окончил военную академию, затем преподавал в ней. Перед войной одним из первых надел генеральскую форму.

В дивизии к нему относились с глубоким уважением. Человек высокой культуры, с людьми он говорил спокойно и просто. В самой сложной обстановке не терял самообладания, сохранял ясный ум и холодную голову. Наконец, был храбр, что и доказал неоднократно.

Учитывая, что немецкие войска рассредоточены на большом участке шоссе между Калинином и Медным, было решено нанести несколько ударов в разных местах одновременно, расчленив противника, отрезать от находящихся в городе основных сил и уничтожать по частям.

Из воспоминаний начальника штаба 2-го батальона 418-го стрелкового полка младшего лейтенанта И. Щеглова.

«Нашему батальону с ротой минометчиков было приказано следовать в направлении Калинина и к исходу 16 октября выйти к деревне Рылово.

В последние дни батальон вел непрерывные бои в районе Андреаполя. Люди устали, давно не мылись. Многие были простужены, кашляли. Надо было позаботиться об их отдыхе.

В головную походную заставу мы включили квартирьеров, намереваясь в Рылове помыть людей, хоть немного поспать.

К деревне подходили в полной темноте. На ее окраине нас нагнал вездеход. Из него вышел лейтенант — связной комдива.

— Командира батальона и начальника штаба прошу пройти со мной, — сказал он.

Вошли в один из домов. Очевидно, это было правление колхоза. В просторной, освещенной керосиновыми лампами комнате нас встретили комдив Василий Иванович Швецов и незнакомый нам генерал. На столе — развернутая карта. Задачу ставил командир из штаба.

— Смотрите внимательно, — обратился он к нам. — Мы находимся вот здесь. Ваша задача: выбить противника из деревень Старо — и Ново-Каликино, перерезать шоссе Москва — Ленинград, по которому идет интенсивная переброска техники и живой силы противника в сторону Медного и далее на Торжок. Ваш батальон первым вступит в бой.

Договорились о связи. Были названы сроки донесений.[106] На прощание генералы пожали нам руки,

пожелали удачи и отбыли.

Очень не хотелось после пятидесятикилометрового марш-броска ставить батальону такую нелегкую задачу. В Рылово бойцы входили в предвкушении баньки, ночлега в натопленных избах, котелка горячих щей. Но ничего из этого не получилось.

Можно представить состояние бойцов, когда после двенадцатичасового похода под морозящим дождем, по болотам, бездорожью, лесным тропам, по осенней слякоти, подается команда: хат не занимать...

С ходу рота за ротой проследовали по деревенской улице к берегу Тверцы. Началась подготовка к переправе.

Время — час ночи. Темень, хоть глаз выколи. Строго запрещено даже спички зажигать. Не исключено появление немецких разведчиков. Ленинградское шоссе совсем рядом. Кстати, как потом рассказывали местные жители, немецкие мотоциклисты еще дня два назад появлялись на правом берегу. Наш батальон первым подошел к реке. На его плечи легла и вся тяжесть подготовки переправы...»

Из воспоминаний командира батальона лейтенанта А. Чайковского.

«Мост через Тверцу взорван. Саперы отыскиали брод в самом узком месте реки. Но и там ширина ее метров тридцать. Под рукой ни понтонов, ни надувных лодок, ни одной плоскодонки. В ход пошли подручные средства: разбирались сараи, старые строения.

Взвод разведки и боевое охранение мы переправили на повозках и верхом на лошадях. Разведчики сразу же направились к станции Брянцево. Надо было разобраться — где противник, какие силы движутся по шоссе.

Почти всю ночь занимались переправой. Река ледяная. Важно было не вымокнуть, по сухому перебраться на противоположный берег. Каждая рота строила для себя плот. За работу брались дружно. Форсировали реку и на связанных одна с другой повозках.

Неприятности начались при переправе орудий, минометов. Затонула «сорокапятка». Крюками ее вытащили.

Переправа доставалась нелегко, а время уходило. Только к рассвету на правом берегу собрался весь батальон. Задымили две полевые кухни, потянуло ароматным варевом, и уставшие люди приободрились.

Утром 17 октября на Тверцу прибыли командир дивизии с генерал-полковником. Как потом я узнал, это был И. С.[107] Конев. Я доложил комдиву о том, что переправа завершена и батальон готов к выполнению дальнейшей задачи.

Генерал Швецов вынул из планшета топокарту и стал объяснять обстановку на участке, где нам надо действовать.

— Вашему батальону с минометной ротой и одной противотанковой батареей, — сказал комдив, — следовать через Брянцево к Старо — и Ново-Каликину. В ваше подчинение передается мотоциклетный полк. Непрерывно ведите разведку. Очень важно удачно выбрать исходные позиции для атаки. Следует подойти к селениям как можно ближе и главное скрытно.

— Главная задача для вашего батальона и всей дивизии, — сказал генерал-полковник И. С. Конев, — выбить ч противника из Старо — и Ново-Каликино, перерезать Ленинградское шоссе и занять круговую оборону.

Когда с постановкой боевой задачи было покончено, я пригласил генералов позавтракать в батальоне. Они не отказались. Пока совершалась трапеза, я воспользовался топокартой комдива. Младший лейтенант Сократ Пиневиц, инженер по образованию, геодезист, набросал схему местности, на которой нам следовало действовать.

Начальник штаба И. Щеглов в это время собрал командиров рот, взводов. Детально рассматривались взаимодействия подразделений.

Поступило донесение от нашей разведки: в лесу задержаны два красноармейца из мотоциклетного полка. Они рассказали, что накануне вечером на шоссе внезапно появились немецкие танки, колонна автомашин с пехотой и бронетранспортеры. Танков штук шесть, а машин не менее двадцати. Сильно поредевшие в последних боях подразделения мотоциклетного полка оставили Старо-Каликино и рассеялись в лесу.

То же подтвердил начальник штаба 46-го мотоциклетного полка капитан Сафонов, которого мы встретили несколько позже.

Итак, полка, на который мы рассчитывали, фактически уже не было. Щеглов тут же донес об этом в штаб дивизии. В одиночку, да еще без противотанковой артиллерии, нечего было и пытаться брать занятый немцами населенный пункт. И я решил подождать подхода 249-го противотанкового дивизиона.

Таким образом с началом наступления произошла задержка. [108]

В районе Брянцева нас догнала группа всадников во главе с комдивом В. И. Швецовым и комиссаром дивизии В. Г. Сорокиным. Встретив начальство, я сказал, что дальше ехать нельзя: в Каликине немецкие танки и до полка пехоты.

Генерал гневно спросил, почему задержались с выполнением приказа. Пригрозил военным трибуналом. То ли в шутку, то ли всерьез я попросил генерала на пару дней отложить трибунал. Но комдив, видимо, и сам понимал, что вступать в бой без противотанковых средств — безнадежное дело.

В Брянцеве нас встретил начальник станции Солодихин. Сообщил о последних событиях. Рассказал, как лучше выйти к Старо-Каликину и к шоссе. Рядом вертелся его сын Олег — 15-летний мальчишка, который вызвался сбегать со своим приятелем Виктором Николаевым в Каликино, посмотреть, что там происходит. Я было заколебался, но мальчишек как ветром сдуло».

Из воспоминаний И. Щеглова.

«Вернулись мальчишки. Рассказали, что успели высмотреть. Вызвались быть нашими проводниками.

Осенний день короток. Быстро стемнело. Под покровом ночи батальон со средствами усиления скрытно выдвинулся на исходный рубеж.

...Наступило морозное утро 18 октября. В Старо-Каликине началось какое-то движение. У колодца крайнего дома, обливая друг друга, гоготали голые по пояс солдаты. Видимо, хорошо выспались — как дома. Наигрывала губная гармошка, из хат тянуло дымком — гитлеровцы готовились к завтраку.

Батальон, затаившись, ждал сигнала...»

Из воспоминаний Антонины Михайловны Емельяновой, жительницы Старо-Каликина:

«Когда фашисты заняли деревню, они вошли в пустые избы — мы убежали в лес. Вечером наш отец пошел домой — хотел увести корову. Но немцы его непустили. Велели топить печь, баню. Чуть что — наставляли автомат. Чувствовалось, что фрицы основательно располагаются в наших хатах. Соседний дом заняли офицеры: наверное, там у них был штаб. На крыльце поставили часовых с автоматами.

С отца они глаз не спускали. Но один раз немец, который был к нему приставлен, поленился что ли или из тепла не захотел выходить. Вышел отец в сарай за дровами сам, [109] набрал охапку и почуял — кто-то в кустах прячется. Лес-то у нас сразу за огородом. Тут его окликнули. Наш красноармеец. Ну, все ему рассказал, сколько немцев, где у них штаб.

Утром отец печь топил, немцев в избе набилось, садятся за стол, галдят, смеются. Тут вбегает солдат, бледный, перепуганный: «Рус, рус...» Немцы повыскакивали и бегом кто куда. Пошла страшная стрельба».

Из воспоминаний И. Щеглова:

«Каждый из нас понимал, что атаковать деревню надо внезапно. Неожиданный мощный удар — самый крупный наш козырь.

Старо-Каликино брала стрелковая рота Федора Ивачева, усиленная станковыми пулеметами и противотанковыми пушками. Вместе с нею на исходный рубеж выдвигались 5-я рота Петра Касьмова, минометная рота Кинжибалова и 6-я рота Молостова. На случай появления противника со стороны Медного приданные артиллерийские и минометные подразделения должны были подготовить заградительный огонь по шоссе.

Между нами и деревней было пустынное скошенное поле. Вдруг одна из копен у деревенской околицы развалилась, из нее выполз танк и открыл огонь по взводу Варакси-на. Артиллеристы взвода Корнилова оказались на фланге, и наводчик Ян Юлиус первым же снарядом угодил в двигатель танка.

Заработали станковые пулеметы, из всех стволов по деревне ударили минометы и орудия. 4-я рота атаковала оглушенного, застигнутого врасплох противника. Неся большие потери, немцы в панике бежали. А рота, не задерживаясь, устремилась к Ново-Каликину.

Так первая, хорошо продуманная и подготовленная операция завершилась удачно. В этом боевом эпизоде, впрочем, как и в других боях, хорошо проявил себя командир роты лейтенант Ф. Ивачев».

Из воспоминаний А. Чайковского:

«Атаку батальона хорошо поддержали артиллеристы 400-го полка. Командир дивизиона Портяников вел беглый огонь по скоплению фашистов возле школы. Не помогли немцам и танки. Повернув вслед за своей убегающей пехотой, они, чтоб не попасть под огонь артиллерии, сворачивали с шоссе, но тут же глохли в глубоких кюветах. Экипажи зажигали шашки и под прикрытием дымовой завесы выскакивали из машин.[110]

Наши саперы успели поставить на шоссе мины, и часть немецких танков подорвалась на них.

Овладев Ново-Каликином, мы заняли круговую оборону. Только успели окопаться, как со стороны Калинина на шоссе появилась большая колонна бронетранспортеров с автоматчиками. И трудно сказать, как бы все обернулось, не окажись у нее на пути взвод Кандаурова...» В тот день, 18 октября, разведвзвод первым вышел к Ленинградскому шоссе у юго-восточной окраины Ново-Каликина. Командовал взводом Иван Кандауров — человек смелый, отчаянный, мастак на всякие выдумки и хитрые уловки. Дождавшись момента, когда шоссе опустело, комвзвода скрытно расположился с бойцами по обе стороны дороги, протянув через нее телефонный провод.

Со стороны Калинина показалась колонна машин с солдатами. Впереди, в мотоцикле с коляской, катил, судя по всему, офицер. Ехали немцы весело, с губной гармонью. ; Трудно сказать, что чувствовал в эти минуты Кандауров. Нервы были напряжены. Мозг сверлила одна мысль: только бы не зевнуть. Промедлишь секунду, потеряешь взвод... Предупредил: без команды огонь не открывать.

...Резко натянутый провод сбросил седоков с мотоцикла. Завизжали тормоза, и тут же по колонне с двух сторон хлестанули пулеметы, полетели гранаты. Немцы, крича, посыпались с машин, разбегаясь по кюветам. Завязался бой.

Разобравшись в обстановке, немцы стали подбрасывать к Ново-Каликину подкрепление — танки и бронемашины с пехотой. На помощь Кандаурову подоспела батарея 249-го противотанкового дивизиона.

Немцы выкатили легкое орудие и стали бить прямой наводкой.

Мысль у Кандаурова созрела мгновенно: захватить пушку. Иначе от взвода ничего не останется. «Второе отделение — за мной!» — скомандовал он.

Им удалось скрытно подобраться к орудию. В короткой схватке расчет был перебит. Кандауров не был артиллеристом, но полковая школа дала ему навыки владения и этим оружием.

— Ребята! — крикнул он. — Снаряды, живо!

Снаряды были то что надо — шрапнель. Кандауров развернул орудие: «Ну, держись, гады!» Опомнившись, немцы сосредоточили по орудию бешеный огонь. Кандауров оказался в самом пекле боя. [111]

На фронте сплошь и рядом жизнь или смерть. В пылу боя Кандауров не сразу понял, что ранен. Обожгло ногу, почувствовал слабость. Но было не до этого. Пушка продолжала бить.

Люди выходили из строя. Порой ему приходилось самому и подносить снаряды, и заряжать, и стрелять.

Вот уже послан в ствол последний снаряд. Последний выстрел.

Умолкло орудие. Фашисты, видимо, решили: всё, в живых никого. И бросились к пушке в открытую.

— Гранаты! — крикнул комвзвода. Ему подтащили ящик немецких гранат.

— Натё! — выкрикнул Кандауров и швырнул первую. За нею полетели другие. Немцы отпрянули.

Второе ранение оказалось более опасным: нестерпимая боль резанула вдоль живота. Кандауров ткнулся головой в землю.

Потом боль как будто отпустила. Он поднял голову и понял: дело плохо. Перебегая, немцы сжимали кольцо. У него хватило сил доползти к пулемету и нажать гашетку. Рядом рванула граната, и он потерял сознание.

Швырнувший гранату немец бросился к Кандаурову. Но старший сержант Зидер заслонил командира, штык сработал быстрее автомата.

К вечеру бой стал стихать. Противника отогнали к Горбатовому мосту, к Калинину.

Кандаурова положили на носилки и понесли в деревню Рылово, в медсанбат. Подошли комбат Чайковский, начальник штаба Щеглов. Откинули плащ-палатку, поцеловали разведчика, попрощались: «Спасибо, друг».

Вскоре, почти одновременно, тоже с тяжелым ранением выносили с поля боя и Иннокентия Щеглова. А война продолжалась.

Забегая вперед, скажем: Иван Кандауров выжил. Воевал до конца, все время в разведке. К трем полученным под Калинином ранениям прибавилось еще четыре, плюс контузии. Прибавилось и наград. По праздникам Иван Зотьевич Кандауров надевает форму подполковника. Награды — в несколько рядов: два ордена Красного Знамени, три — Отечественной войны I степени, ордена Кутузова I и II степени, Красной Звезды, медали. Но самая дорогая для него награда^[112] — первая: орден Ленина, «заработанный» им в 41-м на I Ленинградском шоссе.

Но вернемся к октябрьским событиям. Шел 119-й день войны. На исходе этого дня, вечером 18 октября, полковник Мультиан доложил командиру дивизии: «Деревни Ново — и Старо-Каликино освобождены от противника. Батальон лейтенанта Чайковского захватил много трофеев».

Большое начинается с малого. Победа у каликинских деревень явилась первой нашей победой на пути к освобождению Калинина. И в этом смысле ее трудно переоценить.

...Через пару дней в батальон прибыл командующий Калининским фронтом генерал-полковник И. С. Конев. Его сопровождал командир 418-го стрелкового полка полковник Мультиан. Командующий расспрашивал, как проходил бой, много ли бойцов потеряли.

Враг оставил на поле боя около трехсот солдат и офицеров. Батальон захватил три танка, много автомашин, мотоциклов, оружия. Были взяты пленные, и в числе трофеев — два фашистских штандарта.

— Недаром в народе говорят: не так страшен черт, как его малюют, — сказал командующий, пожимая руки Мультиану и Чайковскому.

— Спасибо вам. Дали по зубам немцу.

Беседа командующего с окружившими его командирами и красноармейцами подходила к концу, когда Конев вдруг удивленно спросил: — А почему это у вас комбат в лейтенантах ходит? Мультиан начал что-то объяснять. Конев прервал его: — Есть у вас шинель?

— В автомашине, товарищ командующий.

— С вашего разрешения кое-что у вас позаимствую. i Конев подозвал адъютанта и отдал какое-то распоряжение. Тот сбежал к машине.

— Командиру второго батальона 418-го стрелкового полка 133-й дивизии Александру Феликсовичу Чайковскому присваивается воинское звание капитан Красной Армии, — громко объявил Конев и, сняв лейтенантские «кубари», прикрепил к петлицам по «шпале».

— Вы отлично управляли боем. И дальше так воййте. Пускай фашисты знают: дальше им хода нет. Теперь только назад — «цюрюк».^[113]

* * *

Стрелковому батальону старшего лейтенанта В. Маловичко приказано было в тесном взаимодействии с 8-й танковой бригадой действовать южнее Медного, у деревни Поддубки.

Под покровом темноты батальон вместе с артиллерийским дивизионом Н. Островского и минометчиками выдвинулись на огневые позиции. Подошло пять танков бригады Ротмистрова.

— Все, чем богаты, — с грустью сказал один из танкистов.

Подъехал батальонный комиссар В. Сорокин. В только что отрытом блиндаже накоротке проходило партийное собрание. Вопрос один: сделать все, чтобы не пропустить гитлеровцев ни в Калинин, ни в сторону Медного.

— Главное для нас, — говорил комиссар, — истреблять танки и, сколько можно, живую силу.

Потом слушали заявление красноармейца Владимира Шершнева о приеме его в партию.

В бой Шершнев шел коммунистом. Дрался он геройски и заслужил в том бою первую боевую награду.

У Поддубок отличились многие. Даже те, кто впервые шел в бой. Для зенитчиков пулеметной роты Михаила Кудристенко это было боевое крещение, но как они помогли пехоте. Их счетверенные пулеметные установки косили гитлеровцев, отсекая автоматчиков от танков.

О том, как развивались события у села Поддубки, вспоминает бывший командир противотанкового огневого взвода 400-го арtpолка старший сержант П. Баринov: — Получилось так, что мой взвод 76-миллиметровых пушек со взводом пехоты оказался несколько в стороне от стрелкового батальона, на участке которого должен был развернуться основной бой. Но позицию мы выбрали удобную, с хорошим обзором. Выставив дозор, в течение ночи зарылись в землю, даже блиндажи успели перекрыть.

Ночь прошла тихо. На рассвете командир батареи Хлыстов сообщил по телефону, что должны подойти несколько наших танков. «Смотри, не перепутай с немцами», — предупредил он. Я проинструктировал орудийцев, переговорил с командиром взвода пехоты. Во взводе после боев было всего около 20 стрелков.

На рассвете на проселочной дороге показались танки. Смотрю в бинокль и не могу понять — чьи. За танками следуют[114] машины с людьми. Докладываю комбату и в это время замечаю на башнях фашистские кресты. Меня даже в жар бросило. Что есть силы крикнул: «Взвод — к бою!» Танков было шесть. Еще не видя нас, они шли с открытыми люками. Потом открыли огонь по Поддубкам. Сделав по несколько выстрелов, развернулись и пошли в нашу сторону.

Я скомандовал: «Огонь!» После первых наших залпов два танка загорелись. Потом задымил еще один. В это время орудие Журбы замолчало. Подбегаю к нему. Тяжело раненный Журба лежит между станинами. Наводчик убит, расчет в растерянности, а немецкие автоматчики уже рядом. Встаю к панораме, команду: «Шрапнелью!» Немцы попадали. Тут вижу: на орудие Остапенко прут два танка. Разворачиваю свою пушку. Одна машина повернулась ко мне бортом, и я вlepил два бронебойных в бак с горючим. Кто-то подбил вторую машину.

Отбились... А без танков пехота попятилась. Глянул на своих: Остапенко и Журба ранены, в расчетах и половины не осталось. И у пехоты не лучше. Командир взвода убит, около пулемета два трупа, раненые стонут.

Доложив комбату Хлыстову, я попросил подкрепления. «Держись с тем, что есть, — сказал мне комбат, — здесь еще жарче, чем у тебя. У меня одно орудие осталось, минометы и «сорокапятки» повыбило».

Вижу — положение незавидное. Вызвал из лесу ездовых, приказал оставить с лошадьми и повозками одного человека, остальных поставил к орудиям. Двоим велел взять у пехоты пулемет. Насобирали по окопам патронов, подобрали несколько немецких автоматов, нашли ящик с «горючкой». В общем, вооружились, как могли, и стали ждать немцев. На одном орудии Остапенко, на другом я, у пулемета Крюков с напарником, да три автоматчика с бутылками горючей смеси. Связь с комбатом оборвалась. Теперь вся надежда только на себя.

Немцы появились в том же порядке: впереди танки, за ними автоматчики. Крюков мастерски отсекает автоматчиков от танков и прижимает их к земле. А мы с Остапенко лупим по танкам. Один остановился, другой задымил, а третий — сразу факелом. Четвертый уже добрался до нас, но из окопа полетели бутылки с «горючкой», и он запылал. Тут уже и фашист, видно, озверел. Не стал спасаться, рванул скорость и навалился на нашу пушку. Двоих раздавил вместе с орудием, Остапенко успел отпрыгнуть.[115] В танке рванули снаряды, и он ткнулся пушкой в землю.

Осталось нас семеро. Снарядов мало. Правее гремит бой. Там основные силы. Что у них — не знаем. У немцев, видно, тоже никакой ясности. Людей у меня — горстка, а они нас бомбят. Самолеты зашли два раза, покидали бомбы в лес и ушли. Значит, опять жди атаки.

Распределились. Я у орудия, со мной заряжающий и подносчик. Крюков с напарником у пулемета, двое с автоматами. И опять началось... Танки бьют с ходу. Это не страшно — больше для слабонервных. А вот

один остановился, поводит стволом. Надо упредить. Выстрел! Есть! Крюков бьет длинными очередями по пехоте. Точно бьет, хладнокровно, как на стрельбище. Ствол орудия у меня накалился, впереди дым, пыль, люди все черные, кровь на лицах, кажется, и душа запеклась.

Тут бы нам всем и могила, но подспела подмога. Между нами и танками встали черные столбы разрывов. Били из-за спины. Послышалось «ура», и, обтекая нас, навстречу немцам пошла пехота.

...В общем, мы свое дело сделали. И всё — конец силам, всему есть предел. Подъехала группа командиров на конях — командир полка майор Абузин, комиссар Липко-вич, другие. Увидели нас, стали обнимать — не думали, что мы живые. Потом нас всех, оставшихся, наградили. Меня орденом Красного Знамени.

...Потеряв Марьино, Медное, а затем и Поддубки, гитлеровцы все еще удерживали участок Ленинградского шоссе с деревней Городня южнее каликинских деревень. Бои перемещались туда. Позднее немцев разгромили и там. Но это уже сделали другие.

М. Н. Розов, полковник, бывший командир дивизиона 777-го артполка 246-й стрелковой дивизии

В ПОЛКАХ ОСТАВАЛОСЬ ПО 150 ШТЫКОВ...

17 октября 1941 года 246-й дивизии и еще нескольким соединениям 29-й армии было приказано переправиться севернее Старицы на правый берег Волги, нанести удар в тыл 41-му немецкому моторизованному корпусу и разгромить его. Командир дивизии решил переправиться через Волгу вброд. Брод у деревень Кучково и Курцево показали^[116] местные жители. Глубина здесь не достигала и одного метра. По данным разведки на правом берегу у противника в деревнях стояли небольшие гарнизоны, прикрывавшие левый фланг ударной группировки «Центр».

Двигавшийся в авангарде дивизии 914-й полк под непрерывной бомбежкой вражеской авиации к вечеру 16 октября сосредоточился в районе Акишево и в ночь на 17-е форсировал Волгу по наведенным штурмовым мостикам и на подручных средствах. За ним шел 915-й полк. В это время вода стала прибывать. К полудню уровень воды достиг 2 м 20 см. Разгадав, видимо, наш замысел, противник взорвал накануне в районе озера Волго дамбу. Штурмовые мостики снесло, натянутые через реку тросы и канаты не выдерживали нагрузок. Пришлось сколачивать плоты. Несколько подразделений все же удалось переправить.

На соседнем участке переправлялась кавалерийская дивизия. Общее руководство частями и подразделениями на правом берегу осуществлял командир 914-го полка майор А. П. Крутихин.

Вскоре противник обнаружил переправу. Около двух батальонов мотопехоты при поддержке авиации атаковали переправившиеся подразделения. На плацдарме в районе Кунилово и Редькино развернулись ожесточенные бои.

Вечером 17 октября в район переправы прибыли командующий войсками 29-й армии генерал И. И. Масленников и член Военного совета армии дивизионный комиссар К. А. Гуров. Никакой надежды на переброску артиллерии и танков на правый берег не было. Погода резко ухудшилась, пошел дождь со снегом. Противник же спешно подтягивал подкрепления. Оценив создавшуюся обстановку, командарм приказал командиру дивизии переправу прекратить, а переправившимся частям наступать вдоль берега на Калинин, овладеть аэродромом в Мигалове и захватить мост через Волгу на дороге Калинин — Торжок. Главным силам дивизии продолжать движение на Калинин вдоль левого берега реки^{73}.

18 и 19 октября на плацдарме шли упорные бои. Противник тщетно пытался сбросить наши части в Волгу. На поле боя под Куниловом и Редькином осталось свыше 200 немецких солдат и офицеров. В этом бою нами были захвачены 30 пулеметов, 4 тяжелых миномета и другие трофеи. [117]

Развивая наступление вдоль правого берега, 914-й полк 21 октября с ходу овладел деревней Мотавино, в ночь на 22 октября — деревней Краснове и утром завязал бои с вражескими гарнизонами в Рябееве и Опарине.

В это время основные силы дивизии совершали марш по левому берегу для сосредоточения в районе Гильнева, Сухого Ручья, Борков. У деревни Гостилково командир дивизии получил приказ переправиться на правый берег Волги в районе Нового Путилова и Хвастова. После переправы дивизия должна была соединиться с 914-м полком и наступать на Даниловское, Опарино, Рябеево и затем на Андрейково. Наступление поддерживали 644-й корпусной артполк, 510-й и 432-й гаубичные артполки, огневые позиции которых оставались на левом берегу.

Для переправы дивизия располагала всего двумя понтонами и катером. Было решено сначала переправить дивизион старшего лейтенанта Козачка, а после него — мой.

Завершали переправу уже на рассвете. К утру погода стала проясняться и налетевшие вражеские самолеты открыли по переправе огонь из пулеметов и пушек.

Собрав свои переправившиеся подразделения, я направился в 914-й полк, уже овладевший Красновом. Командный пункт майора Крутихина нашел на окраине деревни. Встретились как старые знакомые (до этого я уже поддерживал в бою его полк). Крутихин был рад. Краснове брал почти без артиллерии и понес большие потери. В батальонах осталось менее половины штатной численности. Теперь предстояло брать Опарино и Рябеево, куда, по наблюдениям разведки, немцы подтянули бронемашину и танки.

Выйдя от Крутихина, я приказал начальнику штаба дивизиона младшему лейтенанту Белоглазову развернуть командный пункт неподалеку от штаба полка. Дал указание протянуть к огненным позициям на левый берег проводную связь, ввел в обстановку командиров батарей и отправил их в стрелковые батальоны для организации взаимодействия. Сам же с начальником разведки дивизиона пошел вперед, рассчитывая максимально приблизить к пехоте свой наблюдательный пункт. Однако приблизиться к опорным пунктам Опарино и Рябеево не удалось. Наша пехота обосновалась в лесу, откуда эти пункты не просматривались. Пришлось вернуться в Красново.

Связисты доложили, что провод через реку от огневых позиций до командного пункта протянут, и вскоре мы открыли огонь.[118]

Эффекта, впрочем, большого не было. Все попытки батальонов сбить противника с занимаемого рубежа оказались безуспешными. У немцев на подступах к деревням Рябеево и Опарине была создана хорошая система огня, и все наши атаки были отбиты. Полк нес большие потери. Видя бесплодность этих попыток наступать, майор Крутихин приказал командирам батальонов перейти к временной обороне.

Во второй половине дня 23 октября противник силою до батальона пехоты при поддержке двух танков и бронемашин, под прикрытием артиллерии и минометов атаковал второй батальон. Левофланговые подразделения полка не выдержали этого натиска и стали отходить. Возникла паника. Группа немецких автоматчиков прорвалась в Краснове. Бой завязался у самого штаба полка. Майор Крутихин собрал штабные подразделения, подоспел стрелковый батальон, и автоматчики были частично истреблены, частично рассеяны.

Однако на следующий день противник, теперь уже силами до пехотного полка, возобновил атаки. Ему удалось потеснить наши батальоны и прорваться к Краснове. Бой за Краснове продолжался около трех часов. Пехота не выдержала и стала отходить. Командный пункт переместился в деревню Мотавино. Туда отошел с подразделениями управления и я. В ходе этого боя был смертельно ранен начальник штаба артиллерии дивизии майор Кортиков.

На правый берег тем временем переправлялись наши свежие части. Задача ставилась прежняя: перерезать коммуникации, рассечь немецкую группировку, блокировать ее с юга и юго-запада. Выполнить эту задачу не удалось.

Мой дивизион переподчинили 915-му полку.

— Давай, старшой, помогай, — сказал мне командир полка майор Орехов и развернул карту. Перед нами было село Даниловское, сильный опорный пункт на дороге Ржев — Калинин. Полк атаковал перед рассветом. После короткого, но мощного огневого налета батальоны ворвались весело. Разгорелся ожесточенный бой. Дрались за каждый дом. Немцы бросили в контратаку до полка мотопехоты с танками и выбили нашу пехоту. Ночью мы снова атаковали и вновь овладели селом.

Этот крупный населенный пункт, связывавший калининскую группировку противника со своими тылами, неоднократно переходил из рук в руки. Для удержания его гитлеровцы вынуждены были все время вводить в бой свежие^[119] резервы. В конце концов 14-я моторизованная и 1-я танковая немецкие дивизии овладели Даниловским и закрепились в нем.

Потери у противника были большие. Только 915-й полк в боях за Даниловское уничтожил 27 октября свыше 350 солдат и офицеров противника, 26 грузовых и 5 легковых автомашин, два склада с боеприпасами и подбил два средних танка^{74}.

Образец стойкости и мужества показал командир 915-го полка майор И. М. Орехов, лично возглавивший атаку 3-го батальона.

Справа на рубеже Путилове, Курково, Талутино вела бои 119-я дивизия, переправившаяся через Волгу 23 октября.

Присутствие советских войск на правом берегу Волги создавало серьезную угрозу левому флангу и тылу калининской группировки противника. 28 октября враг силами 161-й пехотной, 14-й моторизованной и 1-й танковой дивизий предпринял наступление.

Вновь развернулись тяжелые кровопролитные бои. Измотанная длительными боями дивизия не выдержала натиска и по приказу армии начала отход к Волге.

...В донесении командующему Калининским фронтом генерал-полковнику Коневу

командарм 29-й армии генерал-лейтенант Масленников докладывал:

«В течение шести суток активные наступательные действия 246-й стрелковой дивизии, усиленной одним полком 243-й стрелковой дивизии и одним спешенным полком 46-й кавдивизии, ожидаемого успеха не дали. Даниловское нами четыре раза захватывалось, но удержать не могли... В полках осталось по 150–170 штыков».

30 октября дивизия, неся потери в людях, конском составе и вооружении, переправилась на левый берег и сосредоточилась в районе Малое Избрижье, Змеево, Гудково.

И сразу приняли тяжелый бой. Со стороны Абакумова и Аненского противник рвался на север, стремясь перерезать дорогу Калинин — Торжок. Силы были неравные. Дивизия отошла на левый берег реки Тьмы, где 2 ноября заняла на 12-километровом фронте оборону по южной опушке леса севернее Стренева и Голыхина.

5 ноября 246-я дивизия с 29-м кавалерийским полком [120] усиленная 432-м гаубичным артполком, сменила части 54-й кавдивизии и заняла полосу обороны севернее Еремкина Старого Князева, Стренева (по северному берегу Тьмы) Справа оборонялась 183-я, слева — 174-я стрелковые дивизии.

14 ноября 908-й полк, находившийся в резерве армии принял от 183-й стрелковой дивизии участок обороны в районе Мошки. Полоса обороны дивизии расширилась до 17 км.

На фронте наступило относительное затишье. Измотанная непрерывными боями, ослабленная большими потерями, дивизия крайне нуждалась в отдыхе.

Части дивизии принимали пополнение, развернулась боевая учеба, активно проводилась партийно-политическая работа, людей готовили к будущим боям.

1 декабря, впервые, 13 лучшим бойцам и командирам дивизии были вручены правительственные награды Командир 914-го полка майор А. П. Крутихин был награжден орденом Ленина, военком дивизии бригадный комиссар Н. А. Истомина, санинструктор 915-го полка М. Ф. Надеев санитар Д. М. Малышев — орденом Красного Знамени остальным были вручены ордена Красной Звезды, медали «За отвагу».

Н. Б. Ивушкин, полковник, бывший политработник 256-й стрелковой дивизии

ЗА КАЖДЫЙ ДОМ... {75}

Светало. Колонна машин подошла к Калининскому мосту и остановилась у Горбатого моста. Вместе с командиром и комиссаром полка мы вышли на мост. Неподалеку горел вагоностроительный завод. Очаги пожаров были видны и в других частях города. Я смотрел на огонь, а память не давала покоя. Все здесь было связано с моей судьбой, все было дорого и свято.

...Январь 1935 года. На заседании бюро Калининского обкома партии меня рекомендовали вторым секретарем Великолукского окружкома. Потом со мной беседовал первый секретарь обкома товарищ Михаил (так все звали[121] Михаила

Ефимовича Михайлова). Мы говорили о повседневном — важном и все же будничном. Потом, помню, он подошел к окну кабинета, подышал на заиндевевшее стекло, вдруг обернулся ко мне и сказал: — Слушай, а ведь опасность в мире... Ты едешь в пограничный округ. Учти, может, нам с тобой не только строить, но и воевать доведется.

... Шли годы. После Великих Лук я находился на партийной работе в Торжке, а затем в Ржеве. В них все напоминало об истории нашей славной Родины. Я полюбил эти старые русские города и оставил в них частицу своей души...

... Размышления мои прервал комиссар полка Чекмарев: — Смотрите, кто-то бежит из города. Действительно, к нам приближался человек.

— Я директор распределительного холодильника, — отдышавшись, заговорил он. — В холодильнике хранится много мяса. Боюсь, как бы оно не попало к гитлеровцам. Заберите его, пожалуйста.

— Где немцы? — почти одновременно спросили мы.

— В Калинин их нет. Но они близко. Вчера вечером была слышна канонада, город бомбили.

Командир полка выслал вперед разведку, и вслед за нею колонна автомашин двинулась в город.

Ехали медленно. На Первомайской набережной было пусто. Дома закрыты, окна завешены. По Волжскому мосту выехали на Советскую улицу и остановились у театра. Часть автотранспорта была сразу же отправлена за 3-м батальоном и другими подразделениями полка, находившимися на марше.

Командир и комиссар пытались в местных органах власти выяснить обстановку. Но это им не удалось. Все учреждения накануне были эвакуированы из города. Тогда было принято решение прикрыть город с юга и севера, оседлав шоссе Москва — Ленинград. Командир дивизии, прибывший в полк, утвердил это решение.

Вместе с 1-м батальоном командир полка выехал на шоссе и на месте поставил боевую задачу командиру батальона лейтенанту Пшеничному.

Однако все, что было намечено, пришлось отменить. В Калинин появился представитель штаба 30-й армии и проинформировал командование полка об изменившейся обстановке.

Командир дивизии приказал майору Хркжину снять [122] батальон, занявший оборону на шоссе южнее города, и направить его в район боевых действий 5-й стрелкой дивизии, а двумя батальонами закрепиться у вагоностроительного завода.

Командир полка сразу же выехал выполнять приказание комдива. Но обстановка снова изменилась. Свежие части противника неожиданно ворвались в Калинин через Горбатый мост, по которому несколько часов назад проследовал наш полк. 2-й и 3-й батальоны должны были их остановить.

Опыта уличных боев никто из наших командиров не имел. Пришлось на ходу учиться действиям в городе, овладевать тактикой, требующей быстрых решений. С улиц, простреливаемых противником, людей переместили в переулки. Использовали окна и чердаки домов для огневых точек. Продвигались вперед, прижимаясь к стенам. Минут через тридцать вырвались на Первомайскую набережную. Завязался встречный бой, в котором немцы были отброшены.

Наши бойцы откуда-то со дворов катили на улицу бочки, тащили бревна, снимали ворота, ломали заборы. Вскоре улица была перекрыта баррикадами.

Так на Первомайской набережной нам удалось остановить противника. Но вражеские автоматчики появились на параллельной Верховской улице (ныне улица Горького). Старший политрук Чекмарев направил туда две роты 2-го батальона. Мне было приказано находиться в этих ротах. Роты заняли угловые дома на одном из перекрестков Верховской. И здесь продвижение противника было остановлено пулеметным огнем.

Тем временем немецкие части при поддержке авиации прорвали оборону 5-й стрелковой дивизии и устремились в город, к фабрике «Пролетарка».

...1-й батальон нашего полка прибыл на юго-западную окраину города, когда 5-я стрелковая дивизия под натиском врага отходила. Вначале батальон прикрывал отход дивизии, а затем дрался с врагом на Московском шоссе.

Захватив центр и большую часть Калинина, немцы бросили несколько танков с десантом автоматчиков через Волжский мост на Первомайскую набережную. Они шли навстречу своим частям, двигавшимся со стороны вагоностроительного завода.

Положение нашего полка сразу осложнилось. Немецкие танки и автоматчики ударили с тыла. Пришлось отходить в^[123] северо-восточную часть города к реке Тверце. Лишь у Затверецкого моста заняли оборону. 3-й батальон закрепился на правом берегу Тверцы, 2-й — на левом, по За-тверецкой набережной. Пивоваренный завод, жилые дома, больница были превращены в опорные пункты обороны.

К концу дня полк установил связь с тылами дивизии. Сразу стало легче: появились машины с боеприпасами, началась эвакуация раненых. В продовольствии мы не испытывали недостатка — в городе его было много.

15 октября с утра немцы возобновили наступление. Теперь они имели возможность бросить против нашего полка гораздо больше сил. Танками и артиллерией они блокировали дома, превращенные в опорные пункты.

К вечеру батальон, занимавший оборону на правом берегу Тверцы, вынужден был отойти. Гитлеровцы пытались на его плечах переправиться через мост на левый берег реки. Но выручили артиллеристы.

...16 октября гитлеровцы пытались форсировать реку на плотках, но это им не удалось. Все плоты мы потопили.

17 октября под прикрытием мощного артиллерийского огня, в том числе большого количества орудий прямой наводки, двинулась лавина немецких танков и пехоты. Настало время взорвать заминированный мост через Тверцу. Однако взрыва не последовало. Саперы впоследствии оправдывались тем, что осколками были перебиты шнуры, соединенные со взрывателями мин...

Враг форсировал Тверцу одновременно в нескольких местах. Мы дрались за каждую улицу, переулок, за каждый перекресток. Угловые дома превращали в опорные пункты. Из окон и чердаков бросали гранаты в гитлеровцев. Но преимущество врага в силах и огневых средствах было слишком велико. Да и город был к обороне не подготовлен — ни завалов на улицах, ни окопов, ни баррикад...

Удержаться мы не сумели. Противник полностью овладел городом. Лишь несколько домов, стоявших на северо-восточной окраине Калинина, остались в наших руках. Отсюда начиналось Бежецкое шоссе.

Для меня этот день был едва ли не самый тяжелый за все истекшие месяцы войны.

Калинин окутали сумерки. На окраине города гитлеровцы подожгли несколько домов. Таким варварским способом они освещали подходы к своему переднему краю. На^[124] фоне зарева мы хорошо видели фигуры немцев, перебегавших по пустым разрушенным улицам.

Когда совсем стемнело, на КП полка вызвали комбатов, политработников, офицеров штаба. Майор Хрюкин успел побывать в штабе дивизии и теперь познакомил собравшихся с обстановкой. Ясно было, что немецко-фашистское командование попытается развить успех наступления в северо-восточном направлении и захватить Бежецк. Задача полка — не пропустить врага на Бежецкое шоссе. Необходимо было немедленно приступить к созданию надежного оборонительного рубежа.

Сколько времени у нас для этого оставалось? Вероятно, считанные дни. Люди смертельно устали. Горечь неудач, казалось, надломила многих.

Мне думалось о том, что нельзя комбатам и политработникам расходиться с таким настроением. Когда поддаешься тоске, успеха в бою не достигнешь. Я еще размышлял, как поступить, и вдруг заговорил Чекмарев. Не помню сейчас дословно его речи. Но навсегда врезались в память ее убедительность, большевистская страстность. Будто и обычные были слова, но каждое из них обрело в ту ночь особый смысл.

Чекмарев не утешал нас. Глядя на огненное зарево, метавшееся над Калинином, он заговорил о Москве:

— Да ведь нельзя, никак нельзя пропустить врага к Москве. Ведь русские мы! Советские мы! Коммунисты! Так не было же на свете, нет и не будет силы, чтобы смогла нас сломить!..

Я шел во 2-й батальон, а у меня в ушах еще звучали слова комиссара: «Не было... Нет... И не будет!..» Всю ночь наши подразделения строили оборону. На фанерных листах появились призывы, звучащие как клятва: «Не пропустим врага на Москву!», «Стоять насмерть!» Утром гитлеровцы пошли в наступление. Атаки следовали одна за другой. Иногда казалось, что наши силы уже исчерпаны. Но нет — никто не отступал ни на

шаг, и раз за разом откатывались враги.

В середине дня фашисты решили сломить нашу оборону танками. Что греха таить, в сорок первом еще существовала болезнь, именуемая «танкобоязнь». Однако танковую атаку пресекли артиллеристы. Командир батареи Скосоренко^[125] и командир орудия Фомичев открыли огонь прямой наводкой и сразу подбили несколько немецких таков.

Надо ли говорить о том, как поднялся дух бойцов. Два танка, прорвавшиеся к траншее, были уничтожены бутылками с горючим и связками гранат.

Наступила короткая передышка.

19 октября на участке нашего полка противник возобновил атаки. Идея глубокого маневра в обход Москвы с северо-востока, очевидно, опьяняла гитлеровское командование. Не считаясь с потерями, оно бросало войска на Бежецкое шоссе. А потери у них были огромные — едва успевали за ночь уносить с поля боя убитых. Иногда казалось, что фашисты имеют перевес и потому не прекращают атак. В один из опасных для нас моментов артиллеристы выкатили на прямую наводку 45-мм пушку и открыли огонь по врагу. Я видел, как самоотверженно действовали артиллеристы. Когда атака была отбита, я пошел к ним и поблагодарил за помощь, оказанную пехоте. На огневой позиции находился военком батареи Иван Васильевич Киселев. Он представил мне командира орудия старшего сержанта Владимира Леонова. Разговорились. До войны он жил в Курской области. Работал в колхозе, потом — на сахарном заводе. Служил в армии. Комсомолец. Отец коммунист, воспитал шесть сыновей, и все они на фронте. Вот откуда идет «закваска» нашей молодежи, героическая сущность ее деяний, подумал я. Под стать командиру орудия Леонову был и весь его расчет. Молодые, энергичные, мужественные люди.

...В этот день у меня было много бесед. Расскажу еще об одной из них.

Я находился во 2-м батальоне, когда на его левом фланге гитлеровцы начали продвигаться вперед, приближаясь к нашим траншеям. Вместе с комбатом мы направились к окопам 6-й роты. Но пока шли, фашисты были отброшены, перестрелка прекратилась. К нам подбежал коренастый, лет тридцати сержант Таран и доложил обстановку. Он сообщил, что вражеская пуля ранила командира взвода. В отделениях на некоторое время произошло замешательство. Огонь ослаб. Противник, воспользовавшись этим, устремился вперед.

— Взяв на себя командование взводом, — сказал сержант, — я поднял бойцов в контратаку. Фашисты не выдержали штыкового удара и откатились назад.

Григорий Федорович Таран — с Украины. Рабочий. ^[126] Войну начал солдатом. Потом стал командиром отделения. В беседе с нами держался спокойно, с чувством достоинства. Нас он заверил: — Держимся в обороне стойко, гитлеровцы не пройдут!

...Возвратившись с переднего края в штаб полка, я застал там командира и комиссара дивизии. Комдив С. Г. Горячев был относительно новый человек, и я увидел его впервые. Комиссар дивизии Григорий Васильевич Рябухин часто посещал полк, и его знали многие. Как и комиссар нашего полка Чекмарев, он в прошлом пограничник и

тоже носил зеленую фуражку.

После короткой беседы в штабе полка комдив и комиссар направились на передовую. Положение осложнялось с каждым часом. То в одном, то в другом районе немцы предпринимали попытки вырваться на Бежецкое шоссе. Появление командира и комиссара действовало на красноармейцев успокаивающе, поднимало их дух. Когда все атаки противника были отражены, они обошли роты, батареи, побеседовали с людьми. Командир дивизии Сергей Георгиевич Горячев рассказал бойцам, что воюет он в родных местах. Здесь, в Калининской области, он родился и вырос.

Перед отъездом комдив развернул карту и познакомил нас с обстановкой, сложившейся под Калинином.

...Бои шли за чертой города, но и в самом Калининe еще несколько дней оставались очаги сопротивления. До нас доносились взрывы, пулеметные очереди. Перед рассветом 20 октября, словно вынырнув из ночи, недалеко от командного пункта полка построились тринадцать бойцов и командиров. Вид у них был страшный: черные, закопченные лица, рваное, обгоревшее обмундирование. Но все-таки красноармейцы и командиры не теряли самообладания, смотрели на нас гордо, как смотрят люди, исполненные сознания честно выполненного долга.

Один из них шагнул вперед, приложил руку к пилотке, доложил командиру полка:

— Товарищ майор! За три дня, проведенные в оккупированном Калининe, наша группа уничтожила более пятидесяти гитлеровцев. Все пятнадцать человек, находившихся со мной в городе, возвратились в родной полк. Двоих раненых отправили в медсанбат. Докладывает командир четвертой роты лейтенант Букшенко.

А дальше было вовсе не по уставу. Майор Хрюкин обнял Букшенко, расцеловал его.^[127] Позже мы узнали подробности боевых действий 4-й роты в Калининe. Она занимала оборону на левом берегу р. Тверцы, неподалеку от ее впадения в Волгу. Позиция роты — несколько домов, в одном из них ранее находилась швейная мастерская. Все здания красноармейцы превратили в опорные пункты. Фашистам все же удалось захватить мост через Тверцу, выйти на Пожарную площадь и окружить пятнадцать бойцов роты Букшенко. Гитлеровцы пытались захватить опорные пункты с ходу. Трижды они атаквали горстку красноармейцев, но безуспешно. Букшенко и его солдаты выстояли! А когда спустились сумерки, лейтенант собрал красноармейцев в одном из домов, объявил свое решение:

— Будем держаться до последнего патрона и последней гранаты!

Ночь прошла спокойно. Утром 18 октября гитлеровцы не возобновили атак. Видимо, предполагали, что отрезанная от своих горстка русских бойцов сдастся в плен. Этого не произошло.

Из дома гремели выстрелы. Наступил вечер. В сумерках наши люди увидели, как гитлеровцы выкатили пушку. Скрываясь за щитом, поставили ее против дома и открыли огонь прямой наводкой. В доме рушились стены, но бойцы держались. Тогда фашисты решили поджечь здание зажигательными снарядами. Вспыхнул пожар. Люди задыхались в дыму, обмундирование тлело. Лейтенант Букшенко приказал: взять

раненых и прорываться в соседний пустой дом. К счастью, гитлеровцы не заметили перебежавших красноармейцев. Видимо, они предполагали, что наши солдаты сгорели заживо.

Лишь через сутки Букшенко решил, что пора выходить к своим.

...Нашим бойцам помогла ночь. Передний край они прошли благополучно. Этим отважных людей я хочу назвать поименно. С командиром роты Букшенко были политрук Комков, заместитель командира роты Башкатов, командир пулеметного взвода Фомин, красноармейцы Барышев, Белкин, Лобан, Ванюхин, Трибунский, Мищенко, Максимов, Тамаришин, Писанник, Зайцев, Пунков.

И, пожалуй, только теперь, через много лет, полностью осознаешь, что именно из таких подвигов складывалась будущая победа над врагом.

Героическим действиям воинов 4-й роты мы посвятили листки-молнии, беседы во всех подразделениях.[128]

20 октября на нашем участке бои приняли еще более напряженный характер. В этот день был ранен командир полка М. Т. Хрюкин. Это уже второй осколок снаряда угодил ему в ногу. Несколько недель тому назад Михаилу Трофимовичу повезло: металлическая ложка, засунутая в голенище сапога, прогнулась, но отразила удар. Кстати говоря, не меньше повезло в тот день и комиссару полка Чекмареву — осколок сбил с него каску, но головы не задел. Михаила Трофимовича унесли в медсанбат. Мы с грустью провожали его. Рядом не стало отличного командира и дорогого товарища.

...В партийное бюро каждый день поступали заявления от бойцов и командиров с просьбой принять их в ряды партии коммунистов. Записи во фронтовом дневнике позволили мне восстановить в памяти заседание бюро, на котором рассматривались заявления отличившихся в боях товарищей. В землянке кроме меня и членов бюро Степана Михайловича Левченко и Сергея Николаевича Соснина сидел и Николай Максимович Букшенко. В своем заявлении с просьбой о приеме в партию Букшенко писал: «Я буду с еще большим рвением громить нашего заклятого врага — немецкий фашизм».

Потом разбирали заявление командира орудия Владимира Ивановича Леонова. В бою Леонов был ранен и пришел на заседание бюро с перевязанной рукой.

— Почему вы не в госпитале? — спросили его.

— Пovoюю пока одной рукой. Мне не из винтовки стрелять, — ответил он.

Пришел на заседание бюро и командир взвода разведки комсомолец Лев Викторович Жабинский, бывший мастер московского завода «Красный пролетарий». В полку его звали дважды мастер: он превосходно вел разведку.

...Напряженные бои на участке обороны полка не утихали. Получив пополнение, наши подразделения не только отбивались, но и готовились к наступлению. Полковые разведчики во главе с Жабинским ночью пробрались в Калинин и разведали вражескую оборону. На окраинах она состояла из сплошной линии окопов, опоясанных колючей

проволоккой и минными полями. Под домами были обнаружены блиндажи, огневые точки, главным образом пулеметные.

Однажды ночью на участке обороны 2-го батальона появились две молоденькие девушки, пробиравшиеся из Калинина. Стали разбираться, кто они и почему перешли^[129] линию фронта. Оказалось, что это комсомолки Шура Жолобова и Люба Королева, выполнявшие задание советской разведки. Отважные девушки еще несколько раз пробирались в Калинин и приносили ценные разведывательные данные. Однажды гитлеровцы задержали их. К счастью, все обошлось благополучно.

— Часовой, задержавший нас, — рассказывала Шура Жолобова, — привел нас в дом, где жила женщина с девочкой лет двенадцати. Она-то и выручила нас. Как только мы вошли в дом, догадливая девочка закричала: «Это наши тети. Они скрывались в погребе». Нас освободили.

...В конце ноября, возвращаясь из Калинина, наши разведчицы попали под минометный огонь противника. Осколком мины Шуру Жолобову ранило, ее отправили в госпиталь. Больше ни Шуры, ни Любы мы не встречали.

Занимая оборону, гитлеровцы использовали танки, ранее подбитые нашими артиллеристами. Машины находились недалеко от переднего края, их не эвакуировали, а превратили в доты. Наши саперы решили расчистить путь для наступления. Ночью несколько бойцов подползли к танку, заложили под него заряд тола, затем укрылись и подожгли бикфордов шнур. Немецкие солдаты, находившиеся в танке, ничего не заметили. Грохнул взрыв. Воспользовавшись паникой, саперы под прикрытием огня артиллерии поползли к другому танку, экипаж которого бежал. Саперы зацепили трос, а тягач вытащил танк через передний край.

22 октября 256-я дивизия получила приказ перейти в наступление и овладеть северо-восточной частью Калинина. Первой прорвала оборону противника рота лейтенанта Мальцева. С наблюдательного пункта было видно, как воины то перебежками, то ползком приближались к окраинным зданиям. Двое из них по водосточной трубе поднялись на крышу двухэтажного дома и через чердак проникли внутрь. Несколько позже командир роты доложил, что бойцы Ивицкий и Колосков очистили дом от гитлеровцев. Спускаясь с чердака по внутренней лестнице, они забросали гитлеровцев гранатами. Тринадцать фашистов было убито, шестеро сдались в плен. Красноармейцы отбивали дом за домом.

Немецкое командование срочно подтянуло подкрепление. Бои приняли ожесточенный характер, шли с переменным успехом. Сил для более энергичного наступления у нас было явно недостаточно.^[130] Через несколько дней дивизия перешла к обороне. Мы зацепились за северную окраину города и не пустили врага на Бежецкое шоссе.

...Новый командир полка Ефим Григорьевич Колков считал, что на войне все надо делать основательно: больше пота — меньше крови. На всем участке от северо-восточной окраины Калинина до деревни Глазково индивидуальные и групповые окопы соединялись траншеями и ходами сообщения. Строились блиндажи, дзоты. При помощи армейских и дивизионных саперов устанавливались проволочные заграждения и минные поля.

Мы, политработники — пропагандист Степан Михайлович Левченко, секретарь комсомольской организации Алексей Андреевич Пивоваров и я, — размещались в одном блиндаже. Его называли «блиндаж политчасти полка». Трудно, однако, припомнить, когда мы ночевали все вместе. Кто-нибудь из троих оставался на ночь в подразделениях. У нас в блиндаже отдыхали навещавшие полк представители политотдела дивизии и 31-й армии, в которую мы теперь входили. А утром блиндаж заполняли связные. Мы посылали в подразделения сводки Совинформбюро, принятые ночью по радио, газеты, журналы.

...Осень давала о себе знать. В окопах было сыро, холодно. И вот тогда в тылах полка начали изготавливать железные печки. Делали их из старых листов железа, водосточных труб, ведер. Вскоре они появились в блиндажах. Топили их ночью. Можно было просушить портянки, погреть руки. Налаживался окопный быт позиционной войны. Командир полка стал по очереди выводить подразделения в тыл, на отдых. Многие бойцы впервые за время войны помылись, посмотрели кинокартины.

Незабываемое впечатление на всех нас произвел первый военный киноборник. Он открывался финальными кадрами из «Трилогии о Максиме». На экране зал кинотеатра. Сеанс окончен. Зрители собираются уходить, но их останавливает голос Максима: «Погодите, товарищи, еще не конец!» В кожаной куртке, опоясанный ремнями, он обращается к людям с призывом беспощадно бороться с фашистским агрессором... Затем поет на мотив полюбившейся советским людям песенки:

Вот эта улица, вот этот дом
В городе нашем, навеки родном.^[131]
Улицей этой врагу не пройти,
В дом этот светлый врагу не войти.
Танки и пушки фашистов громят,
Летчики наши на запад летят...

Полк пополнился новыми людьми. Большинство прибывших еще не участвовало в боях. В товарищеских беседах бывалые люди, ветераны полка, делились опытом боев. Они умели и пошутить, и подбодрить новичков, наслушавшихся в пути следования всяких страхов. Нервы успокаивались. Все становилось на свое место.

... 2 ноября противник перешел в наступление на стыке 31-й и 29-й армий Калининского фронта. Нетрудно было догадаться, что враг стремится прорваться к районному центру Медное, перерезать Ленинградское шоссе и захватить плацдарм на северном берегу реки Тверцы. На этом участке фронта завязались тяжелые бои. Непокойно было и в полосе обороны нашей дивизии.

Приближалась 24-я годовщина Октября, и как набат звучали призывы партии: «Ни шагу назад! Остановить врага, отстоять Москву!», «Разобьем и уничтожим врага на подступах к Москве!» Во 2-й роте 1-го батальона родилась идея обратиться к воинам Калининского фронта с письмом — отметить праздничные дни новыми ударами по врагу.

Обращение горячо обсуждалось. Оно заканчивалось словами: «Фашисты прорвались в город Калинин, но город станет их могилой. Ни шагу назад! Только вперед! Схватим врага за горло и задушим фашистскую гадину!» Наверное, в полку не было человека,

спавшего в ночь на 7 ноября. Уже вечером началась перестрелка. Наши артиллеристы и минометчики наносили удары по переднему краю и заранее разведанным целям — огневым позициям и складам боеприпасов врага, по его тылу.

Утром немцы атаковали 2-й батальон у берега Тверцы. Но успеха не имели. Командир и комиссар полка все утро провели на передовой. Они обошли по траншее весь передний край и поздравили бойцов с Октябрьским праздником.

... Начав 15 ноября новое «генеральное наступление» на Москву, гитлеровцы на собственной шкуре испытали сокрушительные удары советских войск. В тот день отличился в^[132] боях и наш полк, отразивший несколько ожесточенных атак противника.

Бои становились все напряженнее. Газета «Правда», выражая мысли и чувства советских людей, в те дни писала: «Нельзя ни на шаг дальше подпускать врага к Москве Пусть знает каждый боец, каждый командир и политработник: за его спиной город, дорогой всей нашей стране, сердце нашей Родины. Пусть знает: ему доверили свою жизнь, свободу, честь жители Москвы, отцы, матери и дети... Сильнее удар, и надломленный враг не выдержит... Наступил момент, когда можно остановить его, чтобы сломить».

Редакционную статью «Правды» коллективно читали на передовой во всех подразделениях. Мне довелось быть в 4-й роте 2-го батальона. Располагалась она в окопах, вблизи Бежецкого шоссе. После того как агитатор закончил чтение статьи «Правды», перед бойцами выступил командир роты коммунист Букшенко. Говорил он тихо, но так проникновенно, что каждое слово врезалось в память.

— Пройдет или не пройдет враг на Бежецкое шоссе, сумеют или не сумеют фашисты окружить Москву — это зависит не только от нашего высшего командования, но и от нас с вами... — Затем Букшенко достал из кармана аккуратно сложенный листок, развернул его: — Здесь вот самое главное... Если я погибну, завещаю вам, мои боевые друзья-однополчане, не отступать ни на шаг. Ни один вражеский танк не должен выйти на Бежецкое шоссе.

Слова коммуниста отзывались в солдатских сердцах.

— Будьте уверены, товарищи, никто из нас не сделает ни шагу назад! — громко, будто за всех, произнес стоявший рядом со мной красноармеец Петр Зайцев.

Проявив железную стойкость и упорство, воины нашего полка не позволили гитлеровцам выйти на Бежецкое шоссе с Ново-Бежецкой улицы. Немецким танкам пришлось свернуть левее. Они устремились по Старо-Бежецкой улице. Стало ясно, что противник предпринял обходный маневр с целью вырваться на шоссе. Вражеские танки приближались к противотанковому опорному пункту, который возглавлял командир роты Максим Иванович Башкатов. Этого боевого офицера хорошо знали в полку. Перед войной он окончил Минское пехотное училище и пришел к нам командиром взвода. Вскоре его назначили заместителем командира роты, а потом ее командиром. Башкатов хорошо подготовил^[133] людей к встрече немецких танков. Они заминировали подступы к переднему краю. Роту поддерживали взвод 82-мм минометов, отделение противотанковых ружей, два 45-мм орудия. Когда танки стали

подходить к переднему краю, башкатовцы (так называли себя воины роты) обрушили на них шквал огня. Два танка были подбиты. Враг отступил.

С 27 по 30 ноября — это, пожалуй, самые критические дни битвы под Москвой — войска Калининского фронта непрерывными контратаками сковывали немецкие дивизии, не допустили их переброски под Москву. Было приятно сознавать, что и наш 937-й стрелковый полк внес посильный вклад в решение этой задачи.

В. С. Флеров, ветеран 185-й стрелковой дивизии

МЫ — ПУЛЕМЕТЧИКИ {76}

В январе 1942 года, находясь в госпитале, а следовательно, располагая свободным временем, я написал нечто вроде дневника о событиях прошедших трех месяцев. Записи были предельно лаконичные, но все-таки они, да еще мои письма с фронта, сохраненные матерью, помогли восстановить в памяти события тех далеких лет.

* * *

В начале октября 1941 года 185-я стрелковая дивизия после прорыва из окружения вошла в состав новгородской группы войск. Часть подразделений заняла оборону по реке Волхов. Дивизия получила технику, пополнение.

Все понимали, что передышка будет недолгой. И то, что нас отвели, дали отдохнуть, — было благом.

Как всегда, приказ о выступлении был внезапным. Станковый пулемет погрузили на тачанку, и мы в составе колонны 2-го батальона 1319-го стрелкового полка двинулись в направлении станции Крестцы.

Дороги, дороги и дороги... Они-то запомнились, как и многие километры открытых траншей, ячеек, ходов сообщения, блиндажей...[134]

Посадка в эшелон в Крестцах прошла без суеты и толкотни. По доскам на платформы затащили тачанки и завели лошадей. Выставили часовых, а все остальные повалились спать. Проснулся от страшного удара: впечатление было такое, что кто-то гигантской палкой рубанул по вагонам, едва не сбросив их с рельсов. Все скрипело, трещало, удар следовал за ударом. И тут я понял, что это рвутся рядом с железнодорожным полотном авиабомбы. Осколки расщепили доски вагонной обшивки, выбили из них длинные лучины. Мы вповалку лежали на полу. Бомбежки в движущемся эшелоне — одно из самых неприятных положений: деться некуда, какая-то оголенность, незащищенность, беспомощность... Но на этот раз пронесло, ни одна бомба не попала в наш эшелон. Немецкая авиация бомбила весь участок железной дороги от станции Крестцы — Валдай, Вышний Волочек, особенно Бологое, Спирово, Лихославль. Нас спасла плохая погода, ограничивавшая действия самолетов противника. А вокруг, куда ни посмотри, — воронки большие и малые, иногда совсем рядом с железнодорожным полотном.

Выгружались в Спирово. Станционные пути были забиты застывшими паровозами,

лица железнодорожников, других гражданских выражали крайнее беспокойство. Проходя какую-то деревню, поздно вечером мы увидели далекое зарево огромного пожарища, то разгоравшееся ярче, то исчезающее. Это горел Калинин. А ведь от Калинина до Москвы — рукой подать...

Ночной привал был не более двух часов, на сей раз в какой-то деревушке. Кажется, только закрыл глаза, и уже: «Вставай, пошли!» Под утро уставшие минометчики свалили на тачанку ротные минометы, самые ослабевшие шли, держась за тачанку. Младший сержант Бондаренко ругался, кричал, но так и пришлось везти минометы и лотки с минами.

Низкие тучи укрывали нас от немецкой авиации, хотя отдельные самолеты пролетали где-то близко. Проходим мимо крайних домов одной из деревушек, а на огородах, видим, лежат убитые женщины и дети. Видимо, бежали к лесу и полегли, расстрелянные с воздуха. Сколько приходилось видеть погибших солдат и офицеров, а убитые крестьянки калининской деревушки запомнились на всю жизнь.

Ночь была не просто темная, а темнущая, такая, про которую говорят — хоть глаз выколи. Отдельные очаги пожаров, далекие, у горизонта, казалось, делали ночь еще^[135] темней. Перед рассветом — привал в лесу. Настало утро, а команды идти вперед не было. Станковые пулеметы — станками, как мы их называли, сняли с тачанок и подтащили к лесной опушке, к кромке, где кончался лес.

Подшли командир роты, политрук: «Там, впереди, в тумане, село Медное, в нем немцы. Надо узнать, есть ли они на нашей стороне реки, где-то здесь мост через Тверцу...» Надо так надо. Пошло 5–6 бойцов. Спускались как бы вниз, с горы, шли по какой-то промоине или лощинке. И темнота, и туман рассеивались медленно. Показалась какая-то изгородь, мы вышли на дорогу. Шедший впереди остановился, что-то увидел. Подшли последние, сгрудились... У дороги лежал убитый. Две «шпалы» — майор, в петлицах значки связиста, сапоги сняты, брюк нет, офицерская добротная шинель распахнута, на животе, видимо, была медицинская грелка. Командир сказал: «Посмотрите документы». Я нагнулся: один глаз убитого смотрел в небо, а вместо второго вспучился кровавый пузырь. Стреляли из пистолета в упор, в затылок. Нагрудные карманы командирской гимнастерки вывернуты, карманы шинели — тоже. Так мы и не узнали, кто был этот застреленный майор. Позднее я услышал из рассказа комиссара нашего 1319-го стрелкового полка Н. В. Дыхно, что в селе Медном был госпиталь, захваченный немцами, которые зверски расправились с ранеными и больными: были трупы с распоротыми животами, отрубленными головами, выколотыми глазами. Найденный нами майор был из этого госпиталя.

...Пока мы шли вперед, стрельба стала сильнее. Слышались орудийные выстрелы с нашей стороны, хлопки немецких минометов, редкий винтовочный огонь, стрекот станковых пулеметов и быстрое «та-та-та-та» немецких автоматов, иногда переходящее в сплошной треск. Появились сараи и домишки, видимость улучшилась. Дорога привела нас к мосту. С одной стороны нас прикрывала насыпь дороги, а с другой могли заметить из-за реки. Последние 100 метров пришлось ползти вдоль канавы. Поочередно заползли наверх, прикрываясь мостовой фермой, залегли. Потом — рывок по мосту на ту сторону. Немцы не успели заминировать мост. Боевое охранение могло спокойно расстрелять нас, но немцы бросились к машине, сразу вильнувшей в проулок под нашими выстрелами. Несколько, видимо, неисправных машин остались на площадке у

моста.

Меня послали доложить об успехе. Шинель я оставил ребятам и налегке побежал обратно. В полукилометре^[136] встретил наших пулеметчиков, а потом группу всадников, в которой выделялся человек в кавказской бурке. Это был командир нашего 1319-го стрелкового полка майор Д. В. Казак. Он с усмешкой выслушал мой не очень военный, но наполненный пафосом доклад, изрек: «Молодцы, пулеметчики! Двигать всех в Медное!» Я рванул к своим...

Тачанки уже подошли из леса. Погрузили «максимы» и двинулись к мосту. Нас обогнали два или три наших танка, спешившие туда же. Это были боевые машины из прославленной 8-й танковой бригады, которой командовал полковник П. А. Ротмистров, впоследствии Главный маршал бронетанковых войск.

...Из Медного мы форсированным маршем двинулись дальше. Догадывались — на Калинин, хотя были фантазеры, уверявшие, что нас отведут на переформировку не то в Вологду, не то в Ярославль.

Ранним утром, быстро продвигаясь по шоссе, наша колонна подходила к Калинину. На горизонте то там, то здесь появлялись столбы дыма, доносилась артиллерийско-минометная пальба, рядом с шоссе догорали какие-то домишки. У пожарища погрелись, стали строиться, а ко мне подбежал мой знакомый Кольча. «Дальше наших нет, — сказал он мне. — Наш заградотряд оседлал шоссе, впереди деревня, а за ней окраина Калинина, там — немцы. Минометы гвоздят и справа, и слева».

До деревни мы не дошли, пулеметчики получили приказ занять оборону в пойме Тверцы. День мы трудились, сооружая дзот, — врылись в небольшой обрывчик, сделали отличный накат, засыпали все песком, укрепили дерном, а потом от дзота долго копали в полный рост ход сообщения в тыл, к запасной пулеметной площадке.

Деревня оставалась левее и впереди. У шоссе второй пулемет, а на поле отрыли несколько стрелковых ячеек с норами-укрытиями. Тут мы по очереди дежурили, чтобы закрыть щель в обороне.

...Мы целый день рыли дзоты, ячейки, хода сообщения. Сильно уставали, поэтому нужен был какой-то приварок, добавление к солдатскому рациону. Им прежде всего была картошка, ее мы выкапывали на полях, находили в подвалах оставленных жителями домов.

Ужесточались требования караульной службы: немецкие резведчики, используя пойму Тверцы, проникали на наши позиции. У соседей зарезали часового. Пошли слухи что это орудуют белофинны, подразделение которых^[137] якобы было в Калинин. Я вызвался стоять в самое трудное время — перед рассветом.

Стоишь, слегка переминаясь с ноги на ногу, думаешь о далеком доме, вспоминаешь самое приятное, а время, кажется, остановилось. Фронт живет своей ночной жизнью, время от времени донесется пулеметная очередь — это ведет огонь дежурный немецкий пулеметчик, так, в белый свет, на всякий случай, знай, мол, что не сплю. Наша оборона безмолвствует, мы берегли патроны...

Были ротные и батальонные комсомольские собрания, вносящие большое оживление, на них обычно командировали одного-двух комсомольцев от отделения. Я обошел все взводы и, как комсорг роты, собрал комсомольские взносы за октябрь, расписываясь в комсомольских билетах химическим карандашом. Обрывок ведомости сохранил имена комсомольцев: Андреев Константин, Бондаренко Николай, Бушуев Виктор, Бушуев Николай, Галеев Махмуд, Кучеров Алексей, Тимохин Игнат, Фифик Владимир...

Часто приходил политрук роты Петр Ильич Пасынков — человек мягкий, заботливый, всеми уважаемый. Иногда он давал мне газету, и я обходил все расчеты взвода и читал всю ее вслух до последней строчки. На батальонном комсомольском собрании выступал комиссар полка Н. В. Дыхно — политработник исключительной энергии, умевший воодушевлять людей.

...Два наших расчета, прикрывая фланг батальона, участвовали в одном из штурмов городских окраин. Пехотинцы ворвались в город, продвинулись на два-три квартала, и мы затащили станкачи в немецкие окопы. Здесь были огневые точки с укрытиями под домами, несколько отрытых в полный рост окопов в 5–7 метров длиной. Мы установили пулемет, чтобы можно было вести огонь вдоль улицы. Кругом беспорядочная стрельба: винтовочная — наша, треск автоматов — немцев. Позади частокол разрывов минометных мин, а впереди хлопки ручных гранат и разрывы снарядов. Я лег у пулемета, а братва ринулась осматривать немецкий блиндаж, обследовать соседние доты. Пожар в доме через улицу разгорался, я оттащил пулемет в тень. Меня все время грызла мысль о возможной контратаке. Впереди нарастала стрельба, сквозь грохот пробивались крики, по дворам и огородам к нам, размахивая винтовками, бежали солдаты. Обзора справа фактически не было, все закрывали домишки, сарай, сарайчики и прочие хозяйственные постройки. И тут я увидел нечто, заставившее меня^[138] вскочить: дом, обычный маленький деревянный дом городской окраины как бы лопнул изнутри, и из облака не то дыма, не то пыли просунулась лобовая часть немецкого танка.

Немцы бросили в контратаку танки, против которых мы были беспомощны. Я закричал, выпрыгивая из окопа, ко мне бежали солдаты расчета. Мы подхватили станкач, завернули за дом, перебежали на другую сторону улицы, прикрываясь дымом пожарища, повели огонь в ту сторону, где, сокрушая постройки, ворочался немецкий танк. Выпустили ленту, раздалась команда: «Отходи!» Опять волокли станкач через поле, усеянное мелкими воронками. Мы оглохли от близких разрывов, но пулемет не бросали, хотя потеряли последнюю, третью коробку с нерасстрелянной лентой. Для нас все обошлось без потерь, а у соседей из 16 человек осталось только трое...

Никакого опыта уличных боев у нас не было, выбить немцев мы могли, но удержаться не удавалось. После этого стали готовить подручные противотанковые средства: брали пять обычных ручных гранат РГД, у четырех свинчивали ручки и прикручивали эти гранаты к пятой телефонным проводом. Так получалась связка, которая, попав под гусеницу, могла ее перебить и остановить вражеский танк.

29 октября 1-й и 3-й батальоны ночью штурмовали кварталы северо-восточной окраины Калинина. Немцы бросили в контратаку танки и авиацию. Уже днем пришлось отойти на исходные позиции. В этом бою, как рассказывали, командир полка майор Казак личным примером воодушевлял бойцов.

На следующую ночь новая атака — и все вновь повторилось, опять противник восстановил положение. 2-й батальон, который мы поддерживали, тоже должен был идти в наступление, но приказ отменили, послали другой батальон, а нам приказали спешно заняться изготовлением связок гранат. Как впоследствии выяснилось, командир дивизии получил сведения, что немцы попытаются танками протаранить нашу оборону у шоссе на Бежецк, и наш батальон оставили как резерв командира дивизии, как противотанковый заслон. Но, видимо, немцам было не до наступления на этом участке фронта.

Сковав немцев под Калинином, 185-я стрелковая дивизия, не добившись большого успеха, тем не менее вместе с другими соединениями помогла другим фронтам.

...«Калининское сиденье», как потом называли бойцы^[139] почти месяц боев под Калинином, закончилось. 15 ноября началось новое наступление немецко-фашистских войск на Москву. Одним из направлений главного удара был Клин. И нашу дивизию, числившуюся в резерве командующего Калининским фронтом, перебросили туда.

К. И. Сушан, ветеран 14-го гвардейского минометного полка

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ {77}

Суровая, морозная осень 1941 года. Враг рвется к родной Москве. Все новые воинские части уходят на фронт. Среди них наш 1-й дивизион 14-го гвардейского минометного полка. В его составе — боевые машины БМ-13, установленные на трехосных отечественных автомобилях.

И вот — боевое крещение. 14 октября 1941 года залпы наших боевых установок под Калинином помогли пехоте остановить противника, заставить его перейти к обороне.

Первый залп был произведен по элеватору, который фашисты торопились превратить в узел обороны. Сюда подтягивались на автомобилях и повозках сотни вражеских солдат. Все это хорошо видели в стереотрубу с НП дивизиона командир батареи старший лейтенант И. Е. Лавринович и начальник разведки Герой Советского Союза старший лейтенант В. И. Кириллов.

Залп лег точно. Затем мы подготовили огонь по скоплениям мотопехоты и танков в деревнях Малые и Большие Перемерки. Было видно, как фашисты спешно окапываются, зарываются в землю.

...Очень досаждали нам авиационные налеты. Наблюдение показало: истребители уходят на посадку за дальний лес, всегда в одном направлении. Как подтвердила разведка, здесь был один из полевых фашистских аэродромов. Но реактивные установки достать его не могли. Тогда комиссар дивизиона старший политрук Михаил Коломиец предложил проложить дорогу по болотистой низине, ближе подвести боевые машины к осиному гнезду и уничтожить его.

Пять дней и ночей гвардейцы, как заправские саперы, строили дорогу: валили деревья, таскали тяжелые бревна, скрепляли их и маскировали.^[140]

К 6 ноября дорога была готова. Связь между наблюдательным и командным пунктами поддерживал начальник связи дивизиона младший лейтенант Федор Цимбал. Около 18.00 он доложил командиру дивизиона капитану А. А. Гаврилову, что на вражеский аэродром впервые за все время сели бомбардировщики. Данные разведки командир дивизиона немедленно доложил в штаб 30-й армии. Они совпали со сведениями, полученными из других источников. Последовал приказ уничтожить аэродром. Вечером, как только стемнело, батареи лейтенантов Я. Е. Булавицкого и И. Е. Лавриновича скрытно вышли на новую огневую позицию. Командир дивизиона скомандовал:

— В ознаменование 24-й годовщины Великого Октября по осиному гнезду — огонь!

128 ракет прочертили черное небо. Последовал второй залп. За лесом разрослось огромное зарево. Воздух и земля содрогались от взрывов. Всю ночь и следующий день в стане врага полыхал огонь.

В армейской газете 12 ноября появилась статья «Огневой налет на аэродром врага». Вот выдержка из нее: «Грозной, всеокрушающей силой обрушились на врага новейшие орудия. Снаряды точно ложились в цель... на вражеском аэродроме нашли свою гибель 30 фашистских самолетов».

Г. С. Кац, подполковник, бывший литсотрудник дивизионной газеты «Защита Родины»

РЫЛОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

...Держу в руках ветхую, чудом сохранившуюся тетрадь — мои записи 41-го года, фронтовой дневник, который вел, когда это удавалось. Сегодня я нахожу в нем листки с пометкой «Бои за Калинин».

Люди, о которых здесь рассказывается, знакомы мне не только как журналисту. Мы из одной дивизии, сибирской, 133-й (после боев в Калинин и в Подмоскowie она получила наименование 18-й гвардейской).

Как только в то страшное воскресное утро 41-го прозвучал^[141] сигнал тревоги, дивизия погрузилась в железнодорожные эшелоны и отправилась на фронт.

На войне, как и в мирное время, у каждого свое дело. В наступлении, в обороне, в походе ли — «дивизионка» должна выходить, поднимать дух бойцов. Был я тогда политруком, рядовым литсотрудником дивизионной газеты «Защита Родины». За материалом для газетного номера далеко ходить не приходилось. Передний край — вот он, рядом. Рядом и бой идет. А там дерутся твои товарищи.

...После упорных боев в районе Андреаполя дивизии было приказано срочно грузиться в эшелоны и следовать к Москве. Но в пути поступило сообщение: немцы в Калинин, дорога к Москве отрезана.

Поступил новый приказ: выгрузиться в Лихославле и следовать к Калинин.

Идем ускоренным маршем. Дождь сменяется мокрым снегом. Наши редакционные машины обгоняют артиллерию на конной тяге, санитарные повозки, тылы. Пехоте хуже

всех. Полы намокших шинелей заткнуты за пояс, за плечами винтовка, тяжелый «сидор» с запасом патронов. Гнутся спины под тяжестью противотанковых ружей, минометных стволов, ручных пулеметов. А к обочинам жметя встречный поток — беженцы, в основном женщины и дети. Озябшие, измученные, с маленькими узелками. Не предполагали, что все случится так быстро, не готовились к бегству...

Тяжкое зрелище. Разговор почти не возникает. Только суровеют лица солдат.

Где противник — точно никто не знает. Справа бухает тяжелая артиллерия. Рдеет от далеких пожаров свинцовое небо. Это горит Калинин.

17 октября. Полки уходят вперед, а редакция со штабом дивизии и медсанбатом размещается в Рылове, небольшой деревушке на левом берегу Тверцы. Отсюда хорошо видно зарево пожаров в Калининe. Горит вагонный завод, левее текстильная фабрика. В разных местах полыхают жилые кварталы.

Редакция дивизионной газеты устраивается в доме председателя колхоза «Знамя труда» Михаила Егоровича Егорова. Война не выбила его из колеи. Несуетлив, степенен, уважителен к людям, по-хозяйски прижимист. Кажется, вся Россия в кочевье подалась, а у него каждая овца на учете. Большая семья председателя уже пошла на убыль: на двух сыновей пришли похоронки. И в других избах бабы ревут.^[142] Жалуют раненых, которыми забит наш медсанбат. Отдают последнее, сами выхаживают.

Отношения с хозяевами у нас хорошие, особенно с Тоней, шустрой, смешливой, бойкой девчушкой, которую бойцы окрестили Белочкой.

У всех на глазах немцы сбили над лесом наш самолет. Все мы видели, как загорелась в воздухе машина и как пошла к земле. Потом за Тверцой грохнул взрыв. Сжалось сердце: погиб соколик. А через день в избу влетела Тоня и, запыхавшись, закричала: «Скорее!» Схватила за руку редакционного шофера: «На берегу раненый лежит, стонет. Скорее, ему очень плохо!» Иван Тимофеев завел машину, на ходу вскочили на подножки печатник Митя Нежу-миря и Павел Хизев.

На берегу лежал окровавленный, в изодранном комбинезоне летчик. Отлеживался со сломанной ногой, выполз к Тверце, и тут с другого берега его заметила Тоня. Не испугалась, нашла в камышах лодку без весел, выломала два сука, выгребла к раненому. На обратном пути лодку сносило, летчик обессилел, но Тоня все же выгребла и бросилась за помощью.

Спасенного летчика Сашу она же и выхаживала, пока парня не отправили в тыловой госпиталь.

19 октября. Первая наша победа. Вчера крепко досталось гитлеровцам на Ленинградском шоссе, у каликинских деревень. В штабе дивизии только и разговору о батальоне А. Чайковского. Сильный был его удар по спесивым гитлеровцам. Немало их там перебили. Правда, и наши потери немалые. А о том, как дрался Кандауров, — просто легенды ходят. Скорее в батальон, к чайковцам, хочется по горячим следам описать все, как было, показать первых героев боев за Калинин.

Весь вечер писал материал для газеты. Тут же его набрали.

Когда армия терпит поражение за поражением, наши маленькие победы поднимают дух воинов, вселяют бодрость и надежду, придают уверенность.

Дивизии приходится сражаться на два фронта. В тылу, в Городне, засела крупная группировка противника с танками и бронетранспортерами. Немцы рвутся к Калинин у на соединение со своими основными силами.

20 октября. На ликвидацию группировки брошен 521-й полк капитана Г. Власова.

21 октября. В штабе дивизии все сосредоточены. Комдив^[143] не отходит от телефона. Все внимание Городне: как там? Немцы рвутся к Калинин у, не считаясь с потерями.

Поздно вечером капитан Власов доложил комдиву:

— Городнянская группировка противника ликвидирована.

Швецов облегченно вздохнул:

— Теперь можно всеми полками навалиться на город.

23 октября. В поселке Вагонников я встретил командира противотанковой батареи Григория Журавлева. Он со своими пушкарями занимался оборудованием огневых позиций. Комбат и рассказал, как шли бои в Городне.

Лейтенант еще совсем молод, только перевалило за двадцать. Но каким мужеством, храбростью обладает этот человек, в первые же месяцы войны выросший от командира орудия до командира батареи. Любили Журавлева в полку, с уважением относились к молоденькому пушкарю. Ну, а боевая слава к нему пришла, когда дивизия еще сражалась под Андреаполем. Там им и был открыт счет первым подбитым танкам. Под Городней этот счет увеличился.

— Не все гладко складывалось в начале городнянского боя, — рассказывал Журавлев.
— Особенно для наших стрелков.

Немцы делали ставку на танковый удар. Танки с автоматчиками на борту шли двумя колоннами. Им удалось вклиниться в боевые порядки одной из рот. Но танки напоролись на противотанковую артиллерию, оказавшуюся в самом нужном месте. Первую машину подбил расчет П. Пинчука. Загорелись еще два танка. Остальные, потеряв строй, стали обходить батарею, но попали под огонь соседних орудий. Крепко досталось гитлеровцам от «сорокапятков» сержанта П. Андреева, командира орудия И. Алтухова, меткого огня артиллеристов капитана И. Сальцина. К вечеру бой стал стихать. На поле боя чадили черные машины с крестами. И наши умеют воевать!

С каждым днем все чувствительней удары дивизии по гитлеровцам, засевшим в Калинин е. 681-й полк Оборина, 418-й Мультана, 521-й Власова, артиллерийский полк Абу-зина освободили первые восемь кварталов улиц Скворцова-Степанова, Красина, Благоева.

26 октября. В Рылово командиру дивизии В. И. Швецову позвонил командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конев. Он сообщил о том, что Верховный Главнокомандующий, отметив боевые успехи 133-й дивизии, просил передать^[144] личному составу сердечное спасибо за успешное выполнение боевой задачи.

В связи с этим всю ночь писали обращение политотдела, в котором был призыв к воинам дивизии очистить город от фашистских захватчиков. «Этой победой, — говорилось в обращении, — мы поможем частям родной Красной Армии, дерущимся под Москвой, разгромить врага, пытающегося захватить столицу».

29 октября. Только что возвратился с передовой, с окраины Калинина. На обратном пути задержался в Дорошихе.

Блиндаж комбата разыскал под совхозным овощехранилищем. И такая неожиданность. Комбатом оказывается Федор Ивачев. Еще несколько дней назад он командовал ротой, той самой, что освобождала Старо-Каликино от немцев. Когда же из строя вышел комбат-3 Маловичко, заменил его.

С поздравления с новым назначением и началась наша беседа о боевых делах. Разговор зашел о Салтыкове.

Группа разведчиков во главе со старшим сержантом А. Салтыковым скрытно подобралась к дому на улице Благоева, откуда непрерывно бил крупнокалиберный пулемет. Разведчики окружили дом, забросали гранатами окно, из которого неслись пулеметные очереди, ворвались внутрь и в рукопашной разделались с гитлеровцами. Так, с боем брался каждый дом.

7 ноября. Утро. Праздник. Но вместо меди оркестров — орудийный гром и треск пулеметов. Хоть погоде спасибо: . низкие облака, снег, — и немцы не летают. А все-таки праздник. Вместе с Борей Котельниковым отправляемся на КП дивизии — уточнить положение полков, разузнать, что где происходит. Узнали о параде наших войск на Красной площади и как-то необыкновенно хорошо стало на душе. Отправились в 681-й полк. Поймали попутную машину — привезла с передовой раненых и возвращалась в полк со снарядами. К деревне подъезжали в полной темноте с невключенными фарами. По пулеметной и автоматной дроби определили — передовая рядом. Штаб полка стоял в Киселеве, на берегу Тверцы. Полк Оборина выбил немцев из этой деревушки только несколько дней назад. Шофер притормозил у командирского блиндажа. Спускаемся по земляным ступенькам вниз и из промозглой темени ноябрьского вечера попадаем в блаженное тепло. Пылает железная печурка, яркий свет слепит глаза.[145]

— Газетчики, как всегда, вовремя, — смеется комиссар Михеев, подталкивая нас к столу.

— Праздник есть праздник, — говорит Оборин, наполняя наши стаканы, — и фрицам его не отменить.

Командир и комиссар очень разные. Оборин — кряжистый, плотно сбитый, с крепкой мужицкой закваской сибиряк из кадровых командиров. А Михеев — явно из штатских. Мешковато сидящая на худошавой его фигуре форма не сочетается с речью и манерами интеллигента. Но оба довольны друг другом. И дела у полка идут неплохо. Ведя бои на левом фланге дивизии, оборинцы крепко бьют фри-цев, выкуривая их из каждого дома, отгоняя к Волге.

В полночь командир и комиссар надевают маскировочные халаты и уходят на КП. Предстоит тревожная ночь. Есть данные, что противник подтягивает свежие части.

А мы с Котельниковым уходим в батальон Максименко, чтобы быть поближе к ночной разведке, которая им проводится. Находим комбата в одном из блиндажей, пару дней назад отбитом у немцев. Значит, еще один, хоть и крохотный кусочек земли возвращен

городу.

И когда об этом заходит разговор с обитателями блиндажа, старший сержант телефонист А. Волков, оторвавшись от аппарата, не без гордости произносит: — Ничего — это только начало. За этой маленькой победой пойдут и большие.

Правда, нелегко эта победа досталась Александру Волкову. В одном из боев во время атаки он был ранен в грудь. Его вынесли с поля боя без признаков жизни.

— Да, дорогой, ты родился в рубашке, — сказал ему хирург, зашивая рваную рану.

Пробив партийный билет и записную книжку, пуля прошла рядом с сердцем. Возможно, это и спасло Волкову жизнь.

В блиндаже и сыровато, и довольно прохладно. Укладываясь на солому, плотно прижимаемся друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Пытаемся уснуть. Куда там. Все кругом вздрагивает от ближних разрывов снарядов, мин. Зуммерит телефон.

В три часа ночи в блиндаж вваливается группа разведчиков. Комбат дает командиру взвода Иванову последние напутствия. Какой перед нами противник, сколько его, — все это не очень ясно, и «язык» крайне нужен.

Пошли ребята... В блиндаже напряженная тишина. Проходит полчаса, телефон молчит. И наверху тихо. Значит,^[146] пока не обнаружили. Теперь главное — не нарвались бы на мины. Ахнуло несколько снарядов, и сразу с обеих сторон — пальба.

— Иванов на проводе, — говорит телефонист.

— Что там у тебя? — кричит Максименко, хватая телефонную трубку. В ответ — смех: — У меня порядок! Иноземцев положил снаряды, как договорились, точно по цели. Немцы в подштанниках из окон выпрыгивают, ребята их на лету бьют. Одного тащим.

Ранним утром, уже в более спокойной обстановке, беседуем с комбатом. После ночи вид у нас помятый, а он бодр, свеж, туго подпоясан и даже каким-то чудом успел побриться.

— Напишите о Шабельском, — советует Максименко. — Два дня назад сходил к немцам один. Его обстреляли. Выполз, сапоги полны крови, но прежде чем его увезли, точно указал, где у немцев пулеметы стоят.

Напротив сидит сержант Рутковский. Знаю его еще по Новосибирску. Непременный участник художественной самодеятельности, на гармошке играет виртуозно. Теперь хоть только сержант, а уже командует ротой. В одном из боев заменил раненого ротного, потом сам был ранен. Пробыл в госпитале пару дней, попросился у сестры выйти на улицу и... не вернулся. Пришел в роту, к своим ребятам.

Пока разговаривали, в блиндаже стало тесно. И тут появился повар, Егор Васильевич Дударев. Рядом с этими молодыми ребятами — старик, местная знаменитость и вообще приметная личность. Кухню свою развернул — что тебе ресторан. На столе блинчики, котлеты, картошка жареная и даже что-то вроде плова. По-хозяйски осмотрел стол,

остался доволен и отправился с термосами на передовую — кормить бойцов.

— Все переживал — ни одного фашиста не убил, — рассказывал Максименко. — А тут недавно немцы просочились. Шурует наш повар в котле и вдруг слышит — стрельба. Выглянул в окно — немцы! Хватает винтовку — и на улицу, там комендантский взвод оборону занимал. Отбились. Дударев клянется — троих уложил. Немного успокоился. А каша подгорела, впервые, — рассмеялся комбат.

8 ноября. Был в политотделе дивизии, просматривал политдонесения. Встретил хорошо знакомую фамилию: старший лейтенант Гущеваров.

Комиссар гаубичного полка сообщал комиссару Сорокину: «Выдвинутую на прямую наводку батарею М. Г. Гущеварова^[147] окружили немцы. Артиллеристы не дрогнули. Развернули орудия, били шрапнелью почти в упор. Потом дошло дело до гранат. Здорово отбивались. И пушки сохранили, и фрицев вынудили отойти. А потом сами пошли в атаку».

Порадовался за земляка, пошел его искать — нашел у Горбатого моста. Обнялись. Усадил обедать: «В Новосибирске ты мои домашние пельмени ел, теперь фронтовых отведай». Ну разве тут устоишь!

9 ноября. В полку Оборина взят в плен немецкий солдат. Захотелось взглянуть. Сидит, замотанный в тряпье, нервно выбалтывает все, что знает. Взял его этой ночью разведчик Груздев. Подкрался к наблюдательному пункту и затаился. Дождался этого верзилу (вышел до ветру), показал гранату, и тот руки вверх. Пленный говорит, что солдаты боятся зимы: до сих пор ходят в летней одежде, холода приводят их в ужас, хотя офицеры уверяют, что зимовать предстоит в теплых калининских квартирах.

10 ноября. Пошел с коллегой по дивизионке П. Хизевым в батальон Чайковского, который отбивает у противника Огородный переулок. Добрались только к вечеру: днем дорога насквозь простреливается. Светящиеся трассы веерами секут темноту, и каждая, кажется, предназначена тебе. От дома к дому где перебежками, где ползком пробираемся к комбату. Блиндаж Чайковского под домом. Сваливаемся в подполье и облегченно вздыхаем: неохота глупо погибать от шальной пули.

Поздравляем Чайковского с орденом Красного Знамени. Награжден за успешное проведение операции на Ленинградском шоссе, за освобождение Старо — и Ново-Каликина. Слава о Чайковском — по всему фронту. Хизев посвятил ему стихи.

Побеседовать не удастся. Командир полка Мультиан предупредил: немцы готовятся к атаке. Комбат вызвал командиров рот. Распоряжения отдаются спокойно и четко. Заметно, что в батальоне порядок и дисциплина. Бойцы Чайковского любят. Говорят, он храбр до дерзости. Сам водил батальон в атаку. Отбили несколько кварталов.

Свободный час выпал уже глубокой ночью. Поговорили. Чайковский сибиряк. Хаживал с отцом в тайгу на медведя. Боевое крещение получил еще в гражданскую, когда в Сибири свирепствовал Колчак.

Познакомился с начальником штаба батальона младшим лейтенантом Иннокентием Щегловым. Подтянут, аккуратен,^[148] вызывает симпатию. Форма на нем — как

влитая. Бойцам он по душе за свой веселый нрав, за смелость, решительность в бою. Мирная профессия Щеглова — геолог. С комбатом они — отличная пара. И батальон у них самый боевой в дивизии, где трудно — там они.

Щеглов готовился к разведке, сам решил провести ночную вылазку. Собирался спокойно, с шутками-прибаутками. Подумал с уважением и легкой завистью: вот это характер.

За перегородкой два молодых бойца набивали автоматные диски.

— Со мной пойдут, — сказал Щеглов. — Тоже сибиряки, орлы ребята. Вот тот, справа, старший сержант Зидер, усы только пробились, а в бою — огонь. В рукопашной матерого немца прикончил, офицера. Принес его парабеллум и ценные документы.

Ушли, пообещав комбату без «языка» не возвращаться. Мы с Хизевым пожелали этим отважным парням удачи. На прощанье Щеглов подарил мне немецкий автомат и написал на нем: «Политруку Г. Кацу, штаб 418 сп Щеглов — Чайковский. Под г. Калинином, 10.XI.41».

— Трофей моей последней разведки, — сказал он.

Из рук боевого командира это был для меня дорогой подарок.

На командном пункте Чайковского мы познакомились с 14-летней Шурой (фамилию не запомнил). Она с матерью пробиралась из горящего города к своим. Попали под обстрел и потеряли друг друга. Было около полуночи, когда бойцы привели ее к комбату. Девочка натерпелась страха, замерзла. Ее посадили поближе к теплу, успокоили, накормили, пообещали разыскать мать. Шура рассказала, с каким нетерпением ждут жители прихода советских воинов, что творится в городе. Виселицы на площади Ленина, трупы детей и стариков.

В четвертом часу ночи мы простились с чайковцами. Благополучно выбрались из зоны обстрела, дошли до КП полка и даже успели поспать. А в семь утра отправились в Рылово, в редакцию.

12 ноября. Утром пришел почтальон, вручил мне сразу пять конвертов. Какая радость! Полтора месяца не было ни строчки. Адрес на одном конверте выведен большими печатными буквами — это от дочурки, первое ее самостоятельное письмо. Письма от жены, родственников полны надежд на встречу, на мирную жизнь.^[149]

16 ноября. Занимался выпуском газеты. Интересный получился номер. Напечатан и мой очерк «Стальная воля» — о командире взвода младшем лейтенанте Иване Кандаурове, только вчера награжденном орденом Ленина. Знаю его еще по Новосибирску. Охотник, как большинство коренных сибиряков. В боях под Калинином Кандауров отбил у немцев пушку и стал бить по противнику из их же орудия. Вообще храбро воюет. О нем рассказали комдиву. После боя у Ново-Каликина генерал заехал в медсанбат — взглянуть на трижды раненного, пожать руку герою.

Иван Кандауров стоял с забинтованной головой перед военфельдшером и что-то ему втолковывал. Ремень оттягивал тяжелый парабеллум.

— Вот, товарищ генерал, в батальон собирается, — пожаловался фельдшер.

— Слышал про ваши подвиги, — улыбнувшись, сказал комдив. — Спасибо. А на передовую не торопитесь, войны еще на всех хватит.

Затем взял у адъютанта наградной лист, вписал: «К ордену Ленина» и поставил подпись — «Швецов».

17 ноября. Сдал в набор материал для очередного номера и поехал в штаб армии. Здесь меня ждал сюрприз: встреча с корреспондентом «Красной звезды» Юрием Левиным. За короткое время мы подружились, не раз ходили вместе на передовую, попадали под сильный обстрел. Прекрасный товарищ, скромный, не робеет в боевой обстановке.

Хорошее впечатление оставило и знакомство с Белой Иллешем, известным венгерским писателем, автором популярных романов «Тисса горит» и «Карпатская рапсодия».

— Слышал, слышал про вашу дивизию, молодцы, — сказал он мне, крепко пожимая руку. — Специально приеду в Рылово написать о сибиряках.

Свое обещание Иллеш сдержал. Здесь, в Рылове, с ним произошла забавная история. Ночевали в редакционной избе. На рассвете немцы подбросили «гостинец» — несколько снарядов. Полетели стекла. Пришлось перебираться в щели. И тут Иллеш забеспокоился: потерял трубку, которую даже во сне не выпускал изо рта. Огорчился страшно. Когда кончился артоналет, всей редакцией стали ее искать. В поиск включилось все семейство хозяев дома. Надо было видеть счастливое лицо нашего гостя, когда обнаружили пропажу, — в соломе, у его изголовья.^[150]

Ходить с Иллешем на передовую было небезопасно. По-русски он разговаривал с большим трудом, и у некоторых это вызывало подозрение. Однажды его задержали и под ружьем привели к командиру. Пришлось выручать «диверсанта».

О редакторе армейской газеты Михаиле Марковиче Эрлихе я часто слышал: и человек душевный, и журналист отличный, и редактор каких немного. Сотрудники его обожали. Познакомившись с Эрлихом, убедился: все, что о нем говорят, — правда. За ужином, где были все сотрудники редакции и корреспонденты центральных газет, я оказался рядом с Михаилом Марковичем. Держится он просто, собеседник интересный. Интересовался нашей дивизией.

О нашей 133-й дивизии все отзываются хорошо. Нам, газетчикам «дивизионки», повезло: в Рылове встречаемся со многими видными журналистами и писателями. Был у нас поэт Григорий Санников, писатель Ефим Зозуля. Подолгу находились в дивизии и подружились с нами Юрий Левин, Михаил Яровой, поэт Сергей Островой, посвятивший комбату Чайковскому одно из стихотворений.

Как-то в один из своих приездов собрался Островой в батальон Чайковского. Дорога была небезопасной, простреливалась, да и к немцам легко было угодить. Все наши были заняты выпуском номера, и Островой отправился один.

— Иди на выстрелы, не ошибешься, — напутствовал я его. И отдал ему свою палку. На войне тоже бывают свои моды. Тогда у штабистов была такая мода — ходить с палкой,

как с тросточкой.

— Будешь отбиваться от фашистов, — пошутил Павел Хизев.

Только что прошел дождь. Дорога превратилась в месиво. Не успел Островой отшагать и сотню метров в этом месиве, как его заметил немецкий летчик. В сорок первом фашистские стервятники, имея полное превосходство в воздухе, в порядке развлечения позволяли себе охоту за отдельными людьми. Вначале немец сбросил две бомбы на Рылово, а потом, сделав крутой разворот, спикировал на мостик, к которому приближался Островой.

— Сергея расстреливают! — крикнул я своим. Из хаты выбежали Котельников, Хизев, печатник Нежу мира, шофер Тимофеев, наборщики. Летчик дал длинную очередь.

— Ложись, ложись! — закричали Островому. Фашист^[151] развернулся, полоснул еще одной очередью и ушел. Когда мы подбежали к Сергею, он что-то искал на земле.

— Оступился, понимаете ли, — огорченно пояснил он, — очки потерял. Ничего без них не вижу.

— Главное, голова цела, — утешил его подошедший Юрий Левин.

Оказалось, не совсем. Пуля все же зацепила поэта. Сделали перевязку.

Островой ходил грустный: время идет, а материала нет. На передовую решили идти утром.

Вечером привезли раненых, и мы пошли в медсанбат. Медсестры зажигали сделанные из гильз коптилки — «катушки». Раненые лежали на полу, на соломе. Их обработали, после всего пережитого кое-кто уже шутил, люди делились табачком, устраивались поудобней. Островой подсел к забинтованному до глаз артиллеристу послушать его рассказ. Только завел с ним тихий разговор, как вдруг зазвучала песня.

Курнобая, веснушчатая Анечка Мальцева и на фронте не расставалась с любимыми пластинками.

В путь-дорожку дальнюю
Я тебя отправлю.
Упадет на яблони спелый след зари...

Сильный девичий голос напоминал о прошлом, звал, обещал будущую встречу...

...Пластинка кончилась, Анечка сняла ее с диска, но прокуренный густой бас попросил откуда-то из угла:

— Крутани еще разок, сестричка.

Когда музыка стихла, кто-то из раненых спросил: — Сестричка, не Острового ли это песня? ;. — Да. Он ее автор, — ответила она.

...Островой уходил из медсанбата как будто немного потрясенный. Может быть, впервые понял, что песни его тоже воюют.

...Среди подробных описаний событий нахожу в своем дневнике многие имена. Одних смутно припоминаю, других вижу отчетливо. Вот оборванная строчка: «Ф. Парахневич, разведчик-артиллерист».[152]

Во время боев за Калинин приходилось экономить снаряды. И артиллерийское начальство гневалося: бьете по площадям. Парахневич под покровом темноты пробрался к Волге, устроился у самого моста и засек по вспышкам огневые точки на правом берегу. Потом эти огневые точки были подавлены.

Другая запись: «Владимир Шершнев...» Этот красноармеец в памяти моей остался еще по боям в Поддубках, когда его принимали в партию. Потом встретил во время боя на подступах к вагонному заводу. Винтовку он держал в левой руке, а правую, забинтованную, бережно нес впереди себя. Но шел он не в тыл, а на передовую.

— Не заблудился? — окликнул я его. — Медсанбат в другой стороне.

— В свое отделение направляюсь, — спокойно пояснил Шершнев.

— Как же стрелять будешь?

— А вот, — хитро улыбнулся он. — Попросил фельдшера указательный палец не бинтовать. Так что за спусковой крючок когда надо дерну. — И пошел дальше.

...За бои под Калинином многие воины нашей 133-й дивизии удостоились наград. Орденом Ленина были награждены комдив В. И. Швецов, старший батальонный комиссар В. Г. Сорокин, орденом Красного Знамени — младший лейтенант Г. И. Максименко, орденом Красной Звезды — младший лейтенант И. И. Щеглов, сержант А. И. Мозгунов и другие.

Последняя дневниковая запись датирована 23 ноября: «С этого участка фронта нас снимают...» Дивизия двинулась на защиту столицы. И уже там в тетрадке появилась еще одна «калининская» запись.

На второй день после освобождения города Калинина, 17 декабря 1941 года, газета «Красная звезда» писала об успехах 133-й стрелковой дивизии и ее командире: «Генерал-майор Швецов блестяще выполнил поставленную перед ним задачу: нанести удар во фланг немецкой группе прорыва, развившей успех вдоль Ленинградского шоссе на северо-запад. Под ударами наших войск неприятельская группа была разрезана на две части, а ее авангарды почти полностью уничтожены. Главные силы врага оказались запертыми в Калинине на длительный срок... Это был наш серьезный удар по врагу на калининском направлении».[153]

...После Москвы были Дон, Курская дуга, Карпаты, Польша, Венгрия, Чехословакия. Но Калинин оставил в памяти неизгладимый след. И через много лет потянуло пройти по местам боев, побывать в Рылове.

Нашел дом, где мы печатали свою дивизионку, встретился с бывшими нашими хозяевами — семьей Егоровых, с которыми породнила война. Меня узнали. Разволновались. Стали вспоминать события того сурового года, людей — живых и мертвых, которые сотворили Победу.

Припомнилось, как при одном из обстрелов Рылова ранило соседскую девочку Марью. Как фашистский снаряд угодил прямо в солдатскую походную кухню. Надо было видеть, какое страдальческое лицо было тогда у повара Борзикова: — Что я повезу на передовую? Ребята есть хотят... — чуть не плакал он. Но тут деревенские женщины бросились к своим печкам. Кто чем богат, несли еду: кто кастрюлю горячего борща, кто сало, картошку вареную и жареную — всем поделились с солдатами. Повар воспрянул духом. Загрузил все свои емкости и погнал лошадь на передовую.

...С бывшим сыном полка Олегом Солодихиным, ныне работником калининского объединения «Химволокно», мы разыскали у Горбатого моста «пулеметную точку» Изотова, который, презирая смерть, прикрывал отход нашего подразделения.

Наверное, до конца своих дней мы будем помнить о том, как досталась нам Победа. И никогда не уйдут из нашей памяти люди, которые эту Победу вынесли на своих плечах.

...Много имен нам еще предстоит назвать. Без этого полной летописи пережитой войны не будет.

ОНИ НЕ ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ

В погребке дачной местности Рябеево найдено 35 трупов пленных красноармейцев, многие из них со следами пыток.

Александр Фадеев (Правда. 1942. 14 января.)

В предвоенные годы в Калинин на Бурашевском шоссе (ныне ул. Ерофеева) располагалась кавалерийская школа Осоавиахима. Здесь обучались конному делу старшекласники, 16–17-летние парнишки. Из самых ловких, сноровистых,^[154] физически крепких начальник школы М. И. Сысоев отобрал около 20 человек в конно-спортивную группу. Ребята на рысях преодолевали препятствия, рубили лозу, участвовали в скачках, стреляли из боевого оружия.

Когда началась война, Сысоева призвали в армию и назначили военным комендантом города. Дел у коменданта было много, а людей мало — помощник да несколько бойцов. Тогда и вспомнил Матвей Иванович о своих учениках.

Так при военной комендатуре появился кавалерийский отряд. Бывший боец этого отряда Юрий Арсеньевич Зеленов рассказывает: — Время было тревожное, город бомбили. Ходили слухи, что по ночам кто-то сигнализировал вражеским самолетам. Мы группами по пять-шесть человек с вечера до утра объезжали весь город. Случалось, задерживали тех, кто нарушал комендантский час. Кто были эти люди, разбирались без нас. И так каждую ночь. А днем работали. Сейчас думаю: где только силы брались?

Когда немцы взяли Старицу, построил капитан Сысоев отряд, спросил: «Кто хочет добровольно вступить в ряды Красной Армии?» С того дня мы стали красноармейцами.

Помню очень тревожный день 13 октября, когда жители покидали родной город. Людская река текла беспрерывно. Уходил и стар и млад. Наш отряд во главе с капитаном Сысоевым стоял у входа на Волжский мост. Вместе с нами были командиры

с четырьмя «шпалами» в петлицах и даже с ромбами. Из толпы мы отбирали мужчин в военной форме и молодых, физически крепких парней, которые по возрасту уже должны были надеть такую форму. В горсаду им выдавали винтовки, патроны, гранаты. Сразу же формировались взводы и роты...

Положение было чрезвычайное, войск в городе почти не было. Сысоев был вынужден послать своих конников к Первомайской роще, где они спешили и заняли оборону. Тут же окапывались ополченцы.

С трудом, с большими потерями, но первые атаки немцев были отбиты. Утром 14 октября появились немецкие танки, и пришлось отходить.

...Вернулся в Калинин конный отряд с нашими войсками 16 декабря и снова вошел в подчинение военному коменданту города.

Все, что красноармеец Юрий Зеленов увидел на следующий день, глубоко запало в его душу и бередило ее многие-многие годы.[155]

Утром капитан Сысоев спросил ребят, кто из них хорошо знает район Рябеево, расположение дач. Отозвался Зеленов: он с детства помнил эти места.

Вместе с незнакомым политруком сели в полуторку с брезентовым верхом и покатали к Рябееву. Был крепкий мороз, в деревне Опарине забежали в избу погреться. Когда подъехали к забору, политрук раскрыл полевую сумку, заглянул в блокнот и спросил Зеленова: — Дачу Калыгиной знаешь? Пошли.

За забором увидели разграбленные дачи. На улице валяются вещи, в плетеном кресле «сидит» убитый немец с витыми погонами на плечах. Неподалеку от берега Волги стоит дом с мезонином.

— Вот эта дача, — показал Юрий.

— Где-то тут должна быть землянка, — сказал политрук. — Смотри внимательней.

Прошли немного и остановились. На дереве висел вниз головой человек в гимнастерке. На петлицах — три кубика, на рукаве — красная звезда с серпом и молотом. Рядом с ним — еще один повешенный за ноги.

— Политруки...

— Выходит так...

...Землянка была завалена снегом. Зеленов разгреб вход, протиснулся в черную дыру. У входа лежал человек, в руке зажата граната... Чиркнул спичку. Из тьмы проступила груда закаменелых трупов...

Семь трупов они погрузили в машину. Сняли повешенных. У самой землянки заметили бугорок снега. Под снегом оказались документы: удостоверения, справки, фотографии, письма, записные книжки... Собрали их в плащ-палатку и взяли с собой.

Помнит Зеленое, как подъехали они к Большому Пролетарскому театру, открыли двери, бережно перенесли убитых. Через много лет узнает он, что похоронили политруков в безымянной могиле. У «колодца», как называли здесь обнесенный штакетником магазин. Позднее, слышал, их перезахоронили — отвезли будто к Мигалову.

Где похоронены оставшиеся в землянке, куда подевался политрук с их документами — на эти вопросы, пожалуй, уже никто не ответит.

Воевал Зеленое под Москвой в корпусе генерала Доватора, потом подо Ржевом, в Белоруссии, Польше. Дошел до Берлина, много видел смертей, много страшного пережил, а землянка в Рябееве из памяти не уходила.[156] После войны Юрий Арсеньевич работал на хлопчатобумажном комбинате, заводе штампов, потом вышел на пенсию.

— Когда приближается день освобождения Калинина, — говорит он, — не нахожу себе места. Вспоминаются сложенные штабелем неопознанные политруки. И чем дальше, тем больнее все это переживал.

Обращался в военкоматы, в другие организации, но понимания почему-то не нашел. Не интересовала никого судьба политруков из далекого сорок первого года.

Пробовал вести поиск сам, но узнал немного. Местные жители рассказывали, что в братскую могилу у Мигалова из Рябеева никого не вывозили. Что кругом была милиция. Где и как захоронили тех, кто лежал в землянке, неизвестно. Может, там, за высоким забором, и остались. Навечно безымянные...

Не мог смириться с этим Зеленое, писал и удивлялся холодному равнодушию. Если, конечно, это было просто равнодушие. Но в 1984 году ему повезло: познакомился он с секретарем Калининского сельского райкома комсомола Лидией Васильевной Бубенчиковой, учителями Некрасовской средней школы Татьяной Алексеевной и Дмитрием Александровичем Потаповыми. Долго и настойчиво обращались в разные инстанции, наконец в 1985 году из Центрального архива Министерства обороны СССР получили официальное сообщение:

«В 1941 году в г. Калинине дислоцировался Высший военно-педагогический институт, отдельный стрелковый батальон которого с 13 по 17 октября 1941 года входил в состав действующей армии.

На комплектование указанного батальона был обращен личный состав 3, 4, 5, 6 и 7-й рот под командованием полковника Жаброва. Сводный батальон занял оборону на широком фронте, особое внимание уделив прикрытию дороги на Даниловское, Деревнище, в район Мигалово.

Бориха, район Желтикова вместе со сводным батальоном института отражали атаки немцев 142 с.п. 5 с д., рабочее ополчение и др... В результате боя 13.10.1941 г. институт потерял убитыми 12 человек, пропавшими без вести — 45 человек, ранеными — 24 человека... Сводный батальон ВВПИК А дал возможность выиграть время регулярным частям для сосредоточения...»

В списках убитых и пропавших без вести значатся: политрук Авдошев Иван Ефимович... политрук Балясный Абрам Моисеевич... политрук, политрук, политрук...[157] Советских войск в Калинине было тогда крайне мало. В прибывающих полках 5-й стрелковой дивизии насчитывалось по 450–500 бойцов и командиров. Оборону заняли отряд народного ополчения, курсы младших лейтенантов, курсы шифровальщиков, истребительный батальон НКВД. Вот почему из состава

направляемого в Ташкент Высшего военно-педагогического института для защиты города был оставлен сводный батальон, состоящий из слушателей института. Политруки стали на Мигаловском рубеже рядовыми бойцами.

Все это стало известно только через 43 года... 15 декабря 1985 года об этом появилась первая публикация в газете «Калининская правда». Ни в одной из книг, рассказывающих о тех трагических днях, до сих пор о боевых действиях сводного батальона политруков не упоминалось. Разумеется, ничего не было известно и о судьбах тех, кто значился в списке пропавших без вести.

Через несколько дней после газетной публикации откликнулся житель Калинина Алексей Михайлович Шуинов, бывший слушатель военно-педагогического института, принимавший участие в оборонительных боях 13–14 октября 1941 года. Он вспоминает:

«Утром 13 октября мы заняли позицию на линии Мигалово — Рябеево. Вооружены мы были как рядовые стрелки: у каждого винтовка; патроны, бутылки с горючей жидкостью. И все, ни одного пулемета не было... Залегли, а окапываться нечем. За лопатами бегали в поселок Мигалово, но по-настоящему окопаться не успели. Нас обстрелял из пулемета вражеский самолет. Появились первые раненые. И мы стреляли по самолету из винтовок, но он ушел. Немецкая разведка обнаружила нашу оборону. Перед нами появились мотоциклы с пулеметами, пехотинцы. Пытались с ходу смять наши цепи. Завязался бой. По команде «вперед!» бросились на врага. Отбили первую атаку и снова закрепились на оборонительном рубеже. Но силы были неравные, мы получили приказ отходить к железнодорожному вокзалу. Нужен был проводник, кто рый хорошо знал местность. Старшим назначили меня, так как я родился и рос на «Пролетарке». Потом мы под бомбежкой прошли в центр города, к зданию института (это ; дом, стоящий у Нового моста, на правом берегу Волги. —С. Ф.), затем к Московской заставе. К тому времени раненые были вывезены на нашем маленьком автобусе.

Я рассказываю только о своей 3-й роте, а их было в[158] батальоне еще четыре. О том, что произошло в районе Рябеево, мы не знали ни тогда, ни позже, когда продолжали учебу в Ташкенте».

Учителя и следопыты Некрасовской школы написали запросы в военкоматы по месту рождения всех погибших и пропавших без вести политруков. Им удалось установить связь с родственниками некоторых из них. Отозвалась дочь П. О. Щегельского, сестра П. И. Близиюка, брат М. Е. Данилова, сын И. Д. Савенко, жена М. А. Погребняка, брат П. Д. Мухи и другие. Все они еще в войну получили извещения о том, что их отцы, братья, мужья пропали без вести. И больше ничего о них не знали.

Удивительное письмо пришло от жены политрука С. С. Ферцева — Надежды Николаевны из Ромодановского района Мордовской АССР. Вот строки из него:

«Через три или четыре месяца, как я получила извещение, что муж пропал без вести, вдруг приходит от него письмо с фронта... По его рассказу, помню, шли сильные бои... Командование послало его сообщить батальону, чтобы они отходили. Но там уже были немцы. Он пополз обратно, а там уже тоже были немцы. Чудом попал он в другую часть — 336-й стрелковый полк 5-й стрелковой дивизии... Был он пропагандис — том, комиссаром батальона, заместителем командира полка. Награжден тремя орденами и медалями... В 1945 году по болезни демобилизовался».

Семен Степанович Ферцев работал секретарем райкома партии, председателем райисполкома. Умер он в 1979 году.

Очень интересный документ получил Ю. А. Зеленов из архива У НКВД по Калининской области, датированный 9 февраля 1947 года. Это справка о допросе жителей деревни Желтиково Калининского района, который проводился, как сказано в документе, для «выяснения обстоятельств, при которых остался в тылу фашистских войск слушатель военно-педагогического института лейтенант Горинштейн Борис Исаевич».

Выяснилось, что Горинштейн вместе со слушателями института находился в обороне неподалеку от Желтикова и был дважды ранен. Местные жительницы принесли его в бессознательном состоянии в деревню. Первую помощь ему оказали А. В. Соловьева вместе с медсестрой К. И. Буле-евой. Его прятали до прихода частей Красной Армии в своем доме П. П. Рожков и его дочь Т. Рожкова. О дальнейшей судьбе Горинштейна и его спасителей ничего неизвестно.[159] Эти эпизоды сами по себе интересны, но до 1986 года по-прежнему оставалось тайной все то, что произошло в октябре 1941 года в районе рябеевских дач. По существу, наши знания укладывались в те скупые строки, которые написал после посещения освобожденного Калинина Александр Фадеев.

Можно было предположить, что при отходе нарушилась связь между ротами и группа политработников оказалась отрезанной от основных сил батальона.

Обстоятельства гибели политруков начали проясняться лишь после письма из села Сидоровка Корсунь-Шевченковского района Черкасской области от бывшего старшего политрука Лаврентия Павловича Стареченко. Оно побудило учителя Некрасовской школы Д. А. Потапова выехать в Сидоровку. Он беседовал со Стареченко, записал его подробный рассказ.

Приведем выдержки из этой записи.

«Немцы первый удар обрушили на ополченцев. Нашу оборону они бомбили, затем пошли в атаку с танками. У нас боеприпасы подходили к концу... Ночью мы отошли в лес. На другое утро узнали, что в Калинине немцы, мы оказались в окружении. Нас осталось примерно 40 человек. Нашли землянку, дооборудовали ее. Землянка находилась на берегу Волги, недалеко от обрыва. Выбрали командиром отряда Гуловатого и начальником разведки Геращенко... Разведка установила расположение группы немцев возле аэродрома. Ночью всем отрядом пошли туда. Уничтожили группу, забрали автоматы, боеприпасы, обмундирование... Геращенко взял двух бойцов, переоделись в немецкую форму. Они пошли к дороге, уничтожили легковую машину с тремя офицерами. Примерно через час услышали шум мотоциклов. Нас окружили. Отступить было некуда. Оборона у нас была хорошо организована... Часть немцев убили, а часть их была рассеяна...

Подшел танк, мотоциклы, немецкая пехота, взяли нас в кольцо... Многие наши были убиты, силы иссякали, но раненые вели бой... Первым взяли Гуловатого. Он не скрывался и сказал, что он командир отряда. Его повесили вверх ногами. Второго повесили Геращенко...

Кровь холонет в жилах, трудно рассказать, что видел и слышал. Фашисты стреляли, зверски кололи, отрезали носы, уши, выкалывали глаза...

Военнопленные красноармейцы складывали трупы штабелем в землянке. Они видели, что я живой, и положили[160] меня сверху. Это было днем... Ночью я услышал, что немцы уехали, и спросил: «Кто живой?» Рядом отозвался Семешко (в списке пропавших без вести слушателей института такой фамилии нет. Близка по звучанию другая — политрука Семещенко Николая Терентьевича. — С. Ф.). Еще спрашивали, но никто не отзывался...

Вышли вдвоем. Пройдя немного, встретили двух наших бойцов... Я пошел с одним, а Семешко с другим. Мы разошлись, потому что у меня была ранена нога и я не мог идти быстро... Потом подошли немецкие машины, и нас забрали».

Л. П. Стареченко попал в лагерь военнопленных в городе Сычевке Смоленской области. Там пробыл дней десять, с помощью подпольщиков был вывезен на подводе в партизанский отряд. Оттуда его отправили на лечение. После войны Лаврентий Павлович много лет работал председателем колхоза имени Горького в селе Сидоровка.

В первый бой на Мигаловском рубеже Лаврентий Павлович вступил, когда ему было 38 лет, а рассказал об этом учителю Дмитрию Александровичу Потапову на 76-м году

жизни. Трудная, драматичная, но вместе с тем и счастливая судьба.

Многих добрых слов заслуживают Ю. А. Зеленов, Т. А. и Д. А. Потаповы, сумевшие приоткрыть завесу над тайной, которую так долго хранило время. Но мы все еще остаемся в долгу перед теми, кто погиб в октябре 1941 года на высоком берегу Волги, защищая наш город.

Нет, политруки не пропали без вести. Они погибли в бою с врагом. Теперь мы знаем их имена, и нельзя допустить, чтобы эти имена были забыты.

С. Флигельман

КАМЕН ЦАНОВ

Он был немногословен — и в общении, и в письмах. В последнем письме жене в Москву писал: «Теперь я от вас совсем близко. Но больше мы не отойдем. Таков приказ. И мы его выполним, если даже придется погибнуть».

Письмо датировано октябрём. Цанов отправлял его скорее всего из Калинина, куда была переброшена с другого участка фронта 5-я стрелковая дивизия...

...Болгарин, Камен Костович Цанов попал в Советский[161] Союз в 1925 году как политэмигрант. Оставить родину его заставил политический переворот, который произошел в Болгарии 9 июля 1923 года. В стране установилась военно-фашистская диктатура. На болгарскую демократию обрушилась волна репрессий. Реакция разгромила все учреждения и органы Болгарской коммунистической партии, арестовала более двух тысяч партийных руководителей. В эти трагические дни партия обратилась к болгарскому народу с призывом: «Вооружайтесь! Продай пальто, купи ружье!»

23 сентября вспыхнуло народное восстание. Центром восстания стал небольшой городок Фердинанд, где родился и провел свое детство Цанов. Сюда из пастушечьих хижин, из дальних и ближних селений, с гор и берегов Марицы и Нишавы стекалась беднота. Вооруженные чем попало: ружьями, кинжалами, старинными турецкими пистолетами, кизилковыми дубинами, они шли против регулярных войск. Повстанцы разгромили гарнизон в Фердинанде и организовали оборону. Для руководства восстанием сюда прибыли вожди партии Г. Димитров и В. Коларов.

Среди повстанцев был двадцатилетний Камен Цанов. Уже тогда в нем созрел убежденный, страстный борец за свободу. Бесправный батрак, Цанов с детства испил чашу унижений и несправедливости. Школой его были кружки в рабочем клубе и комсомол той поры. Это и определило политические взгляды и убеждения Цанова.

...Повстанцы держались десять дней. Потом из Софии прибыли свежие войска, пришлось отходить в горы, а затем дальше, через границу, в Югославию.

Но партия не прекратила борьбу. Создавалось подполье. Из Югославии в Болгарию переправлялось оружие, политическая литература. Работа эта поручалась наиболее надежным, проверенным коммунистам. «Товарищу Камелу», одному из немногих, было предоставлено «право активного действия». Не раз ходил он через границу и, выполнив задание, уходил от преследования. Занесенный в списки наиболее активных «красных», Цанов был заочно

приговорен фашистским режимом к смертной казни.

Работать становилось все трудней, участились провалы, гибли люди. В этой обстановке, чтоб сберечь силы для будущей борьбы, партия приняла решение переправить лучших своих бойцов в Советский Союз.

Пребывание в нашей стране коренным образом изменило всю жизнь Камена Цанова. Был он почти неграмотен.^[162] На долю выпало сиротское детство. Летом пас в горах буйволов, когда же выпадал снег, приходил в город на базар к родственнику — чираку (сапожнику) и жил у него до весны. Жили бедно. Просяной хлеб, чеснок да чорба (суп из крапивы) — вот и вся еда. Здесь обучился ремеслу. И потихоньку рисовал. Откуда появилась эта тяга — он и сам не мог понять, но взрослые, разглядывая его рисунки, качали головами: «Эх, парень, тебе бы в школу...» В Москве Цанов поступил на сапожную фабрику и стал посещать рабфак. Товарищи удивлялись его способностям и упорству. Учился как одержимый. Много читал, ходил по музеям и рисовал. Однако пребывание в нашей стране и свою учебу он расценивал как подготовку к новой борьбе, а пристрастие к рисованию, свойственное ему с детства, считал баловством. Но не рисовать не мог. Делал это тайно, рисунки никому не показывал. Уже в Коммунистическом университете, куда Цанов был принят после рабфака, произошел курьез. Однажды на лекции, заглядевшись в окно на зимний пейзаж, Камен стал быстро набрасывать рисунок. И, увлекшись, не заметил, что за ним наблюдают. Этюд оказался в руках преподавателя.

Его вызвали в болгарскую секцию Коминтерна. Приготовился выслушать внушение, а его спросили:

— Хочешь в художественную академию? Нам же известно: ты днем учишься, а по ночам рисуешь.

Осуществилось то, о чем он даже не смел мечтать. В Ленинград, в Академию художеств, он приехал с личной рекомендацией Георгия Димитрова, представлявшего тогда Коммунистическую партию Болгарии в Коминтерне. Из его письма следовало, что Камен Цанов готовился из числа политэмигрантов для работы в области искусства и принятие его в академию «...будет, несомненно, ценной услугой для Болгарской коммунистической партии».

В Академии художеств Цанов вначале занимался скульптурой, потом был переведен по его просьбе на факультет живописи в мастерскую И. И. Бродского. После окончания академии работал в Москве. Много писал, в основном портреты и пейзажи.

В эмиграции Цанов встретил девушку Кремену, тоже болгарку. Женились. Родилась дочь Замфира. Маленькая комнатуха, где семья жила до войны, была одновременно мастерской и интернациональным клубом. Здесь постоянно бывали соратники по борьбе в Болгарии, товарищи по эмиграции, друзья по учебе, художники. Было шумно и весело.^[163] Среди недописанных холстов, альбомов, эскизов и книг спорили об искусстве, пели, свершали шахматные блицы.

Таким он и остался в воспоминаниях близких: широкая, добрая натура, всех любил, все готов был раздать — мысли, идеи, деньги, самого себя.

Цанов часто бывал в доме В. Коларова, с отцовской заботой следившего за становлением и ростом художника. В воспоминаниях Цветаны Коларовой — жены В. Коларова — есть такие строки о нем: «Камен скромн и трудолюбив. Немного

небрежен во внешности, но по духу художник. Книги, которые давал ему Васил, читал с огромным упорством. Часто спрашивал, что ему было неясно».

На даче у Коларова собирались болгарские политэмигранты. Велись горячие дискуссии и споры. Фашистская свастика расплзлась по Европе, и каждый стремился определить свое место в неизбежной уже схватке. Камен как-то сказал: — Если Гитлер нападет на Советский Союз, буду просить направить меня на фронт.

— Ты художник, — возразили ему. — Твое искусство понадобится Болгарии.

— Здесь моя вторая родина, — сказал Цанов. — Я уже все решил.

...На фронт Цанов ушел добровольцем на третий день войны. С июля уже участвовал в боях. С сентября — политруком 190-го стрелкового полка 5-й стрелковой дивизии.

.. Передо мной три снимка, — как три вехи этой необычной судьбы. На первом, судя по всему, официальном снимке — большая группа болгар-политэмигрантов. Строгие костюмы, суровые лица профессиональных революционеров. И Цанов среди них — самый молодой, единственный в простой рабочей робе и в тельняшке. На втором — он же, в мастерской среди полотен, рядом с И. И. Бродским и другими художниками. И последний снимок: пилотка, помятая гимнастерка, два «кубаря». Осунувшееся мужественное лицо, твердый, глубокий взгляд.

...За два дня боев 190-й полк понес большие потери. 14 октября гитлеровцы ворвались в Калинин, и бой распался на отдельные очаги. Одну из обороняющихся групп возглавил политрук Цанов. Группа дралась в самом центре города, в районе 12-й средней школы. Когда стрельба возникла уже где-то сзади, они стали отходить к Перемеркам.

Какая здесь была обстановка, видно из оперативной сводки:

«5 сд. Штадив вост. окраина Калинина по Московскому^[164] шоссе. 18.00 15.10.41 года. Противник в 15.00 при поддержке танков, авиации, сильного минометного и артиллерийского огня начал наступление из района пос. кирпичного завода — Бобачево, стремясь отрезать наши части в Больших и Малых Перемерках.

...190 сп занимает полосу обороны М. Перемерки до р. Волга включительно... За 15 октября ранено 65, убито 15».

...Уже в 60-е годы, изучая списки погибших, офицер Калининского райвоенкомата Иван Петрович Жеребятьев обратил внимание на эту фамилию — Цанов. Захотелось узнать — кто он, этот болгарин, покоящийся в братской могиле у керамического завода. Какая судьба забросила его сюда?

Начался поиск. Из Главного управления кадров пришло подтверждение:

«Политрук 190 сп Цанов Камен Костович 15 октября 1941 г. геройски погиб в уличных боях за г. Калинин».

Позже пришли письма из Болгарии. Оказалось, на родине его помнят и чтут.

...Отыскались позже и другие сведения, и среди них — московский адрес его семьи.

Была встреча с женой и дочерью. Полотна Цанова хранятся теперь в Национальном

военно-историческом музее в Софии и в музее Михайловграда (бывшего Фердинанда), города юности Камена Цанова, где есть теперь улица его имени. Там же его личные вещи, снимки, архивные материалы. Оставалось у семьи в Москве только несколько незаконченных пейзажей. Один из них запомнился: цветущая долина и вдали — заснеженные горы. Писал на Кавказе. А грезились, наверное, Балканы...

М. Майстровский

Борис Полевой

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДЫ {78}

Помнится, где-то в конце октября 1941 года, в самую тяжелую пору войны, когда гитлеровские армии рвались к столице, стремясь захватить ее в кольцо, меж суровых сводок о тяжелых боях на московском направлении в «Правде» появилась заметка, приковавшая к себе всеобщее внимание.

В ней сообщалось, что нашему танковому экипажу, посланному в разведку, удалось ворваться в оккупированный Калинин и, ведя на ходу тяжелый бой, опрокидывая и^[165] давя машины с вражеской пехотой, пересечь весь город, прорвать вражескую линию фронта и выйти к своим уже на Московское шоссе.

Защищая Москву, советские воины показывали чудеса мужества и храбрости. Каждый день в сводках Советского информбюро сообщалось о подвигах солдат, офицеров, партизан. Но и на этом фоне заметка о необычайном рейде одинокого танка вызвала исключительный интерес. Особое впечатление она произвела, конечно, на нас, калининцев.

Наш город был оккупирован и пылал день и ночь. Он был почти рядом. С батальонных наблюдательных пунктов в редкую минуту фронтового затишья можно было слышать чужую речь, и именно поэтому было как-то особенно тяжело представить себе знакомые с детства улицы, по которым теперь ходил враг.

И вот эта история с танком. Подробности не сообщались, но воображение живо рисовало стальную громадину, несущуюся по знакомым улицам, изрыгающую на ходу огонь, и сталь, давящую врагов смертоносными гусеницами.

Разговоров было много. Конкретный факт, сообщенный в газете, быстро обрастал красочными подробностями: славные танкисты разгромили по пути нацистскую комендатуру, освободили женщин, угоняемых в неволю, расстреляли дом, где помещался штаб эсэсовской дивизии. Да что там штаб, какого-то генерала схватили, втащили в машину и привезли к своим! Легенда разрасталась, как круги на воде, и, как это всегда бывает в таких случаях, начали уже раздаваться голоса скептиков:

— Да полно вам, все это выдумка. Такого просто не могло быть... Да там же гитлеровцев полным-полно. Так они его и пропустили!

Вероятно, поэтому в день, когда мне уже в ноябре 1941 года вручили удостоверение военного корреспондента «Правды», начальник военного отдела полковник И. Г. Лазарев, напутствуя меня на только что созданный Калининский фронт, в качестве первого и очень интересного задания приказал отыскать этот танковый экипаж:

— Поразительный рейд. Нас читатели завалили письмами... Дайте развернутый очерк.

Ах, как захотелось начать свою работу именно с очерка об этом удивительном, почти невероятном деле! Я хорошо знал места, где все это произошло. Но к тому времени фронт придвинулся к Москве, пехотные и танковые части[166] успели неоднократно передислоцироваться, а в Заволжье, где мы твердо стояли на берегу реки, танка этого не видели и ничего о нем не знали.

Столица находилась на осадном положении. Сводки оставались все еще грозными. Но в войсках, даже тут, на крайнем правом фланге сражения за Москву, мы просто чувствовали, как нарастает наша мощь, как копятся силы для могучего контрудара, и по ночным очень скрытым передвижениям войск по лесным дорогам угадывали, что удар этот приближается. Боевая активность частей Калининского фронта между тем нарастала. Нам, корреспондентам, хватало работы, и я отложил мечту написать очерк о легендарных танкистах до освобождения родного города: там-то уж у людей узнаю подробности.

И вот утром 16 декабря мы в освобожденном Калининe, вернее, полу освобожденном, так как в районе фабрик еще кипит бой, да и тут, на центральных улицах, нет-нет да и разорвется снаряд, пущенный отступающими в бессильном озлоблении.

Город был взят в результате мастерского стремительного наступления. Части противника, оказавшись в клещах, спешно отступали, побросав много пушек, минометов, подбитые танки, груженные военным скарбом машины... Они отступали поспешно, но успели изувечить наш древний, чистый, уютный город. Хожу по черным от пожарищ улицам, а в голове все та же мысль: танкисты, их героический путь. Обдумываю будущий очерк.

Да, любой остановленный на улице житель, переживший оккупацию, слышал, конечно, о них. Как же, как же, об этом весь город говорил! И возникали новые, совсем уже сказочные подробности: «Сотни гитлеровцев покروшили...», «По ихней колонне машин с солдатами прошли, все в щепки», «Снаряды у них такие были, как ударит пушка, так снаряд на сто частей разорвется, и каждый осколок горит и все вокруг сжигает...».

Нет, ничего не открыл мне тогда и освобожденный город. То, что рассказывали земляки, было уже настолько невероятным и так отдавало сказкой, что, каюсь, я подумал, что здесь что-то не так и мы имеем дело с одной из тех красивых, мужественных легенд, какие вырастали порой в те дни из маленького зернышка необычайного факта.

И разве мог я думать тогда, что когда-нибудь в будущем все-таки получу возможность написать этот очерк.

Как извещают ремарки в пьесах, между первым и вторым[167] действием прошло двадцать пять лет. И вот я снова стою на восстановленном Старом мосту, который когда-то напомнил мне разорванное кружево. Рядом коренастый человек с круглым лицом, и на щеках его полыхает нахлестанный студенным ветром румянец. Это бывший механик-водитель легендарного танка, в те дни старший сержант, а ныне подполковник в отставке, инженер одного из заводов Федор Иванович Литовченко. Вместе с калининскими журналистами они только что повторили на «Волге» весь путь боевой машины через город, и то, что еще недавно казалось легендой, в рассказе его быстро обретало конкретные и реальные очертания.

На этом примере, как мне кажется, мы получили возможность еще раз убедиться в многократно утверждавшейся истине, говорящей, что обычный советский человек — труженик и воин — в своем служении Родине может превратиться в час испытаний в богатыря из былин, может совершить такое, что и в голову не придет писателю с пылким воображением.

Федор Иванович явно взволнован встречей со своим, уже давним прошлым. Весь легендарный путь, по которому его только что провезли журналисты, ожил в его памяти. Он признается: ему казалось, что здесь, в «Волге», с ним весь славный экипаж танка — и командир старший сержант Степан Горобец, любивший на маршах петь украинские песни, и башнер Григорий Коломиец, весельчак, шутник, любитель розыгрышей, и стрелок-радист Ваня Пастуший, простодушный и совсем еще юный паренек, всегда служивший объектом этих розыгрышей. Казалось, будто едут они все вместе — «экипаж машины боевой», едут, и снова, как в тот октябрьский непогожий день, устремившись в разведку, отрываются от колонны танков, задержанных бомбежкой с воздуха; устремляются вперед, к занятому врагом городу, по дороге огнем пушки поджигают на полевом аэродроме два вражеских пикировщика, а заодно и цистерну с горючим; стреляя на ходу, прорываются сквозь немецкий артиллерийский заслон на дороге; на максимально доступной для их машины скорости врываются в город, во двор комбината «Пролетарка».

— Все кругом горело. Гнали машину с возможной скоростью, — говорит он.

Рассказ его очень прозаичен, но в нем оживают подробности рейда, которые в повествовании земляков выглядели даже фантастично. Да, действительно, гнали так, что снежное^[168] облако за танком стояло. Нельзя было не гнать. А как же? В этом и успех выполнения задания, и спасение.

— И действительно давили их колонну?

— Действительно давили. Улицы-то в вашем городе прямые и не очень широкие. Их колонна с мотопехотой, двигавшаяся нам навстречу, будто по линейке вытянулась. Горобец скомандовал: «Прямой наводкой по колонне!» Башнер послал несколько снарядов и несколько машин разбил. Загорелись. А тут я слышу в шлемофоне: «Федя, давай прямо на них». Ну, я направил танк на те машины, что еще уцелели. Треск, грохот. Их пехотинцы горохом посыпались с машин. Ну, естественно, я прямо их и утюжил, а стрелок-радист Ваня Пастуший по ним из пулемета!

— Вот тут в городе говорят, будто вы били по ним какими-то особыми снарядами, которые рассыпались на много частей, а потом загорались.

— Не было у нас никаких особых снарядов. А говорят вот почему: недалеко, у моста через Тьмаку, угодили мы в их машину с боеприпасами. Тут и пошло. Не сотни, а тысячи осколков по сторонам летели...

Так одна за другой обретают реалистические контуры все сказочные детали этого рейда.

— Ну а как вам удалось расстрелять комендатуру?

— Комендатуру? — удивляется наш собеседник, но тут же вспоминает: — А! Это там, на площади. Не знаю, уж была ли там комендатура, но только видим — большой флаг со

свастикой висит над подъездом и часовые стоят. Ну, Горобец и командовал: «По флагу осколочными!» Не ручаюсь, что у них там было, комендатура или нет, но только снаряда два мы туда всадили... К слову сказать, тут недалеко возле крыльца их танк стоял — на охране, что ли. Снарядом его не задело, так я машину на тротуар и этот танк — в бок всем корпусом. Такой удар получился, что у меня на миг желтые брызги из глаз посыпались, вроде бы даже сознание от толчка потерял. Но рычаги не отпустил, выхватил машину на большую улицу — Советская, кажется, она тут называется, — и по ней к заставе. А там с тылу на их батарею наехали и — дальше по шоссе. Видим, а впереди войска, не знаем, свои или чужие, но выхода нет — гоним навстречу...

— Ну а вот когда сейчас вы по этому пути проехали, что вам по дороге припомнилось больше всего?

— Да что припомнилось, ничего особенного. Война как война. А вот город этот меня удивил. Новый город. Нипо-чем^[169] бы не узнал. Ведь в развалинах все лежало, головни дымились, а сейчас все новенькое стоит... Ох, и много же тут понастроили...

Потом мы присутствовали при знаменательной сцене. В разукрашенном фойе городского театра, где калининцы праздновали двадцатипятилетие со дня освобождения своего города и награждение области орденом Ленина, Федор Иванович встретился с бывшим командующим Калининским фронтом И. С. Коневым — почетным гостем праздника. Будто молодость вернулась к плечистому и грузноватому уже человеку в хорошо отутюженной черной тройке. Он весь вытянулся и, взяв руки по швам, по-солдатски отрапортовал:

— Товарищ Маршал Советского Союза, бывший старший сержант танковых войск, подполковник запаса Литовченко Федор.

Я знаю маршала по дням войны. Видывал его в очень тяжкие боевые минуты. Его лицо всегда оставалось спокойным, и тут, видно, и маршал явно волнуется и не может скрыть этого. И отвечает он совсем не по-военному: — Так вот вы теперь какой! Дайте-ка я вас получше разгляжу...

И два советских солдата-ветерана по-братски обнимаются и по старому русскому обычаю троекратно целуются, взволнованные и растроганные.

В. В. Мочалов, полковник, бывший комиссар 247-й стрелковой дивизии 31-й армии

ОРУЖИЕМ СЛОВА {79}

Суровой зимой 1941 года в дивизию генерала Березина, которая героически сражалась с врагом под Калинином, прибыл писатель Бела Иллеш. Был он уже немолод, но на фронт пошел добровольцем, по зову сердца...

Генерал Березин принял Бела Иллеша вежливо, но сдержанно. Писатель понимал, что дела на фронте шли не бойко, и сразу же обратился к генералу:

— Вы, товарищ генерал, чем-то огорчены, не я ли тому причиной? Давайте поговорим откровенно.

— Что вы, товарищ Иллеш. Нет, на свой счет это не^[170] принимайте. А радости у меня действительно нет, как и времени.

— Чем же вы расстроены? — не унимался писатель. — Может быть, все-таки скажете?

— Видите ли, дорогой писатель, чтобы бить врага, надо его знать, а знаем его мы плохо, потому и бьем плохо. Начальство сверху требует, чтобы я «языка» достал, а как я его достану? Разведчики у меня боевые, а вот захватить немца не могут. А надо, во что бы то ни стало надо.

— Может быть, я смогу помочь?

— Нет уж. Ваше дело — писать, наше — воевать. Уж лучше вы нам не мешайте. Я вот вызову сейчас своих орлов, вы с ними побеседуйте, а потом и напишите. Польза будет большая. Надеюсь, будем читать «Калининскую рапсодию». Извините, мне на передовую.

— Я с вами, генерал.

— Ну, нет, убьют, а потом отвечай.

— Убить и вас могут, генерал.

— Меня не убьют, я — стреляный солдат.

— В таком случае у меня есть предложение: дайте мне бойца-радиста с МГУ (мощная громкоговорящая радиоустановка. — В. М.), попробую поговорить с немцами.

— Нет и решительно — нет! Все простреливается. Это, батенька мой, верная смерть.

Но тут коса нашла на камень. В конце концов генерал сдался. Приказал прикрывать огнем строптивного писателя, выделил радиста Тимофеева, указал маршрут движения, еще раз предупредил об опасности и стал наблюдать.

Чтоб быть услышанным, надо было как можно ближе подобраться к немецким окопам. Пока доползли по глубокому снегу, казалось, уже не осталось сил говорить. Раскурить бы трубку, согреть заочневшие руки. Бела Иллеш усмехнулся: ничего, генерал, это минутная слабость.

Тимофеев установил МГУ. Иллеш заговорил. Да как заговорил!

Немцы вначале просто опешили... Где-то близко и так громко зазвучала чистая, ясная немецкая речь. По снежным окопам, размахивая парабеллумами, забегали немецкие офицеры. Открылась беспорядочная стрельба из пулеметов и автоматов. Но речь звучала. Страстная, обличительная речь коммуниста.

Бела Иллеш вернулся с пробитым полушубком, Тимофеев с легким ранением.

Не веря, что от рискованной этой вылазки будет какой-то^[171] толк, Березин рад был уже тому, что писатель живой. Проникся к нему глубоким уважением, обнял, расцеловал. Глубокой ночью в одних трусах перебежал на нашу сторону немецкий солдат К. (Мы не называем фамилию перебежчика. Он, как и Бела Иллеш, жив и здоров, оба работают в Будапеште.) Отогрели, одели, чаем напоили. Допрос был в бане:

в деревне осталось всего несколько домов, и все они были переполнены. Березин отлично знал немецкий язык и лично вел допрос. Бела Иллеш сидел в стороне и слушал.

— Господин генерал! Позвольте задать вопрос: кто у вас говорил на немецком литературном языке? — спросил перебежчик.

— Такие люди у нас есть, — усмехнулся Березин. К. дал ценные показания.

— Этой речью, — сказал он, — вы повергли немецкое командование в большую тревогу. Слышимость была очень хорошей. Для нас после этой речи режим был установлен, как в тюрьме. Тем солдатам, которые не находились на дежурстве, приказали раздеться, категорически запрещалось выходить без крайней необходимости. Я сослался на то, что болит живот, и под этим предлогом вышел из блиндажа без одежды. Только потому и не вызвал какого-либо подозрения, со мной не пошел и караульный, мол, в трусах на морозе далеко не убежишь. А я вот убежал. По мне открыли стрельбу, но было уже поздно. Больше всего боялся, что вы меня подстрелите.

Генерал Березин, смеясь, заметил: — Значит, вы немец и немцев перехитрили?

— Я не немец, я венгр. Намерение перейти к вам имел давно. Речь вашего диктора послужила толчком. Я убедился в пагубности и аморальности войны, которую Гитлер затеял против СССР. Я скажу вам, генерал, больше: это не только мои личные суждения, а и тех немецких солдат, среди которых я был. Когда нам приказали раздеться и под страхом предания суду трибунала не обсуждать услышанное, сосед по нарам сказал мне тихо: «Когда я это прослушал, у меня заболело сердце. Кому нужна эта проклятая война?» Он еще успел спросить меня: «Как ты думаешь, мог так чисто говорить по-немецки русский?» Спи, ответил я ему. У тебя болит сердце, а у меня живот...

На Калининском фронте были писатели И. Эренбург, Б. Полевой, М. Яровой, С. Островой, И. Костылев, С. Кирсанов, Г. Санников и многие другие. И были они не созерцателями^[172] событий великих дней, а непосредственными участниками, а иногда и исполнителями ратных свершений, мастерами боя.

Поэт Георгий Санников прямо на передовых позициях в паузах между боями читал свои проникновенные стихи, полные жизненного оптимизма и глубокой веры в победу над врагом. Но паузы на войне были короткими, и Санников вместе с бойцами шел со связками гранат и с бутылками горючей смеси на вражеские танки.

Помню, как-то смалодушничал один молодой боец и высказал в присутствии Михаила Ярового мысли вслух:

— Устоим ли мы против этой чертовой техники врага?

Яровой строго, но убедительно ответил:

— Не надо хныкать, браток! Устоим, и не только устоим, но и разгромим врага. У китайцев есть мудрая пословица: «Учась, мы узнаем, как мало мы знаем». Вот и учись

бить врага, понял?

Большую работу проводил на фронте с бойцами Иракий Андроников. В разговоре с одним командиром он уловил нотку неуверенности. Андроников обратился к офицеру:

— А вы не читали Александра Васильевича Суворова? Его как-то спросили об одном генерале — каков он в бою? Суворов ответил: застенчив. Опасная болезнь на войне — застенчивость. Мы, советские люди, не из таких!

Любили бойцы смелого поэта-воина Сергея Острового. Он был частым гостем на передовой, часто ложился и за пулемет.

Накануне нового, 1942 года С. Островой читал свои стихи, опубликованные тогда же в армейской газете «На врага»: Проходят дни военным четким строем, И мы с тобой, товарищ мой, в строю. Пусть каждый встретит Новый год героем, Обороняя Родину свою.

Писатели несли в гущу бойцов безграничную веру в победу.

Мне часто доводилось встречать этих скромных людей, с небольшими воинскими званиями, но с большой чистой душой истинных патриотов. [173]

ФРОНТ ИДЕТ ВПЕРЕД [174]

А. М. Василевский, Маршал Советского Союза

НАЧАЛО КОРЕННОГО ПОВОРОТА В ХОДЕ ВОЙНЫ {80}

К началу декабря 1941 года противник имел под Москвой свыше 1708 тысяч человек, около 13,5 тысячи орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. В составе советских войск здесь было 1100 тысяч человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка (в том числе 222 средних и тяжелых) и 1000 самолетов.

Сама идея контрнаступления под Москвой возникла в Ставке Верховного Главнокомандования в начале ноября, после того, как первая попытка противника прорваться к Москве была сорвана, а поставленная ГКО перед партией и страной задача создания крупных стратегических резервов успешно решалась. Государственный комитет Оборона и Ставка отлично понимали, что окончательно сорвать насту-1 пление фашистов на Москву и тем самым не только спасти < столицу, но и положить начало коренному повороту в ходе войны можно лишь активными действиями.

В конце ноября для советского командования было уже очевидным, что враг напрягает последние усилия, что фланговые ударные группировки его потеряли свою ударную силу настолько, что лишились даже способности порою отражать наши контрнаступления. Уверенность в этом у ГКО и Ставки была настолько велика, что ГКО принял решение уже в ноябре вернуть в Москву не только отдельных ответственных лиц, эвакуированных в октябре из столицы, но и некоторые государственные учреждения. Вернулся в Москву и Генеральный штаб во главе с Б. М. Шапошниковым, сразу включившийся в работу по подготовке предстоящего

контрнаступления.

...Замысел контрнаступления Советской Армии на Западном направлении сводился к тому, чтобы ударами войск правого и левого крыла Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить ударные группировки противника, пытавшиеся^[175] охватить Москву с севера и юга, и отбросить их от столицы. Командующие войсками Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов были извещены Ставкой о стоящих задачах с требованием представить свои конкретные предложения.

Соображения по плану контрнаступления войск Западного фронта, который должен был сыграть при этом и сыграл в действительности основную роль, были рассмотрены и утверждены Верховным Главнокомандующим 1 декабря. План командующего фронтом предусматривал разгром фланговых группировок — севернее столицы с участка от Рогачева до Истры усилиями 30-й, 1-й ударной, 20-й и 16-й армий ударом в общем направлении на Волоколамск, а южнее столицы с участка от Тулы до Михайлова ударом через Сталиногорск (Новомосковск) и Богородицк с поворотом затем в направлении на Калугу и Белев — усилиями 50-й и 10-й армий.

Севернее Западного фронта его обязан был активно поддержать Калининский фронт ударом 31-й армии южнее Калинина в сторону Тургиново, Старица, а южнее — Юго-Западный фронт ударом 3-й и 13-й армий на участке Ефремов, Волово в обход Ельца в сторону Верховья.

Соображения командующего Юго-Западным фронтом были рассмотрены и утверждены Ставкой 30 ноября. Директивные указания командованию Калининским фронтом я передал лично в штаб фронта, который находился в деревне Большое Кушалино, в 40 километрах северо-восточнее Калинина, в том самом Кушалине, где в середине 20-х годов я, будучи командиром 143-го стрелкового Тверского полка 48-й дивизии, проверял ход допризывной подготовки.

Необходимо сказать хотя бы вкратце о тех необычных, крайне невыгодных и тяжелых для наших войск условиях, в которых протекала их подготовка к переходу в контрнаступление. На большинстве участков эта подготовка проходила в обстановке напряженнейших, непрерывных оборонительных боев с наседающим противником, и лишь на отдельных участках она постепенно перерастала в контрнаступление в результате успешных контрударов наших войск.

...Общим сроком для перехода в контрнаступление было назначено Ставкой 5–6 декабря. Фактически войска Калининского фронта перешли в контрнаступление 5 декабря; войска Западного фронта севернее и южнее Москвы после^[176] сосредоточенных авиационных ударов и артиллерийской подготовки — 6 декабря; войска Юго-Западного фронта — основными силами 7 — 8 декабря.

6 декабря развернулось грандиозное сражение. Успех нарастал с каждым днем. Инициатива, бесспорно, переходила к нам. Неожиданный удар наших войск, особенно северо-западнее и юго-западнее Москвы, произвел ошеломляющее впечатление на фашистское командование и его войска, что полностью подтверждает правильность выбранного советским командованием момента для перехода в контрнаступление.

Верховное Главнокомандование внимательно следило за всем ходом событий и по мере продвижения войск ставило фронтам дальнейшие задачи, а иногда и подправляло не совсем удачные решения командования. Нельзя не сказать и о том, что в ходе контрнаступления под Москвой выявился ряд крупных недостатков как в управлении войсками, так и в их действиях.

На ряде направлений войска, ведя упорные, затяжные бои за вражеские узлы сопротивления и опорные пункты, в течение первых десяти дней продвигались медленнее, чем было запланировано, обнажая тем самым фланги успешно наступающих соседей. Правда, продвижению мешал довольно глубокий снежный покров. Но часто это зависело от несвоевременного усиления командованием фронта или армий данных направлений или участков фронта танками, артиллерией, авиацией, боеприпасами. Порою войсковые соединения и части строили для атаки свои боевые порядки двухэшелонно, имея первые эшелоны крайне слабыми, к тому же атаковали позиции врага после короткой, недостаточной по силе артподготовки; сопровождение атакующих пехоты и танков в глубине обороны противника артиллерийским огнем и авиацией применялось не всегда, а если и применялось, то зачастую неумело, а следовательно, и неудачно. Танковые части и соединения чаще использовались для непосредственной поддержки пехоты и редко для выполнения самостоятельных задач, несмотря на благоприятные к тому условия боевой обстановки.

Однако довольно быстро советские войска, накапливая опыт, начали действовать более успешно. Все чаще и чаще стали преследовать врага сильными подвижными отрядами, которые прорывались в фашистский тыл, отрезая пути отхода и сея панику. Широко стали применяться ночные действия со скрытыми, внезапно наносимыми ударами.^[177] Успешно развивая контрнаступление, уже 16 декабря войска Калининского фронта освободили Калинин, а 7 января они подошли к Волге в районе Ржева. Армии правого крыла Западного фронта к 25 декабря продвинулись на расстояние до 100 километров и вышли на рубеж рек Лама и Руза. Южнее Москвы войска левого крыла Западного фронта к 17 декабря отбросили врага на 130 километров. Одновременно армии правого крыла Юго-Западного фронта продвинулись в районе Ельца на 80–100 километров.

18 декабря был вновь создан Брянский фронт, который, используя успех Западного фронта, развил наступление на орловском направлении и к концу декабря продвинулся еще на 30–110 километров, выйдя на рубеж реки Оки.

Продолжая наступление, войска Западного фронта в начале января 1942 года вышли на рубеж Наро-Фоминск — Малоярославец — западнее Калуги — Сухиничи — Белев. Здесь контрнаступление было завершено. Оно явилось первой в Великой Отечественной войне крупной наступательной операцией стратегического значения.

Финал великой битвы под Москвой был поистине изумителен. Советская Армия одержала огромную военно-политическую победу. Впервые во второй мировой войне было нанесено сокрушительное поражение немецко-фашистской армии. До того момента Гитлер в своей агрессивной политике не знал неудач. Он захватывал одну страну за другой, овладел чуть ли не всей Западной Европой. Немецкая армия в глазах значительной части человечества была окружена ореолом непобедимости. И вот впервые «непобедимые» немецко-фашистские войска были биты, и биты по-настоящему: 38 немецких дивизий, в том числе 11 танковых, потерпели тяжелое поражение. В результате контрнаступления и общего наступления фашисты потеряли

более 500 тысяч человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч машин и много другой техники. Таких потерь фашистская армия еще не знала. Для их восполнения гитлеровское командование с декабря 1941 года по апрель 1942 года направило на советско-германский фронт примерно 800 тысяч человек маршевого пополнения, а для усиления действующих войск перебросило с запада 39 дивизий и 6 бригад. Следовательно, только за счет ослабления сил в Западной Европе, где не велись боевые действия, фашистам удалось спасти свои войска от полной катастрофы на востоке.

Советская Армия, перейдя в декабре 1941 года к стратегическому^[178] наступлению, развернувшись первоначально в форме контрнаступления против глубоко вторгшихся фланговых ударных группировок врага, отбросила противника далеко от Москвы (в ряде мест до 250 километров) и положила начало освобождению советской земли от гитлеровского нашествия.

Гитлеровские оккупанты были полностью изгнаны из Московской, Тульской и из ряда районов других областей. От противника было освобождено более 11 тысяч населенных пунктов, в том числе свыше 60 городов, среди которых областные центры Калинин и Калуга.

Наступление на Москву главных и лучших сил германского вермахта полностью провалилось. Вместе с этим рухнул пресловутый план «Барбаросса», воплощавший гитлеровскую идею «блицкрига». Победа под Москвой положила начало коренному повороту в ходе войны. Полный и окончательный провал плана «молниеносной войны» против СССР поставил гитлеровское руководство перед неизбежностью ведения длительной, затяжной войны со всеми вытекающими отсюда сложнейшими политическими, экономическими и стратегическими проблемами. Эта великая победа советского народа имела огромное стратегическое и морально-политическое значение.

И. С. Конев, Маршал Советского Союза, бывший командующий Калининским фронтом

ПО ЗАМЫСЛУ СТАВКИ {81}

К декабрю 1941 года войска Калининского фронта не имели численного превосходства в силах и средствах над противостоящей им 9-й армией врага. Однако Ставка Верховного Главнокомандования считала возможным предпринять контрнаступление и на нашем фронте. Мы тоже считали это правильным, учитывая, что войска нашего фронта занимали выгодное оперативное положение, глубоко охватывая с севера вражеские войска, наступавшие на Москву. Мы знали, что в результате наших активных действий 9-я немецкая армия была развернута на широком фронте в одну линию, что войска ее уже начали выдыхаться. Момент был подходящий для перехода в контрнаступление.^[179] В наших войсках, хотя и понесших значительные потери, настроение было боевое.

Перед фронтом стояла задача выйти во фланг и тыл войскам врага, наступавшим от Клина на Дмитров и Москву. Своим наступлением войска фронта должны были помочь Западному фронту в уничтожении северной ударной группировки противника.

Для наступления привлекались две армии — 29-я и 31-я.

31-я армия сосредоточилась в районе Поддубья, Тиниш-кино, Шестино, к юго-востоку

от Калинина, и совместно с 30-й армией Западного фронта наносила удар в общем направлении на юг с выходом на линию Микулино Городище — Тургиново, 29-ая армия частью сил оборонялась на правом фланге, а юго-западнее Калинина, в районе Краснова, ее ударная группировка в составе трех стрелковых дивизий наступала на Даниловское, чтобы во взаимодействии с 31-й армией освободить Калинин. В ходе операции пришлось делать поворот части сил 31-й армии на Калинин, так как 29-я армия действовала недостаточно организованно и напористо.

На главном направлении, в 31-й армии, прорыв намечался шириной 6 километров. Здесь было сосредоточено 280 орудий с плотностью до 45 стволов на километр фронта. Бедно, конечно, по сравнению с последующими — Висло-Одерской и другими операциями. Танков вначале не было: назначенные в состав фронта два танковых батальона, имевшие 50 танков, к началу операции опоздали. Очень слабой была и авиационная поддержка.

Наступление началось 5 декабря, но оно проходило в медленном темпе — нас задерживало форсирование Волги. Войскам приходилось преодолевать упорное сопротивление врага с хорошо подготовленной обороной и отражать многочисленные контратаки. Только за 7–9 декабря было отражено около 20 таких контратак.

К исходу 9 декабря соединения армии прорвали вражескую оборону на глубину 15 километров, расширили прорыв до 20 километров, перерезали дороги — Калинин — Москва, Калинин — Тургиново и преодолели всю тактическую зону обороны противника.

Между тем противник отбросил обратно на левый берег Волги переправившиеся части 29-й армии. В этих условиях рассчитывать, что 29-я армия возьмет Калинин, было нельзя. К тому же фашисты срочно подтягивали дополнительно две дивизии на фронт 31-й армии. Становилось очевидным^[180], что, пока не будет освобожден Калинин, дальнейшее наступление главных сил 31-й армии в юго-западном направлении будет невозможно.

Поэтому я приказал командующему 29-й армией, усилив ее 375-й стрелковой дивизией из резерва, произвести перегруппировку сил и наступать в направлении на Даниловское с целью отрезать противнику пути отхода на запад и юго-запад. 31-я армия также была усилена двумя дивизиями и своей ударной группировкой совместно с войсками 29-й армии должна была завершить окружение противника в районе Калинина, а остальными силами продолжать наступление в юго-западном направлении.

Враг цепко держался за Калинин. Но 31-я армия, хотя и медленно, продвигалась вперед. К исходу 15 декабря фашистское командование полностью израсходовало все свои резервы. Его группировка в самом городе и южнее была охвачена с обоих флангов. Положение немецко-фашистских войск в районе Калинина осложнялось и тем, что 30-я армия Западного фронта в это время успешно продвигалась к реке Ламе и грозила выходом в тыл 9-й армии врага.

В ночь на 16 декабря, после того как гитлеровцам удалось вынудить 246-ю дивизию 29-й армии оставить Даниловское и отойти к Волге, вражеские войска начали отход из Калинина. Чтобы вырваться из грозящего им окружения, гитлеровцы были вынуждены бросить значительное количество материальной части и боевой техники.

16 декабря Калинин был освобожден в результате совместных действий войск 29-й и

31-й армий.

Обращаясь к тем трудным дням, я с большой признательностью вспоминаю работу члена Военного совета фронта Дмитрия Сергеевича Леонова. Он вместе со всеми политработниками фронта сделал очень много, чтобы вселить в войска уверенность в победе, воспитать у воинов стойкость и мужество. Добрым словом хочется помянуть инициативных работников штаба фронта, а также командиров отличившихся частей и соединений: В. А. Юшкевича, Д. Д. Лелюшенко, А. И. Вострухова, В. И. Швецова, П. А. Ротмистрова, С. Г. Горячева и многих, многих других.

Несмотря на ряд существенных недостатков в организации наступления войск фронта, освобождение Калинина было крупным оперативным успехом наших войск. Это упрочило положение правого крыла Западного фронта, создало предпосылки для нового мощного наступления,^[181] которое потом и развернулось в связи с возвращением в состав Калининского фронта 30-й армии, а также прибытием из резерва ставки 39-й армии.

С 5 декабря 1941 года по 7 января 1942 года войска Калининского фронта продвинулись на запад на 120–150 километров, вышли в район Ржева, овладели Старицей, освободили множество населенных пунктов.

М. И. Щедрин, генерал-майор, бывший начальник штаба 31-й армии

НАСТУПЛЕНИЕ

Первого декабря штаб 31-й армии получил приказ фронта: готовить крупную перегруппировку и большое наступление. В бой пойдут не отдельные батальоны и полки, как было до этого, а вся армия.

Для всех нас это был праздник. Как долго ждали слова «наступление»! Командир 634-го полка майор Фингеров при встречах с тоской спрашивал: «Товарищ полковник, когда же мы начнем воевать, как нас учили?» И вот это время пришло. Командир 5-й стрелковой дивизии генерал-майор Вашкевич ходил по частям, обнимал каждого встречного бойца и говорил: «Братцы, мы будем бить немцев, будем их бить, товарищи!» Армию пополнили людьми, вооружением, артиллерией. 119-я стрелковая дивизия, сдав свою полосу обороны 246-й дивизии 29-й армии, за две ночи прошла по заснеженным дорогам свыше шестидесяти километров. 5-я стрелковая дивизия, оборонявшая до этого тридцатикилометровый фронт, сосредоточилась теперь на участке в двенадцать километров. Сменила позиции и 256-я дивизия. Все это происходило только по ночам. Немцы просмотрели эту подготовку, и, как потом подтвердили пленные, наше наступление для них явилось полной неожиданностью.

Перед нами был сильный противник. На тридцатикилометровом фронте, где предстояло наступать 31-й армии, от Калинина до Городни, по правому берегу Волги оборонялись части 162-й и 85-й пехотных дивизий, пехотный моторизованный полк и отряды СС. Части противника были полнокровнее наших и лучше вооружены. Кроме того, гит-^[182]леровцы на всем фронте создали опорные пункты с круговым обстрелом. Промежутки между опорными пунктами прикрывались минными полями и двумя-тремя рядами проволочных заграждений.

Наступление было назначено на 4 декабря. 31-й армии и левофланговым дивизиям 29-й армии было приказано окружить калининскую группировку противника, освободить Калинин и выйти к реке Шоше, в тыл клинской группировке немцев. Командующий 31-й армией решил главный удар нанести на шестикилометровом участке силами 119-й и 250-й дивизий в направлении на Старый Погост — Пушкино. Для развития успеха во втором эшелоне стояла наготове 262-я дивизия. Чтоб отвлечь внимание противника, 256-я дивизия должна была нанести удар своим правым флангом на Большие Перемерки — Неготино, а 5-я дивизия — на Смолино — Городище, оставляя заслон в районе Старая Ведерня — Самодуровка, поскольку правый фланг 30-й армии продолжал обороняться. Таким образом, армия, имея сравнительно ограниченные средства, наносила не один, а три рассредоточенных по фронту удара.

Из-за опоздания прибывшей по железной дороге 262-й дивизии наступление перенесли на 5 декабря. Этот дополнительный день очень пригодился нашим войскам. Нужно было проверить готовность частей, уточнить задачи на местности. Саперы спешно готовили настилы для переправы танков и тяжелой артиллерии.

Днем 5 декабря после авиационной и 45-минутной артиллерийской подготовки, закончившейся залпом «катюш», дивизии первого эшелона форсировали Волгу, несмотря на сильный огонь врага, прорвали его первую линию обороны и к исходу дня освободили пятнадцать сел и деревень, оседлав шоссе Москва — Калинин и вплотную приблизившись к линии Октябрьской железной дороги. Не смогла преодолеть сопротивления противника лишь 256-я дивизия (командир генерал-майор Горячев, комиссар полковой комиссар Рябухин). 634-й полк 119-й дивизии захватил Горохове, а затем и Губино, отразив за день несколько контратак из леса южнее Губина. Захваченные на берегу две противотанковые пушки с большим количеством снарядов немедленно были использованы сибиряками против немцев. 920-й стрелковый полк той же дивизии подошел к Эммаусу, которым овладела 250-я дивизия (командир полковник Степаненко, комиссар полковой комиссар Лобов). 5-я дивизия (командир генерал-майор Вашкевич, комиссар полковой комиссар Севостьянов) заняла Старую Ведерню и Алексино, завязав жестокий бой за Городище и Голениху.

Всю ночь наши войска отбивали многочисленные контратаки фашистов. С утра 6 декабря наступление возобновилось по всему фронту. 256-я дивизия свой главный удар перенесла с правого на левый фланг и вскоре очистила от врага на правом берегу Волги совхоз Власьево, Пасынково и повела бой за Никифоровку.

Комдив 250-й дивизии повернул один батальон от Эммауса на Городище, чтобы помочь соседу овладеть этим важным пунктом. Поворот полка совпал по времени с контратакой двух полков вражеской пехоты с танками. Немцы открыли сильный огонь по Эммаусу и Старой Ведерне. Остальные части дивизии, приняв поворот 918-го полка за отступление, повернули назад. Управление было потеряно, и вся дивизия отошла за Волгу, а затем была отведена в район Каблукова. Для приведения ее в порядок туда выехал член Военного совета с группой политработников. Гитлеровцам удалось немного потеснить 5-ю дивизию, но ее воины выдержали натиск. Дело дошло до рукопашной схватки, в которой было уничтожено до ста фашистов.

7 декабря вступила в бой 262-я стрелковая дивизия (командир полковник Терещенко, комиссар старший батальонный комиссар Тимофеев) с ротой легких танков из 143-го

танкового батальона. Дивизия вышла на рубежи, оставленные в результате отхода 250-й. Вернул утраченные позиции и отошедший от Эммауса 920-й полк 119-й дивизии. В этот день сибиряки потеряли двух начальников — был тяжело ранен командир 634-го полка майор Фингеров и погиб командир артиллерийского полка капитан Калужский.

Преодолевая яростное сопротивление фашистов, засевших в опорных пунктах, укрепленных зданиях, дзотах, крытых окопах, воины 31-й армии медленно, но безостановочно продвигались вперед. Почуввав угрозу окружения, противник бросил под Калинин 129-ю пехотную дивизию, сняв ее с московского направления, а к 9 декабря перед армией появилась и 110-я пехотная дивизия немцев, ранее оборонявшаяся по реке Тьме.

Наступление тем не менее продолжалось. С утра 9 декабря была введена в бой приведенная в порядок и отдохнувшая 250-я дивизия. Вошла в армию и сосредоточилась в Прибыткове 54-я кавалерийская дивизия. На следующий день прибыла 247-я стрелковая дивизия и 159-й танковый батальон. В тот же день из приказа фронта стало известно,^[184] что вся 30-я армия продолжает развивать наступление в тыл клинской группировке врага. В связи с этим несколько изменилась наша задача: продолжая наступать на Пушкино — Микулино Городище, часть сил пришлось перенацелить на Лебедеве, Кривцово, Мамулино.

Утром 10 декабря 119-я дивизия двумя полками заняла Игнатове, обеспечив проход в тыл к немцам 54-й кавалерийской дивизии. Здесь сибиряки захватили четыре 155-миллиметровых орудия и штаб полка гитлеровцев. Весь день они отбивали непрерывные контратаки, а ночью заняли Алексеевское (Гуськино) и развернулись на Марьино — Щербинино. В то же время 247-я дивизия одним полком сосредоточилась в районе Игнатова и двумя полками со 159-м танковым батальоном в районе Красной поляны, готовя наступление на Калинин. Штаб разместился в лесу, севернее Обухова. Вражеская авиация в этот день проявляла особую активность, появляясь над нашими войсками и у переправ группами в 10, 15 и 20 самолетов.

12 декабря 119-я дивизия после жестокого боя выбила немцев из Марьино и стала развивать наступление на Щербинино и Чуприяново. Здесь гитлеровцы оказали упорное сопротивление. До темноты наши пехотинцы продвинулись незначительно, готовясь возобновить штурм с утра. Но еще до рассвета дивизии было приказано, прикрывшись у Щербинина одним полком, главными силами наступать на Старково, Подсосонье и освободить Салыгино, Бурашево и Балькино. Комдив усомнился в целесообразности этого решения, но находившийся здесь начальник штаба армии подтвердил приказ командарма, и комдив, оставив небольшие заслоны у Марьино, начал выводить дивизию на новое направление. В это время противник после сильного артиллерийского налета перешел от Щербинина в контратаку, отбросив слабые заслоны, и занял Марьино, освобожденное накануне дивизией дорогой ценой, а вражеская рота автоматчиков напала на штаб 247-й дивизии. Командир дивизии был легко ранен и потерял управление войсками. При защите штаба дивизии смертью героя пал заместитель начальника бронетанковых войск армии майор Шах.

К полудню командарм изменил свое решение и приказал снова освободить Марьино. Только поздно ночью 119-й дивизии удалось занять исходное положение, и борьба за Марьино продолжалась до 15 декабря. С назначением командиром 247-й дивизии офицера штаба фронта подполковника Тарасова и комиссаром бывшего начальника

политотдела^[185] 119-й дивизии старшего батальонного комиссара Павлова-Разина, управление частями было быстро восстановлено.

В тот же день в состав армии прибыла 46-я кавалерийская дивизия (командир дивизии Соколов). На левом фланге она освободила от оккупантов Коромыслово, Городню, Новое и Старое Мелково и вступила в бой за Редкино.

13 декабря авиация противника ожесточенно бомбила и обстреливала боевые порядки наших войск, особенно 119-й дивизии. За день наши истребители сбили в районе села Кузьминское пять фашистских самолетов.

14 и 15 декабря наши войска, решительно ломая сопротивление противника, успешно продвигались вперед. Пехотинцы 5-й и кавалеристы 46-й дивизий выбили захватчиков из населенных пунктов Мишнево, Сентюрино, Полукарпо-во, Межино, Логиново, Л у кино, Межево, Новенькая, Труново, Перхурово, Лобково и вели бой за Степаньково. 262-я дивизия освободила от врага Федосово, Кузьминское, Старый Погост, Бакшеево, Чудово и завязала бой за Мас-лово и Захеево. Сибиряки очистили от гитлеровцев Марьино, Щербинине, Чуприяново, Поминово, Осекино и сражались за Обухове. Вечером 15 декабря немцы подожгли Малые Перемерки и Курово. Вспыхнули пожары в разных концах Калинина.

16 декабря 256-я дивизия, продвигаясь под сильным огнем к юго-восточной окраине Калинина, освободила Большие Перемерки и Боровлево, а к ночи очистила от противника Никулино и Кривцово. Одновременно с севера в город ворвалась 243-я дивизия 29-й армии. 250-я дивизия 31-й армии, овладев деревней Лебедеве, штурмовала городские укрепления врага с юга.

И вот наступил этот час. По фронту разнеслась весть — Калинин свободен! Над городом взвился красный флаг...

Город был обезображен. Мы увидели взорванные и сожженные корпуса фабрик и жилых домов, горы обломков, завалы на улицах, усеянные крестами кладбища на месте площадей.

Но мы не сомневались — жизнь вернется. А нам лежала дорога на запад. Впереди была Старица. Гитлеровцы оставили свои позиции на Тьме и, опасаясь окружения, стали медленно отходить, цепляясь за каждый удобный рубеж. Отходя, взрывали каменные и жгли все деревянные , постройки. Каждая деревня стоила нашей армии больших потерь.^[186] В бою за Пушкино 21 декабря был смертельно ранен командир 262-й дивизии полковник Терещенко. Его место занял начальник штаба полковник Горбачев.

Утром 22 декабря армии правого крыла фронта перешли в решительное наступление в направлении на Старицу и Ржев. Стояла отвратительная погода. Повалил густой мокрый снег. Проводная связь рвалась. Тылы и артиллерия отстали. В этой обстановке 25 декабря наши части столкнулись с организованной обороной противника по линии Иванищи — Александрове — совхоз «Красноармеец» — Леуш-кино — Гостенево — Чухино — Сидорове — Никольское. Попытка 119-й дивизии с ходу прорвать оборону успеха не имела, и атакующие, понеся потери, залегли перед деревней Чухино. Пришлось готовиться к прорыву, изучать систему огня, укреплений, подтягивать артиллерию и тылы.

26 декабря после десятиминутного артиллерийского налета армия возобновила атаку, но лишь 250-й дивизии, овладевшей Леушкином и отбившей контратаку немцев, удалось ночью прорвать вражескую оборону севернее Чухина. Для развития прорыва командарм ввел 54-ю кавалерийскую дивизию (командир подполковник Царьков) и один стрелковый полк 250-й дивизии, которые стали быстро продвигаться в тыл противника. К утру враг подтянул резервы и сильной контратакой закрыл прорыв. Кавалеристы вышли в район Смагино, порубили до 170 гитлеровцев и, громя тылы и штабы, двинулись на Коконягино и Чернове.

Оказавшись за линией фронта, кавалеристы затем были оттеснены к Смагину и вместе с пехотинцами 922-го полка заняли круговую оборону. Отбивая все контратаками, они продержались до подхода наших главных сил, проявив исключительную стойкость и мужество.

Ожесточенные бои нередко переходили в рукопашные схватки. В течение 26–29 декабря деревни Леушкино, Гостенево, Чухино и Сидорове по несколько раз переходили из рук в руки. Вечером 29 декабря в бой за Гостенево была введена из второго эшелона 5-я дивизия, а ночью 30 декабря армия прорвала оборону немцев на участке Гостенево — Чухино и, отбив контратаки, расширила и углубила прорыв. О накале этих боев можно судить по такому факту: в Гостеневе фашисты бросили неубранными 70 трупов солдат, оставили 7 орудий, 12 пулеметов, много другого оружия.[187] Преследование продолжалось. 1 января 1942 года воины 247-й дивизии освободили Старицу. Одновременно в город с севера вошли части 29-й армии. После чего с западного направления наша 31-я армия была повернута на южное, на Зубцов.

ОБРАЩЕНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА КАЛИНИНСКОГО ФРОНТА К ЖИТЕЛЯМ Г. КАЛИНИНА С ПРИЗЫВОМ ПОМОГАТЬ КРАСНОЙ АРМИИ В ОСВОБОЖДЕНИИ РОДНОГО ГОРОДА ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Гитлеровским захватчикам удалось временно захватить ваш родной город.

Сейчас силы Красной Армии значительно возросли. Противник несет огромные потери, за последние 10 дней боев под Калинином захватчики потеряли свыше 5 тыс. убитыми и ранеными. Город Калинин окружен Красной Армией и в ближайшие дни будет освобожден.

Товарищи!

Помогайте Красной Армии. Бейте захватчиков с тыла, не давайте им покоя ни днем, ни ночью, рвите телефонные, телеграфные и электрические провода, поджигайте склады, штабы, машины и танки, устраивайте завалы улиц. Бейте захватчиков из-за угла. Этим вы ускорите освобождение родного города.

Наше дело правое — враг будет разбит. Да здравствуют героические калининцы!{82}

П. К. Случевский, генерал-майор инженерных войск, бывший заместитель командующего, начальник инженерных войск 31-й армии

ПЕРЕПРАВА {83}

С началом нашего наступления саперам предстояло переправить войска и боевую технику через Волгу на противоположный берег, где проходил передний край обороны противника.

Толщина льда на реке — 20 сантиметров. Нужно было усилить его для переправы

боевой техники. Ширина реки —[188] 350–400 метров. Произвели предварительные расчеты: для усиления льда необходимо около 30 тысяч погонных метров досок и бревен. Для своевременного подвоза лесоматериалов к реке требовалось 45 автомашин и 100 подвод. Таким количеством транспорта мы не располагали. Не хватало скоб, проволоки, тросов и веревок. Наличных армейских и приданных фронтом саперных частей было недостаточно, а в частях отмечался большой недокомплект инструмента, особенно пил, топоров, что еще более усложняло положение.

Штаб инженерных войск разработал и дал войскам план инженерного обеспечения наступательной операции армии. Особенно подробно указывался порядок и способы переправы войск через Волгу. Пехота преодолевала реку по льду в сопровождении саперов-разведчиков с миноуказателями и саперных команд, готовых оказать помощь тонущим в полыньях.

Орудиям сопровождения вслед за пехотой также надлежало переправляться по льду по разведанным и обозначенным трассам.

С выходом пехоты на южный берег на рубеж Бортниково — Прибыtkово — Старая Ведерня предстояло организовать переправу дивизионной артиллерии с частичным усилением льда досками или перекаткой орудий по льду вручную. Автотранспорт переправлялся по настилу из досок.

Для тяжелой артиллерии нужно было устроить две переправы — в Поддубье и Оршине усилением льда бревнами.

В ночь с 3 на 4 декабря в соответствии с этим планом все инженерные части армии приступили к заготовке лесоматериалов, изготовлению креплений и разведке реки.

В это время в деревню Романове, где находился штаб армии, прибыл командующий фронтом. Он заслушал доклады всех начальников родов войск армии и дал соответствующие указания. Армии были приданы два танковых батальона.

Командующий армией генерал-майор В.А. Юшкевич вызвал меня и потребовал обеспечить переправу танковых батальонов через Волгу. Я ответил, что будет сделано все, чтобы выполнить приказ, но счел необходимым обратить внимание на сложность обстановки: при толщине льда на реке в 20–25 сантиметров переправить танки весом в 30 тонн дело сложное, крайне опасное и связано с большим риском. В практике инженерных войск ни в военное, ни в мирное время подобного еще не было.[189]

Генерал-майор Юшкевич был настойчив. Он заявил:

— Танки нам очень нужны в бою, а отсутствие опыта переправы танков по слабому льду не должно служить преградой. Танки надо переправить, не считаясь с риском.

Подумав, я доложил следующий план. Во-первых, попытаться переправить танки на пароме по искусственной полынье, проделанной во всю ширину реки силами понтонно-мостового батальона. Во-вторых, готовить переправу по льду путем усиления его верхним строением бревен. Командующий одобрил эти предложения.

Распоряжением штаба фронта 57-й понтонно-мостовой батальон прибыл в

распоряжение армии к 12.00 4 декабря и получил задачу: у деревни Семеновское приступить к подготовительным работам по устройству паромной переправы. Три батальона — 72-й инженерно-саперный, 114-й инженерно-моторизованный и 35-й плотничный — в ночь на 4 декабря приступили к заготовке лесоматериалов. К исходу 4 декабря был составлен проект переправы танков по льду. В ночь с 4 на 5 декабря я руководил разведкой реки Волги. Были определены трассы — основная у деревни Оршино и запасная — в 200 метрах выше основной. Длина трассы — 350 метров. Толщина льда оказалась в пределах 20–25 сантиметров.

Утром 5 декабря стало известно, что 57-й понтонно-мостовой батальон с поставленной ему задачей не сможет справиться. Разбитый лед и шуга при температуре минус 20–25 градусов быстро смерзались и образовывался новый пласт льда. При этом обнаружилось, что к днищу полупонтонов намерзает слой льда до 35 сантиметров, что вообще исключало возможность движения парома в искусственной полынье. Дальнейшие работы по подготовке переправы по воде были прекращены. Приступили к организации переправы танков по льду, усиленному верхним строением.

Определилась главная трудность: как обеспечить своевременную доставку лесоматериалов из леса к месту переправы. И тогда сами саперы предложили подавать бревна к реке вручную — живым конвейером. Солдатская сметка вновь не подвела: лесоматериал был подан к реке досрочно. Всю ночь продолжалась работа на реке. Ни сильный мороз, ни пронизывающий ветер, ни рвущиеся мины врага, сеявшие смерть, — ничто не могло остановить людей. На рассвете 6 декабря переправа для танков была готова.

В глазах измученных саперов светилась радость от сознания, что их тяжелый труд, наконец, увенчался успехом.[190]

Но, к сожалению, эта радость оказалась преждевременной. Налетела группа легких бомбардировщиков противника, и прямым попаданием бомб переправа была разрушена. Вновь пришлось все начинать заново, а люди едва стояли на ногах. Но воля к победе взяла верх над физической усталостью. Коммунисты возглавили ночную боевую работу. К утру 7 декабря новая переправа была готова. К 9 часам утра к реке подошли танки 143-го танкового батальона. Все волновались — и саперы, и танкисты — в ожидании, все ли обойдется благополучно.

После тщательного инструктажа механиков-водителей первый танк начал движение.

Мне пришлось шагать впереди первого танка и непосредственно наблюдать, как будет вести себя лед и конструкция верхнего строения. Это было и большой моральной поддержкой механику-водителю, которому пришлось первым двигаться по неизведанному и опасному пути.

К великой радости, и лед, и конструкция верхнего строения вели себя отлично, и первый танк благополучно вышел на противоположный берег реки. Один за другим все танки 143-го танкового батальона успешно завершили свой путь через Волгу и вскоре вступили в бой за Эммаус.

Переправой 159-го отдельного танкового батальона руководил образованный и храбрый офицер начальник штаба инженерных войск подполковник В. М. Кадников

(погиб в 1942 году).

Переправа не обошлась без жертв — один танк по вине экипажа затонул.

Героическими усилиями саперов исключительно сложная и трудная задача по обеспечению переправы войск армии была успешно выполнена.

После этого все усилия саперов были направлены на обеспечение боевых действий войск армии.

В освобожденном Калининe враг оставил много мин, фугасов, взрывных «сюрпризов». Саперные части армии сразу же принялись за разминирование улиц и зданий и успешно выполнили эту работу за короткий срок.

Отдавая должное всем саперам 31-й армии, проявившим удивительную стойкость и мужество в боях за город Калинин, хочу отметить высокую организованность, мужество и умелое руководство подчиненными офицеров-саперов капитана Казакова, старшего политрука Кибирева (командир и комиссар 537-го минно-саперного батальона), лейтенанта Егорова, старшего политрука Голикова (командир и комиссар^[191] 114-го отдельного минного батальона), капитана Пусто-валова (дивизионный инженер 119-й стрелковой дивизии), капитана Бурьянова (дивизионный инженер 250-й стрелковой дивизии), а также мужество и отвагу старшины Тюли-на, сержанта Титова и саперов Чернявского и Перенемова (418-й отдельный саперный батальон).

В целом в боях за Калинин саперы свою задачу выполнили с честью.

Борис Полевой

НАЧАЛОСЬ^{84}

Войска Южного фронта выбросили оккупантов из Ростова-на-Дону... Волховский фронт, разгромив воинскую группировку генерала Шмидта, занял город Тихвин и освободил окружающие его районы... Армия Юго-Западного фронта отбила город Елец... Всюду неприятель понес огромные потери в людях и технике. Захвачены большие трофеи.

Судя по всему, удары наши нарастают. И наконец, сегодня в избу, где мы обитаем, ворвался корреспондент «Красной звезды» Леонид Лось. Он так запыхался, что ничего и выговорить не смог, только протянул свежую газету.

С первой страницы смотрело мужественное лицо командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова. Передовая была озаглавлена «Славная победа в боях за Москву». Сообщение «В последний час» рассказывало подробности о поражении немецких войск у стен столицы: «6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...» Сотни уничтоженных и захваченных танков, орудий, автомашин.

А как звучат заголовки корреспонденции: «Контрнаступление», «Удар конногвардейцев Белова», «Части генерала Мерецкова продолжают преследовать противника...» Леонид Лось, слывший среди нас «усатым энтузиастом», вскакивает на лавку и декламирует строфу из напечатанного сегодня стихотворения Алексея Суркова:[192]

...Сынов народ
На бой ведет.
Героям страх неведом.
Вперед, богатыри, вперед!
Отвага города берет,
В атаках — путь к победам...

Вот оно, началось то, о чем мечтали советские люди и, вероятно, все честные люди земли в эти последние трагические полгода. На днях жена Евневича, редактор одной из московских газет, прислала ему с оказией бутылку отличного армянского коньяка с наказом распить ее на Новый год. Какие круги мы ни делали вокруг этой бутылки, он был неумолим: приказ жены — только на Новый год.

И даже собственная простуда, которую во фронтовых условиях лучше всего, конечно, лечить спиртным, не заставила его сбить сургуч с заветной бутылки. А тут он без всяких слов лезет в чемодан, на столе пестрой толпой выстраиваются разнокалиберные чашки и стаканы, и изба наша, обычно благоухающая куриным пометом, наполняется ароматом золотой жидкости. Ветхозаветные старики наши, кряхтя, слезли со своей печки. Пьем за победу и победителей, причем дед, перед тем как выпить, сначала осеняет свой рот, а затем стакан крестным знаменем, а бабка, пригубив, плачет и, умильно смотря на смуглое лицо тошенькой сельской богородицы на иконе, шепчет:

— Пошли им, мать царица небесная, новых побед над татями и супостатами, спаси и сохрани их... В боях праведных помощи им, архистратиг архангел Михаил!..

Наш фронт еще не двинулся. Но теперь-то уж и нам ясно, почему все наши корреспонденции пока что наглухо заперты в редакционных столах. Наша очередь еще не наступила, но она вот-вот придет.

Всем наличным корреспондентским составом двигаемся в армию генерала Юшкевича, передовая часть которой и сейчас продолжает держать в руках маленький кусочек оккупированного города, тот самый недостроенный силикатный завод. В его подвалах я писал свою корреспонденцию в «Правду».

Морозный рассвет ясен. Тихо. Редкие артиллерийские выстрелы, доносящиеся из города, лишь обостряют тишину. Тихи и неподвижны леса. Пухлые подушки снега пригибают к земле ветви сосен. Деревья издали похожи на бойцов в маскхалатах, приготовившихся к контратаке. В общем-то это какая-то настороженная тишина.[193]

Вести, принесенные радио и газетами, так всех захватили, что по дорогам по направлению к оккупированному городу уже тянутся люди: старики с узлами и чемоданами на саночках, женщины, ведущие за руки закутанных ребятшек. В детских колясках катят по снегу остатки своего добра. Темные лица, обостренные скулы, глубоко запавшие глаза ребят. Но на всех этих исхудавших лицах какая-то

неистребимая вера в то, что кончатся беды эвакуации, что скоро все будут дома. Дома! Существует ли он, этот их дом? Что осталось от торопливо брошенных квартир? Впрочем, это уже и не так важно. Дома! И люди тянутся по военным дорогам, прорубленным сквозь сугробы, по заиндевевшим лесам, где под деревьями прячется подтянутая к фронту техника.

Куда они идут? Ведь фронт неподвижен. В оперативном отделе мы сегодня получили самую обыденную информацию. Смелые действия партизан... Удачный ночной поиск южнее Калинина... Захвачены «языки»... Зенитчики подбили пикирующий бомбардировщик... Ничего, ну ничего существенного, но в человеческом потоке, инстинктивно движущемся к оккупированному еще городу, и мы, которым положено быть наиболее информированными, черпаем уверенность, что скоро начнется и у нас.

Это подтверждается на месте. Маскировка соблюдается особенно тщательно. Задолго до прибрежных укреплений нас заставляют спешиться и остановить машину. Глянешь кругом — и бойца не увидишь. Но траншеи и ходы сообщения, несмотря на то, что вчера над ними гуляла метель, за ночь плотно утрамбованы сотнями ног.

Пусто кругом, но связисты, утопая в снегу, почти бегом разматывают катушку проводов. На батальонном КП, который помещается все там же, в отбитых у немцев месяц назад блиндажах, знакомый комбат Гнатенко встречает нас словами:

— Вовремя, товарищи командиры, в самую пору... Нюх у вас есть.

На нем та же зеленая фуражка, но в петлицах уже капитанская шпала. Он то и дело смотрит на большие круглые часы. И вдруг земля вздрагивает и начинает ощутительно колебаться под ногами, а уши на мгновение глохнут. Из леса бьет артиллерия. Снаряды с журавлиным курлыканием летят над нашими головами, и по всему противоположному берегу, в зоне видимости, всплескиваются бурые султаны разрывов. Вскоре весь берег окутывается дымом. Грохот^[194] такой, что во рту становится кисло. Но и с того берега летя-снаряды. Отдельного выстрела или разрыва уже не разли чишь, и по тому, как нет-нет да и встряхнет наш блиндаж і меж бревен посыплется на головы песок, догадываешься что рвутся они недалеко.

— Очухались, дьяволы! — сквозь зубы цедит комбат все смотрит на свои большие часы. — Товарищи корреспонденты, отойдите от амбразуры. — Он прислушивается канонаде, как меломан к симфоническому оркестру. — Ага перенесли огонь на глубину... Скоро... Сейчас.

Со лба у него течет пот.

Вдруг он сбрасывает полушубок, поправляет на голове фуражку, расстегивает кобуру нагана. Потом выбегает отсек, где, свернувшись клубочком, сидит девушка-телефонистка, и возбужденно кричит в трубку: — Первая рота, в атаку!

В амбразуру нам хорошо видно, как из окопов повыскакивали бойцы и двинулись по глубокому снегу туда, вниз, на лед Волги.

— Вторя рота, в атаку!

Я не узнаю комбата. Он всегда поражал своим спокойствием, а тут просто хрипит в трубку.

Вторая волна темных фигурок высыпает из окопов и катится вниз с некрутого берега. Она уже на льду, пересекает Волгу. Наша артиллерия продолжает грохотать. Противник, должно быть, совсем оправился. Бьет уже не разрозненно, а расчетливо, бьет по льду Волги, где быстро, бросками, устремились к тому берегу темные фигурки бойцов. Среди них что-то краснеет. Это знамя. Оно то замирает на снегу, то рывками перемещается вперед.

В редкую паузу меж выстрелами и разрывами доносится какой-то очень невнушительный и тонкий крик, и я догадываюсь, что так вот не в кино и театре, а в настоящем наступлении звучит наше знаменитое русское «ура!» Новые и новые волны наступающих скатываются на лед, передовые начинают карабкаться на противоположный берег, и среди них знамя, которое несет высокий боец в полушубке. На гребне высокого берега обозначается сразу несколько лихорадочно вспыхивающих огней. Теперь, когда наш огонь перенесен в глубину, немцы подтянули на гребень пулеметы. Рядом, в отсеке телефониста, незнакомый тонкий и властный голос кричит в трубку:

— Пушкاري, какого черта!.. Огонь!.. Самый интенсивный!.. По пулеметам![195]

Оказывается, на батальонный КП пришел командир дивизии. Он в бекеше, в папаше, заломленной на затылок. Весь напрягаясь, он смотрит на тот берег, на гребне которого неистовствуют пулеметы. Бойцы, не дойдя до гребня, залегли.

— Эх, боевой порыв потеряли! — досадует генерал и кричит кому-то в трубку: — Поднять атакующих!

Тут совершается то, чего никто из нас не ожидал. Худая, ладная фигура без полушубка, в одной гимнастерке, вымахивает из передового окопчика на снег. Зигзагами добирается до берега, скатывается вниз. Бежит через реку. У бегущего в руках наган, на голове зеленая фуражка. Генерал застывает у амбразуры.

— Пошел-таки! — И телефонистам: — Пушкарей мне... Чего стихли? Огня, огня!

Зеленая фуражка опередила залегшие цепи атакующих. Размахивая наганом, комбат преодолевает последние метры до гребня. Приходит в движение исчезнувшее было знамя. Его несет уже другой боец. И вот вслед за комбатом один, два, десятки бойцов проворно карабкаются вверх. И тут же над берегом поднимается шеренга черных разрывов.

— Дали наконец! — ворчит генерал, не отрываясь от амбразуры. — Только бы комбата не подбили. — И опять в трубку: — Огонь, огонь, черт возьми!..

Карабкаются, карабкаются вверх бойцы, скатываются, снова лезут. Вот уже и вторая волна приблизилась к гребню. Знамени уже не видно. Оно, должно быть, в отбитых у врага блиндажах. Зеленая фуражка тоже скрылась в чужих окопах. Пулеметы смолкли. Генерал снимает папаху и, сам не замечая, вытирает ею лицо. Потом обращается к грузному командиру с тремя шпалами на зеленых петлицах:

— Медицину на лед!

На льду реки темнеют фигуры, иные, по-видимому легко раненные, идут, иные ползут, направляясь к этому берегу. Вон двое ковыляют, поддерживая друг друга. А некоторые лежат неподвижно. Генерал смотрит на часы.

— За сорок минут реку на этом участке форсировали... Волгу, друга мои, Волгу!.. Неплохо. Ну что ж, лиха беда начало!

Он уходит грузной походкой вместе с командиром полка и автоматчиками из охраны. Из-за леса выплывает напряженное гудение.

Девятка пикирующих бомбардировщиков. Сделав круг над рекой, она исчезает за гребнем берега, откуда слышится^[196] тягучий грохот. Опоздали, господа хорошие, опоздали! Через реку почти бегом движется целое подразделение. Санитары на льду собирают раненых, волокут на носилках, тащат на плащ-палатках...

Старшина со своими помощниками хозяйственно собирает в подвале батальонное имущество. Он уже получил приказ перебазироваться за Волгу, в отбитые у противника блиндажи. Связисты сматывают провод. Порученец комбата прибежал из-за реки и требует одного из бойцов охраны снять валенки: — Давай, давай, ни у кого больше сорок шестого номера нет.

— Как себя чувствует капитан?

— Ругается. Руку у него оцарапало. И валенок потерял.

Судя по выстрелам, которые слышатся уже издалека, бой отошел в глубину — по-видимому, атакуют деревню Большие Перемерки. Не терпится побывать на освобожденной территории. Решили двигаться вслед за подразделениями. Нужно повидать бойца, который первым ворвался в немецкие окопы, поговорить со знаменосцем. Спускаемся на лед. Давно ли над рекой взлетали султаны воды и льда, подброшенные разрывами, а сейчас это уже тыл наступления. Торопливыми косяками без потерь движутся роты, идут повозки со снарядами. Артиллеристы конной тягой переправляют по льду пушки, над рекой звучит надсадное: «Марш, марш, марш!», которым подбадривают заиндеветших коней.

Должно быть, немецкая разведка прошлапила, удар вышел внезапным. Артиллеристы, хотя и бранил их комдив, поработали на славу. Об этом рассказывают прибрежные блиндажи, разрушенные и перепаханые настолько, что командный пункт батальона разместить в них будет затруднительно.

С каким-то особым, еще неизведанным чувством хожу я по этим искореженным блиндажам и траншеям. Все тут вокруг — тверская земля родная, знакомая до мелочей. По этому вот крутому берегу гулял когда-то с девушками. На поле, по которому идет наступление, сдавал лыжный бег по комплексу ГТО. Но вот смотрю на пушки брошенной батареи, на завязшие в снегу машины, на трупы немецких солдат и испытываю ощущение человека, очутившегося в лагере марсиан, как то описано у Уэллса в «Борьбе миров»: и интересно, и противно, и, что там греха таить, жутковато.

Бой отошел далеко за деревню, которая сейчас неярко^[197] полыхает в свете ясного морозного дня. Встретили комиссара батальона, распорядившегося эвакуацией раненых. С его слов записали фамилию бойца, первым ворвавшегося в немецкие траншеи. Это мой земляк, попавший в армию из истребительного батальона, Василий Падерин, коммунист. В гражданской своей жизни слесарь-ремонтник с прядильной фабрики имени Вагжанова. Но поговорить с ним не удастся: ранен и уже эвакуирован в медсанбат. Ну а кто нес знамя? Оказывается, трое. Один из них убит, второй ранен, третий и сейчас у знамени. К героическим этим происшествиям добавляется комическое: комбат Гнатенко, когда бежал по сугробам, потерял валенок. Те, что принес ему старшина, оказались все же малы, и он сидел у разбитого блиндажа, обмотав ногу теплой портянкой, пока вестовой не отыскал-таки на льду его потерю.

Начинает смеркаться, огни пожаров, полыхающих в окрестности, становятся ярче. Их уже много, этих огней, — и справа и слева, а город вырисовывается вдали желтым силуэтом на фоне синеющих вечерних снегов. Возвращаемся прежней дорогой, и где-то у силикатного завода встречаем Петровича. Он тоже со своей «лайбой» передислоцировался вперед, и, садясь в машину, мы видим в ней какой-то внушительный сверток, обернутый в пеструю, не нашу, плащ-палатку. Ну конечно же, предприимчивый наш возница не мог сидеть сложа руки. Он упросил часового приглядеть за машиной, сходил на противоположную сторону, исследовал брошенные немцами блиндажи и автомобили, добыл, по его словам, «мировой комплект» ключей и электрическую грелку, с помощью которой лобовому стеклу не будут страшны никакие морозы.

О том, что еще добыто, он предпочитает умалчивать. Трофеи привели его в наилучшее состояние духа. Вертя баранку, он даже поет из «Пиковой дамы»: ...Пусть неудачник плачет, Кляня свою судьбу.

Евневич, осенью поработавший на Западном фронте, дает добрый совет: передавать материал о борьбе за Калинин по частям, по мере нарастания событий, чтобы в финале операции в редакции из этих кусков можно было сложить обстоятельную корреспонденцию. Добрый совет! На военном телеграфе, куда я принес этот, так сказать, первый эшелон своей корреспонденции, меня ждет телеграмма: «Из «Тайги» в «Рошу». Корреспонденту «Правды»^[198] батальонному комиссару Полевому. Поздравляем началом настоящей работы! Активизируйтесь. В финале ждем статью или беседу с командующим. Полковой комиссар Лазарев».

В. С. Антонов, генерал-майор, Герой Советского Союза, бывший командир 916-го стрелкового полка 247-й стрелковой дивизии

МЫ ТЕРЯЛИ ДРУЗЕЙ БОЕВЫХ...

6 декабря 247-я дивизия, находившаяся до этого во втором эшелоне, получила приказ: вступить в бой с рубежа Власьево — Пасынково и наступать в направлении совхоза «Морозове».

Декабрьские дни коротки. Темнело. Однако еще было видно, как на широком фронте под сильным артиллерийским обстрелом противника дивизия во взводных колоннах

переходила Волгу. Батальоны миновали Власьево и Пасынково и развернулись на белой равнине в цепь.

Командир 909-го полка майор Е. Т. Коберидзе и я со своим штабом шли за 2-м стрелковым батальоном. Густой лес и темнота скрывали наши роты. Бой шел слева и справа в километре от нас. А впереди было тихо, только снаряды с шипением проносились над головой.

И вдруг, разорвав черноту ночи, по цепи ударили пулеметы. Батальоны с ходу пошли в атаку. Но весь огромный массив калининского леса перед нами дышал огнем. Атака захлебнулась.

Наши артиллерийские батареи были на конной тяге. Кони утопали в глубоком снегу. Пушкари, соорудив санные полозья, поставили на них орудия и потащили вперед на лямках. Тяжелые орудия то и дело заваливались в сугробы и, хотя пушкарям помогала пехота, артиллерия отставала. Выручали минометы — они были мобильнее.

Утром 7 декабря к 12 часам стрелковые полки подошли к железнодорожному полотну северо-западнее станции Чуприяновка. Справа у нас был 934-й стрелковый полк 256-й стрелковой дивизии, слева — 916-й стрелковый полк. Две^[199] попытки с ходу прорвать оборону гитлеровцев успеха не имели. В насыпи железнодорожного полотна у немцев были дзоты. Пулеметы не давали поднять головы. С майором Коберидзе мы отправились в батальоны. Надо было разобраться в системе обороны противника, поговорить с людьми. По-пластунски подползаешь к снежному окопу солдата и спрашивешь, как дела. Трескучий мороз, 30 градусов, солдаты заросли щетиной, но в глазах азарт и жажда боя.

...Однако пулеметы — это пулеметы. Подавить их было нечем. Вернувшись в штаб, мы после короткого совещания решили атаковать ночью, когда гитлеровцы по обыкновению уходят в блиндажи на ужин и обогрев.

Я доложил об этом начальнику штаба дивизии капитану В. И. Жукову. Позже он позвонил и сказал, что комбриг А. Н. Рыжков наше решение утвердил. Я сказал В. И. Жукову о большом разрыве между нашим полком и соседом справа, повернувшим свой боевой порядок фронтом на северо-запад.

— Мы об этом знаем, — ответил капитан. — За вами идет большое соединение. Действуйте решительнее. 262-я стрелковая дивизия разгромила контратакующего противника, овладела селом Эммаус и продолжает развивать наступление.

На этом наш разговор закончился. Началась подготовка к ночному бою.

Помощник начальника штаба полка лейтенант Петр Кузнецов уже подготовил офицеров связи для рассылки приказов, и они пошли по батальонам. С начальником артиллерии и помощником командира полка по тылу решили пункты боепитания и медицинской помощи разместить ближе к боевым порядкам. Все это нанесли на карту. Помощник по учету личного состава старший лейтенант Иван Яковлевич Пряхин доложил об укомплектованности батальонов и рот. «Учет» — слово как будто мирное, но на поле боя, под пулями, — дело непростое. А командиру важно знать: кто убит, кто ранен какие нужны замены, какова боеспособность подразделения. И Пряхин со своим

помощником Григорием Ефимовичем Муленко дело свое выполняли отлично. К сожалению, вскоре оба они были тяжело ранены.

Майор Коберидзе вел себя спокойно. Ермолай Григорьевич хорошо понимал бой и был человеком храбрым.

...Незадолго до атаки он кивнул мне: — Оставайся, я пошел в батальон.

ч[200] ...В 18 часов под прикрытием огня артиллерии батальоны пошли вперед. В насыпи ожили немецкие дзоты. Батареи старших лейтенантов П. И. Левченко и Г. С. Малыгина били по ним прямой наводкой. Первым рванулся в атаку разведвзвод лейтенанта Карпенко. С командного пункта на опушке леса по автоматным и пулеметным трассам было хорошо видно, как стремительно атакует 1-й стрелковый батальон. На острие атаки, как всегда, 3-я стрелковая рота лейтенанта П. Чикаленко, а в ней — взвод младшего лейтенанта Николая Чуба. Потом доложили: первым ворвалось в траншеи противника отделение автоматчиков комсомольца Василия Воскобойникова.

В этом бою Николай Чуб погиб. Храбрый офицер, по которому долго горевали.

Ожесточенный бой длился всю морозную ночь. Утром 8 декабря рубеж обороны противника севернее и южнее железнодорожной станции Чуприяновка был прорван.

В образовавшийся прорыв командующий армией генерал В. А. Юшкевич ввел в бой 54-ю кавалерийскую дивизию. Конница прошла лавиной через наши боевые порядки на рассвете. Это было красиво и вызвало большой интерес у пехоты. Однако радость была недолгой: конница была контратакована на рубеже Котова и Игнатова крупными силами противника, остановлена и понесла большие потери.

Наступление проходило трудно. На рассвете 12 декабря гитлеровцы контратаковали наши части, разгромили артиллерийский полк дивизии, захватили часть орудий на огневых позициях, отбросили 54-ю кавалерийскую дивизию в леса восточнее Игнатова и отобрали у 119-й стрелковой дивизии Марьино. Одновременно немцы атаковали в Игнатове штаб нашей дивизии. Штаб в беспорядке отошел в лес. Это был критический момент.

В это время в дивизию прибыл старший помощник начальника оперативного управления штаба Калининского фронта подполковник С. П. Тарасов. Он тут же доложил о том, что произошло, И. С. Коневу. Командующий фронтом приказал ему немедленно вступить в командование 247-й стрелковой дивизией и восстановить положение. Вечером в дивизию прибыл новый комиссар — старший батальонный комиссар Е. Н. Павлов-Разин. В ту же ночь они сформировали сводный отряд из уцелевших солдат и офицеров артиллерийского полка, личного состава штаба и спецподразделений[201] и наладили радиосвязь с полками. Мне же было приказано принять 916-й стрелковый полк.

Жаль было расставаться с Коберидзе. Мы обнялись и пожелали друг другу долго жить.

Сдав дела старшему лейтенанту Г. С. Малыгину, я в сопровождении двух автоматчиков пришел перед рассветом 12 декабря на командный пункт 916-го полка у села Гришкино. Едва успел познакомиться с начальником штаба капитаном Лазарем Игнатьевичем

Романюком — и сразу в бой.

Прорыв немцев на участке дивизии грозил серьезными неприятностями, и теперь сюда были брошены все силы, которыми располагал комдив, вплоть до сводного отряда своего штаба.

Я оставил на командном пункте капитана Романюка, а сам спешно вывел один стрелковый батальон восточнее Гришкина. Объяснил людям задачу, развернул батальон в боевой порядок и повел его вперед.

Бывали на войне такие критические ситуации. В этом бою впереди сводного отряда штаба дивизии шли командир и комиссар. Отряд стремительно атаковал противника. Началась рукопашная. Немцы не выдержали нашего яростного натиска. Мы прорвались к своим брошенным артиллеристами пушкам. Немцы уже облили их зажигательной смесью, но поджечь не успели.

К исходу дня бой был закончен. Артиллеристы с большой радостью принялись хлопотать у своих орудий. Здесь я представился командиру и комиссару дивизии. Оба они были в изодранных осколками полушубках, но не ранены.

Об этом эпизоде армейская газета «На врага» писала: «...Крупная часть противника вклинилась в расположение наших войск. Создалось препятствие к быстрейшему преследованию немецких частей. Отдельные подразделения оказались отрезанными от своих тылов. Командир части тов. Тарасов и комиссар тов. Павлов-Разин сколотили крепкую группу из бойцов, командиров и политработников, которая должна была уничтожить врага. Боевые действия начались ночью. Враг открыл сильнейшую стрельбу из автоматов, пулеметов и минометов. Несмотря на это, наши бойцы начали продвижение вперед. Три раза отважные командир и комиссар лично водили красноармейцев в бой, после которого фашисты стали отступать, оставляя селение за селением. В боевых операциях отвагу, бесстрашие и мужество проявили многие бойцы и командиры».

Через много лет агентство печати Новости проводило^[202] торжественное собрание, посвященное 20-летию образования ГДР. Был приглашен и я. На вечер приехал И. С. Конев. Я представился.

— О! — радостно воскликнул маршал, — 247-я стрелковая дивизия подполковника Тарасова? А помнишь рукопашный бой?

— Товарищ маршал, — сказал я, — за этот бой и за освобождение Старицы вы наградили меня тогда первым орденом Красного Знамени.

— Ну, тогда давай я хоть после войны тебя обниму.

Но вернемся в 1941 год. После боя я вывел полк на лесную поляну. Вместе со мной были комиссар полка М. Ф. Оленинский, начальник штаба капитан Л. И. Романюк, старший лейтенант М. В. Зимин. Мы обошли стрелковые батальоны и накоротке провели митинг.

Среди солдат и офицеров полка оказалось много знакомых. С радостью узнаю всегда

спокойного, улыбчивого командира стрелковой роты лейтенанта Григорьева Анатолия Владимировича. Командира огневого взвода артиллерийской батареи лейтенанта Покатаева Михаила Ильича, командира взвода управления старшину Лаптева Илью Ивановича и многих других.

Подошли к группе младших командиров. И здесь знакомые по кадровой службе: бывшие курсанты полковой школы сержанты Сухотерин Николай Васильевич, Косолапых Василий Иванович, Гладких Федор Андреевич. Мужественные, опаленные войной лица.

Эта встреча с прежними сослуживцами была для меня очень дорогой и важной. На всех этих людей я мог положиться.

В ту же ночь с 13 на 14 декабря в упорном бою наши батальоны полностью разгромили противника в Гришкино.

Деревня расположена на высоте. Отсюда хорошо было видно, как вдали на севере и востоке соединились в огневое кольцо вспышки орудийных выстрелов, а над равниной в черный купол зимней ночи летели белые и красные трассы пулеметных очередей. Огневое полукольцо вокруг Калинина сжималось все туже.

Утром 14 декабря ко мне на командный пункт прибыл командир дивизии подполковник С. П. Тарасов. Я первый раз в относительно спокойной обстановке увидел нового командира дивизии. Сергей Павлович обладал густым басом. Продолговатое волевое лицо, высокий лоб, ясные серые глаза.[203]

Раскинув свою карту, комдив предельно ясно и четко изложил суть нового решения штаба фронта. Затем взял наши карты и начертил на них задачи стрелковых полков и средств усиления. Можно было залюбоваться графикой, легкостью, высокой штабной культурой нового комдива.

— Вот это академия! — восхищался Коберидзе, когда мы вместе с ним вышли на рекогносцировку. — Учись, Владимир.

...Перед нами простиралась широкая долина. Там, в глубоких снегах, утонули деревеньки Рослово, Курово, Салыгино. Ближайшая наша задача.

В 11 часов 30 минут 15 декабря началась артиллерийская подготовка. Последний огневой налет — и танковый батальон пошел вперед. Дружно поднялся в атаку 1-й стрелковый батальон под командованием лейтенанта Николая Ивановича Гриценко. Стрелковая рота Василия Степановича Косарева первой ворвалась в Салыгино. Лыжный батальон лейтенанта Петра Дементьева проскочил деревню и, не останавливаясь, пошел вперед.

Начался тяжелый бой по завершению окружения калининской группировки врага. Немцы поняли, что им грозит, и обрушили на дивизию массированный артиллерийско-минометный огонь. Осколок снаряда тяжело ранил майора Коберидзе. С поля боя вывез его в своем танке механик-водитель Николай Гнусов. Командование 909-м полком принял начальник артиллерии капитан С. С. Галдин.

Наш 916-й полк, наступавший на фланге, оказался под двойным огневым ударом: от села Бурашево и со стороны Калинина. В цепи стрелковой роты лейтенанта Т. Е. Мельникова со мной шли комиссар полка М. Ф. Оленский, капитан Л. И. Романкж и М. В. Зимин. Утопая в

сугробах, перебежками и по-пластунски, тесня противника, мы весь день продвигались вперед. К исходу 15 декабря лыжный батальон ворвался в Курово.

Приказ был выполнен: фланги нашей 31-й и 29-й армий сомкнулись.

После освобождения Калинина 247-я дивизия с боями продвигалась вдоль Старицкого шоссе. Предстоял штурм укрепленного рубежа в 12 километрах от Старицы по линии Высокое, Леушино, Чунихино, Гнездово, Мичково, пос. Лотошино. По крутым берегам Волги, на восточных скатах всхолмленной местности у немцев были подготовлены траншеи, противотанковые рвы, минные поля.

На подступах к селу Панафидину немцы встретили нас^[204] сильнейшим пулеметным и артиллерийским огнем. Батальоны зарылись в снег. Три часа невозможно было поднять голову. Надо было принимать решение. Атаковать в лоб значило положить людей...

Мы разыскали местного лесника Алексея Ивановича Щукина. Объяснили обстановку.

— Помогу, — просто сказал он.

Темнело. С лесником пошел взвод полковой разведки и 21-й лыжный батальон. Мы ждали. И вот западнее Панафидина в небо взвились ракеты — сигнал атаки. Ударили орудия полковой батареи. Панафидино штурмовали одновременно с фронта и тыла. Возглавил атаку командир 2-го стрелкового батальона старший лейтенант Гриценко, бесстрашный человек. Поняв, что окружены, гитлеровцы выскакивали из домов и блиндажей даже в нижнем белье, беспорядочно паля из автоматов. Но деваться им было некуда. Не ушел ни один...

Лесник Щукин, сослуживший нам здесь неоценимую службу, был награжден медалью «За боевые заслуги».

В 22 часа 28 декабря командный пункт полка уже разместился в Панафидине. Здесь, под Старицей, мы потеряли около 300 своих боевых друзей. Все они лежат в братской могиле в селе Емельянове...

Во второй половине дня 31 декабря полк вышел на опушку леса перед деревней Льгово. Все молчало в занесенной снегом деревне. Фашисты, видимо, не ожидали нас в тот день и беспечно готовились к встрече Нового года. Я решил с ходу захватить Льгово. Полчаса на развертывание сигнал — и всем полком на лыжах мы ворвались в деревню. Ни одному гитлеровцу не удалось удрать.

Об этом эпизоде армейская газета «На врага» сообщила: «Совхоз «Красноармеец» и деревня Льгово были взяты так стремительно, что гитлеровские захватчики не сумели взорвать и сжечь эти населенные пункты».

В мирные годы я увлекался некоторыми видами спорта, в том числе и лыжным. Участвовал во многих окружных и армейских соревнованиях. Солдатом-пограничником участвовал в «Звездном пробеге» в составе команды 21-го Ямпольского пограничного отряда под девизом «Граница — Киев». Как пригодились мне марафонские лыжные пробеги в боях на калининской земле. Научились ходить на лыжах и все мои помощники.

К 19 часам 31 декабря внезапной атакой мы освободили село Старо-Ямская. И отсюда ни один гитлеровец не смог^[205] убежать через Волгу в Старицу. Весь вражеский гарнизон, находившийся в селе, был взят в плен. Правее нас, к мосту через Волгу, подошел 909-й стрелковый полк. Старица раскинулась на противоположном берегу.

Это казалось невероятным: там царила удивительная тишина. Неужели и в Старице нас не ждут, готовясь к Новому году? И мы решили атаковать без артподготовки.

С начальником штаба полка Романюком мы вышли на окраину Старо-Ямской, чтобы наметить, как лучше провести атаку. В это время к нам подошел пожилой мужчина и спросил: — Товарищи командиры, вам, может быть, что-то нужно? Меня зовут Василий Федорович Абраменко.

— Очень кстати, — сказал я. — Мы собираемся атаковать немцев на лыжах. И не знаем, какой там спуск.

— Почти везде гожий, — успокоил он нас. — Нет, я лучше приведу ребят.

Через несколько минут Абраменко вернулся с ребятами, познакомились. Одного звали Николай Бакин, другого Саша Клешаков. Ребята знали все берега, где круто, где полого. Эти сведения нам весьмагодились.

Я провел рекогносцировку с комбатами и объявил решение на бой.

В это время ко мне подошел комиссар с группой офицеров. Среди них был полковой комиссар Иванцов, заместитель начальника политотдела армии.

— Товарищ майор, — сказал он, — людей вы накормили, это хорошо, но все они разошлись по сараям и спят.

— Кутузов говорил, что перед боем всегда надо выспаться, — пошутил я.

— Кутузов Кутузовым, а Старицу надо брать!

— Приказ уже отдан, — сказал я. — А солдат пусть поспит, пока офицеры готовят все необходимое. Когда надо, он быстро проснется. Люди 25 дней и ночей в бою — в поле, в лесу, на снегу, в мороз и чаще всего без сна.

— Ну что ж, поставьте задачу и нам, мы тоже пойдем в бой, — дружески сказал полковой комиссар. — Может быть, так: я и помощник начальника политотдела по комсомолу товарищ Жадан пойдем в 909-й полк, там болен командир полка Галдин, а мы с ним давние друзья. В вашем полку в 1-й стрелковый батальон пойдут заместитель начальника политотдела товарищ Чупахин и старший инструктор политотдела товарищ Беляков; во 2-й стрелковый батальон — комиссар Оленский и парторг полка Путилин; в лыжный[206] батальон — корреспондент армейской газеты «На врага» политрук Яровой и инструктор пропаганды полка товарищ Гребенка. Вот в вашем войске и прибыло.

И все разошлись по своим местам.

В 22 часа, не открывая огня, полк на лыжах скатился по крутому спуску на волжский лед, промчался в едином порыве к левому берегу и, сбросив лыжи, с криком «ура!» ворвался в город.

Такого новогоднего сюрприза немцы явно не ожидали. Кто в чем мог, даже босиком, выскакивали они из домов и мчались к окопам и траншеям. Но было уже поздно. 909-й полк атаковал от монастыря северо-восточную и северную окраины города. Чтоб не отстать от боевых порядков полка, я крикнул своим ближайшим помощникам: «За мной!» Мы прыгнули в сани, и ездовый сразу погнал в галоп. На берегу огневой веер пулеметной трассы осыпал нашу

«боевую колесницу». Уже у другого берега сраженный следующей очередью конь взметнулся на дыбы и рухнул на дорогу. Нас выбросило из саней. Сбросив полушубки, мы догнали атакующие цепи и пошли в бой.

Вся южная окраина Старицы пульсировала огненными трассами. 3-й лыжный батальон лейтенанта В. Г. Кудрявцева вел бой уже на улицах города. Рота политрука А. П. Ершова схватилась врукопашную во вражеской траншее. Командир отделения сержант Василий Глазырев с бойцами Иваном Шитовым и Дмитрием Мачехиным проникли в дом, где засел гитлеровский пулеметчик. Пулемет замолчал.

Стрелковая рота Мельникова овладела южной окраиной города и упорно продвигалась к центру. Гриценко уже овладел юго-западной окраиной. Мне доложили: рота лейтенанта В. С. Косарева ведет бой в центре города...

В новогоднюю ночь гарнизон врага был полностью разгромлен, и полк вышел на северо-западную городскую окраину.

Вскоре на командный пункт полка прибыли командир и комиссар дивизии. Они поздравили меня и личный состав с боевым успехом и с Новым годом.

— Сергей Павлович, — обратился комиссар к комдиву. — Раз Антонов первым ворвался в Старицу, то и быть ему комендантом?

— Согласен, — ответил комдив.

...Над Старицей реял красный флаг.[207]

Константин Симонов

ШТУРМ ГОРОДА^{85}

Часть капитана Антонова ворвалась на Тургиновское шоссе и в течение семи суток, до самого дня общего штурма, не давала немцам прорваться на юг. Фашисты бросили против нее артиллерию, минометы, танки. Десять жесточайших контратак предпринял враг — и все напрасно. У Антонова поредело число бойцов, с каждой контратакой становилось все больше убитых и раненых. Но Калинин был здесь, рядом, до него оставалось рукой подать, и красноармейцы Антонова умирали, но не сходили с места... Выдержав все удары врага, они в день штурма одними из первых ворвались в город; и если их оставались только десятки, то зато один стоил десяти.

Город решено было взять штурмом, но для того, чтобы это сделать, надо было подойти к нему вплотную, как можно ближе, чтобы потом покончить с врагом сразу, одним ударом, одним дыханием. Артиллеристы майора Музыченко ночью выкатили свои пушки на открытые позиции и на рассвете били прямой наводкой по укреплениям, где засели немцы.

К 15 декабря части генерала Юшкевича с трех сторон подошли вплотную к самому городу. Кольцо становилось все туже и туже. Ровно в 12 ночи, с 15-го на 16-е, в городе начались пожары. Загорелся дом химического училища, запылала громадная городская мельница, вспыхнул дом облисполкома.

Не выдержав, боясь остаться в кольце, немцы решили отступить, но предварительно

они хотели сжечь в городе все, что еще было недобито и недоломано.

Не дать им этого сделать! Во что бы то ни стало ворваться в город скорее, пока они не лишили последнего крова наших братьев и сестер, наших матерей и отцов, волею горькой судьбы оставшихся там в дни фашистского владычества! В три часа ночи начался штурм. С юга, юго-востока и севера наступали полки.

Первым ворвался в Калинин ровно в 11 дня, после восьмичасового боя, батальон старшего лейтенанта Степаненко. Вслед за ним по соседним улицам, опрокидывая автоматчиков, перерезая дорогу автоколоннам, в город вошли красноармейцы части майора Второва. Враг еще держался, он цеплялся за каждый дом. Особенно жестокая борьба развернулась^[208] за один из домов на центральной площади, где гитлеровцы в течение двух месяцев держали свой застенек. Они, видимо, еще не успели докончить всех своих страшных дел: окраины города были уже заняты нашими войсками, а в центре, в тюрьме, фашисты еще пытали, расстреливали наших пленных.

Но люди, шедшие на штурм, если даже не знали, то сердцем чувствовали, как дорога каждая минута...

Бой шел уже одиннадцатый час подряд, когда бойцы майора Майорова захватили вокзал и Советскую площадь. Город можно было считать взятым. Бойцы частей Масленникова, захватив еще ночью Затверецкую часть города, к двум часам дня с севера тоже ворвались в город.

Гитлеровцы бежали по уходящим на юго-запад улицам, стекались на шоссе, машины наезжали друг на друга, их сбрасывали в канавы, наспех, чтобы обеспечить себе бегство, швыряли на дороге награбленное за два месяца добро, тюки мануфактуры, носильные вещи, ящики с папиросами, буханками хлеба.

К трем часам город был взят.

Над городом полощется красное знамя. Воздвигнуть его было первым делом вошедших в город бойцов. Оно видно, далеко видно, даже с воздуха, когда подлетаешь к Калинин.

Н. А. Фиронов, полковник, бывший инструктор политотдела 31-й армии

ОНИ ШЛИ ВПЕРЕДИ {86}

Декабрь 1941 года. Холодная, метельная зима... Мы ждали приказа к наступлению...

В селе Романове, в помещении школы, собрались на совещание политработники армии во главе с начальником политотдела бригадным комиссаром Г. Н. Мишеневым и его заместителем полковым комиссаром П. А. Шлычковым. Перед работниками политотдела выступили командующий армией генерал-майор В. А. Юшкевич и член Военного совета армии бригадный комиссар А. Г. Русских. Они рассказали нам о предстоящем сражении, поставили конкретные задачи. Сразу же после совещания мы разъехались по частям... ^[209]

В памятных боях за Калинин впереди наступающих неизменно шли коммунисты и комсомольцы, комиссары и политработники. Во время наступления на Эммаус создалась чрезвычайно напряженная обстановка. Комсорг 920-го полка М. Кузовкин бросился вперед с возгласом: «Коммунисты и комсомольцы, за мной!» Вся рота устремилась в атаку.

...На другом участке отважно сражалась рота автоматчиков под командованием Героя Советского Союза старшего лейтенанта Кузякина и политрука Суворова. Рота неоднократно проникала в тыл противника и наносила ему ощутимый урон. В одной из таких смелых вылазок Кузякин и Суворов были ранены, но не ушли в тыл.

Во время ночного боя за село Кузьминское выбыл из строя командир истребительного отряда. Командование отрядом взял на себя кандидат в члены партии командир взвода старший сержант Борис Дегтярев. Стреляя на ходу из автоматов, забрасывая гранатами немецкие блиндажи, истребители ворвались на окраину деревни и закрепились там.

В бою за село Трояново 918-й полк лишился командира. Впереди цепей пошел комсорг полка политрук Коломнж. Красноармейцы сломили яростное сопротивление врага, заняли село и отбили все контратаки.

...Политработники поднимали боевой дух наших воинов и партийным словом, и личным примером. Получили ранения и контузии, но не покинули боевых постов инспекторы Ф. М. Ануфриев, Ф. Д. Занько, Свекольников, лектор А. И. Монахомович, инструкторы А. А. Штыков, М. З. Ковальзон и другие.

Во время наступательных боев по заданию политотдела армии мне пришлось побывать в 143-м и 159-м танковых батальонах. В деревню Игнатове, где расположились танкисты, меня доставил шофер Иван Князев.

...На окраине Игнатова мы заметили в кустах наши выбеленные известью танки. Приехали как раз вовремя. На командном пункте шло совещание командиров боевых машин. Я ознакомил их с ближайшими задачами армии, с последними фронтовыми и международными новостями. В 159-м танковом батальоне вместе с комиссаром мы провели совещание партторгов и комсоргов. Речь шла о главном — обеспечить авангардную роль коммунистов и комсомольцев в бою.

15 и 16 декабря танкисты 143-го и 159-го батальонов^[210] поддерживали наступление частей 247-й стрелковой дивизии, показав примеры мужества и воинского умения.

Командир танка Т-60 комсомолец А. Т. Бормин получил приказ установить связь с командиром 421-го полка. Танк попал под сильный вражеский огонь, получил восемь пробоин и вышел из строя. Отважный танкист вылез из машины и, укрываясь за складками местности, доставил приказ командиру полка майору Карамушко. От него он принес в штаб дивизии донесение, а затем с помощью трактора вытащил танк с поля боя и отремонтировал его.

Командир танка Т-34 кандидат партии младший лейтенант Д. А. Крутиков в бою за деревню Федосово атаковал вражескую пехоту... От попадания снаряда танк загорелся. Экипаж выскочил из машины, под пулями сбил огонь и вывел танк с поля боя. Через день Крутиков и его товарищи снова пошли в бой. Семь раз экипаж водил свою

бронированную машину в атаки, уничтожил около ста фашистов и оказал неоценимую помощь пехоте в освобождении села Аксинькино.

Мы будем помнить о подвиге Василия Зверева, комсомольца из Славгорода, молодого лейтенанта, командира танка Т-34. Механиком-водителем в экипаже служил И. Е. Мельников, уроженец станицы Кавказской. В день освобождения Калинина, 16 декабря, экипаж атаковал гитлеровцев в районе Марьина и Щербинина. Бой был горячим. Израсходованы все боеприпасы. Пушка повреждена. Но машина не вышла из боя. Василий Зверев приказал Мельникову вести танк в обход деревни Щербинино. Грозная машина зашла на позиции немцев с фланга и раздавила гусеницами три вражеских орудия с прислугой и миномет. Смелый рейд танкистов помог пехотинцам овладеть деревней. Через сутки экипаж Зверева на отремонтированном танке вновь пошел в бой. Их машина углубилась в тыл противника на восемнадцать километров и внезапно атаковала захватчиков в деревне Мельтучи. Василий Зверев был ранен в голову, но продолжал биться с врагом, истекая кровью. Танкист умер, но экипаж выполнил задачу — выбил фашистов из деревни.

...Благородно поступил, выполняя воинский долг, комсомолец механик-водитель танка Н. П. Гнусов. В период решительного штурма укрепленных позиций врага в районе Калинина он не один раз водил машину в атаку, помогал пехоте продвигаться вперед. В одном из боев Николай Гнусов заметил раненого командира полка 247-й стрелковой^[211] дивизии. Не раздумывая, под сильным огнем он выскочил из танка, подобрал раненого и доставил его на пункт медицинской помощи.

...В ходе боев за освобождение Калинина, сел и деревень области партийная организация армии понесла тяжелые потери.

При выполнении задания Военного совета армии погиб смертью храбрых полковой комиссар И. Ф. Иванцов... У стен Калинина погиб начальник отделения по работе среди войск противника батальонный комиссар Блохин, бывший дипломатический работник. Он шел в первых рядах атакующих и в разгар боя был сражен вражеской пулей.

В ходе боев умер от воспаления легких начальник политотдела армии Г. Н. Мишенев... Безвременно скончался редактор нашей армейской газеты «На врага» старый большевик-правдист М. М. Эр лих.

Наши товарищи по оружию Мишенев, Иванцов, Эрлих, командиры полков Терещенко, Редюк и Цибульский, генерал-лейтенант Богданов и генерал-майор Соколов похоронены на площади Ленина в Калинине.

М. Н. Розов, полковник, бывший командир дивизиона 777-го артполка 246-й стрелковой дивизии

В БОЯХ ЗА КРАСНОВО

В ночь на 4 декабря 246-я дивизия сосредоточилась в лесах северо-западнее устья Тьмы. Утром 5 декабря на всем фронте началась 30-минутная артиллерийская подготовка. Под ее прикрытием части дивизии перешли в наступление, к 14 часам преодолели по тонкому льду Волгу, достигли дороги Краснове — Мигалово но,

встреченные сильным огнем противника, были вынуждены залечь, а затем снова отойти на левый берег.

Повторная атака была назначена на ночное время. С наступлением темноты 914-й полк бесшумно выдвинулся на исходный рубеж на правом берегу. В 21.00 в воздух взвилась ракета. Полк стремительным броском ворвался в деревню Красново. Ожесточенный бой продолжался три часа. Упорно сопротивляясь, немцы сражались за каждый дом. В дзотах и траншеях шла жестокая рукопашная схватка. В^[212] этом ночном бою вылилась вся ненависть дождавшихся своего часа наших воинов. Немцы не выдержали.

Серый зимний рассвет осветил заваленные трупами деревенские улицы. В Красново полк захватил большие трофеи.

Особенно отличился в этом ночном бою батальон лейтенанта Н. А. Аникеенко, который, обойдя минное поле и проволочное ограждение, под сильным огнем первым ворвался в село.

В 3-м батальоне политрук П. А. Рыжаков заменил раненого командира роты. Рота ворвалась в Красново и разгромила штаб немецкого батальона.

Однако без поддержки левого соседа — 915-го полка, лежавшего в снегу под сильным огнем из Рябеева, развить успех не удалось. В ночь на 6 декабря противник подтянул резервы и утром перешел в контратаку. Красново пришлось оставить. Наши части, понеся потери, отошли на исходные позиции.

В связи с неудачей 246-й дивизии, командующий армией решил главный удар перенести в полосу наступления 252-й дивизии, где обозначался некоторый успех в направлении Борихина.

В ночь на 7 декабря 246-я дивизия сосредоточилась в лесу севернее Черкасс для наступления совместно с 252-й дивизией в направлении Мигалова и Палкина. Утром 915-й полк прорвал вражескую оборону, в середине дня пересек трамвайную линию Калинин — Мигалово, но затем был контратакован и остановлен. Введенный в бой из второго эшелона 914-й полк также не смог продвинуться дальше трамвайной линии.

В 20 часов после мощного огневого налета противник контратаковал части дивизии со стороны Мигалова. 914-й и 915-й полки вынуждены были снова отойти на левый берег реки. Ранен был командир 914-го полка майор А. П. Крутихин. Во временное командование полком вступил капитан В. А. Гришко.

Безуспешным оказалось наступление и других соединений, последовало распоряжение временно его прекратить.

В течение трех дней дивизия приводила части в порядок, пополняла боеприпасы, усиленно вела разведку.

10 декабря командующий армией генерал И. И. Масленников решил временно переподчинить 908-й и 915-й полки 252-й стрелковой дивизии, которая наступала на Деревянище и Микулино, имея задачу овладеть в последующем^[213] юго-западной частью Калинина. Задача 914-го полка осталась прежней: взять Красново.

11 декабря полк атаковал Краснове. Атака была отбита. Тогда генерал И. И. Масленников приказал командиру разведроты вызвать сержантов Н. С. Баранчикова и А. Я. Орлова. Оба не раз уже отличились отвагой и находчивостью. Теперь им предстояло ночью со своими отделениями переползти по льду Волгу, выявить огневые точки и заставить их замолчать.

На рассвете 12 декабря полк возобновил наступление и вновь попал под сильный огонь. Лед крошился от разрывов снарядов и мин, образовались полыньи. Казалось, атака вот-вот захлебнется. И здесь сработали разведчики, еще ночью обнаружившие, откуда ведется огонь. Сержант Баранчиков разделил своих бойцов на две группы. Одну возглавил сам, другую поручил Н. Е. Круглову. Обе группы незамеченными подобрались к пулеметному гнезду и к минометной батарее, забросали их гранатами и стремительно атаковали. Разведгруппа Орлова также уничтожила две огневые точки. Огонь ослабел. Полк достиг правого берега и решительной атакой овладел Красновом.

В оставленном немцами селе, в одном из подожженных ими домов, кричали люди. В запертом подвале дома оказались пленные красноармейцы — 51 человек. Здоровые тут же влились в строй, раненые были эвакуированы в тыл.

В течение 12 декабря 914-й полк отбивал многочисленные контратаки. К вечеру стало ясно, что наличными силами сдержать усиливающийся натиск врага невозможно. В конце концов полк снова был вынужден оставить Красново и вернуться в исходное положение.

В дивизии была произведена перегруппировка. Кроме того, ее усилили двумя гаубичными дивизионами. Поддерживал дивизию огнем 644-й корпусной артполк.

Метельной ночью на 14 декабря дивизия прорвала оборону противника. 914-й полк вновь овладел Красновом и закрепился в нем. 908-й и 915-й полки обошли деревню с востока и запада и пошли на Дешевкино и Даниловское. К вечеру части ворвались в эти населенные пункты, но развить успех в направлении Никулина не смогли. В Даниловском 915-й полк разгромил штаб немецкого пехотного полка.

14 декабря противник безуспешно пытался вернуть Краснове. В течение дня 914-й и 924-й полки отбили шесть контратак. 15 декабря дивизии было приказано продолжать^[214] наступление на Никулино. Слева наступала на Мигалово и Борихино 252-я дивизия. Однако гитлеровцы к утру 15 декабря подтянули резервы и контратаковали части дивизии по всему фронту. Понесшие в предыдущих боях значительные потери 908-й и 915-й полки с боем отошли к Краснову, где прочно закрепились 914-й и 924-й полки.

В эти дни хорошо управлял боем исполнявший обязанности командира 914-го полка капитан В. А. Гришко. Будучи раненым, он не ушел с поля боя до тех пор, пока не была отбита последняя контратака. В бою за Краснове он лично уничтожил 12 фашистов^{87}. В этом бою был также ранен комиссар полка батальонный комиссар П. И. Сорокин. В командование полком вступил начальник штаба капитан А. П. Усенко.

В боях за Краснове были разбиты 254-й и 255-й пехотные полки 110-й немецкой пехотной дивизии и 3-й батальон 18-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии. Свыше

700 убитых солдат и офицеров остались на поле боя{88}.

За героизм и отвагу, проявленные в бою за Красное, всему личному составу дивизии командующий армией объявил благодарность. 38 человек были награждены орденами и медалями. Командиры отделений разведки сержанты Н. С. Баранчиков и А. Я. Орлов были назначены командирами взводов с присвоением им воинского звания «младший лейтенант».

Самоотверженно работал медперсонал дивизии. Младшие врачи 914-го полка В. П. Левицкий и Ю. М. Митакса не только оказывали помощь раненым, но вместе с бойцами отражали атаки врага. Тяжело раненный военврач 2-го ранга С. И. Тарханов не покинул своего боевого поста, продолжая руководить дивизионной санслужбой. Хирург медсанбата военврач 2-го ранга Н. В. Попов за двое суток сделал 54 хирургические операции. Ему помогли врачи-хирурги Б. Д. Богданов, В. Н. Опоцкий, хирургические медсестры М. П. Сазардарян, Е. П. Куликова и В. С. Никешина.

Дивизия понесла в декабрьских боях тяжелые потери. Но, несмотря на большой некомплект, соединение выполнило поставленные задачи.

К исходу 16 декабря группировка в основном была разгромлена,[215] а ее остатки беспорядочно отступали в направлении на Старицу.

Продолжая наступление, дивизия овладела рядом населенных пунктов, в том числе деревнями Губино, Кореничено, Сущево, Арсеньево, Гвоздево, Борисово, отрезав таким образом врагу пути отхода по шоссе на Ржев и облегчив 252-й дивизии овладение Старицей.

В ходе наступления дивизия нанесла большой урон частям 6-й и 26-й немецких пехотных дивизий. По показаниям пленных, из 600 человек 2-го батальона 78-го пехотного полка 26-й пехотной дивизии в живых осталось около 120, да и то половина из них была обморожена{89}. За 12 дней наступления 246-я стрелковая дивизия продвинулась на 70 км, освободила 94 населенных пункта. Были захвачены 50 орудий, 29 минометов, 112 пулеметов, около 500 винтовок, 57 автомашин и тракторов, много боеприпасов и средств связи. Около ста вражеских солдат и офицеров были взяты в плен{90}.

Но и дивизия в этих непрерывных боях понесла значительные потери.

Выполнив задачу, она была выведена во второй эшелон 29-й армии и сосредоточилась в районе Кореничено, Гвоздево, Старое и Новое Прасковьино, где в течение двух суток приводила себя в порядок, пополнялась людьми.

Уже вечером 4 января поступил приказ командарма: выдвинуться в район Новоселье, Неклюдово, Ледниково, откуда наступать во втором эшелоне армии за 243-й стрелковой дивизией.

На заранее подготовленном рубеже Клипуново, Гридино, Гушино, Крупцово, Севостьяново (20 км северо-восточнее Ржева) противник оказал войскам армии яростное сопротивление.

6 января 908-й и 914-й полки перешли в наступление с задачей овладеть Гридином — важным опорным пунктом в обороне противника на подступах к Зубцову и Ржеву.

Справа на Клипуново наступала 174-я, слева на Иружу, Гунзино — 243-я дивизия.

Тяжелые бои за этот опорный пункт продолжались три дня, переходя зачастую в рукопашные схватки. У противника было численное превосходство, его авиация непрерывно бомбила наши боевые порядки. Контратаки противника^[216] были поддержаны мощным артиллерийско-миномет-ным огнем. Прорвать хорошо организованную систему ружейно-пул сметного огня, сочетавшуюся с развитой системой инженерных заграждений, не удалось. Наше наступление успеха не имело, и части дивизии были отведены на исходные рубежи.

На этом участие 246-й стрелковой дивизии в Калининской операции закончилось. Началась перегруппировка сил для новой, Ржевско-Вяземской операции.

М. А. Бегайкин, майор, бывший командир батальона 937-го полка 256-й стрелковой дивизии

«ГИТЛЕР КАПУТ» {91}

Перед началом наступления 937-й полк 256-й дивизии, в котором я командовал батальоном, занимал оборону на северо-восточной окраине Калинина — от реки Тверцы до мясокомбината.

...Командовал полком майор Калков, комиссаром был старший батальонный комиссар Лючанов, начальником штаба — майор Второе.

В ночь с 5 на 6 декабря полк совершил марш и вышел на исходный рубеж для наступления на левый берег Волги против поселка Власьево. Разведка доложила, что правый берег Волги превращен немцами в ледяные горы.

К утру 6 декабря под прикрытием темноты полк тремя стрелковыми батальонами форсировал Волгу. Для преодоления крутого ледяного берега были приспособлены лестницы. Поселок Власьево мы взяли штурмом.

...Развивая наступление, два стрелковых батальона полка к утру 10 декабря овладели деревней Никифорове, где было захвачено 30 пленных и 4 орудия. (Эти орудия наши бойцы тут же развернули и открыли огонь по отходящему противнику.) На захваченном нами командном пункте немцев работала связь. Мы позвонили по полевому телефону немцам и сказали им только одну известную нам, но зато понятную всем фразу: «Гитлер капут».

13 декабря, воодушевленные успехами наступательных боев, бойцы полка штурмом овладели деревней Кольцове, а затем Малыми и Большими Перемерками, деревнями Бобачево, Бычково и к исходу 15 декабря вышли на восточную окраину Калинина.^[217]

Разведка сообщила, что немцы, прикрываясь группами заграждения, готовятся к поспешному отходу. Это придало нам сил. Полк атаковал и к утру 16 декабря вышел к комбинату КРЕПЗ.

Развивая дальнейшее наступление, полк достиг улицы Вагжанова и на Советском

переулке соединился с частями генерала Поленова.

Калинин был наш.

БАТАРЕИ ВЕДУТ ОГОНЬ

Из дневниковых записей красноармейца-зенитчика {92}

9 декабря 1941 года. Сколько волнующих событий за эти дни. 4 декабря батареи дивизиона заняли новые огневые позиции в районе Савватьево. А 5 декабря перешли в наступление не только части нашей дивизии, но и всего Калининского фронта. В сторону Калинина, не умолкая, били орудия. Такого скопления артиллерии и такого мощного огня мы не видели за все дни войны. На лицах ребят светилась радость: началось! Части с боем занимали деревню за деревней, вели бои уже южнее Калинина. Мы едва успевали за ними, чуть не каждый день меняли огневые.

По пробитым в глубоком снегу дорогам нам навстречу везли и везли раненых. На коротких остановках мы с жадностью слушали их рассказы... Все были охвачены одним стремлением: бить врага, ломать его оборону, освобождать родную землю.

Вчера над нашими позициями появился «Юнкерс-88». По нему открыли огонь орудия первой батареи. Самолет мгновенно сделал маневр и ушел от огня. Должна была открыть огонь наша батарея, но неожиданно в воздухе оказались три истребителя с красными звездами на крыльях. Бой длился секунды. «Юнкере» загорелся и, протачив черную борозду, врезался в землю.

Вечером комиссар Копылов, заместитель командира дивизиона старший лейтенант Береснев и наш комиссар Рукша принесли в землянку газеты «Правда», «Красную звезду» и маленький дивизионный «Красноармеец». Придвинувшись ближе к свету, Копылов читал передовую «Красной звезды». В сообщении «В последний час» подробно рассказывалось о первом большом поражении гитлеровцев. Мы внимательно слушали дорогие для нас строки...[218]

Началось то, что ждал наш народ все эти тяжелые месяцы. Копылов кончил читать, и в землянке заговорили, кажется, все сразу, возбужденно, взволнованно.

— Товарищ комиссар, а как дела на нашем направлении? — спросил Яковенко.

Ему ответил старший лейтенант Береснев: — Части нашей дивизии, прорвав оборону противника на участке Горохове — Прибыtkово — Эммаус, продолжают продвигаться вперед. Враг на этом участке оставил только убитыми около двух тысяч человек. Наша задача прежняя — прикрывать наступающих с воздуха... Еще вопросы есть?

Поднялся Яковенко.

— У меня вопрос... Я так думаю. Раз пошли наши войска на Гитлера, то теперь уж нас не остановят. Может, и до Берлина так дойдем, а к весне, к посевной, и домой?

Копылов сочувственно улыбнулся душевной простоте командира разведчиков. Потом встал и, посуровев лицом, сказал: — Под Москвой немцы разбиты, это так... Но враг

еще силен. И борьба с ним предстоит тяжелая. Это не надо забывать, этого нельзя забывать!

10 декабря. Большими белыми хлопьями идет и идет снег. Все покрыто этим снегом. Машины с трудом пробиваются сквозь него. Мы движемся медленно, а надо скорее, как можно скорее.

На всем пути, на земле, освобожденной от гитлеровцев, мы встречаем разбитые и полу сожженные деревни. Страшными надгробьями торчат из снега черные трубы. К пепелищам бредут с узлами на плечах, с детьми на руках многострадальные люди, измученные, голодные.

Надрываясь, режут моторы, а мы, из последних сил держась на ногах, упираемся в кузова, толкая их, медленно движемся вперед.

Частями дивизии перерезана железная дорога Калинин — Москва. И мы рвались вперед, торопились не отставать от пехоты... Последние триста метров до новой огневой пробиваемся без дороги, по нетронутому снегу, протаскивая на руках машины и орудия. Хотелось тут же упасть на снег и не двигаться, но раздалась команда: «Разбирай лопаты! Отдыхать будем после войны». Надо устанавливать орудия, снова копать землянки... Огневые позиции всех батарей расположены так, чтобы прикрыть артиллерийские подразделения в районе Чуприяновки и деревень Прибыtkово, Губино.[219]

11 декабря. После обеда небо очистилось от облаков. Показалось солнце. И почти сразу же в воздухе появились двенадцать бомбардировщиков «Ю-87». Пикируя, они начали сбрасывать бомбы. Батареи открыли огонь. Загорелся один самолет. За ним задымил второй. Третий взорвался от точного попадания снаряда и разлетелся на куски. Снова отличился орудийный расчет Тербина... Генерал Березин звонил Жигулину, просил передать благодарность зенитчикам. Стервятники сбросили всего около десяти бомб.

13 декабря. С утра, как только видимость стала нормальной, над расположением наших частей появились «юнкер-сы». Их было одиннадцать. И снова они были вынуждены повернуть обратно, не пробившись сквозь наш огонь. Два «юнкерса» ушли с дымными хвостами.

В. Абросимов, боец зенитного дивизиона.

А. Г. Русских, генерал-лейтенант, бывший член Военного совета 31-й армян

ПЕРВАЯ ПОБЕДА

На рассвете 5 декабря в частях и подразделениях 31-й армии прошли короткие митинги, групповые беседы. Людей охватило воодушевление: отступлению конец, идем вперед!

С первого дня наступления героически сражались сотни солдат, сержантов и офицеров. Рядовой 937-го полка 256-й стрелковой дивизии Бежев в бою за деревню Никифоровка подполз к блиндажу, из которого бил вражеский пулемет, и забросал его гранатами. В тот же день командир дивизии назначил отважного воина командиром отделения и

наградила его орденом Красной Звезды.

В третьем батальоне 634-го полка 119-й стрелковой дивизии был ранен командир роты. Старший сержант Флусов взял на себя командование и повел роту в атаку. Рота выполнила боевую задачу.

Секретарь полкового бюро ВЛКСМ 918-го стрелкового полка 250-й дивизии политрук Коломник шел в бой в общей[220] цепи и тоже заменил выбывшего командира. Рота рванулась за политруком и овладела селом Городище.

Группа бойцов во главе с младшим лейтенантом Захарченко и политруком Кондрашевым наступала на деревню Слободку. У засевшего в укрытиях противника было двойное превосходство в силах. Красноармейцы Трунов, Мамаев, Тупиков, Коробов и Кугнинбаев пошли в разведку и столкнулись с двадцатью гитлеровцами. Встреча была неожиданной для обеих сторон. Наши первыми пришли в себя. В яростной схватке они опрокинули немцев и обратили их в бегство. Следом за храбрецами рванулась вся группа. Немцев из деревни вышибли.

Солдаты 922-го стрелкового полка 250-й дивизии Дмитриенко, Потапенко, Бурин, Красный и Петраш были легко ранены, но в госпиталь отправиться отказались. Перевязались и снова пошли в бой.

С большим мастерством сражались артиллеристы. Артиллерией руководили полковник Стеснягин и подполковник Самойлов. Расчетам орудий помогали пехотинцы. Когда перемело дороги и машины увязли в снегу, бойцы 133-й стрелковой дивизии подносили снаряды для батарей на руках. Выдвигаясь на передовую, каждый брал снаряд.

Отлично действовала батарея зенитного дивизиона капитана Гришина. За один день она сбивала пять вражеских самолетов.

Мужество, стойкость, презрение к смерти было свойственно многим нашим воинам. Разве можно забыть подвиг ефрейтора Бутько, наводчика орудия? Немцы контратаковали с танками. Были и робкие души: бросались на землю, закрывали голову руками и, как правило, погибали. Бутько не дрогнул. Бил и бил, прицельно, точно, опережая врага. В одном бою он уничтожил пять вражеских танков, миномет, два пулемета, мешавших продвижению нашей пехоты. Подразделение, которое он поддерживал своим огнем, захватило у противника 200 подвод с боеприпасами.

Разведчики Шитиков и Первухин подползли к вражеским позициям. Семь часов они лежали на снегу при сильном морозе, выявляя огневые точки врага. Когда бойцы стали отходить, гитлеровцы их заметили и обстреляли. Первухин был ранен. Шитиков, рискуя собой, вынес товарища из-под огня.

Коммунисты старшина Пересыпкин и сержанты Давыдов и Мохов, узнав о том, что наши в Калининe, сбежали из госпиталя, догнали свой 937-й полк и пошли в бой.[221]

В бою за Чуприяновку расчет сержанта Кунцевича из 249-го легкого артиллерийского полка, отражая ожесточенную контратаку, прямой наводкой подбил три немецких танка и истребил до взвода автоматчиков. Это решило исход схватки. Пехота поднялась в атаку, и немцы бежали. Кунцевич был награжден орденом Красного Знамени.

В уличных боях в Калининне храбро сражались воины 922-го стрелкового полка 250-й дивизии во главе с капитаном А. И. Грицкевичем и батальонным комиссаром Т. П. Рудаковым. Появляясь там, где кипел бой, они личным примером вдохновляли людей.

В пылу боя артиллеристы Трунчиков, Исаев, Алабердин, Сухарев и Смирнов вырвались вперед. До взвода гитлеровцев бросилось в атаку. Заняв круговую оборону, смельчаки встретили врага прицельным огнем. Командир орудия Исаев и наводчик Алабердин несколькими выстрелами подбили два вражеских танка, после чего стали расстреливать автоматчиков. Немцы отхлынули, оставив поле боя за горсткой храбрецов. Грицкевич и Рудаков были награждены орденом Ленина.

В ходе наступления отличилось немало политработников. В одном из сражений старший политрук Смирнов шесть раз водил воинов в атаку. Это был удивительно скромный, сердечный человек и отважный комиссар. Как-то во время боя к нему подползли два раненых солдата. Он пустил их в свой маленький окопчик, а сам остался под огнем на открытой площадке.

С любовью называли в те дни имена прославившихся политработников — Горбунова, Петухова, Маслова и других. Заменив раненого командира, Горбунов повел за собой роту. И сам был ранен. Когда подоспели санитары, бойцы сказали: «Выносите вначале политрука, потом нас».

В критический момент боя, когда люди лежали под огнем, коммунист Балыбин и политрук Петухов, презрев смерть, рванулись вперед. И увлекли остальных. Рота потеряла многих, но высота была взята.

В ту пору коммунисты агитировали поступками. Преданность Родине доказывали жизнью. За ними шли.

«В бой с фашистами я иду коммунистом!» — с гордостью писал в «боевом листке» красноармеец Добрусин, принятый в ВКП(б) перед атакой. — Для выполнения боевого задания я не пощажу свой жизни. Меня воодушевляет партия Ленина. Ни шагу назад, только вперед, за Родину!» Пять раз Добрусин под обстрелом переправлялся на правый берег^[222] Волги и, возвращаясь, вынес с поля боя десять раненых бойцов.

В тяжелых боях при форсировании Волги кандидат в члены партии младший сержант лейтенант Дерябин был трижды ранен, но продолжал сражаться. Только после четвертого ранения по категорическому приказу командира полка был отправлен в медсанбат младший лейтенант Дех-нюшкин.

Артиллерист Пиенко в заявлении в партийное бюро писал: «За родную партию, за народ и его счастье я готов сражаться до последней капли крови, до последнего дыхания. Прошу принять меня кандидатом в члены большевистской партии».

Пиенко и его друзья уничтожили вражескую минометную батарею, два пулемета и около ста фашистов.

В годы войны надежное пополнение в большевистские ряды пришло из комсомола. Комсомольцы сражались мужественно, совершили много героических подвигов. Назову только несколько славных имен.

Комсомолец Мальцев в пулеметном расчете выполнял обязанности подносчика патронов. Однажды, подползая с патронами к станковому пулемету, он увидел, что расчет погиб. Враг наседал. Создалось угрожающее положение. Мальцев лег за пулемет, зарядил ленту и обрушил на фашистов свинцовый ливень.

Комсомолец лейтенант Лотов пошел в разведку, проник во вражеский тыл и уничтожил немецкий штаб. Его окружили. Лотов сражался до последнего патрона. Погиб, но не сдался в плен.

Пал смертью храбрых в бою комсомолец Апорин. В кармане гимнастерки у него нашли обгаренный кровью комсомольский билет и вложенное в него заявление: «Идя в бой, я знаю, что буду сражаться за счастье народа, за свободу нашей Родины. Да здравствует Коммунистическая партия! Смерть фашизму! Если погибну, то считайте меня членом ВКП(б)».

Когда об этом стало известно, большая группа комсомольцев подразделения тут же подала заявления с просьбой о приеме в партию.

В 634-м стрелковом полку после одного тяжелого боя комсомольская организация рекомендовала для приема в партию 49 человек, обратившихся с этой просьбой. Несмотря на большие потери, приток в партию увеличивался с каждым месяцем. В декабре в 31-й армии было принято в^[223] ряды ВКП(б) 418, в январе — 709 отличившихся в боях воинов^{93}.

Военный совет армии большое внимание уделял тыловым службам, которые обеспечивали подвоз снарядов, питание, вещевое снабжение, медицинскую помощь. Самоотверженно выполняли свой долг многие механики, трактористы, шоферы. В любую непогоду, часто под обстрелом они доставляли на передовую все необходимое.

Тракторист Дворецкий буксировал на открытую огневую позицию орудие для стрельбы прямой наводкой. Фашисты начали обстрел. Трактор был поврежден, водитель ранен. Под огнем, преодолевая боль, Дворецкий отремонтировал машину и доставил орудие к месту. Трактористу предложили отправиться в госпиталь, но он отказался.

Водитель Хромов из 119-й стрелковой дивизии днем и ночью доставлял боеприпасы на передовую. Кузов его автомашины был изрешечен осколками, но не было случая, чтоб он не довез до места свой ценный груз.

В войсках непрерывно велась политическая работа. Отличившимся воинам вручались поздравительные письма и телеграммы от командования, выпускались «боевые листки», в часы затишья проводились беседы. Нередко ордена и медали вручались прямо в ходе боев.

Большой моральной поддержкой для солдата были письма и подарки из тыла. Рабочие из Сибири писали: «Наш коллектив уже отослал на фронт теплые вещи. Пусть в любую стужу вы, фронтовики, будете согреты и ободрены горячей народной заботой. С железным упорством громите проклятых фашистских псов». Работницы-москвички Клава Голышкова, Валя Москвина, Муся Протасевич, Нина Волкова и другие писали: «Дорогие братья-фронтовики! Мы трудом стремимся помочь фронту.

Крепкую дружбу советских людей никто не порвет. Пусть знает враг — мы сплочены и любим Родину!» Вступление наших частей в Калинин вылилось в незабываемое торжество. На улицы вышли женщины, дети, старики. Они обнимали бойцов и командиров, благодарили их за избавление.^[224]

Борис Полевой

И ВОТ ДОМА {94}

И вот уже несколько дней все кругом гудит и грохочет. Идут упорные бои. На следующий день враг бросился в контратаку. Одна контратака следует за другой. Немцы не жалеют ни снарядов, ни техники, ни живой силы. Только за три дня отражено более двадцати контратак, яростных, я бы сказал, — отчаянных, поддержанных танками, авиацией. И все же дивизии генерала Юшкевича продолжают наступать. Юго-восточнее города они уже перерезали Московское шоссе, железную дорогу у станции Чуприяновка и шоссе-шоссе, ведущую на Тургиново, закрепились тут и таким образом лишили немецкое командование возможности получать подкрепление с юго-востока.

Западнее Калинина, где наступают дивизии генерала Масленникова, нам не так повезло. Перешедшие на правый берег Волги соединения не успели закрепится и были вынуждены отойти с немалыми, говорят, потерями.

Недавно прилетевший к нам корреспондент «Красной звезды» подполковник Леонид Выскоостровский, уже успевший зарекомендовать себя главным стратегом нашего журналистского корпуса, уверяет, что план освобождения города, осуществляемый генералом Коневым, состоит в том, чтобы перерубить основные коммуникации немцев и создать угрозу окружения. Окружение! Не так-то легко его осуществить. Противник судорожно цепляется за город, подтягивает новые и новые силы. По данным воздушной разведки, подтвержденным наземными наблюдениями и показаниями взятых «языков», перед нашим фронтом появились новые номера немецких дивизий и танковых бригад. Сила боев нарастает...

На заре армии генерала Масленникова все же удалось форсировать Волгу и перерезать, кажется, на этот раз прочно, Старицкое шоссе, по которому два месяца назад немецкие моторизованные части подкатились к стенам города. Охваченная таким образом с флангов, или, как теперь говорят, «взятая в клещи», немецкая группировка лишилась возможности получать подкрепления. 16 декабря противнику был нанесен решающий удар. Он начал задыхаться в сжимающихся клещах. В его частях наступило замешательство, если не паника, и, побросав орудия, оставив оказавшиеся без горючего танки и машины, он стал^[225] поспешно покидать город, прикрываясь, правда, сильными арьергардными боями.

Все это мы узнали вчера вечером, а сегодня с утра мы на нашей «эмочке» двинулись к городу, намереваясь попасть в него с юго-востока, по Московскому шоссе. Пересекли Волгу по хорошему, укатанному, аккуратно обвешённому пути в районе селеньица Власьево, куда, бывало, в комсомольские годы ездили мы на лодках в праздники. В березовой роще стояла здесь маленькая красивая церквушка, и служивший в ней священник, известный в нашем городе как «власьевский поп», был издавна знаменит

тем, что перед алтарем брал у алкоголиков, которых водили сюда жены, зарок перед богом и богородицей, и зарок этот будто бы спасал от запоя.

Прекрасная березовая роща оказалась наполовину вырубленной снарядами. Церквушка разрушена. Домик популярного у текстильщиц попа представлял собой пепелище с торчавшей трубой. В леске хозяйничали тылы знакомой нам танковой бригады Ротмистрова: изучали брошенные противником танки, походные мастерские, инвентаризовали пирамиды бочек с бензином, беря на учет все, что могло пригодиться в сложном танковом хозяйстве.

Выехали на шоссе, и оказалось, что по прекрасному его полотну двигаться на скорости нельзя. Его загромождали уже заметенные снегом машинки, машины, машинищи. Всех марок, всех стран Европы: немецкие, чешские, австрийские, французские, даже наши, побывавшие в немецких руках. Выставка трофейной техники. Да, здесь немцы уже не просто отступали, а бежали, боясь полного окружения. У выезда на шоссе девушки-регулирующие, останавливая красным флажком машины, предупреждали:

— Путь минирован, ехать нужно строго по пробитой колее.

Петровича предупреждать было не надо. И хотя мне не терпелось поскорее попасть в родной город, мы двигались будто в похоронной процессии, не покидая протоптанной танками колеи. На наши уговоры Петрович хладнокровно отвечал

: — Тише едешь — дальше будешь... Мне на тот свет путевка еще не выписана.

И как он оказался прав! Нас догнала проворная, этакая костлявая трофейная машина-вездеход, набитая какими-то чересчур веселыми командирами с интендантскими петлицами. Они отчаянно, озорно гудели, требуя пропустить их.^[226] Петрович и ухом не повел. Тогда костлявый вездеход выскочил из колеи и, обогнав нас, покатился дальше. Развеселые его пассажиры корчили нам рожи: дескать, вот как ездить надо! И вдруг раздался грохот. Машина исчезла в буром клубе дыма, а когда дым опал, мы увидели металлические обломки и обрывки, именно обрывки человеческих тел, разбросанные по почерневшему снегу.

— Поспешили! — проворчал Петрович, притормозив у рокового места.

Осмотрели, не требуется ли кому помощь. Помощь, увы, никому уже не была нужна.

Следуем дальше. Навстречу тягачи волокут трофейные пушки. Двумя шеренгами, вытянувшись вдоль обочин, движется колонна пленных: мордатые, крепкие солдаты в опущенных на уши пилотках, в касках с подшлемниками... И вид у них не испуганный и даже не удрученный, а какой-то, я бы сказал, недоуменный. После недавнего происшествия мы уже не торопим Петровича, хотя город рядом и глаз жадно рыщет по горизонту, ища знакомые контуры. Всюду следы тяжелых боев. Снег рябой от черных пятен разрывов. Иные воронки похожи на маленькие кратеры. Снова и снова машины, машины, сожженные и целые, — лучшее подтверждение того, что удалось перерезать пути отхода и отступить оккупантам пришлось уже пешком, прямо по снежной целине. Впрочем, они еще огрызаются: откуда-то издалека, из Затьмачья, со стороны фабрик «Вагжановки» и «Пролетарки», доносятся звуки интенсивной стрельбы.

Наконец мы в городе, и глаз никак не может привыкнуть к его новому облику. Огнем истреблены целые улицы деревянных домиков. Каменные строения стоят без окон, исклеванные снарядами, местами полуразрушенные. За Тьмаку не пускают: там бой, да и не проедешь — мосты взорваны. Не знаю, как там, на фабриках, а город изуродован, искалечен. Сожжено самое красивое его здание — Екатерининский путевой дворец, построенный когда-то Матвеем Казаковым. Главная Миллионная, она же Советская, улица, две центральные площади, которые она пересекает, красивейшая набережная архитектуры все того же Казакова — все разрушено, сожжено. Дома смотрят пустыми глазницами выгоревших окон. На площади перед дворцом и на другой, где у пустого пьедестала памятника В. И. Ленину валяется огромная черная свастика, — немецкие кладбища: шеренги одинаковых аккуратных крестов, выстроенных как солдаты на параде.^[227]

Петрович вылезает, чтобы сфотографировать это кладбище, и тут же бежит к нам своим развалистым, медвежьим бегом.

— Глядите! Не могилы, а коммунальные квартиры! И в самом деле, взрыв снаряда раскрыл одну из могил, и там видно не две, а целых восемь ног. Стало быть, в одну могилу, под один крест с одной надписью, клали по несколько человек.

Рядом, на площади перед сожженным дворцом, красное кирпичное здание школы, где я когда-то учился. Судя по обвисшему над дверью белому флагу с красным крестом, тут был госпиталь. Отворяю тяжелую парадную дверь, ручку которой отполировали поколения школьников. В лицо ударяет отвратительный запах тления. Справа и слева просторные раздевалки. Там, где стояли вешалки, штабелями, как дрова, лежат замерзшие трупы, раздетые до белья, и на ступнях, будто вырезанных из кости, чернильным карандашом выведены номера. В раздевалке направо последний номер 261-й, в раздевалке налево — 112-й. Этих не успели похоронить даже в «коммунальных квартирах». Евневич ворчит:

— Можно ли терять время на сентиментальные воспоминания о детстве!

А меня ноги сами несут по маршам широкой лестницы на второй этаж, где был когда-то класс «Б», в составе которого я и прошел через детство. Запах тления сменился острыми ароматами антисептики. Осторожно отворяю дверь класса. Полутьма. Окна забраны картоном. С потолка спускаются к трем столам зеркальные хирургические лампы. Все кругом забрызгано кровью. В углу эмалированное ведро, из которого торчит ампутированная рука. А на стене портрет Тимирязева — как висел когда-то, так и висит.

За рекой Тьмакой редко грохочет артиллерия. Шальной разрыв нет-нет да и встряхнет массивное здание, но что поделаешь, в голову лезет всякая чепуха: вон в том углу я потихоньку ронял слезы, провалившись на школьном спектакле, а вот там, где эмалированное ведро с торчащей из него рукой, я, будучи дежурным, поймал ужа, запущенного к нам каким-то злодеем из класса «А» на уроке математики.

И вдруг по коридору гулко звучат шаги. Рука невольно тянется к пистолету. Черт его знает, кто может появиться здесь сейчас, в городе, на западной окраине которого еще идет бой! Шаги приближаются. Теперь уже можно разглядеть,^[228] что идет лейтенант, молодой паренек лет двадцати — двадцати двух. Заметив нас, он настороженно

останавливается, потом представляется.

— Вы что здесь делаете?

На молодом его лице явное смущение.

— Я, товарищ батальонный комиссар, здесь учился, это моя школа... Вот не утерпел, зашел...

— В каком году окончили?

— В тридцать восьмом.

Я кончил эту школу на двенадцать лет раньше. И все-таки однокашники. Уже вместе осматриваем классы. В физическом кабинете, под его овальным амфитеатром, находим два трупа — женщины в белых халатах. Халаты в крови. Неужели их пристрелили при отступлении?

Евневич продолжает ворчать: нашли время предаваться воспоминаниям, ведь мы тут ничего путного еще не собрали, — но та же сила влечет меня на бульвар, в дом, где моя семья жила до эвакуации. Он цел, этот большой дом, хотя разрыв снаряда отвалил от него целый угол. И в доме этом жили: из окон торчат черные железные трубы.

Осторожно оглядываемся — во дворе никого. Жили, по-видимому, оккупанты, ибо на стрелках надписи только на немецком языке. В подъезде шибает в нос аммиачный запах мочи. Желтый лед покрывает ступеньки, но в нем аккуратно прорублена дорожка. Вот наш этаж, наша квартира. Дверь распахнута. Отсюда два месяца назад под бомбежкой уходила жена, унося сынишку. Все оставили, что же тут сохранилось? Ничего. Квартира пуста. В комнатах только койки по стенам, как в больнице. Ага, все-таки сохранился платяной шкаф, на стенке которого я когда-то на радостях в день рождения сына выскреб надпись: «1 мая 1941 года. Ноль-ноль часов 30 минут. Мальчик, 56 сантиметров, пять килограммов. Громко орет. Ура!» Вот она, эта надпись. Как-то очень остро вспоминается сын, маленький, толстый человечек с задорным вихорком на макушке круглой головы. Вспоминается жена, милая деятельная женщина, которая дала мне когда-то проборку за то, что я изуродовал сей надписью славянский шкаф...

— Нет, вы поглядите, чем они шкаф этот набили, — говорит Евневич, отрывая меня от воспоминаний.

На полках шкафа аккуратно упакованные посылки с тщательно выведенными на них немецкими адресами. Петрович тесаком распарывает материю. На пол сыплются салфетки, простыни, женские платья, детские штанишки,^[229] ботиночки — все новенькое. Должно быть, «организовано» в каком-то магазине. И кукла — русская кукла «сплетница», каких у нас сажают на чайники. Посылки вскрываются одна за другой — теперь здесь вещи, украденные из каких-то квартир. Петрович начинает яростно пинать наши находки, разбрасывая их по полу. Перед уходом делаем еще одно маленькое открытие, рисующее быт оккупантов в непокоренном городе. Отопление, естественно, не работало, воду жители носили с реки. Бегать за надобностью во двор по скользким, покрытым заледеневшей мочой ступеням было лень. Так вот нашли выход: ходили в ванную, предоставляя морозу схватывать их отходы. За два месяца образовался огромный сталагмит, на котором для удобства с величайшей аккуратностью вырублены ступеньки, а вверху вморожены две дощечки, чтобы на них вставать ногами.

Я, вероятно, никогда не решусь рассказать жене, во что было превращено жилье, которым она

очень гордилась.

Прочь отсюда! Тут все еще дышит чужим запахом.

Я знаю адрес двух пожилых людей, оставленных в городе для подпольной работы. Интеллигентная супружеская пара — инженер на пенсии и учительница. Беспартийные люди, они сами вызвались остаться в роли связных. И храбро работали. Не знаю только, дожили ли они до этого дня.

Их обоих мы находим перед домиком на одной из тихих улочек. Они стоят на крыльце, смотрят на проходящих солдат и, кажется, не могут насладиться этим зрелищем. Они еще не освоились со своей радостью, и, может быть, им даже не верится, что вернулась родная власть. Бойцам некогда, бойцы спешат туда, в Затмачье, в район текстильных фабрик, где еще идет бой, и потому почтенные эти люди тратят весь заряд своей радости на нас. Улыбаются, плачут, уговаривают друг друга:

— Ну зачем?.. Все прошло, вот видишь — свои...

Понемногу успокаиваются, зовут к себе. Маленький домик в старой части города. Три комнатки, кухонька. Мягкая дореволюционная мебель в полосатых чехлах. С потолка в столовой свешивается лампа с висюльками из стекляруса. Фарфоровые безделушки в горке и на комод. Фотографии хозяина и хозяйки в овальных рамах — симпатичные молодые люди начала века... Пустые горшки из-под цветов. Цветы померзли: нечем было топить. Хозяева (разведчики называли их между собой «Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович») просто тают от радушия.^[230]

— Вот только нечем вас, дорогие, угостить, ничего, ну ничего нет, кроме мороженой картошки.

Петрович, который успел уже вкатить машину во двор, многозначительно произносит: «Эйн момент!» — и исчезает. В немецких блиндажах он, как мы уже знаем, захватил не только технические трофеи, а создал и некоторый продуктовый запасец, который, впрочем, держит в багажнике. Он возвращается с сумкой из-под немецкого противогаза и с охалкой дощечек — остатки какого-то порубленного забора. И пока он орудует на кухне, хозяева рассказывают, как им жилось. Они успокоились, и рассказ течет довольно вятно, причем они как бы дополняют друг друга.

Трудно, очень трудно прожил город эти два месяца. По существу, он был пустым. Все, кто мог и кому удалось уйти, ушли, а для тех, кто остался, эти два месяца были сплошным кошмаром — ни света, ни топлива, ни воды. Поначалу немцы вели себя тихо: говорят, они даже берегли город, думая оставить его на зиму как штаб-квартиру на пути к Москве. Заигрывали с населением, приглашали его к сотрудничеству, пытались наладить работу коммунальных учреждений. Обещали заработок, пайки, награды. Ничего из этого не вышло. Мало кто польстился на их посулы; пухли с голоду, замерзали, а на работу к оккупантам не шли. Чтобы согреться, разбирали заборы, сараи, а в центре жгли мебель. За водой ходили на Волгу, питались главным образом замерзшими овощами, копали их в брошенных огородах, да зерном, которое сперва оккупанты позволяли брать с разрушенных элеваторов.

В городе с первого же дня начала действовать подпольная организация. Они, наши собеседники, мало что знают о ней. Их дело было представлять собою как бы почтовый ящик, им запрещалось непосредственное общение с подпольщиками. О подпольщиках они судят только по их делам. В районе «Вагжановки» сгорели большие интендантские склады. Три дня горели, много погибло немецкого добра... Поджигались мастерские, где немцы ремонтировали подбитую технику... В офицерское казино, что помещалось в клубе «Текстильщик», бросили

бомбу. Ну и двух полицаев как-то повесили ночью в городском саду. Много об этом было разговоров. Впоследствии комендант приказал расстрелять двадцать пять заложников.

— Ну а предатели?

— Были, что греха таить, — вздыхает наш хозяин. — Нашлись. В семье не без урода. Вот бургомистр Ясинский —[231] страшный негодяй. Он, правда, не наш, не калининский. Его немцы откуда-то с собой притащили. Он и по-русски-то говорил с акцентом... Этот организовывал грабеж квартир... Женщин к нему полицаи водили. Понуждал к сожительству, а тех, кто на домогательства его не соглашался, грозил выдать немцам как комсомолок... Мерзавец... Садист...

— Неужели ж его не поймают, этого прохвоста? — восклицает хозяйка.

— Погоди, погоди, дай рассказать по порядку. А полицмейстером, представьте себе, был наш. Бибиков по фамилии. Может, знали, с бородкой такой, вывески расписывал, но называл себя художником. И приказы по городу подписывал: «Ротмистр Бибиков»...

— Представьте себе, какой негодяй! — частит старушка. — Оказывается, все годы хранил в сундуке уланскую форму, царские ордена. Пришли немцы — надел все это, ордена прицепил и явился в комендатуру: так, мол, и так, настал счастливейший день в моей жизни, ротмистр Бибиков рад предоставить себя в распоряжение великой германской армии...

— Ну откуда ты знаешь? — недовольно произносит старик, не склонный к живописным подробностям.

— Люди, люди говорили.

— Подожди, дорогая, теперь по делу... Так вот, заместитель у него был тип, тоже именованный себя художником, — Сверчков. Николай Сверчков. Этот подписывался: «Корнет Сверчков»... Раньше сидел за совращение малолетних, может быть, помните, о нем еще в «Пролетарской правде» фельетон был... Вот эта мразь и именовалась у немцев «представителями свободных профессий», — говорит старик и вдруг взрывается: — Негодяи...

— Еще один был, музейный деятель, — ; тихим голосом продолжает старушка. — Тоже из бывших. Он у них что-то по культуре пытался делать... Да вы, конечно, помните его. Корректором у вас в «Пролетарской правде» работал. Длинный такой, тоже с бородкой. Чудной. Бывало, идет по улице, мамашу-старушку под руку ведет. А она у него маленькая, щупленькая. Склонится к ней в три погибели. На все церкви крестится — и на те, которые действуют, и на те, которые давно стали музеями, библиотеками, архивами... Да помните, конечно, помните вы его. Его за блаженного считали.

Действительно, вспоминаю странную фигуру человека[232] неопределенных лет. Почему-то сразу возникли в памяти его худые, тонкие пальцы, украшенные какими-то древними перстнями.

— Как? Неужели этот чудак?

— Он был безвредный, — спешит заявить наш собеседник. — Он даже, говорят, защищал перед комендантом интеллигентов, попавших в беду. А потом отказывался упаковывать музейные ценности и картины из галереи, которые гитлеровцы хотели вывозить... Его будто бы даже расстрелять хотели, но он спрятался в какой-то церкви.

Больше всего меня поразило в этом рассказе упоминание о режиссере Калининского театра

Сергее Виноградове. Я хорошо его знал. Он частенько писал в «Пролетарской правде» на театральные темы. Статьи его были сверхортодоксальны, густо насыщены цитатами из речей, постановлений и газетных передовых. В спорах об искусстве он был беспощаден к коллегам. Готов был видеть крамолу в любой ошибке, там, где ею и не пахло, и, что греха таить, в областных организациях пользовался успехом...

— Мне тяжело об этом рассказывать, и я не хочу быть голословным, — говорит наш хозяин.

Он идет к посудному шкафчику, достает оттуда подшивку газетенки «Тверской вестник», издававшейся гитлеровцами. В ней статьи этого самого Виноградова с цитатами из речей доктора Геббельса. Черт знает что! Перед глазами стоит фигура этого человека — сухое, аскетическое лицо, непримиримые глаза. Звучит в ушах менторский, скрипучий голос. Театр, наш славный старый Калининский драматический театр, все его актеры, которых этот тип всегда поучал, покинули город в самые последние минуты эвакуации, бросив в своих квартирах все реликвии, которые так дороги сердцу работников искусств, а этот «ортодокс» остался у врага. И судя по рассказу, верно служил ему, организуя разные фривольные постановочки для развлечения господ офицеров.

— Не понимаю, как это случилось...

— Тут говорили, будто у него была богатая театральная библиотека. И он будто бы остался ее охранять, — тихо произносит наша собеседница, которая по мягкости души готова искать хоть какое-нибудь оправдание и для этого гада. — Остался — ну и пришлось идти в комендатуру регистрироваться. А там, как говорится, коготок увяз — всей птичке пропасть.

Версия с библиотекой сразу напоминает мне профессора^[233] Успенского. Он ведь бросил действительно уникальную библиотеку. По ассоциации вспоминается разговор со знаменитым хирургом о Лидии Тихомировой. Разведчики, проходившие через фронт, не раз говорили, что она работает в немецком госпитале.

— Да не в немецком, не в немецком! — в один голос кричат супруги. — Наш, русский гражданский госпиталь... Просто его не успели вывезти, она с ранеными и осталась. Не знаем, как уж она их лечила и сохраняла. Говорят, женщины с «Пролетарки» ей помогали... Тихомирова святая женщина!

— Однако святая женщина водила же дела с комендантом?

— Ну и что, ну и что?.. А что ей оставалось делать? На руках десятки раненых и больных, кормить и лечить надо. Лекарства на улице не найдешь, — запальчиво застывает наша собеседница.

А я вспоминаю эту самую Лидию Петровну, Лиду, сероглазую девушку с симпатичным строгим лицом, жену друга моей юности Сергея Никифорова, рабочего с Первомайского завода, ставшего секретарем горкома и давшего мне когда-то рекомендацию в комсомол. Его сейчас нет. В 1937 году он был арестован, где он сейчас, я не знаю. Но сердцем чувствую: не может он, слесарек с Первомайки, ставший крупным партийным работником, быть врагом своего народа. Оговор, ложный донос, судебная ошибка — мало ли? А Лидия Петровна? Со временем все, конечно, выяснится, но нелегко ей придется...

Пока Петрович вместе с хозяйкой накрывают на стол и все мы, наголодавшись за день, вдыхаем ароматы, доносящиеся из кухни, вспоминаю первое задание, которое дал мне Лазарев в день, когда я выезжал на фронт. Танк! Который будто бы ворвался в город с запада, с боем прошел по улицам и площадям и вышел к своим за Московской заставой. Наводил уже справки в штабе фронта, расспрашивал у ротмистровцев — никаких следов. Так, догадки,

предположения, основанные на смутных слухах. Да и был ли этот танк или это один из героических мифов, каких немало распространялось в тяжелые дни войны? Супруги уверяют: был. Они его не видели, но, по рассказам многих, он действительно появился со стороны «Пролетарки», прошел через весь город, обстрелял комендатуру, помещавшуюся в городской сберегательной кассе, и не то был сожжен, не то действительно пробился к своим. Во всяком случае, переполох^[234] у оккупантов он вызвал страшный. Говорили о нем потом несколько дней.

— Был, определенно был, — уверяют супруги.

Убеждаюсь — тема действительно интереснейшая. За обедом торопливо глотаю суп из каких-то трофейных концентратов, ем сардины, жую голландский шоколад. Скорей бы по следам танка.

Хозяева едят не торопясь. Но разве не видно, как они голодны и какое впечатление производит на них, живших два месяца на мерзлых овощах, деликатнейшая трофейная пища запасливого Петровича? В конце трапезы хозяйка торжественно поит нас чаем, настоящим чаем, пачечку которого супруги сохраняли «до лучших времен». Теперь эти лучшие времена наступили, и они делятся с нами своим сокровищем.

Н. А. Летунов, подполковник медслужбы, бывший начальник медицинской службы 31-й армии

В ОБЩЕЙ ЦЕПИ {95}

К 5 декабря наши войска сосредоточились на исходных рубежах для наступления. Медицинские пункты батальонов и полков и медико-санитарные батальоны дивизий расположились вблизи переднего края в состоянии полной готовности для приема раненых и оказания им квалифицированной помощи. Боевой наступательный дух наших войск передался и личному составу армейских медицинских учреждений. Все понимали, что наступают решающие дни по разгрому врага на Калининском фронте.

Госпитальная база армии разместилась в Бежецке и в других городах и селах неподалеку от Калинина. Передовые полевые госпитали находились в населенных пунктах Куша-лино, Бедное, Рамешки по дороге Калинин — Бежецк. В механических мастерских Бежецка, Москвы для перевозки раненых специально переоборудовали городские автобусы. Для эвакуации раненых частично использовалась и железная дорога от Лихославля. Железнодорожники станции Лихославль успели быстро и хорошо переоборудовать для этих целей вагоны.^[235]

Население городов и сел, где располагались госпитали, оказывало большую помощь военным медработникам. Так, в период интенсивного поступления раненых комсомольская организация Рамешек прислала в распоряжение медицинского отдела пятнадцать комсомолок, которые немедленно были направлены для работы в госпитали. Персонал госпиталей в свою очередь оказывал медицинскую помощь населению, а в тех случаях, когда среди населения появлялись раненые, принимал их на госпитальное лечение. Кроме того, армия обеспечивала народных мстителей, действовавших за линией фронта, лекарственными и перевязочными средствами. Военные летчики на самолетах эвакуировали раненых партизан в полевые армейские госпитали.

Настал час, когда наши войска должны были перейти в наступление. Медицинский

отдел армии расположился в домах на восточной окраине деревни Савватьево. Работники отдела понимали, что для них начинается государственный экзамен. И должны держать они этот экзамен на зрелость не перед учеными советами институтов и академий, а перед офицерами и солдатами, народом, перед своей Коммунистической партией.

Розыск раненых, оказание им первой медицинской помощи и эвакуация в тыл обеспечивались своевременно. Хирургическая помощь оказывалась в перевязочных, операционных, развернутых в землянках и уцелевших зданиях. Полевые операционные были оборудованы, как в нормальных клиниках и больницах. Все делалось, чтобы раненые чувствовали заботу и внимание, быстрее выздоравливали и возвращались в строй. Нередко случалось, что раненые, получив квалифицированную врачебную помощь и не дожидаясь полного выздоровления, уходили из госпиталей на фронт — продолжали гнать фашистов.

Коварство отступавшего врага не знало предела. Попирая человеческие законы и международные конвенции, фашистские захватчики нападали на лечебные учреждения и санитарный транспорт. Так, полевой госпиталь, расположенный в Кушалине, был подвергнут варварской бомбардировке в момент разгрузки санитарных машин.

На других идеях, идеях гуманизма и великодушия, воспитывалась наша армия. Раненые вражеские солдаты и офицеры, попавшие в плен, также получали в наших госпиталях специальную медицинскую помощь. Об этом свидетельствуют сами пленные. Раненые Ганс Шпиллер и Отто Декарт, лечившиеся в наших госпиталях, заявили: «Попав в^[236] плен, мы не считали себя побежденными, но, получив медицинскую помощь от советских врачей и внимание от обслуживающего персонала, мы убедились в злом намерении нашего командования поработить Россию, убедились в глубоком гуманизме советских врачей, и теперь мы считаем себя побежденными».

Медицинский персонал всех подразделений 31-й армии трудился без усталости. Перевязочные операционные работали круглосуточно, хирурги, операционные сестры не отходили от перевязочных и операционных столов, забывая об отдыхе и приеме пищи. Раненые и больные, наблюдая исключительно самоотверженную работу персонала, в меру своих сил стремились помочь врачам и медсестрам.

Во всех госпиталях установился четкий распорядок в работе, без суеты и криков. Запах гноя и йодоформа в перевязочных, характерный для периода войны 1914–1917 годов, исчез бесповоротно. Асептика и антисептика, доведенные до совершенства, нередко давали заживление ран первичным натяжением.

Наступил день освобождения Калинина. Мы спешили в город вслед за воинскими частями — нужны были помещения для размещения госпиталей. На улицах перевернутые, разбитые трамваи. Зияющие оконные и дверные проемы печные трубы сгоревших зданий.

Улицы запружены хваленной гитлеровской военной техникой, заставлявшей забыть сожженные здания с зияющими глазницами. Техника всюду. По дорогам от Калинина на Старицу меньше пушек, танков, вездеходов, зато больше «мерседесов», «оппелей» и штабных автобусов.

Здания лечебных учреждений, школ, институтов, техникумов, большинство жилых

домов города были не пригодны для размещения полевых лечебных учреждений, а развертывать госпитали было просто необходимо: наши войска гнали врага на запад, раненые продолжали поступать, да и местное население нуждалось в медицинской помощи.

Городские партийные и советские органы выделили нам для размещения госпиталей несколько уцелевших зданий. Госпитальная база армии теперь развернулась в Калинин, а передовые госпитали передислоцировались в деревню Пушкино. Раненых теперь эвакуировали по железной дороге на Москву в хорошо оборудованных пассажирских военно-санитарных поездах. Медицинская служба готовилась восстанавливать санатории под Старицей и размещать госпитали в Старице.[237]

...А жизнь в Калинин продолжала развиваться своим чередом, повсюду кипели восстановительные работы. Войска уходили на запад.

Давным-давно отгремели бои, давным-давно страна залечила раны, нанесенные войной, но народ никогда не забудет самопожертвования и героизма своих сынов и дочерей. Поколения будут вечно помнить и скромный труд медицинских работников во имя освобождения Родины и разгрома врага. Благодаря самоотверженным усилиям тысяч советских патриотов до 85 процентов раненых и больных восстанавливали свое здоровье, возвращались в строй и вновь громили ненавистного врага.

ГОВОРЯТ ВЕТЕРАНЫ

В одинаковой степени должны быть важны как воспоминания видных военачальников, так и скромные свидетельства рядовых участников войны.

Василь Быков

П. Ф. Кокпгаров, бывший офицер штаба 924-го полка 252-й стрелковой дивизии:

Вспоминаю людей, с которыми пришлось воевать. Отличные, крепкой закалки были люди. Близко знал комиссара 932-го полка Александра Ивановича Антропова. Рабочий с Урала, с 1929 года в армии, он прошел путь от курсанта до полковника. В составе нашей дивизии, будучи комиссаром полка, участвовал в битве под Москвой, в боях за освобождение города Калинина.

И он, и комиссар дивизии Ростовцев, и начальник политотдела Васягин были коммунистами, что называется, до мозга костей. Им верили, за ними шли. Они всегда были на самых ответственных участках переднего края, среди бойцов. Комиссар Антропов, общительный по натуре, умел шуткой, а то и острым словом поддержать настроение бойца. Умел и ободрить, ц выслушать, и помочь. Перед ним невозможно было ни солгать, ни словчить, ни показаться трусом. Даже слабые люди рядом с ним становились сильнее.

Позже, в дни тяжелых боев под Сталинградом, вместе с комиссаром мы давали клятву не сдать волжскую твердыню, [238] драться по последней капли крови, и эту клятву сдержали. Антропов там уже командовал полком. В районе Пяти курганов в тяжелом,

кровавопролитном бою был ранен. Потом работал в Генеральном штабе.

...Вспоминаю войну. Многих помню. Комиссар Антропов для меня — эталон коммуниста.

П. Ф. Седелкин, бывший командир батареи 787-го артиллерийского полка:

Очень трудно писать о боях на Калининском фронте, участником которых я был. Мы тогда отступали, порой в условиях полного или частичного окружения. И теряли людей...

Командиром 2-й батареи был мой добрый товарищ — старший лейтенант Гузеев. Вступая в поединок с вражескими танками и пехотой, батареи не раз выходили победителями. Нужно ли говорить, что личный состав батареи с каждым боем редел. Сам Гузеев всегда был рядом со своими бойцами, умело руководил боем.

Однажды, в окружении, командир батареи вызвался идти в разведку с группой красноармейцев. И хотя смельчаки не вернулись назад, перестрелка между ними и немцами, которую мы слышали, позволила командованию выбрать наиболее удачный участок для прорыва. Мы тогда вырвались из окружения. Женя Гузеев и его товарищи, видимо, погибли.

Уже потом, под Сталинградом, получил я письмо от матери Жени из Ярославля. Русская женщина, убитая горем, называла меня сыном и приглашала после войны приехать на Волгу. Она желала мне, другу ее сына, вернуться из пекла живым. Кто знает, может быть, я остался живым и потому, что на свете были такие замечательные люди, как мама Жени, как сам Женя...

Никогда не забуду командира 3-го дивизиона Василия Михайловича Бусыгина. Я у него учился искусству побеждать. В калининских лесах, в оборонительных боях у Чертолина, Мончалова, Дворкова, Тархова его 76-миллиметровые пушки хорошо делали свое дело.

Бусыгин был мужественным человеком. Поступком, личным примером, словом мог вселить уверенность, предотвратить панику. На Калининском фронте мы называли это «бусыгинской школой».

Погиб Бусыгин уже на подступах к Харькову. Для меня это была невосполнимая утрата. Я потерял наставника.

...И еще одно имя.[239]

Мы сдерживали натиск противника у реки Двинка. Немцы загнали на плоты стариков, женщин и детей и, прячась за их спинами, попытались форсировать реку.

Командир нашего дивизиона капитан Геннадий Петрович Белов принял решение: огонь вести только по скоплению вражеских солдат на противоположном берегу реки. Ни один снаряд не был выпущен по плотам.

— Разве могли мы стрелять по своим матерям и детям, — волнуясь, говорил он после

боя.

Позднее майор Белов воевал заместителем командира полка. Погиб в 1942 году при выходе дивизии из окружения.

Я рассказал только о трех павших товарищах. А скольких мы тогда потеряли... Память о них священна.

А. Н. Лисицкая, бывшая командир эваковзвода 270-го медсанбата:

Впервые я встретила с нею в дни формирования нашей дивизии в Серпухове. Навстречу мне шагнула девушка с красивыми, добрыми, немного грустными глазами. Она улыбнулась. Меня покорила приветливая и доброжелательная улыбка, которая и украшала ее, и располагала к себе.

Звали девушку Клавой Степановой. Родилась она в 1921 году. Жила в Москве, работала фельдшером, мечтала поступить в медицинский институт и быть детским врачом.

— А ты? — спросила она меня.

— Если война закончится быстро, — ответила я, — будем поступать вместе.

Но война была долгая... Клаву назначили в терапевтический взвод медсанбата, а меня оставили при штабе дивизии. Вскоре наша дивизия вступила в бой. Раненые пошли потоком. Я понимала: медики прежде всего нужны там, где идет бой. И обратилась к генералу Забалуеву с просьбой отправить меня на передовую.

И вот я в 928-м стрелковом полку, во 2-м санитарном взводе. Вместе с фельдшером Людой Сисюниной эвакуируем раненых.

Бои шли жестокие. Раненых много. Мы работаем, что называется, без сна, без отдыха. А вскоре в дивизионной газете «Боевая красноармейская» я не без чувства гордости прочитала заметку, в которой говорилось: «...фельдшерицы Лисицкая и Сисюнина, находящиеся на передовых позициях, спасли жизни десяткам раненых бойцов и командиров». Нас наградили медалями «За боевые заслуги». А на следующий день после вручения награды Люда погибла...[240] Тогда к нам и прислали Клаву Степанову.

Под огнем солдата укрывает земля. Фельдшер под самым жестоким огнем должен думать только о других.

Так мы и работали с Клавой — и только чудом остались живы.

Затем всех женщин отозвали с передовой в медсанбат. Меня назначили командиром эваковзвода, Клаву — фельдшером.

Сотни раненых. Своего транспорта нет. Стоим с Клавой на дороге, останавливаем попутные машины. Клава едет в госпиталь и, сдав раненых, возвращается. Не успеешь эвакуировать — погибнут люди. Тут не до отдыха, не до сна. И так дни и ночи.

Я думаю: откуда у девушек бралась такая самоотверженность, такая сила? Помню,

медсанбат перебазировался, а мы с Клавой остались с ранеными. Слышим нарастающий гул немецких самолетов. В какие-то минуты Клава перенесла раненых из машины в укрытие. Самолеты прошли прямо над нами на бреющем полете, машину изрешетили, но все наши раненые остались живы.

Когда дивизия попала в окружение, нам удалось выйти, а Клава ждала ребенка и вынуждена была остаться в одной из деревень. После рождения ребенка Клаву связали с калининскими партизанами. Вместе с малышом она пришла в отряд, где очень нужен был врач.

Она не только лечила партизан. С ребенком на руках, не вызывая подозрений, разносила по деревням листовки. Собирала сведения о немецких гарнизонах, была связной. Когда потребовалось доставить в отряд взрывчатку, она завернула желтые брикеты в пленки и так и несла на виду у всех вместе с ребенком. Таким же способом доставляла в отряд медикаменты.

В отряде «доктора Клаву» уважали и любили. Простая, скромная моя подруга в тяжкую для Отечества пору героически выполняла свой патриотический долг...

Осталась у Клавы от того времени медаль «Партизану Отечественной войны».

После войны она возвратилась в Москву, работала заведующей детскими яслями. Была полна сил и энергии. Состояла в совете ветеранов дивизии, разыскивала однополчан. Ее доброта, человечность не имели границ, к ней тянулись все и с горем, и с радостью. Жить бы да жить...

Потом тяжелая болезнь — и Клавдии Васильевны Степановой не стало.[241]

А. 3. Керцман, начальник боепитания 932-го полка 252-й стрелковой дивизии:

После освобождения Калинина и Старицы наша дивизия воевала подо Ржевом и Сычевкой. Ситуации были трагические. В одну из июльских ночей 1942 года нас подняли по тревоге и объявили приказ — выходить из окружения. Мне предстояло вывозить оставшееся в полковом артиллерийском складе имущество.

Наступил рассвет, машин не было, а к деревне уже подходила колонна немцев. Снарядов, гранат в полках остро не хватало, но другого выхода не было — рвать.

Склад был уже заминирован. Оставалось поджечь бикфордов шнур. Я это сделал...

Мы уходили оврагами, догоняя своих, а позади, отдаваясь болью, грохотали взрывы.

...Никогда не забыть эту дорогу. Немцы нас видели и били непрерывно из дальноточных орудий. По обочинам валялись опрокинутые машины, убитые лошади...

Офицеры и сержанты, выходившие вместе с нами из окружения, как правило, не отвинчивали от гимнастерок и шинелей знаки отличия — «шпалы», «кубари», «треугольники». Запомнился младший лейтенант с орденом Красной Звезды. На закаменевшем лице были вызов и непреклонность.

Помнится, в последний день мы отсиживались в лесу. Немцы были близко. Костров не разводили. Комиссар полка Антропов сказал: впереди враг и позади враг. Остается только прорыв...

Во второй половине дня началась стрельба поверх наших голов. Как узнал я впоследствии, стреляли наши автоматчики, чтобы поднять нас в атаку. И вот лавина в несколько тысяч человек тронулась с места с криком: «Ура! За Родину! За Сталина!» — и пошла на прорыв.

Это было как во сне. Помню деревню. На окраине стояла немецкая зенитка. Мы ее опрокинули. Ворвались в немецкие окопы...

Надо ли говорить, что не всем было суждено встретиться со своими...

Но это было...

И. Г. Гребцов, бывший литсотрудник дивизионной газеты «Боевая красноармейская»:

В боях под Калинином многим нашим солдатам и офицерам спас жизнь санинструктор Пушкин. Несколько лет^[242] назад в газете «Московская правда» были напечатаны мои заметки о воинах 252-й стрелковой дивизии. Публикация попала на глаза Пушкину. Он, естественно, обрадовался: родная дивизия! Прислал письмо в редакцию. Созвонились, условились о встрече.

Живет Василий Андреевич возле метро «Сокол» на Ленинградском проспекте. Поднимаюсь на четвертый этаж. Дверь открывает уже основательно поседевший, выше среднего роста человек, с неожиданно тихим голосом, с ясными глазами, чуть застенчивой улыбкой. На пиджаке ордена Ленина, Отечественной войны первой и второй степени, Красной Звезды.

Для меня встреча даже и с незнакомым доселе однополчанином — большая радость. Общность того боевого дела, что вершилось нами почти полвека тому назад, — нерасторжима. Фронтовые дороги сделали нас побратимами. И сердце бьется учащенно, и рождаются воспоминания, и молодеет душа.

И вот я слушаю его рассказ.

Родился Василий Андреевич в 1912 году в Бежецком районе Калининской области. Там учился, потом работал. В тридцать четвертом году призвали в армию, служил на Дальнем Востоке, приобрел специальность санинструктора. После увольнения жил в Москве, работал на «Трехгорке» ткацким мастером.

В дивизии с первого дня.

Прошу рассказать о боях за Калинин.

— Бои носили крайне ожесточенный характер, — вспоминает Василий Андреевич. — Особенно врезался в память первый день нашего наступления. Пехота спустилась на волжский лед и пошла на штурм береговых укреплений. Вот туда — в самое пекло боя — и поползли санинструкторы моего отделения. Под огнем мы перевязывали раненых,

вытаскивали их в безопасную зону. Вокруг все рвалось. Свистели пули и осколки. В одном месте нас прижал ко льду огонь пулемета из дома на том берегу. Обстановка создавалась критическая. Раненых много, они могут замерзнуть — декабрь стоял суровый. Командир медсанроты Фекелян связался по телефону с комиссаром полка Антроповым и попросил уничтожить огневую точку. Вскоре дом окутался дымом и пулемет замолчал.

Пушкин задумался о чем-то, видимо, вспоминая.

— А знаете, мне долго везло. Да, да — везло! Кое-кто из моих друзей даже говаривал: этот везучий Пушкин. В конце^[243] концов досталось и мне: получил в боях два легких ранения, контузию. Отлежался в своей медсанроты и — снова в дело...

Василий Андреевич знакомит меня с письмами Ивана Ивановича Гири — своего командира. Живет он в Свердловске. После увольнения в запас работал в горздравотделе, затем более четверти века — главным врачом стоматологической поликлиники.

В одном из писем Иван Иванович вспоминает такой случай: «Шел бой за Калинин. Медсанрота полка расположилась в изрядно потрепанном войной здании школы. Окна были выбиты, — мы их, как могли, заделали. Протопили печь. И вот что запомнилось... Санинструкторы доставляли раненых. Я оказывал им первую медицинскую помощь, готовил к эвакуации в тыл. Многие лежали на полу. Приближалась ночь. И вдруг один из раненых рванулся с пола: «За Родину — вперед!» Он и в забытьи продолжал громить ненавистного врага. С трудом успокоил я его тогда, а вскоре и эвакуировал в тыл. Да, мужественные были люди, патриоты...

Василий Андреевич много рассказывал мне об однополчанах. С болью вспоминал о тех, кто не вернулся из боя. Среди них фельдшер Иван Переверзев, врач полка Владимир Кан, фельдшер Иван Потапенко, санинструктор Тимофеев... Все они пали в боях за Калинин и Старицу. Скольких спасли от смерти! А вот сами не убереглись. ..

— Вспоминается еще один человек, — продолжал Пушкин. — В нашей медсанроты был санинструктор Лермонтов. Храбрый и находчивый врач Кан порою шутил, увидев нас вместе: «Вот они — наши классики». О дальнейшей судьбе этого мужественного человека, носившего знаменитую фамилию, ни я, ни мои товарищи, к сожалению, ничего не знаем. Не знаю я ничего и о судьбе врача Шота Гваселия. Помню, в свободное время он частенько брал в руки гитару и пел «Где же ты, моя Сулико?» А вот с Клавдией Ананьевной Левшиной, в то время фельдшером полка, переписываюсь. Нелегкая ноша легла тогда на плечи не только мужчин, но и женщин. И Клавдия Ананьевна с честью несла эту ношу...

Тогда же, в 41-м, Пушкин был награжден орденом Ленина. Редкая для того времени награда.

— А в партию я вступил позже, в 42-м, — рассказывал Василий Андреевич. — И раньше думал об этом, но вот^[244] такой случай. Несу на себе раненого офицера, — обе ноги перебиты, боль страшная — я знаю, но терпит, ни разу не застонал. Вдруг спрашивает: «Ты член партии?» — «Нет», — отвечаю. «Подай заявление, вернусь из госпиталя, дам рекомендацию».

Больше я его не встречал, а рекомендовали меня мои боевые товарищи. Сказал на собрании несколько добрых слов комиссар полка Александр Иванович Антропов. Кстати, Клавдия Ананьевна Левшина — его жена. Живут в Москве. Партийный билет мне вручал начальник политотдела дивизии Семен Петрович Васягин, ныне генерал армии, тоже живет в Москве. Поистине, мир тесен! Многие эти годы я так и не знал, что рядом со мной живут мои дорогие однополчане, с кем довелось в то грозное время делить и горькие, и радостные минуты. И очень рад сегодняшней встрече.

ТАРАН ЕВГЕНИЯ ПИЧУГИНА {96}

Именем младшего лейтенанта Е. И. Пичугина названа одна из улиц города Калинина. О его подвиге напоминает мемориальная доска, установленная на здании шелкоткацкой фабрики. Прах летчика-истребителя, которому присвоено звание Героя Советского Союза посмертно, покоится в воинском захоронении на западной окраине города.

...День еще только занимался, когда «ястребок», ведомый младшим лейтенантом Евгением Пичугиным, вынырнул из-за леса. Внизу, на земле, было сумрачно, а в вышине властвовали яркие лучи солнца. Они коснулись плоскостей самолета, высветив красные звезды.

Евгений насвистывал любимую песню: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» Под крылом самолета распластался Калинин, и сердце вдруг сжалось. С высоты на белом фоне четко проступали мертвые коробки сгоревших и разрушенных домов, многочисленные пепелища с тоскливо торчащими печными трубами, разорванная нитка моста через Волгу. Но город жил: дымились корпуса полуразрушенных заводов, спешили на работу люди...

...Семья Пичугиных жила во Владимире. Учился Женя легко, целеустремленно. Преподаватель русского языка и литературы говорила, что у него незаурядные способности.^[245] Пичугин всегда с удовольствием читал наизусть. Запоминал он быстро, и не только стихи, но и прозу. С вдохновением, выразительно читал на уроке и потом, когда учился в авиационном училище, «Песню о Соколе» А. М. Горького, проникновенно выделяя: «О, если б в небо хоть раз подняться... Врага прижал бы я... к ранам груди и... захлебнулся б моей он кровью!.. О счастье битвы!..» Позади восемь классов. Евгений поступил во Владимирский аэроклуб, который закончил с отличием. В ноябре 1939 года он уехал в Чкаловское военное авиационное училище. С ноября 1940 года Е. Пичугин — младший летчик истребительного полка ПВО страны. И вот — война.

Первый боевой вылет. Полк поднят по тревоге. Молодые, необстрелянные ребята бежали к машинам. Взревели моторы, и истребители один за другим поднялись в воздух. Что покажет бой? Как ты себя поведешь? И Евгений Пичугин достойно встретил врага. Первая победа и первые потери боевых товарищей. И вот уже восемьдесят один боевой вылет...

После посадки Евгений Пичугин медленно направился на командный пункт. Мартовское солнце, поднявшись над посеребрившими снежными полями, слепило глаза. Как хорошо, что пришла весна. И воздух стал прозрачней, и небо голубей, и дышится легко и радостно.

Когда он подходил к командному пункту, над городом тревожно и призывно завывала сирена, а по аэродрому разнеслась команда:

— Боевая тревога!

Дежурный по командному пункту выскочил из помещения навстречу Пичугину и громко бросил на ходу:

— Срочно взлет! С северо-запада «юнкеры».

Младший лейтенант резко повернулся, подбежал к самолету, вскочил в кабину и запустил двигатель. Неподалеку на старт выруливал краснозвездный «ястребок» летчика Бондина. Машина Пичугина первой оторвалась от земли и круто взмыла ввысь.

Поднявшись над аэродромом, Евгений увидел ярко озаренный утренними лучами город и серый лед Волги; решимость не допустить врага к израненному городу, ощущение предстоящей битвы наполнили все его существо.

— «Двадцать второй», я — «двадцатый», — раздался в шлемофоне голос Бондина. — Впереди «юнкеры».

— Вижу. К атаке готов! — ответил Пичугин, сосредоточенно вглядываясь во вражеские самолеты, увеличивающиеся с каждой секундой. Он видел, как по направлению к городу шли восемь вражеских бомбардировщиков. Когда «юнкеры» приблизились на предельную дистанцию, младший лейтенант подал сигнал «атакую» и решительно направил свою машину на вражеские бомбардировщики.

Евгений скорее почувствовал, чем увидел, что цель поражена: ведущий фашистский самолет загорелся и резко пошел на землю. В небо потянулся дымный шлейф от моторов «юнкера». Гитлеровские самолеты, оправившись от дерзости русских, снова сомкнули строй. Сблизившись с очередным «юнкерсом», Пичугин повел истребитель в атаку. Вражеский стрелок хлестнул очередь. Евгению показалось, что самолет вздрогнул. «Неужели подбит?» — тревожно подумал он, но тут же убедился, что машина исправна и по-прежнему послушна.

Осмотревшись, младший лейтенант заметил, как прямо на них мчатся четыре «Мессершмитта-110». Набрав высоту, он смело пошел на врага. Для фашистов это было неожиданным.

— Горит! — закричал Евгений, видя, как под крылом его истребителя падал на землю фашистский самолет, подбитый Бондиным. «Юнкеры», беспорядочно сбросив бомбы и развернувшись, взяли курс обратно на запад.

А бой истребителей разгорался все жарче. Взбешенные смелостью советского летчика, фашистские летчики решили расправиться с Пичугиным. Искусно маневрируя, он не давал возможности врагу вести прицельный огонь. Уйдя в облака, Евгений увидел, как гитлеровец гнался за Бондиным.

Он увеличил обороты двигателя и смело бросился в атаку на «мессершмитта». Фашист увернулся и начал маневрировать. Пичугин вновь взмыл ввысь и атаковал противника. «Мессершмитт» развернулся и пошел в сторону города.

— Нет, не уйдешь!

Евгений выпустил пулеметную очередь по вражескому самолету. Фашистский летчик дал полный газ, надеясь оторваться от советского истребителя. Но Пичугин догнал стервятника, нажал на гашетку и ... не почувствовал знакомого вибрирования машины. Холодный пот выступил на его лице. Сомнений не было: кончились боеприпасы.

Немецкий летчик, ободренный молчанием преследовавшего самолета, понял, что ему сейчас ничего не угрожает. Он сбавил газ и спокойно пошел дальше по курсу.[247]

Маневрируя, Пичугин вплотную подошел к хвосту «Мес-сершмитта-110». Нос «ястребка» задрался вверх, и винт рассек хвостовое оперение фашиста. «Мессер» потерял управление, повалился на крыло, затем, кувыряясь, врезался в землю...

Но не вернулся на свой аэродром и советский летчик, двадцатилетний комсомолец Евгений Пичугин. Жители Калинина видели, как его «ястребок» лег на крыло, как от него отделилась точка и полетела вниз. Один из «мессеров» вошел в пике, дал несколько очередей по спускавшемуся парашютисту и на бреющем полете ушел на запад. Это произошло в 10 часов утра 19 марта 1942 года. А через день Советское информационное бюро сообщало: «Защищая подступы к городу Калинину, младший лейтенант летчик-истребитель Пичугин совершил самоотверженный поступок. Он протаранил немецкий самолет «Мессерш-митт-110». Экипаж погиб. На самолете обнаружены ценные документы».

Через несколько дней после этого боя мать Евгения получила письмо из части, в которой служил сын: «Мы гордимся Вашим сыном — Героем. Им гордится вся наша страна, весь наш народ и большевистская партия. Мы, летчики-истребители, поклялись на его могиле отомстить за нашего друга Женю фашистским стервятникам».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1943 года Евгению Ивановичу Пичугину присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Приказом министра обороны СССР в канун 20-й годовщины Победы над фашистской Германией младший лейтенант Пичугин Е. И. навечно зачислен в списки Н-ской части.

И. Монахов участник Великой Отечественной войны.

ДВА КОМДИВА

В оперативных сводках октября — декабря 1941 года, публиковавшихся во фронтовой газете «Вперед на врага», в сводках Совинформбюро с Калининского фронта, в воспоминаниях военачальников чаще других встречаются два[248] имени: Березин и Терещенко. У этих очень разных людей была общая военная судьба, общая слава, оба погибли на калининской земле.

ГВАРДЕЙЦЫ

В книге «Рубеж великой битвы» бывший командующий 31-й армией генерал-майор В. Н.

Долматов пишет:

«Не могу не напомнить о 119-й стрелковой Красноярской дивизии, вписавшей не одну яркую страницу в летопись героической борьбы Красной Армии с превосходящими силами врага в 1941 году. Сибиряки показали пример беззаветной преданности любимой Родине, образцы мужества и отваги».

Дивизия была сформирована в 1939 году в Красноярске из воинов-сибиряков. Старшие командиры и политработники дивизии в большинстве своем прошли большую школу жизни и армейской службы. Были среди них участники гражданской войны, старые партийцы. Общим уважением и любовью пользовался в дивизии ее командир генерал-майор Александр Дмитриевич Березин. Был он многоопытен и умен, суров и справедлив, прост и прям.

Военное дарование и незаурядная храбрость проявились в нем еще в годы первой мировой войны, благодаря чему выходец из простой рабочей семьи в условиях царской армии за три года вырос от рядового до штабс-капитана.

С началом революции Березин сразу перешел на сторону Советской власти, а в 1918 году вступил в ряды большевиков. Воевал на разных фронтах с белогвардейцами и интервентами, а после гражданской войны остался в кадровой армии, отдавая делу защиты отечества весь свой опыт.

Под его командованием на полигонах, стрельбищах и учебных полях мужала и училась воевать 119-я. Днем и ночью, в мороз и зной — марши, форсирование рек, отработка тактических задач. На всех инспекторских проверках дивизия неизменно получала отличные оценки.

...В сентябре 1941 года 119-я дивизия выгрузилась на станции Сычевка, до которой уже докатилось адское дыхание войны, и сразу стала зарываться в землю. К концу сентября оборонительный рубеж оцетинился надолбами, завалами, двумя рядами проволочных заграждений, опоясался минными полями, оделся в бетон дотов. Штабы, склады, землянки укрылись под тройным накатом, и все пространство, которому предстояло стать полем боя, расчленилось на сектора плотного огня.[249]

Первое боевое крещение дивизия Березина приняла 8 октября. Вот как описывает этот день автор книги «Красноярская гвардейская» бывший комиссар одного из полков дивизии И. Сенкевич:

«...на узкий участок фронта — три-четыре километра — обрушился шквал огня. Казалось, горел каждый метр земли. Через минуту вообще не стало ни земли, ни неба — лишь сплошной огонь и дым. Это был штурм... Когда враг перенес огонь на следующий рубеж, началась атака. Сквозь редяющий дым выростали зеленые силуэты — первые фашисты, которых сибиряки увидели в лицо. Артиллеристы, минометчики, стрелковые подразделения встретили врага мощным прицельным огнем. Зеленая цепь распалась, но за ней появилась вторая, третья... Пьяные фашисты бежали почти не пригибаясь, падали, сраженные нашим огнем, а по их трупам бежали все новые и новые цепи. Это была психическая атака... Откровенно скажу — было страшно. Казалось, встают мертвецы и снова с остекленевшими глазами бросаются в атаку... Но они не были знакомы с сибиряками... Под градом пуль и снарядов немцы отошли... Было отбито девять атак».

Вся долина перед позициями дивизии была усеяна трупами врагов. На четвертый день, потеряв более четырех тысяч убитыми, противник на участке дивизии прекратил атаки.

Поредели и ряды сибиряков, но дивизия была полна решимости продолжать бой.

В те дни одна из шведских газет писала: «Германские части были брошены в ночную атаку против наводящих на них ужас сибирских войск... Когда бой кончился, немцам пришлось признать, что сибиряки сражаются с нечеловеческим презрением к смерти. Эти был беспощадный бой».

12 октября гитлеровцы обнаружили слабое место в нашей обороне левее позиций дивизии, прорвались к станции Осуга и затем к Зубцову. Возникла угроза окружения. Выполняя приказ, дивизия оставила занимаемый рубеж, оторвалась от противника и в районе Ржева заняла оборону на левом берегу Волги.

18 октября командующий армией поставил перед Бере-зиным новую задачу: выйти в район Медное — Некрасово, разгромить противника, закрепившегося на левом берегу Волги, после чего сковать его боем в районе Старицкого шоссе.[250]

В скоротечном яростном бою сибиряки опрокинули гитлеровцев, и те, потеряв более 600 человек убитыми, поспешно очистили левый берег Волги.

23 октября, получив приказ во взаимодействии с другими соединениями выбить врага из Калинина, дивизия под покровом ночи переправилась на подручных средствах на правый, занятый немцами берег и завязала бой в районе деревни Некрасове. Изведав уже силу 119-й дивизии, немцы спешно сняли с других участков свои части, стянули артиллерию и вызвали авиацию. Шесть дней, под непрерывной бомбежкой, осыпаемая снарядами, атакуемая с трех сторон пехотой и танками и сама непрерывно контратакуя, сражалась дивизия. Потери были велики. Но была за эти дни обескровлена и лучшая в группе «Центр» 161-я немецкая пехотная дивизия.

По приказу штаба фронта дивизия организованно отошла к переправе. Генерал Березин перешел понтонный мост с одним из последних своих подразделений.

В самой сложной обстановке командир дивизии оставался для всех примером самообладания и бесстрашия. Как-то в ходе боя немецкие автоматчики прорвались к командному пункту.

— Занять круговую оборону! — приказал комдив взводу охраны. Автоматы трещали рядом, блиндаж содрогался от взрывов гранат, а он продолжал хладнокровно управлять боем дивизии.

Отправляясь в батальон, Березин брал с собой только одного солдата. Появлялся в траншеях в солдатском полушубке и в ушанке, без знаков различия.

Случались при этом и курьезные истории. Об одной из них рассказывает И. Сенкевич:

«Однажды после отражения атаки Березин направился на наблюдательный пункт минометного дивизиона. Только подошел, как у НП появился старшина верхом на лошади. Увидел солдата и громко крикнул:

— Что болтаешься? Возьми лошадь и привяжи! А сам побежал к огневому расчету. Березин принял лошадь, подвел к сосне и привязал. Вернувшись, старшина увидел этого «солдата» за разговором с командиром дивизиона и спросил у бойца:

— Кто это?

— Как кто? Наш генерал!

У старшины вытянулось лицо...

Потом Березин все обратил в шутку.[251]

Высокая человечность комдива была известна в дивизии не меньше, чем его личная храбрость.

Как-то в одной роте бойцы его спросили, почему он не ложится, когда свистят пули.

— Пуля, которая свистит над головой, — не твоя, — ответил генерал.

И потом, когда кто-нибудь из необстрелянных новичков кланялся каждой пуле, ему говорили: «А генерал не ложится...»

К началу декабрьского контрнаступления дивизия сосредоточилась в районе деревни Поддубье. Одной из первых форсировав Волгу, 5 декабря штурмом овладела сильно укрепленной деревней Горохове и стала продвигаться вперед.

...Эти первые отобранные у противника километры ооа-грены кровью наших воинов. Каждый шаг оплачен многими жизнями. У И. Сенкевича есть такой эпизод. Дивизия вела бой за деревню Марьино.

«...Бой шел весь день, а захватить деревню так и не удалось. Наступление приостановилось... А сверху требовали быстрее овладеть деревней. Комиссар дивизии Д. И. Шершин решил лично проверить положение полка... Пополз вперед по почерневшему от взрывов снегу и увидел замершую цепь солдат.

— Ну, как дела? — дернул он за шинель первого бойца. Тот молчал. Комиссар взял руку — холодная. Подполз к другому, третьему, — солдаты были мертвы... Вдруг слева стеганула, как хлыстом, короткая очередь пулемета. «Значит, есть живые», — подумал Шершин и, поднявшись во весь рост, не обращая внимания на огонь, пошел на выстрелы. В небольшом сарае лежал раненый командир роты, а рядом у пулемета — сержант с забинтованной головой. Как выяснилось, это было все, что осталось от роты...»

Не пощадила судьба и Александра Дмитриевича Березина. Случилось это позже, когда 119-й дивизии уже было присвоено звание 17-й Гвардейской. В ходе жестоких боев под Белым дивизия оказалась в окружении. Ей и до этого не раз приходилось драться в кольце и прорываться к своим. В первый год войны многие соединения, отрезанные от своих войск, расчлененные и деморализованные, теряли управление и рассеивались по лесам и болотам. Сотни тысяч окруженцев либо гибли, либо оказывались в плену.

Сплоченная, сильная духом, закаленная в боях дивизия Березина избежала этой горькой участи.[252]

К этому времени Березин был уже заместителем командующего армией. Зная о бедственном положении бывшего своего соединения (в полках уже кончились снаряды, орудия и минометы замолчали), Березин, рискуя жизнью, добрался в один из окруженных полков.

«...Подробно изучил сложившуюся обстановку, — пишет в своей книге И. Сенкевич, — и долго молчал, постукивая карандашом по карте. А потом негромко, но твердо продиктовал приказ — любой ценой продержаться до вечера, чтоб дать возможность другим частям вырваться из фашистской западни. А потом отходить в район Кукуйского леса.

Березин уехал от нас под вечер — куда-то в направлении Шиздерева. И больше его никто и никогда не видел. Генерал исчез...»

Этим и объясняется длительное замалчивание в периодической печати, в мемуарных изданиях имени командира прославленной дивизии. Невыясненные обстоятельства его исчезновения порождали разные слухи, ставившие под сомнение все его заслуги перед отечеством.

Надо ли говорить, как остро переживали эту неопределенность ветераны дивизии и каким важным явилось для них неожиданное, сделанное ими же открытие.

Это была поистине счастливая случайность. Группа бывших командиров и политработников 119-й дивизии (и среди них автор книги «Красноярская гвардейская»), отдавая долг памяти павшим однополчанам, отправилась в поход по местам боев. Поседевшие комбаты, комиссары, разведчики с волнением находили следы заросших окопов, обвалившихся землянок, в скорбном молчании склоняли головы у разбросанных по всей области обелисков, втайне надеясь встретить на одном из них дорогое имя — Березин. Но его не было.

Последний митинг состоялся у братской могилы в г. Белом. Пора было ехать домой, в Красноярск. Прощаясь с провожавшими их людьми, посетовали: так и осталась загадкой судьба генерала Березина.

— Генерала, говорите? — переспросил один из присутствовавших. — Есть тут недалеко, в Демяхах, могила какого-то генерала...

...Сразу нашлись машины и провожатые. В великом волнении помчались в Демяхи, где и состоялась скорбная встреча...

...Холмик в лесу обнаружили юные следопыты. Внимание привлекла сплетенная из прутьев пятиконечная звезда.^[253] Раскопали и увидели останки человека в генеральском мундире. Останки перенесли в Демяхи, к братской могиле, и похоронили отдельно, рядом.

Сомнений быть не могло: именно здесь дралась в окружении дивизия. В этом лесу, видимо, и произошла трагедия. Какая? Кто знает. Спутники Березина наспех похоронили генерала и успели еще сплести звезду. И, скорее всего, сами разделили затем участь комдива.

«Но одно стало ясно теперь, — пишет И. Сенкевич, — генерал-майор Березин до конца сдержал клятву, данную перед алым гвардейским знаменем, — до последнего дыхания, до последней капли крови бить врага, посягнувшего на родную землю... Мы стояли над его могилой с обнаженными головами, и нам очень хотелось, чтобы навеки светилось в мраморе памятника его мужественное лицо над спасенной им землей, чтобы люди знали, приходя к этой могиле, как жил и умер похороненный здесь суровый и добрый человек».

ПРОРЫВ

... В бой он вступил в первый день войны. 54-я стрелковая дивизия, в которой полковник Терещенко был начальником штаба, дралась в окружении. В этой сложнейшей обстановке, когда, поддаваясь панике и растерянности, теряли головы не только рядовые, проявились все его лучшие качества кадрового командира: воля, выучка, собранность, приобретенный опыт войны в Финляндии. Прикрывая в тяжелых боях отход других соединений, дивизия вышла из окружения организованно, со знаменем и оружием. В сентябре 1941 года М. С. Терещенко принял 262-ю дивизию, державшую оборону в районе Валдая. Перед началом наступления под Москвой Ставка приняла решение усилить Калининский фронт этой дивизией. По численности, вооружению и боевому опыту дивизия превосходила другие соединения фронта, и ей предстояло сыграть важную роль в предстоящей операции.

Надо полагать, соединение было переброшено на важнейший участок фронта не без учета личности комдива. Придя добровольно в армию в 1921 году, Матвей Семенович Терещенко в предвоенные годы уже работал в Генштабе. В характеризующих его документах есть строки, которые могли бы сделать честь любому военачальнику: «Недюжинный талант... Замечательный командир... Волевой воин...^[254] Бесстрашный большевик... Мужественный, храбрый, инициативный и решительный офицер...» Было у Матвея Семеновича еще одно важное качество, за которое его любили и старшие, и младшие, — человечность. Пройдя путь от рядового до командира соединения, он знал душу солдата. В прошлом крестьянин из Полесья, он хорошо понимал чувства и думы смоленских, рязанских, тульских парней, которых был вынужден посылать в бой, под пули, иногда на верную смерть.

Комдив часто бывал в батальонах. Оставлял штаб и с одним адъютантом уходил вперед, в подразделения. Бекешу его видели то у разведчиков, то у артиллеристов, то в медсанбате. Там однажды вышел курьез. Медсестер обрядили в шинели до пят и в великанские сапоги. «Комдив увидел, — вспоминает ветеран 262-й дивизии С. А. Лихачев, — и такой интендантам устроил разгон. Дал им один день. К вечеру все у девчат было по росту. Терещенко пришел, проверил, пошутил: «Ну вот, совсем другое дело! Разве можно теперь рядом с такими красавицами плохо воевать?» Покуривая у пулеметчиков, вспоминал июльские бои: «Вот когда тяжело было — землю свою фашистам отдавать. Теперь сами вперед пойдем, скоро уже. Как, не подведут станкачи?» ...В первый день наступления, 5 декабря, село Эммаус — важный опорный пункт в немецкой обороне на правом берегу Волги — было в кровопролитном бою взято и в тот же день потеряно. Наши части отошли на левый берег, на исходный рубеж. Для успеха операции требовался решительный прорыв. И тогда командующий 31-й армией бросил в бой находившуюся в резерве 262-ю дивизию Терещенко.

Это был кульминационный момент сражения. Теперь все решали боевой дух красноармейцев, стойкость, верность долгу. Батальон капитана Леуса, атаковавший Эммаус в лоб, клином врезался в немецкую оборону, и за ним, расширяя прорыв, пошли вперед другие.

«Удар был так силен и стремителен, — писала «Правда», — что немцы, бросив сильно укрепленные позиции, стали удирать. Они бежали через деревню и через поле, бросая оружие».

После трагического первого дня в эту желанную победу трудно было поверить, и когда Терещенко доложил о взятии Эммауса по телефону командующему 31-й армией генералу Юшкевичу, командарм, не сразу поверив, потребовал: «Повторите!»^[255] Немецкая оборона была прорвана.

Передо мной фотокопии декабрьских номеров фронтовой газеты. Заголовки, которых столько ждали: «Суворовский удар», «Сокрушить сопротивление врага», «Враг истекает кровью». Освобождено... Уничтожено... Захвачены трофеи... И почти в каждом номере имя Терещенко.

Верный себе, комдив всегда оказывался там, где было труднее, где решалась судьба сражения. С. А. Лихачев вспоминает:

«За деревней Федосово у нас произошла заминка. Немцы нанесли ответный контрудар, ввели в бой 12 танков и стали утюжить пехоту. Погиб комбат Бозин, был смертельно ранен заместитель командира дивизии полковник Леута. И тут у железнодорожной насыпи появился комдив. Остановил пятившуюся пехоту. Выдвинул вперед подоспевшую артбатарею. Бросил в бой резервный батальон. Перелом еще не наступил, но, послушные его воле, уже поползли навстречу танкам смельчаки со связками гранат, зачастили пушки, загорелся один, второй, третий немецкий танк, и, отсекая пехоту, заработали на флангах наши пулеметы.

Деревню мы вернули. Здесь я видел нашего комдива в последний раз. Он сидел на пеньке под елью с биноклем в руках и принимал донесения».

Впереди было село Пушкино. Вспоминает ветеран 262-й дивизии командир батальона Астахов:

«...Моему батальону командир дивизии полковник Терещенко приказал обойти село Пушкино с юго-востока, а сам пошел с полком Цыбульского, который должен был атаковать в лоб. В ходе боя Цыбульский был убит. Батальоны залегли под жестоким огнем. В Пушкине было много кирпичных зданий. Немцы там засели с автоматами и пулеметами, а в церкви у них были тяжелые пулеметы. Когда мы пошли в атаку в первый раз, немцы заставили нас залечь в снег. Невозможно было поднять голову от насыщенного пулеметного и автоматного огня».

«...Подшли наши четыре танка, — продолжает Астахов, — два тяжелых и два Т-34. Мы пошли в атаку с танками, но противник нас от танков отрезал. Т-34 вернулись, а тяжелые танки стали крушить гусеницами пулеметные гнезда немцев в кирпичных домах. И когда мы поднялись в третий раз, немцы не выдержали. Отступая, они побросали все тяжелое оружие — пушки, минометы. Но и у нас были большие потери. Я потерял в этом бою 20 процентов личного состава».[256]

В этом бою, 21 декабря, поднимая людей в атаку, погиб и командир дивизии Терещенко. Рядом с ним разорвалась мина. Аджютант, которому достался весь пучок осколков, остался жив. Кусочек металла с горошину величиной оказался для комдива смертельным.

...Есть его довоенные фотографии. Мужественное молодое лицо, веселые глаза, прямой взгляд. Подтянут, строен. Собственно, я встречался с его сыном подполковником Юрием Матвеевичем Терещенко, а он, говорят, вылитый отец. Семья хранит последнее, присланное из-под Калинина незадолго до его гибели письмо. «Я жив и здоров, — писал в Москву Матвей Семенович. — Будьте и вы здоровы! Прошу беречь Юрика, моего будущего заместителя-воюку. Воспитывайте его в моем духе».

— Пример отца повлиял на выбор профессии? — спросил я у Терещенко-младшего.

— Образ его всегда жил и живет в нашей семье, — сказал он. — Хотя и вся обстановка послевоенного детства способствовала этому. На Чистых прудах все мальчишки грезили военными подвигами. Героика Отечественной войны вошла в наши души вместе со сводками Совинформбюро, вместе с фейерверком победного салюта. Военная форма в наших глазах была символом отваги и чести, а офицер — эталоном мужества и благородства. Лично я хотел стать моряком, в десять лет даже собственноручно сшил себе китель. А стал, как видите, авиатором. Что к этому добавить? Конечно, мы все помним. Но только помнить — мало. С прошлым сопоставляешь свои дела. Так ли шагаем?

...Все верно. Отлитые в бронзе имена на главной площади Калинина — площади Ленина, среди которых есть имя Матвея Семеновича Терещенко, — больше чем память. Думается здесь о самом главном: о том, ради чего стоит жить и бороться.

М. Майстровский

ПОДВИГ КОМБАТА {97}

Алексей Максимович Горький как-то заметил, что есть «герои на час», способные красиво вспыхнуть лишь на одно мгновение, и есть «герои на всю жизнь» — люди, которые скромно, без малейшей рисовки, просто, словно делая будничную работу, доблестно служат своему отечеству каждодневно, из года в год.[257]

О герое на всю жизнь и пойдет наш рассказ.

...Народ праздновал десятилетие Великой Октябрьской революции, а на границе, в горах Памира, в тот вечер два человека сошлись в поединке не на жизнь — на смерть. Один был одержим лютой ненавистью ко всему советскому — алчный и жестокий бандит из шайки басмачей. Другой был сыном бедняка из украинского села Марьянское, что в Апостоловском районе на Днепропетровщине — пограничник Дмитрий Леус. Победил он, комсомолец.

Сколько было у него еще подобных поединков?

«Я и сам теперь не помню, — писал в автобиографии Дмитрий Павлович, — могу сказать, что редко возвращался с границы без нарушителей. В 1931 году в кишлаке Шурчи участвовал в бою с самой лютой бандой Ибрагим-бека. Уничтожив эту шайку, поехал в Туркмению уничтожать другие...»

Это был поход советских пограничников через пустыню Каракум. Нещадно палило солнце. Укрыться негде, вокруг безбрежные пески. Потом подул «афганец» — горячий, удушливый ветер. Едкая пыль слепила глаза, лезла в уши, в нос. Трудно было дышать. Леус вел изнемогающих от жары красноармейцев к колодцу.

У колодца их встретила банда. Леус и стрелял без промаха, и рубил до седла. Бандиты не выдержали, ушли в пустыню.

Потом были новые бои, запомнившиеся по названиям колодцев: «Дахли», «Чиль-Мамед», «Яста», «Тапя-Тон».

9 декабря 1931 года Дмитрию Павловичу Леусу была вручена от имени ЦИК Туркменской ССР Почетная грамота с надписью: «За активное участие в ликвидации басмачества, за борьбу с байско-феодальной верхушкой, пытавшейся сорвать дело социалистического строительства, за стойкость и преданность пролетарской революции».

В 1936 году начальник погранзаставы Леус был награжден орденом Красного Знамени, а в 1937 году избран депутатом в Совет Национальностей Верховного Совета СССР.

С первых дней Великой Отечественной войны Дмитрий Павлович на фронте. Сражается на калининской земле.

— Я служил в одном полку с капитаном Леусом и был свидетелем, как в тяжелом бою он остановил наши дрогнувшие цепи, как организовал и повел красноармейцев в штыковую атаку. Немцы не выдержали удара, побежали, — вспоминает капитан запаса С. А. Лихачев. — Мы восхищались этим человеком.[258]

Накануне разгрома немецко-фашистских войск под Москвой писатель Борис Полевой

прибыл на Калининский фронт. В 262-й дивизии он познакомился с командиром 2-го батальона 940-го полка Д. П. Леусом. Через несколько дней в статье «Как был занят город Калинин», напечатанной в «Правде», он писал:

«Ваш корреспондент был свидетелем, как шел в атаку батальон депутата Верховного Совета СССР Леуса. Под прикрытием артиллерийского огня бойцы умело подползли к вражеским позициям. Потом загремело русское «ура»...»

В тот день, 6 декабря был лютый мороз. Бой длился весь день. Батальон Леуса под сильным огнем форсировал Волгу и к вечеру подошел к селу Эммаус. Тут комбат поставил ротам новую задачу: перерезать шоссе Москва — Ленинград, зажать в клещи фашистов, засевших в Эммаусе, затем стремительно, не давая врагу опомниться, прорваться к железной дороге.

Близились сумерки. Мела поземка. Колючий ветер бил в лицо. Леус повел батальон в наступление. Немцы открыли бешеный огонь. Рвались мины, снаряды, свистели пули. Красноармейцы залегли. Комбата ранило в плечо и в бок. Но он продолжал руководить боем. С. А. Лихачев пишет:

«После того как Дмитрию Павловичу забинтовали раны, он наотрез отказался уйти в медсанбат. Приказал мне и старшему лейтенанту Приходько вести его к залегшим цепям красноармейцев.

Когда артиллерия накрыла огневые точки врага, Леус поднял батальон в атаку и сам рванулся вперед...»

Шло заседание Военного совета армии. Зазуммерил телефон. Трубку взял командующий В. А. Юшкевич. Вначале он слушал весело, бросал одобрительные реплики, потом лицо генерала омрачилось.

— Звонил командир двести шестьдесят второй дивизии Терещенко, — командующий встал. — Враг отступает. Дивизия освободила несколько населенных пунктов. Батальон депутата Верховного Совета СССР капитана Леуса овладел селом Эммаус. Но Дмитрий Павлович убит.

В комнате наступило минутное молчание.

За свой боевой подвиг Д. П. Леус был посмертно награжден орденом Ленина.

...Прошли годы. Дожди смыли надпись на скромном деревянном памятнике. Выцвела и превратилась в чистый лист бумаги фотография героя. Могила стала безымянной.^[259] Двадцать четыре года калининцы ничего не знали ни о подвиге Д. П. Леуса, ни о месте его захоронения.

В 1965 году редакция газеты «Калининская правда» получила записку Б. Н. Полевого:

«Дорогие земляки! Посылаю вам письмо Сергея Лихачева — ветерана войны. Письмо хорошее и правильное. Очень прошу подумать, что можно сделать, чтобы найти могилу Д. П. Леуса».

Редакция попросила меня заняться этим поиском. Из архива Министерства обороны СССР сообщили: место захоронения неизвестно, списка безвозвратных потерь по 940-му стрелковому полку за 1941 год не имеется.

Однополчане, с которыми удалось установить связь, рассказывали про подвиги Леуса, а указать, где его могила, не смогли. Мать героя умерла. Ничего не знали о месте

погребения сестра и брат Дмитрия Павловича. Наконец из Таллинна пришло письмо, жена и дочь героя сообщили:

«Д. П. Леус похоронен в селе Беле-Кушальское».

В год десятилетия Победы над фашистской Германией прах Д. П. Леуса был перенесен на воинское кладбище у села Кушалино. Короткой, но яркой жизни Дмитрия Павловича Леуса посвящены специальные стенды в эммаусской средней школе и в Калининском краеведческом музее.

В. Шиков

СТАРШИЙ ПОЛИТРУК ШОПАН КОНУСПАЕВ {98}

«3.1.42 года из Гранита в Аметист. Корреспонденту Правды батальонному комиссару Полевому тчк К вам в Аметист в качестве нашего спецкора выехал писатель бригадный комиссар Фадеев тчк Познакомьте с людьми представьте начальству введите в обстановку обеспечьте срочную передачу корреспонденции тчк Полковник Лазарев».

По коду «Гранитом» именовали Москву, «Аметистом» — Калининский фронт.

Член Военного совета корпусной комиссар Д. С. Леонов показал корреспондентам «Правды» оперативную карту. Калининский и Западный фронты, набрав силу удара в битве за Москву, продолжали наступать. Особенно упорное сопротивление врага наши войска встретили в районе Ржева, но и он был окружен красными стрелами. Казалось,^[260] небольшое усилие, и Ржев снова станет советским. Западнее города наши части уже рассекли оборону противника.

— Мы поедem сюда, — сказал Фадеев.

— Не рекомендую, — ответил член Военного совета. — Части недостаточно закрепились. Танки противника рубят этот клин под основание. Мы, разумеется, отбиваем атаки, но...

Опасность — не лучший аргумент для Фадеева, и на рассвете 15 января он неожиданно появился на командном пункте 183-й стрелковой дивизии в деревне Ерзово.

— Как вы проехали? — удивился комиссар дивизии Герой Советского Союза Василий Романович Бойков.

— Мы лесами... Фашисты в лес своими танками не заходят, — усмехнулся Фадеев. — У меня просьба: я хотел бы увидеться с Конуспаевым. Старый знакомый, по довоенным годам. Прочитал его статью в «Правде», и очень захотелось встретиться.

Накинув на полушубок маскхалат, Фадеев ушел на позиции 285-го полка, комиссаром которого после освобождения Старицы стал Шопан Конуспаев. Поговорить толком не удалось: фашисты атаковали, комиссар собрался на передовую. Бой не затих на следующий день, и на второй, и на третий... Неделю пробыл Фадеев в дивизии, но обстоятельный разговор с Конуспаевым откладывался до передышки, которая так и не наступила. Гитлеровские танки подружили клин, строгий приказ вернул на Большую землю корреспондентов «Правды». А перед их отъездом Конуспаев погиб.

Александр Александрович не написал о боях под Ржевом, комиссар 285-го полка не стал героем репортажа или очерка, хотя жизнь его давала материал и для повести.

Шопан Конуспаев родился в 1906 году в семье казаха-бедняка, в тех местах, что теперь относятся к Карагандинской области. Его отец и старший брат работали пастухами на бая. Мальчиком Шопан тоже пошел в пастухи. Какая судьба предназначалась ему, если бы не свершилась Великая Октябрьская революция? Тяжкая работа, слепое повиновение хозяину...

Шопан труда не боялся, но и не собирался мириться с байским произволом. Резкое столкновение с хозяином, и подросток уходит в поселок, поступает на завод, потом переезжает на Байконурские копи, где в то время началась разработка небольшого угольного месторождения.

В рабочей среде Шопан получил хорошую трудовую закалку, его детские мечты о справедливости, счастливой[261] жизни стали ясной целью: строить вместе с товарищами новый мир. Этим он объяснил свое желание вступить в комсомол. А в 1928 году молодого рабочего избирают председателем шахткома. Забойщикам нравились в пареньке простота, настойчивость, бескомпромиссность при отстаивании их интересов. Правда, Шопану не хватало знаний. Но и тут перед ним открылись широкие возможности. В 1929 году Шопана направляют в Москву, на учебу в Центральную школу профдвижения. После возвращения на родину он — заместитель председателя Центрального правления союза горняков Казахстана, три года работает заместителем председателя Алма-Атинского, горисполкома, а с апреля 1937 года — председателем. Член Президиума ЦИК Казахской ССР, депутат Верховного Совета СССР, он трудился самоотверженно: город после революции вырос в 4 раза, строились новые кварталы, заводы... Конуспаев был способным советским работником. Его перевели в Москву, в Наркомат торговли.

На фронт Шопан Конуспаев ушел 26 июня 1941 года добровольцем.

...Холодной октябрьской ночью Торжок разбудили гудки паровозов. Через несколько минут к ним прибавился резкий надрывный звук немецких бомбардировщиков. Раздались взрывы, заглушая крики детей и женщин; запылали дома. Фашисты бомбили город, рассчитывая, что паника среди гражданского населения вызовет хаос и смятение в советской прифронтовой полосе. Сюда, в направлении Торжка, уже устремились из Калинина по Ленинградскому шоссе вражеские танки. Во время этого воздушного налета на окраине Торжка несколько наших солдат забежали на пустырь, ничком легли в канаву.

— Встать! — на бровке стоял незнакомый старший политрук. — Там дети гибнут!

Твердые слова в неразберихе ночной бомбежки действовали успокаивающе.

— Двое со мной, остальные на соседнюю улицу. Там будет медпункт, нужна помощь.

Старший политрук тушил пожары, разгребал, спасая людей, обломки, урывками отмечал что-то в блокноте. Когда он догнал политотдел своей дивизии, в его полевой сумке уже лежал акт о разрушениях и жертвах той ночной бомбардировки.

— Время ли скрупулезно учитывать все, что творят фашисты? — спросили его.[262]

— Люди знать должны о злодеяниях гитлеровцев. Мы на победу рассчитываем.

183-я дивизия, входившая в состав оперативной группы генерала Н. Ф. Ватутина, была брошена в бой по тревоге, с марша, хотя после тяжелых боев под Опочкой и Новоржевом переформирование не было закончено. Враг, захвативший Калинин, пытался выйти в тыл Северо-Западного фронта. Пополнению из Казахстана и Челябинска, наскоро обученному, предстояло остановить отборные танковые части гитлеровцев.

...Пулеметы простреливали поле насквозь, солдаты залегли, стали отползать к спасительному леску.

— Мужчины не показывают спины врагу, — кто-то кричал на родном для бойцов казахском языке. — Трус умрет, смелый победит. За Родину!

И солдаты встали. Первым шел политрук с автоматом, и первая пуля досталась ему. Вечером, после перевязки, он пришел в роту.

— Я Шопан Кону спаев, секретарь партбюро полка. Знаете, что пишут из Алма-Аты?

Он читал письма из теперь уже далекого города, раздал незамысловатые подарки земляков, присланные фронтовикам. Вспоминали мирную жизнь, и ясно становилось солдатам, что сегодня за много-много километров от дома они защищают не только эти деревушки с незнакомыми названиями: Марьино, Медное, Высокое, — но и женщин, детей, стариков в родном Казахстане. Устав не предусматривал такого обращения, но бойцы-казахи стали звать старшего политрука «комиссаром Шопаном», «депутатом Шопаном»...

К канун контрнаступления наших войск под Москвой, 5 декабря, в «Правде» была напечатана статья Шопана Конусаева. Он рассказал о горевшем Торжке, убитых женщинах в селе Медном, книгах, втопанных в грязь.

«Сказать о них звери — мало, — писал Ш. Конусаев, — фашист больше чем изверг. Людоед... Мы никогда не простим кровавому Гитлеру смерть наших отцов и матерей, истязания наших сестер и жен, убийство наших детей! Никогда! Мы отомстим за все! Биться до последнего вздоха, пока не будет уничтожен последний гитлеровец на нашей священной земле!»

Бойцы дивизии, сражавшейся на Калининском фронте, гнали врага и дрались яростно, так, как призывал их «комиссар Шопан».[263]

В январе 1942 года 29-я армия была введена в прорыв западнее Ржева. Освободив несколько деревень, полки дивизии вышли к станции Мончалово. Тогда никто не знал, что за этот выступ, протянувшийся от Юхнова до Ржева, предстоит жестоко драться больше года с врагом и что десятки тысяч советских солдат лягут в эту землю, прежде чем Ржев будет освобожден. Прорыв наших частей обернулся окружением. Позже Борис Полевой вспоминал о тех днях, о поездке на фронт с Александром Фадеевым:

«Все здесь простреливается даже не из орудий, а из минометов. Бьют по скоплению людей, бьют по кострам, по любому дымку. Не брезгают и отдельным бойцом, если он зазевался на открытом месте.

Ходим только по лесу. Странный это лес. Он весь посечен и поломан снарядами и минами. По ночам на

машинах с величайшей осторожностью, без огней, по дорогам, вьющимся по дну промерзших оврагов, подвозят боеприпасы. Продукты бросают с самолетов, но больше все мимо. Выкапываем из-под снега лошадей кавалерийского корпуса, побитых здесь еще осенью, пилим замерзшую конину, строгаем ее ножами на тонкие куски и, натерев чесноком, а на худой конец хвоей, чтобы отбить запах тления, откусываем и глотаем, стараясь не дать ей растаять во рту...

В полку по сотне, а то и по несколько десятков активных штыков...»

А дивизия продолжала сражаться, выдержала натиск и с боем прорвалась к своим. Только рядом не было «комиссара Шопана», чье мужество так помогло в трудные дни окружения. Он погиб на поле боя. Бывший начальник штаба 183-й стрелковой дивизии Петр Константинович Рубан вспоминал: «Мы похоронили Шопана Конуспаева в воронке от авиабомбы у станции Мончалово. Артиллерия дивизии дала прощальный залп по врагу. Митинг, на котором первым выступил А. Фадеев, был коротким. В июле 1942 года, открывая первую партийную боевую конференцию, комиссар дивизии Герой Советского Союза В. Ф. Бойко сказал:

«Прошу почтить вставанием светлую память погибших за Родину: комиссара 285-го полка депутата Верховного Совета СССР Шопана Конуспаева...»

Александр Фадеев не привез в газету материал, не рассказал о людях, которых встретил в мончаловском лесу в январе 1942 года. Лишь несколько фраз осталось в записной книжке. Трудно ли было писать о тех, кто стал близок, может, хотелось, чтобы боль отстоялась, другие ль дела[264] подошли... Конечно, это из области догадок, но вернись Фадеев к тем дням, он обязательно написал бы о «комиссаре Шопане».

А. Душенков

Александр Фадеев

ИЗВЕРГИ-РАЗРУШИТЕЛИ И ЛЮДИ-СОЗИДАТЕЛИ{99}

От дальних подступов к Москве, где сломлено острие вражеского нашествия, и до самого Калининского фронта, далеко уже продвинувшегося от города Калинина, едешь по коренным, обжитым русским местам, едешь — и не узнаешь родного пейзажа.

То там, то здесь вместо уютной, облитой морозным солнцем деревни, весело вздымающей к небу столбы кудрявого розового дыма, видишь одни остовы печей да заиндевевшие трубы над снежными полями.

Вот дедовская ветла, как молнией расщепленная снарядом... В развалинах древних церквей и новых фабрик, зияя выбитыми окнами домов, где среди груды кирпича и извести вдруг можно увидеть детскую кроватку с тюфячком, еще хранящим отпечаток детского тела, стоят старинные русские города. Закоптелые стены зданий с провалившимися крышами и полами, оборванные провода, остатки вывесок и дощечек, говорящих о том, что здесь была школа, музей или больница, квадраты белых полей с торчащими из сугробов обугленными запорошенными головнями вместо прежних домиков окраин — так выглядят в значительной своей части города Клин, Калинин, Старица. Вороны кружат и кружат над выжженными селами, над изуродованными городами, не узнавая знакомых мест.

Это — путь отступления гитлеровских армий, чудовищный путь зверства, грабежа и разрушения всего, что создано творческим разумом и чудесными руками нашего

народа.

Едешь по родной бескрайней русской равнине, через сосновые леса, склонившие ветки под тяжестью искрящегося пушистого снега, едешь из деревни в деревню, и то, что видишь и слышишь, кажется неправдоподобным, немислимым^[265] с точки зрения простого человеческого разума и совести...

В деревне Рубцове Моркино-Городищенского сельсовета Калининской области немцы выгнали за околицу все население, стариков, женщин и детей, и расстреляли из пулеметов. Раненая трехлетняя девочка, плача, пыталась поднять свою убитую мать, тянула ее за руку и все приговаривала: «Вставай, мама, вставай, мама, вставай», — пока немецкий солдат не приколол девочку штыком.

Население деревень Даниловского, Некрасовского и Борисовского сельсоветов, общим числом до 2000 человек, немцы выгнали в лютый мороз за речку Тьмаку и стали расстреливать из автоматов и пулеметов. До полутора человека было убито и ранено, остальные разбежались по лесу. За время скитаний 16 грудных детей замерзли на руках у матерей.

В подвалах города Калинина, под развалинами зданий, до сих пор обнаруживают трупы советских людей, зверски замученных фашистами. В погребке дачной местности Рябеево найдено 35 трупов пленных красноармейцев, многие из них со следами пыток. В одном из подвалов города найдены 13 трупов молодых людей, из них двое 1925 года рождения, — все убиты тупым предметом, у некоторых выколоты глаза, некоторых пытали, подвесив за ноги, 4 девушки были сначала изнасилованы, потом убиты.

Но гнуснее всего эти титулованные и нетитулованные подлецы поступили с городом Старицей. Древний русский город Старица, родина первого русского путешественника купца Афанасия Никитина, город, славившийся своим монастырем — памятником русского зодчества, город, расположенный по двум сторонам верховья Волги, необычный по красоте своей, — разрушен и сожжен немцами почти целиком.

Вынужденные отступать под ударами Красной Армии, изверги и выродки пытались все сравнять с землей. Они разрушили, ограбили и истребили все, что смогли. Но не в их силах было выкопать из-под снега озимый хлеб, посеянный этой осенью трудолюбивыми колхозниками-женщинами. Этот хлеб взойдет весной.

Советский народ глубокими корнями привязан к родной земле, к родному месту, куда вложен труд целых поколений, где впервые народ познал радость свободного труда и воспользовался благами этого труда.^[266]

На территории, занимавшейся немцами, в ряде сел, куда не проникли немецкие солдаты, продолжали работу органы Советской власти, правления колхозов. Люди, не испытавшие на себе фашистский гнет, не всегда могут оценить, что это значит, когда колхозники в тылу у немцев справляли 24-ю годовщину Октябрьской революции, в иных местах даже вывешивали красные флаги...

Многие и многие колхозные семьи, бежавшие от немцев, возвращаются теперь на родные места.

Враг успел сжечь деревни, расположенные главным образом вдоль шоссе дорог. Колхозники сожженных деревень пользуются гостеприимством соседних сел, роют землянки на пепелищах, приспособливают для временного жилья случайно уцелевшие

хозяйственные постройки или восстанавливают полуразрушенные избы там, где возможно.

Немало тягчайших трудностей придется преодолеть, чтобы восстановить разрушенное. Но в нашем народе — в передовых людях его — живет великая созидательная сила, воспитанная двадцатью четырьмя годами советского строя.

На всю жизнь сохранится в сердце волнующее впечатление от улиц города Калинина, от людей его, от школьников, со счастливыми лицами идущих в советскую школу, точно они впервые идут учиться.

Город в значительной части разрушен, наполовину изранен, но на лицах людей точно запечатлена радость первых дней, когда Красная Армия вернулась в город, и радость звучит в приподнятых голосах людей, сказывается в свободных движениях, в живой готовности рассказать, помочь, объяснить.

На заборах и витринах сохранились трогательные объявления первых дней, когда еще не возобновилась «Пролетарская правда», — эта газета, детище калининских рабочих, снова выходит. Эти объявления на зданиях и витринах можно читать подряд, как поэму восстановления. Они написаны чернилами от руки, их писали советские люди, взявшие на себя инициативу восстановления города. Ткацкая фабрика имени Ворошилова просит зарегистрироваться всех рабочих, работниц, мастеров и объявляет о найме рабочей силы. Отдел здравоохранения возобновил свою работу, нуждается в строительных рабочих, кровельщиках, стекольщиках, мастерах. Школа номер такой-то просит всех учащихся и преподавателей явиться такого-то числа. «Просят зарегистрироваться профессоров, преподавателей^[267] и студентов педагогического института». Десятки и десятки объявлений учреждений, предприятий, школ, кооперативных артелей. Теперь многие из этих организаций уже работают.

Велики трудности впереди — особенно в деле восстановления предприятий, снабжения города топливом, продовольствием. Но город Калинин, переживший кровавый фашистский плен, уже живет кипучей советской жизнью. От Москвы к Калинину уже идут поезда, ткацкая фабрика имени Ворошилова скоро начнет работать.

Н. П. Деев, полковник, бывший прокурор 31-й армии

ЭТО НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ

Готовясь к нападению на Советский Союз, идеологи фашистской Германии усиленно обрабатывали немецкие войска в духе расизма и человеконенавистничества, вбивали в головы офицеров и солдат мысль о превосходстве немецкой нации и необходимости завоевания восточного пространства ради создания «великой Германии».

Еще до вторжения в СССР, 13 марта 1941 года, главная квартира германского главнокомандования издала за подписью Кейтеля инструкцию, в которой на генералов и офицеров возлагалась обязанность организации террора, убийств военнопленных и грабежа населения оккупированных немецкими войсками районов. В июне 1941 года последовала инструкция к директиве о пропаганде, в которой предписывалось «беспощадно расправляться со всеми теми, кто будет оказывать сопротивление

немецким войскам». 17 июля 1941 года начальник полиции безопасности «СД» Гейдрих издал приказ о систематическом уничтожении советских людей в концлагерях на захваченной советской территории. 8 сентября начальник управления по делам военнопленных при верховном немецком главнокомандовании генерал Рейнеке издал правила обращения с советскими военнопленными, в которых говорилось: «Большевицкий солдат потерял... право на то, чтобы с ним обращались как^[268] с честным противником, в соответствии с правилами Женевской конвенции... При малейшем намеке на неподчинение должен быть отдан приказ о безжалостном и энергичном действии... Использование оружия против военнопленных является, как правило, законным».

В личном приказе Гитлера под названием «Мрак и туман» («Нахт унд небель эрлас») идея истребления советских людей излагалась предельно коротко и ясно: «Нам недостаточно разбить русскую армию и захватить Ленинград, Москву. Мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить ее народ».

Выполнялось все это с немецкой пунктуальностью.

По мере освобождения городов и районов Калининской области рос и список совершенных гитлеровцами преступлений. В деревне Марьино были обнаружены трупы семи красноармейцев. По объяснениям жителей, все семь воинов были взяты в плен тяжелоранеными. Гитлеровцы облили их бензином и сожгли. Опознан один — красноармеец Фомин из города Шуи.

При освобождении селений Старо-Семеновского и Ново-Семеновского были найдены трупы пяти неизвестных красноармейцев. На телах — следы штыковых ран. Отрезаны носы, уши, выколоты глаза.

Утром 9 декабря в поселке Эммаус были обнаружены трупы пяти красноармейцев. У одного бойца была вырезана пластами кожа и мягкие ткани на бедрах, другим нанесены колотые раны и порезы на лицах. Все красноармейцы подвергались пыткам.

В селе Медное гитлеровцы штыками закололи 24 человека из строительного батальона, захваченных безоружными.

В деревне Чухино в двух сараях обнаружены трупы 56 сожженных фашистами пленных красноармейцев.

Пыткам и истязаниям были подвергнуты многие жители Калинина.

Однажды на командный пункт штаба 31-й армии приехал военком армейского автобатальона батальонный комиссар Дворядкин и рассказал о страшной находке. В Первомайском поселке красноармейцы обратили внимание на беспокойное поведение лошадей. Стали исследовать местность. В трех ямах обнаружили слегка присыпанные землей и снегом 67 трупов, среди них 18 женщин. У принявших мученическую смерть людей были раздроблены черепа, исколото и ^[269] изрезано тело, лица разможжены, выбиты зубы; у 42 — руки связаны назад электропроводом и веревками; у 12 — затянута на шее петля из обмоток и полотенец; у двух женщин рты завязаны косынками. Здесь свирепствовало гестапо и вояки из 161-й пехотной дивизии.

Столяр фабрики имени Володарского Василий Иванович Дюдинов рассказывал, как казнили советских активистов на Волынском кладбище. Работник райпромсоюза Новиков видел, как на площади Ленина повесили двух стариков. На Медниковской улице на телеграфном столбе был повешен сапожник Иван Горшков. К его груди была приколоты записка: «Я помогал Советской власти».

10 декабря при освобождении села Старо-Семеновское было найдено исколотое штыками тело школьника Васи Кочерыжкина, который, как вызов фашистам, надел поверх пальто пионерский галстук.

26-летнюю Ольгу Пушкину, жену коммуниста, мать троих детей, изверги изнасиловали, после чего перерезали горло и вырезали грудь.

В деревне Котово гитлеровцы штыками закололи советскую активистку Наташу Ермолаеву, знатную трактористку. Не пощадили палачи и ее грудного ребенка.

Колхозница села Кузьминское Галкина при отходе наших частей укрывала в своем доме раненых красноармейцев. Немцы подожгли дом. Вместе с 18 ранеными сгорели родственники Галкиной.

За гитлеровцами повсеместно тянулся след зверств и насилий. Любое проявление человеческого духа, советского патриотизма каралось смертью. В деревне Иванцово Илья Федосеевич Мухин запретил жене стирать оккупантам белье. Фашисты его повесили.

Наталью Соловьеву из деревни Чухино и Феклу Королеву из колхоза «Парижская коммуна» расстреляли за попытку помешать угону колхозного скота.

Оккупанты истребляли советских людей, как скот, не ведая жалости. В деревне Котово были обнаружены трупы расстрелянных перед отступлением трех грудных детей, двух подростков, семи женщин и двух стариков.

Колхозник В. В. Зайцев из деревни Кликино всего только попытался потушить зажатый дом и поплатился жизнью.

Ни в чем не повинных граждан убивали только за то, что они советские люди. Перед отступлением из деревни Обухово фашисты открыли огонь из автоматов по дому, в котором^[270] находились колхозницы с малолетними детьми. В деревне Захеево немцы бросили две гранаты в погреб, где скрывались во время боя местные жители с детьми.

Отступая из деревни Максимовское, фашистские палачи из 303-го пехотного полка 162-й дивизии согнали жителей окрестных деревень и выстроили их в качестве прикрытия, а затем открыли по ним пулеметный и минометный огонь. Свидетели этого бесчеловечного акта бойцы 119-й стрелковой дивизии рванулись вперед. Это спасло многих от неминуемой гибели.

Широкий резонанс получила трагедия, разыгравшаяся в селе Бурашеве. На территорию Бурашевской психиатрической больницы ворвались солдаты 9-й немецкой армии генерал-полковника Адольфа Штрауса. Вначале они разграбили продовольственные и вещевые запасы больницы, а затем вломились в больничные корпуса. В палатах под

разбойный свист и улюлюканье гитлеровцы учинили расправу над больными людьми.

В лечебном учреждении находилось около 750 больных. После дикого, не укладывающегося в сознание цивилизованного человека глумления над беззащитными людьми последовал чудовищный по цинизму приказ командира 162-й немецкой дивизии полковника Будта: «Русских больных не выпускать, а помещения очистить полностью».

Одних кололи ножами и штыками или расстреливали. Другим давали смертельную дозу наркотических веществ.

Село Бурашево было освобождено в ночь с 16 на 17 декабря. Перед взорами бойцов открылось страшное зрелище. На месте лечебных корпусов были развалины, пепелища, прекрасная больница превращена в руины. Больные уничтожены...

746 невинных жертв бурашевской трагедии покоятся на территории больницы. Скромный обелиск у въезда в больницу всегда будет напоминать о кровавом злодеянии фашизма.

О совершенном преступлении Совинформбюро и Наркоминдел оповестили весь мир. На Нюрнбергском процессе главных военных преступников Международному трибуналу был предъявлен акт, подтвердивший факты массового убийства гитлеровцами больных Бурашевской больницы.

Свои кровавые злодеяния палачи даже обосновали теоретически. Еще в 1939 году наци провозгласили «программу[271] эвтаназии» (легкой смерти), сводившуюся к насильственному умерщвлению старых и неизлечимо больных, то есть бесполезных людей. Эта людоедская программа осуществлялась силами «заведений эвтаназии» под руководством фашистских профессоров Хойде, Ниче, Германа Пауля и военного преступника Фриче.

Следуя этой программе, гитлеровские палачи истребили всех больных еще в одной больнице — в селе Бредневе. А в помещении, где была пролита кровь, гитлеровцы устроили кабаре.

Сотни актов, тысячи заявлений поступили от граждан освобожденного от гитлеровцев Калинина о грабежах и насилиях, совершенных немецкими оккупантами за свое двухмесячное пребывание в городе. Вот что рассказал нам рабочий Калининского аэропорта Дмитрий Иванович Смирнов:

«Первое, с чего начали немцы, — это безудержный грабеж населения. Брели все подряд — вплоть до детских игрушек. В Мигалове немцы подчистую забрали домашний скот и птицу. Отступая, немцы подожгли красноармейское общежитие авиагородка. Два месяца, проведенные в Мигалове при немцах, были долгими днями страха, голода и унижения».

То же было в других районах города. Дома по улицам Бебеля, Софьи Перовской, Чернышевского были полностью разграблены, а что нельзя было унести — разрушено и изломано. Перед бегством гитлеровцы подожгли и разрушили многие городские здания. Судя по письмам офицеров и солдат 161-й немецкой пехотной дивизии, акция эта была продумана заранее. Ефрейтор Дидрих Бош своей жене писал:

«Калинин, утро 15.12.1941 г. Моя дорогая Гезина! Мы должны покинуть этот город. Он весь будет в

полдень взорван и подожжен».

Рабочие фабрики имени Вагжанова Е. П. Георгиевский, В. И. Волнушкина, П. Д. Гуляев рассказали, с какой поспешностью фашисты жгли фабричные здания, жилые дома, детские сады, клуб имени Трусова.

Разграблению и уничтожению подверглись многие калининские деревни. В колхозе «Красное звено» Калининского района немцы забрали всех лошадей, коров, овец, разорили пасеку. Забрали весь колхозный хлеб и овощи. У колхозников отобрали личный скот, теплую одежду, обувь.

По неполным данным, только в Калининском районе гитлеровцы сожгли 2427 домов колхозников, 28 сел и деревень. В деревне Лобково было сожжено 46 домов, в Желнино^[272] — 31, в Чудове — 26, в Б. Куркине — 19, в Бакшееве — 25 домов.

От рук гитлеровцев в районе погибло свыше 1400 мирных жителей. В Германию было угнано почти все взрослое население из деревень Измайлово, Лукьянове, Желнино, многих других населенных пунктов.

Массовый террор, грабежи и насилия были рассчитаны на подавление воли к сопротивлению. Цели своей фашистские идеологи не достигли. Достигли обратного: перед лицом смертельной опасности весь наш народ взялся за оружие.^[273]

НАРОД ВЗЯЛСЯ ЗА ОРУЖИЕ^[274]

Директивное указание Калининского обкома ВКП(б) секретарям райкомов и горкомов партии об организации подпольных партийных ячеек

3 июля 1941 г.

В соответствии с директивой СНК СССР и ЦК ВКП (б) обком ВКП(б) предлагает ускорить организацию подпольных конспиративных ячеек ВКП(б) из проверенных коммунистов, подготовку явочных квартир. Коммунисты, которые будут оставлены на подпольную работу, должны быть первым секретарем ГК и РК ВКП(б) каждый в отдельности (персонально) проинструктированы о их задачах, и указать им место явки после занятия врагом территории (района).

Секретарь Калининского обкома ВКП(б) Бойцов {100}

СВОДНЫЙ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЙ...

Так случилось, что осенью 1941 года наш город оказался практически без войск. Военские части отправились на фронт, военные училища были эвакуированы, а ополченцы ушли на пополнение московских ополченческих дивизий.

...Ночь с 13 на 14 октября была тревожной. Немецкая авиация непрерывно бомбила город. Горели дома, рушились корпуса «Пролетарки», вагонзавода.

С утра 14 октября улицы заполнили беженцы. С тележками, рюкзаками, узелками спешили к центру города, к Волге. Кому повезло, ехали на грузовых машинах, плотно прижавшись друг к другу.

В течение двух дней обстановка в городе коренным образом изменилась. Совершенно неожиданно для большинства жителей, да и для местных властей, город из тылового стал фронтовым. Войска еще не подошли, и единственной реальной боевой силой оказались только истребительные отряды.[275]

Еще в июле в области было сформировано шестьдесят восемь районных истребительных батальонов численностью 150–200 бойцов в каждом, в том числе шесть в городе Калинин. Первоначально они помогали милиции, но с приближением фронта нередко действовали как боевые подразделения по охране тыла армии и даже участвовали в боях.

В конце августа шесть батальонов слились в один сводный полк при УНКВД под командованием подполковника Гурия Константиновича Здорного, участника боев на западной границе, бывшего командира 86-го погранотряда. Полк состоял из батальона сотрудников УНКВД — 300 человек, батальона милиции — 600 человек и четырех районных батальонов по 200 человек. Бойцу полагалась винтовка «канадка», две гранаты и 120 патронов.

10 октября истребительные батальоны были переведены на казарменное положение, несли круглосуточно патрульную службу, охраняли важные объекты, готовились к боям.

К 10 октября ряды истребительных батальонов поредели. Молодежь была призвана в Советскую Армию, многие выехали в восточные районы вместе с предприятиями. Поредел и командный состав, и батальоны слились в один сводный численностью 500 человек.

12 октября стало известно о прорыве немецких войск. Батальон был выдвинут к Старицкому шоссе и в 8.00 13 октября занял оборону по противотанковому рву в районе Первомайской рощи.

В направлении Даниловского ушла разведка. Первая стычка произошла на летном поле Мигаловского аэродрома. Немецкие мотоциклисты — тоже разведка — были обстреляны и, не вступая в бой, умчались по шоссе.

Потом со стороны Даниловского появилась первая колонна немцев: танки, мотоциклисты, пехота на машинах. В обороне у нас были стрелковые подразделения 142-го полка — на левом фланге, курсанты высшего военно-педагогического училища — на правом, и между ними — истребительный батальон.

Здесь было 290 бойцов батальона. 82 человека занимали позиции у железнодорожного моста через Волгу, и 120 бойцов охраняли объекты в Заволжье.

Вот что рассказал об этом бое бывший боец Пролетарского истреббата Василий Арсеньевич Иванов.[276]

«Наступали немцы с легкими танками впереди. Мы встретили их огнем из винтовок. На позиции были также красноармейцы с пулеметами. Бой был у противотанкового рва.

Немецкие танкетки его не прошли и лишь стреляли. Наступала пехота. Погибли командир батальона пограничник старший лейтенант Григорий Трофимович Долгоруков, комиссар батальона Арсений Францевич Паткевич, погибло много наших истребителей. Отступали мы к насыпи железной дороги. И

здесь продолжался бой. Потом наши позиции заняли бойцы Красной Армии, а нас отвели за Волгу».

Командовал отрядом у Первомайской рощи командир истребительного батальона старший лейтенант Григорий Трофимович Долгорук, кадровый командир, пограничник, человек сильного характера и могучего телосложения. Двумя днями раньше в кабинете начальника санчасти он отбивался от молоденькой врачихи, подозревавшей у него пневмонию: «Та як же я в стационар! Кто моих хлопцев будэ бою вчить? Я здоровый, прокашляюсь».

Война шла где-то далеко, у Вязьмы, и Долгорук полагал — успеет выучить своих ребят. Надеялся встретиться с семьей, находившейся в эвакуации где-то в Сибири. Прикидывал, скоро ли получит «капитана», к которому его представили. И верил в свою звезду: если уж там, на границе, в неравном жестоком бою уцелел, то теперь будет воевать до победы.

А жить ему оставалось два дня...

14 октября бой переместился на городские улицы. Наши войска отходили, ведя арьергардные бои. В отдельных стычках принимали участие и бойцы истребительного батальона.

Одна из них произошла у старого волжского моста, у здания, где размещалось управление внутренних дел (теперь — медицинский институт). Первый этаж здания занимал штаб 30-й армии. В связи с угрозой прорыва немцев к центру города со стороны «Пролетарки», штабная рота охраны утром 14 октября заняла оборону по реке Тьмаке, у городского сада и у здания облисполкома (теперь музей и картинная галерея).

В 15.00 к ним присоединилась группа бойцов истребительного батальона УНКВД под командованием майора Г. А. Митькова. Это были в основном офицеры управления, накануне участвовавшие в бою у Мигалова.^[277] Около 17.00 со стороны улицы Софьи Перовской появились немецкие танки. За танками шла пехота. Когда танки подошли к мосту через Тьмаку, со стороны Советской улицы ударила пушка. Передний танк остановился перед мостом и дал ответный выстрел. Отважную сорокапятку разнесло вместе с расчетом.

Дальше привожу рассказ участника боя, в то время сержанта госбезопасности Григория Кирилловича Рассадова:

«Кроме винтовок и карабинов, встретить танки нам было нечем. В это время из-за подбитого танка появились автоматчики. Под прикрытием пулеметного огня они заскочили в здание школы № 6 и стали бить по нам из окон второго этажа. Ведя прицельный огонь из-за решетки городского сада и здания У НКВД, мы блокировали эту группу. Потом немцы поставили пулемет на колокольне, возвышавшейся за стадионом, и наши позиции оказались в зоне огня.

В это время я заметил, что немцы заходят нам в тыл со стороны Волги. Мы опередили их, встретили залповым огнем, гранатами и уничтожили эту группу.

В 19.00 обстановка резко осложнилась. Ухудшилась погода, повалил первый снег с дождем, похолодало. Боезапаса практически не было. Наступали сумерки. Нужно было решать, что делать. Посланный в здание УНКВД связной принес известие: штаб 30-й армии и управление НКВД уже выехали в район Советского переулка. Туда же отходит рота охраны.

Майор Митьков взял с собой группу бойцов и, отдав распоряжение «без приказа не отходить», пошел разыскивать штаб. Обратно он не вернулся, и оставшиеся 25 бойцов, полагаясь только на себя, выбрали командира — лейтенанта Аркадия Николаевича Ломакова — кадрового офицера, участника боев на

Халхин-Голе. Ему сказали: командуй, — и вопрос был решен.

«Обстановка была хуже, чем на Халхин-Голе, — вспоминает Аркадии Николаевич, ныне майор в отставке, житель города Калинина. — Патроны кончались, уйти за Волгу по мосту невозможно — мост простреливался противником, огонь артиллерии корректировался с колокольни. К тому же со стороны улицы Возмездия (ныне ул. Брагина) появились танки. Ведя на ходу огонь, они приближались к волжскому мосту. Мы насчитали девять танков. Не имея возможности вести бой, я принял решение отходить по правому берегу Волги в направлении Московского шоссе для соединения с основными силами истребительного батальона. Мы[278] долго шли по подмерзшей, покрытой мокрым снегом земле. Никого не встречая, дошли до деревни Ново-Константиновки. По рокоту моторов поняли, что Перемерки у немцев. Пришлось прижиматься к Волге. Подойдя к реке, под крутым берегом мы увидели людей — не менее семидесяти человек, которые ждали переправы на левый берег. В толпе были женщины, старики, дети. Надо было спасать этих людей. Но как? Лодок нет, вокруг валялись бревна. Можно было бы связать плоты, но по реке уже шла шуга, — боязно за детей. В это время заметили большую груженную мешками лодку. Велели причалить. Хозяин пояснил: везет зерно с элеватора — там уже немцы. Загрузили лодку и, пока не рассвело, начали переправу.

На левом берегу кто-то нашел еще одну лодку-плоскодонку. Только перевезли гражданских — в Перемерках загорелось несколько домов. Отблеск пламени осветил реку и левый берег. Немцы обнаружили переправу, и начался минометный обстрел. Потом, совсем уже близко, послышалась дробь автоматов.

Уходила последняя большая лодка. Я рассадил в нее семь человек. Остался с тремя. Уже у левого берега лодку накрыли минометы. Оттуда донесся крик: «Ломаков, ребята гибнут!» Я оттолкнул плоскодонку. Приблизившись, увидел: у перевернутой лодки — трое. И четыре шапки на воде...

Виктора Баранова, Федора Болденкова, Геннадия Зотова, Сергея Смирнова — добрых моих товарищей — я буду помнить всегда».

...А сводный истребительный батальон города продолжал сражаться. Сто двадцать бойцов под командованием начальника штаба истребительных батальонов области майора Михаила Федоровича Гавриляка в составе 937-го полка 256-й стрелковой дивизии в течение двух дней держали оборону в районе Тверецкого моста.

36 человек из оперсостава УНКВД были отозваны с передовой в заградительную службу. Наряду с проверкой перебежчиков со стороны немцев, они выявляли шпионов, вели разведку в Калинине и его окрестностях, готовили разведчиков из местного населения для внедрения в административные органы оккупантов, помогали переправляться во вражеский тыл партизанским отрядам.

Выведенные из боя в районе Кировского поселка бойцы Пролетарского истреббата до 16 октября находились на отдыхе в осоавиахимовских лагерях близ д. З.меево. Утром[279] 17 октября батальон, пополненный ротой сотрудников милиции, участвовал в контратаке против прорвавшихся на Бежецкое шоссе немцев. После этого батальон влился в 934-й полк 256-й стрелковой дивизии и дрался на его левом фланге на участке от Савватьевской железнодорожной ветки до Волги. Командовал батальоном лейтенант Александр Семенович Зуев — бывший начальник погранзаставы, а после его ранения — сержант милиции Григорий Иванович Низалин, бывший до этого командиром взвода 4-го отделения милиции г. Калинина. Участник войны с белофиннами, коммунист, он личным примером не раз увлекал бойцов в атаку. Будучи ранен, Низалин не ушел с поля боя и только после второго — тяжелого ранения был госпитализирован.

О боевых делах истребительного батальона год спустя писала газета «Пролетарская правда». Автор статьи «За родную землю» Г. И. Низалин рассказывал:

«В последующие дни сводный истребительный батальон влился в одну из дивизий и вместе с бойцами Красной Армии пошел в наступление. При наступлении в числе других погиб в бою командир взвода,

член ВКП(б) Иван Егорович Куров, работавший в 3-м отделении милиции. Куров дрался с фашистами как герой. Отличился и другой командир — Кустов. Его взвод находился в долине за Тверцой. В это время появился немецкий броневик. Бойцы обстреляли его из винтовок, выбили немцев из машины и захватили ее.

Мужественно сражался секретарь комсомольской организации батальона Рожков. Приняв на себя командование взводом, он несколько раз поднимал людей в атаку.

Работник милиции Тарасов по состоянию здоровья был признан негодным к строевой службе. Но в числе первых вступил в истребительный батальон. Был ранен, но оставался в строю до освобождения города. Награжден медалью «За отвагу».

Токарь механического завода «Пролетарка» коммунистка Екатерина Чуркина 13 октября добровольно записалась в истребительный батальон. Была медицинской сестрой, вынесла с поля боя 20 раненых. Была ранена сама, и после выздоровления снова ушла на фронт.

Отважно сражались за родной город командир взвода рабочий фабрики «Пролетарка» Аверьянов, Кириллов, Ряданов и другие». {101}

За восемь дней боев (с 13 до 21 октября) семьдесят два бойца сводного истребительного батальона пали смертью[280] храбрых: командир взвода Ф. И. Романичев, работник «Ка-лининэнерго» Н. А. Патрухин, главбух ситцевой фабрики Г. Д. Чередников, литейщик мехзавода И. Е. Романов, начальник отдела труда ткацкой фабрики А. Н. Усачев, Б. Миронов и другие патриоты, добровольно вставшие на защиту родного города.

Н. Шушаков

В КАЛИНИНСКОМ ПОДПОЛЬЕ

I

Перебирая в Калининском областном партийном архиве документы, связанные с партизанским движением в нашей области, я неожиданно наткнулся на записку, адресованную обкому комсомола. Под ней стояла подпись: Николай Нефедов. Отложив в сторону все материалы, я принялся читать ее и с первых строк понял: это то, что я искал. В записке, составленной неизвестным комсомольцем вскоре после освобождения города Калинина, рассказывалось о подпольной комсомольско-молодежной группе, действовавшей в нашем городе во время оккупации.

Эта находка — короткий рассказ руководителя группы Николая Нефедова — и послужила началом долгого и нелегкого поиска. Я задался целью во что бы то ни стало узнать все, что возможно, об этой группе, узнать имена наших отважных земляков, которые до этой поры не были известны, и рассказать о них.

Мой рассказ был бы неполным, если бы я не вспомнил о том, как шли поиски. Ведь это десятки встреч, неожиданных интересных, приносящих то радость, то огорчения. Это и десятки писем от людей, безразличных к судьбам юных подпольщиков.

С чего начать? Конечно, с автора этой записки Николая Нефедова. Жив ли он, а если жив, то где находится?

Мне было известно, что в городе живет отец одного из активных участников подполья, Виктора Пылаева, — Михаил Ивлевич. Нахожу его. Михаил Ивлевич вспоминает несколько интересных эпизодов, рассказывает о своем сыне. Но жив ли сейчас Нефедов

— затрудняется ответить. Зато у меня появляется адрес, где раньше жил Нефедов. Здесь, по словам Пылаева, была одна из явочных квартир подпольщиков.[281]

Улица Урицкого, дом № 14/28... Здесь во дворе, во флигеле, и жил Николай Нефедов. Захожу во двор.

— Вы кого ищете? — спрашивает женщина. Объясняю. И первое разочарование: флигель, оказывается, давно снесли. А вот Нефедов...

— Да вроде был в нашем дворе такой, — вспоминает Анна Иосифовна Солодова. — Невысокого роста паренек, всегда приветливый. А где он сейчас, не могу сказать. Да вот что, — радостно спохватывается она, — жили здесь вместе с Нефедовым в подвале флигеля старики Воробьевы, муж с женой — его соседи. Во время оккупации так в подвале и просидели. А когда флигель снесли, им новую квартиру дали, на Манежной улице.

С волнением переступал я порог новой квартиры, где живут Воробьевы. Узнав о цели моего прихода, старики заволновались, дороги, видно, были им эти воспоминания. Конечно, они помнят Нефедова. Еще бы не помнить! Точно не знали, но догадывались о его деятельности, очень беспокоились за него, по-настоящему, по-родительски. Был такой случай, вспоминает Воробьева. Выполняя задание, Николай сломал ногу, и после этого ребята перевели его на другую тайную квартиру. Там он долгое время скрывался у Любови Федоровны Шмуклер, которая выдавала его за брата своего мужа. Что было дальше, Воробьевы не знают. Знают только, что после освобождения Калинина от фашистов он долгое время лежал в госпитале, а потом куда-то уехал.

Был момент, когда надежда на успех стала покидать меня. А вдруг не удастся мне найти Нефедова? Ведь за эти долгие годы всякое могло случиться. Может быть, другим путем нужно вести поиски? Но вот новый адрес... Он — последняя надежда... Интересно, найду ли я Л. Ф. Шмуклер?

Нашел, а от нее услышал то, что так боялся услышать. Вскоре после выздоровления Николай Нефедов женился, жил с женой в нашем городе, а в 1947 году, после осложнившейся болезни, умер. Как найти жену Нефедова, Любовь Федоровна не знала.

Много интересного узнал я от смелой женщины-патриотки, которая, рискуя жизнью, скрывала у себя подпольщика. «Но что стоят эти рассказы? — думал я тогда, переживая неожиданную печальную новость. — Кто лучше, чем сам Нефедов, смог бы рассказать о деятельности подпольной группы, о самих подпольщиках?»[282]

Но вот однажды товарищи, заинтересованные в моей работе и много помогавшие мне, предложили ознакомиться с новыми документами. Среди них, я даже глазам не поверил, был один, написанный в феврале 1942 года рукой самого Нефедова. В нем сведения о месте рождения Николая. Узнаю, что он уроженец Удомельского района, из деревни Курьевонихи. Пишу письмо в Мстинский сельсовет. Оттуда незамедлительно сообщают, что мать Николая Нефедова умерла, а сестра его, Анна Андреевна, живет сейчас в городе Колпино Ленинградской области. Прошу сестру прислать фотографию брата и сообщить, если знает, адрес его жены.

И вот на моем столе лежит его фотография. Наконец-то я вижу лицо человека, судьбой

которого интересуюсь уже много-много дней. Затем новые встречи, сначала с женой Николая, потом с его другом А. А. Дьячковым. К ним я приходил уже не с пустыми руками. Как пароль, вынимал и показывал фотографию Николая. Как много воспоминаний, интересных разговоров может вызвать обыкновенная фотография, вот такая, как эта! Товарищ Николая рассказал мне о том, что до оккупации Калинина они оба работали в слесарно-механической мастерской райпромкомбината Центрального района. Николай был мастером.

Однако мои поиски на этом не закончились. Еще рано было садиться за стол и начинать свой рассказ. Помешало этому одно непредвиденное обстоятельство. В ходе поисков, знакомясь с множеством материалов, слушая воспоминания разных людей, мне удалось установить, что в Калинине параллельно с группой Нефедова действовала и другая подпольная группа, организованная комсомольцем Константином Елисеевым. Что это за группа, действовала ли она самостоятельно или заодно с нефедовцами, кто руководил ею? На эти вопросы тоже предстояло найти ответ.

Большую помощь в новых поисках оказала мне Клавдия Павловна Бойкова, в прошлом комсомольский работник. От нее я узнал, что Костю Елисеева искать бесполезно. Его нет в живых. Но есть адрес его сестры, Елизаветы Никитичны. Началась переписка. Вскоре получил я и фотографию Кости Елисеева. А воспоминания его сестры стали замечательным дополнением к тому, что я уже смог узнать об этой подпольной группе.

Постепенно картина проясняется. Становилось очевидным, что на явочные квартиры подпольщиков с заданиями^[283] через линию фронта приходили разведчики — юноши и девушки, направленные разведотделом Калининского фронта, обкомом и горкомом комсомола. Узнаю, что начальником разведотдела был майор Ф. Д. Пиманов. Он проводил большую работу по засылке в тыл врага наших отважных разведчиков-диверсантов. Конечно, много интересного может рассказать сам Федор Дмитриевич. Нахожу его адрес и пишу письмо в Орловскую область, где живет подполковник в отставке. С нетерпением жду ответа и наконец получаю его: вместе с интересными документами и воспоминаниями — доброе пожелание успеха в работе. Это прибавляет мне сил и энергии. А тут совсем неожиданно у меня появились новые помощники — юные следопыты из восьмилетней школы № 26 и средней школы № 16. Их поиски помогли прибавить к списку калининских патриотов несколько новых имен.

Встречи и открытия продолжают. Удастся встретиться с оставшимися в живых участником подпольной группы Федором Хохловым, с матерями Бориса Полева и Виктора Пылаева. Идут письма от бывшей разведчицы Вали Карасевой и многих других.

Естественно, возник вопрос: от кого Нефедов и Елисеев получили задание остаться в оккупированном городе? Или, может быть, обе группы — стихийно возникшие подпольные организации смелых мальчишек, вооруженных ненавистью к врагу и огромным желанием помочь своей Родине? Скажу откровенно: судя по характеру некоторых операций, проводимых молодыми патриотами в тылу врага, могли возникнуть и такого рода предположения. Бывший секретарь Калининского горкома комсомола Владимир Андрия-нович Никитин, проживавший в Москве, внес необходимую ясность. «По указанию партийной организации, в связи с приближением врага к Калинин, — сообщал Никитин, — обком и горком комсомола провели работу по созданию подполья. В числе оставленных для развертывания подпольной работы

были комсомольцы Николай Нефедов и Константин Елисеев. В подпольной работе принимало участие до 60 юношей и девушек.»

II

14 октября 1941 года. Ревом снарядов, разрывами бомб, пламенем пожаров запомнился этот день жителям города Калинина. Горели текстильные фабрики «Пролетарка»,^[284] «Вагжановка», черный дым поднимался над Заволжьем и железнодорожным вокзалом. По лесным и проселочным дорогам все дальше и дальше от горящего города, от подступающего врага уходили беженцы. А враг, он был совсем рядом. А районе Мигалова, прорвав оборону, уже грохотали фашистские танки, уже расплзались по улицам зеленые фашистские шинели. Вслед за ними в город нагрянули гестапо, полевая жандармерия. Над комендатурой повис фашистский флаг.

В тот день на стенах и развалинах домов, на заборах появилось множество приказов и распоряжений — фашисты заявили населению о «новом порядке». Расправу — расстрел и виселицу — сулили они всем, кто попытается проявить недовольство этим «порядком». На перекрестках улиц, на площадях, зловеще ворочая стволами орудий, стояли немецкие танки. На площади Ленина и на площади Пушкина появились виселицы.

Хмуро смотрели на фашистские бесчинства разбитые окна опустевших домов. Но город жил, набирался мужества. Приглядываясь к врагу, оценивая его силу, он готовился к борьбе.

Это было на третий день после оккупации города, когда, немного осмелев, люди стали выходить на улицы. На одной из них появился человек. Он шел, опираясь на палку, слегка прихрамывая. Пожалуй, только этим и отличался он от остальных. Человек остановился возле одного из многочисленных фашистских приказов, прочитал его, пошел дальше — мимо развалин, мимо редких прохожих. На улице, у подъездов уцелевших домов мелькали зеленые шинели. То там, то здесь раздавались беспорядочные автоматные и винтовочные выстрелы.

Внезапно внимание прохожего привлекли крики. Остановился и увидел отвратительную картину: озверевшие фашисты избивали старика. Он упирался, кричал им что-то, а они толкали его прикладами. Следом из дверей дома летели одежда, пожитки. Фашистам, видимо, приглянулась квартира, решили занять ее, а хозяина — старика — вон, на улицу.

Сжимая кулаки, с трудом сдерживая себя, чтобы не вступиться за старого, человек повернул в переулок, прибавил шагу.

— Николай, подожди, — окликнули его.

Николай оглянулся, узнал догонявшего его паренька.

— Здравствуй, Виктор.^[285]

Оглядевшись по сторонам, они пошли рядом.

— Видал, что делают гады? — спросил Николай.

— Видал. А знаешь, что на площади Революции делается? Фашисты трупы таскают, немецкое кладбище хотят устроить. Это на площади-то! А виселицы на площади Ленина? Хватит ждать, чего смотрим!

— Ты вот что, — перебил его Николай, — горячиться тут нечего. Только дело испортим. Приходи-ка вечером ко мне... дорогу небось знаешь. И чтоб никакого шума, понял?

И двое случайно встретившихся людей быстро разошлись.

Но встреча эта была не случайной и не просто ради прогулки вышел на улицу этот прихрамывающий человек. Когда части Красной Армии оставили Калинин, в городе по заданию обкома и горкома комсомола остался комсомолец Николай Нефедов. Остался с заданием: подобрать группу ребят и вести подпольную работу.

Хотелось Николаю совсем другого — надеть военную шинель, взять в руки винтовку и драться с врагом в открытую, смело глядя ему в глаза. Однако об этом и речи быть не могло: что за боец — хромой, с палочкой. Но однажды в горкоме комсомола состоялся у Николая такой разговор, после которого у него словно сил прибавилось. В горкоме хорошо знали общительного, находчивого парня. Знали и о том, как нелегко переживает он свое вынужденное бездействие. И вот пришло время, когда потребовалась помощь Николая Нефедова — секретаря комсомольской организации слесарно-механических мастерских райпромкомбината.

Теперь в оккупированном Калининe он не был Нефедовым. В кармане у него лежали новые документы, оформленные на Наумова. В тот день, когда произошла эта первая встреча в захваченном врагом городе, Николай твердо решил: хватит отсиживаться, хватит глядеть на бесчинства — пора действовать. Но с чего начинать? С кем? Одну за другой он вспоминает фамилии ребят, которые должны были остаться в городе и на которых можно было положиться. Виктор Пылаев — этот не подведет. Сегодня вечером можно обо всем договориться.

Смеркалось. Николай с беспокойством прислушивался к недалеким выстрелам, осторожно выглядывал в окно: удастся ли пройти парню? Но Виктор пришел, и не один. Привел двух товарищей. Николай внимательно посмотрел на них, подумал про себя: «Совсем мальчишки». А Виктор уже бойко рассказывал Николаю о своих друзьях — Федоре^[286] Хохлове и Борисе Полеве. Оказалось, что все трое учились в одной школе, восемнадцатой средней. Когда немцы подходили к Калинину, ребята решили: останемся в городе, будем бить фашистов.

Заметив недоверчивый взгляд Николая, Виктор заявил:

— На них, как на меня, можешь положиться — не подведут.

В тот вечер в подвале флигеля во дворе дома № 14/28 по улице Урицкого при свете маленькой керосиновой лампы состоялось первое совещание подпольной группы.

— Что будем делать? — спросил у ребят Николай.

— Как что? Добывать оружие и бить фашистов, — ответил за всех Виктор Пылаев. Николай улыбнулся.

— Нет, ребята, так у нас дело не пойдет. Подпольная работа — нелегкая. Запомните: мы здесь остались не только для того, чтобы самим, своими собственными руками бить фашистов. Надо армии помогать.

Ребята приуныли, и Николай решил их приободрить: — Не огорчайтесь, дело и для нас найдется. Только ответьте мне: не струсите?

— Нет, — в один голос сказали ребята.

На этом и закончилась беседа. Каждый из них — и самый старший двадцатисемилетний Николай Нефедов, и ребята, которым только-только исполнилось по семнадцать-восемнадцать лет, — понял в тот вечер, что их четверых с этой минуты связывает не короткое знакомство, не горячий мальчишеский порыв — схватить поскорее оружие и бить врага. Отныне их соединила огромная ответственность перед народом, перед партией, перед комсомолом, перед своими земляками. Соединило желание принести как можно больше пользы своей Родине.

III

Легко сказать — раздобыть оружие. Но как это сделать, если у тебя в кармане обыкновенный перочинный нож, которым совсем недавно, сидя на уроке в школе, затачивал карандаши; если за твои семнадцать лет тебе ни разу и в голову не приходило, как это можно поднять руку на человека? На человека? Но разве у тех, кто ходят в зеленых шинелях по улицам родного города, убивают и вешают безвинных людей, разве осталось у них хоть что-нибудь человеческое?^[287]

Поздно вечером двое из группы Нефедова — Пылаев и Хохлов — подкрались к зданию бывшей химшколы, где фашисты хранили оружие. Стали ждать. Они давно приметили часового, который безмятежно прогуливался возле школы. Вот сейчас, еще минута-другая, и надо решиться. Ребята переглядываются, кивком головы подбадривают друг друга: пора!

Из-за угла к часовому метнулись две тени: короткий удар ножом — часовой на земле. Операция рассчитана с точностью до секунды: ведь рядом, за другим углом, еще один часовой. Короткое промедление — и конец... Но все идет отлично. За первым часовым падает на землю второй. Без единого выстрела, без криков, без шума. Так у порога школы закончился этот первый необычный урок — урок ненависти к фашистам, урок мужества.

И все-таки к этому трудно было привыкнуть. Разве можно привыкнуть к тому, что по улицам твоего города ходят враги, ходят хозяевами, тычут в грудь прохожим тупые рыла своих автоматов? Вот и те двое. Ребята долго следили за ними из подъездов на улице Радищева. Громокая грязными сапогами, два вооруженных фашиста вошли в подъезд. Борис быстро заглянул в окно: не идет ли кто следом за ними? На вечерней улице — никого. Затаились на лестнице. Один с ножом, другой с пистолетом. И еще два фашиста пошли в расход — так и остались лежать у подъезда. А у подпольщиков

прибавилось еще два автомата. Не окажись потом этих трофеев, туго пришлось бы ребятам.

Эта неожиданная встреча произошла поздно ночью. Пробираясь по улице Володарского, ребята налетели на немецкий патруль. Ночью по темным улицам немцы ходили группами. И на этот раз их было человек десять, не меньше. Спрятаться в подъезде, укрыться во дворе? Поздно. Как команда к бою, прогремел выстрел. Это Николай Нефедов открыл огонь. Прячась в развалинах и отстреливаясь, подпольщики скрылись в темноте. Три фашиста были убиты. Всю ночь, разбуженные выстрелами, напуганные неожиданным налетом, немцы разыскивали партизан.

В конце октября, прогуливаясь, как обычно, по городу, Хохлов и Пылаев вышли на Сенную площадь. Забрели они сюда не случайно: в домах на площади разместилась немецкая воинская часть. Трудно было заподозрить в этих мальчишках тех самых подпольщиков, которых начинали побаиваться фашисты. И все-таки их задержали. Под конвоем привели в штаб, начали допрашивать, кто такие, откуда,^[288] зачем здесь ходят. Ребята прикинулись простачками.

— Ищем работу, — объяснили они, — есть нечего. Не пристроите ли куда-нибудь?

Продержав ребят до вечера в холодном сарае, немцы вытолкали их прикладами на площадь и предупредили: появитесь тут еще раз — расстреляем.

Вечером собрались на явочной квартире, договорились: по двое, по трое по улицам не ходить, быть осторожнее.

— А что будем Делать дальше?

— Около химшколы стоит прицеп, — сказал Федор. — Под брезентом в ящиках знаете что? Гранаты.

— Вот это да! — обрадовался Виктор. — А на Коммунальной улице во дворе одного дома — больше десятка грузовых машин. Вот где пригодились бы нам гранаты...

В ту же ночь ребятам удалось утащить с машины около двух десятков гранат. А через три дня, ночью, заранее проверив все ходы и выходы вокруг двора на Коммунальной, ребята подкрались к машинам. Одна за другой полетели гранаты, яркое пламя осветило-весь двор — взрывались баки с горючим. Из домов стали выскакивать полуодетые немцы, началась беспорядочная стрельба. Подпольщики снова успели скрыться от погони.

Вскоре одна за другой в городе взлетели в воздух три походные немецкие кухни, так и не успевшие сварить обед для фашистских солдат. Ребята ликовали:

— Вот какую свинью мы им подложили!

Специалистом по кухням был Борис Полев. Он появлялся возле походной кухни с видом, явно рассчитанным на сострадание немецких поваров: не перепадет ли, мол, чего из объедков. Покрутится, повьется возле кухни и незаметно пихнет в печку под дрова гранату или взрывчатку. И поминай как звали.

Нет, несладко жилось фашистам в чужом городе. Город явно не желал проявлять к ним своего гостеприимства. Ночные взрывы и налеты не давали им покоя. Немцам всюду мерещились партизаны. Однажды, возвращаясь домой по улице Желябова, Николай Нефедов увидел такую картину. Мальчишка, лет семи, раздобыв где-то деревянную учебную винтовку, вышел на улицу. Увидав немца, он поднял винтовку и стал в него целиться:

— Бей фашистов! — крикнул он.

От страха и неожиданности немец даже слова не мог сказать, остановился как вкопанный. Потом, разобравшись, в чем дело, выхватил у мальчишки винтовку, набросился на^[289] него. Как знать, чем бы кончился этот «партизанский» налет, если бы на улице было меньше народу. Фашист наверняка бы расправился с малышом. А тут не решился: испугался суровых, осуждающих глаз, которые смотрели на него со всех сторон.

— Ребята, — сказал вечером Николай своим товарищам, — а фрицы-то нас боятся.

В начале ноября завернули первые морозы. Посиневшие от холода немцы ходили по улицам, ежились в своих тонких шинельках, мечтая о теплой одежде. Вездесущие ребята из группы Нефедова уже разузнали, что во дворе здания ателье мод на улице Урицкого находится склад теплых вещей.

— А не устроить ли фашистам веселую зимовку? — предложил Николай ребятам.

Предложение единодушно приняли. Воспользовавшись переполохом немцев, который был вызван неожиданным обстрелом города нашей артиллерией, Николай сам поджег склад. Не об этой ли теплой одежде пришлось вскоре вспоминать немцам, замерзая в снегу под Москвой?

Старики Воробьевы — Владимир Андреевич и Прасковья Яковлевна, у которых жил Нефедов, относились к парню с уважением. Однажды Нефедов разговорился с Воробьевым и с первых слов понял, что тот о многом догадывается. Владимир Андреевич, опережая разговор, положил руку на плечо Николая и твердо сказал:

— Дай бог, чтобы у всех отцов вырастали такие сыновья. А на нас со старухой можешь положиться — не подведем!

Потом дважды в квартиру Николая Нефедова приходили фашисты с обыском. Расспрашивали о нем старика. Тот отвечал:

— Больной он, наш сосед. Из дома почти не выходит.

Еще в те дни, когда три школьных приятеля — Пылаев, Полев и Хохлов — втайне договорились, если оккупанты войдут в город, остаться бить фашистов, нашелся один человек, который узнал о планах мальчишек. Это была Катя Шиленкина, подруга Бориса Полева. Как узнала она эту тайну, никому не известно. Только однажды, в тот день, когда толпы беженцев, торопясь, покидали город, она прибежала к Борису и решительно заявила: «Как хочешь, а я тоже останусь». И осталась. Да не одна, а с

подругами — Тамарой Гусевой, с которой вместе работала на КРЕПЗе вальцовщицей, и Валей Макаровой, ученицей средней школы № 17.[290]

Не сразу решился Борис рассказать об этом своему командиру. Боялся, поднимет на смех: вот, мол, нашел подпольщиц! А то и отругает еще за то, что не сумел отговорить девчонок. Но сказать об этом пришлось — группе нужны были новые люди.

Было решено: на боевые операции девчат не брать, использовать их как разведчиц. Понятно, что разведка — дело тоже небезопасное, но при известной осторожности да осмотрительности...

Девчата роптать не стали, за дело взялись с охотой, хотя и завидовали ребятам: у тех в карманах оружие. Впрочем, у Кати Шиленкиной тоже был пистолет. Иногда она носила его с собой. А однажды и в дело пустила. Как-то вечером возвращались вместе с Виктором и Федором от Николая, а навстречу фашист. Не сговариваясь, все трое выхватили пистолеты и выстрелили.

В доме № 43 по Инструкторской улице, где жила Катя, подпольщики устроили новую явочную квартиру. Собирались вместе, заводили патефон, танцевали. Одним словом, вечеринка. И так под звуки патефона обсуждали планы новых операций, распределяли очередные задания. Однажды в разгар такой «вечеринки» в дом нагрянули немцы. Девчата не растерялись, побросав своих кавалеров, они потащили немцев на середину комнаты, стали уговаривать их станцевать. Те потоптались немного у дверей и оставили веселую компанию...

IV

2 ноября на одной из явочных квартир собралась вся группа. Ребята уже догадывались, о чем будет разговор, и с нетерпением ждали его. Обычно молчаливый Борис Полев на этот раз заговорил первый:

— А я, ребята, сегодня нашу прошлогоднюю демонстрацию вспомнил. Как мы со знаменем в школьной колонне по улицам шли. Разве кто-нибудь из нас тогда думал, что через год вот так, без знамен, без музыки, в такой обстановке, будем октябрьский праздник встречать...

— Почему без знамен, почему без музыки? — перебил его Николай. — Надо сделать так, чтоб и знамя и музыка — все было. А иначе какой праздник...

В тот вечер подпольная группа решила: 7 ноября поднять красный флаг над городом. Но где лучше и удобнее[291] вывесить флаг? Вот если бы на площади Ленина, в центре города, — можно представить, как переполошились бы фашисты! Но как это сделать? На площади днем и ночью ходит усиленный патруль, а накануне праздника фашисты будут смотреть в оба. А что, если на здании педагогического института? Здание высокое, а как забраться на крышу, ребята знают. Так и договорились: в ночь на 7 ноября Хохлов и Пылаев должны подняться на крышу и вывесить флаг.

— Не было в нашем городе октябрьских праздников без флага и не будет, — такими словами Николай Нефедов закончил это предпраздничное совещание.

Но выполнить задуманное ребятам не удалось. Неожиданно за два дня до праздника в дом № 43 на Инструкторской улице, где собрались подпольщики, явились фашисты. Начался обыск. Перетряхнули все: ящики стола, шкаф, вещи, раскидали по полу книги. Один из фашистов заглянул под кровать. Борис Полев замер: вот сейчас немец отвернет матрац. А на кровати между двумя матрацами Борис успел спрятать свой пистолет. Ткнув в кровать прикладом, немец отошел в сторону. «Пронесло», — подумал Борис.

Но на этом дело не кончилось. Пылаев, Хохлов и Полев были арестованы и доставлены в полевую жандармерию. А Вале Макаровой и Тамаре Гусевой, оказавшимся в квартире, было приказано не выходить из дома.

Утром следующего дня девушки были вызваны в гестапо. Допрашивали спокойно, без угроз, явно желая расположить девчат к откровенному разговору. Даже на работу предлагали устроить. Если, конечно, и девчата не откажутся кое в чем им помочь... В чем именно? А вот в чем. Вот эти ребята: Пылаев, Хохлов и Полев... Они же дружат с ними. Ну а что они собой представляют, чем занимаются? Скажем, оружие у них никто из девчат не видел? А может, кто-то о партизанах что-нибудь говорил? Что именно?

Подруги испуганно махали руками — мол, что вы, какие партизаны, они их приятели, мальчишки совсем! Нет, ничего такого они за ними не замечали. Собираются вместе, танцуют по вечерам, вот и все... Под вечер девушек отпустили, пообещав, что в ближайшее время подыщут им подходящую работу. А наутро возле дома остановилась легковая машина. Немецкий офицер повез их в штаб, якобы для разговора о трудоустройстве. Но разговор снова пошел о том же, что и накануне: о Пылаеве, Хохлове и Полеве.

— Впрочем, разговор не только о них, — хорошо говоривший^[292] по-русски офицер расплылся в любезной улыбке, — но и о вас. Господа офицеры хотят предложить вам работу в нашем штабе. — Поднявшись и выйдя из-за стола, он дал распоряжение младшему офицеру, и через минуту на столе появилось вино, шоколад. — Ваша обязанность, — продолжал он, разливая в рюмки вино, — по мере возможного помогать нам... Разумеется, не даром. За добрые услуги мы умеем хорошо и щедро платить.

— Кароший награда за кароший работа, — вмешался в разговор другой офицер. — Много денег, много вина, шоколада.

Офицер, разлив по рюмкам вино, поднес их девчатам, положил шоколад перед ними.

— Ой, что вы, — Валя и Тамара стали отказываться, — нам ничего не надо. Нам на работу бы устроиться, и на том спасибо.

— Вот за это и пьем — за вашу будущую работу, — офицер настаивал на своем. — Обязанности ваши несложные: помогать нам выявлять партизан, коммунистов и других лиц, которые ведут борьбу против великой Германии, против фюрера. Именно этим вы обеспечите себе красивую жизнь. Красивые девушки должны жить красиво.

Девчата сделали испуганные глаза:

— Нам с таким заданием не справиться. Мы такие трусихи. Нам бы какую-нибудь

другую работу. Может, пол прибрать или белье, если надо, постирать...

Вечером, возвратившись домой, девчата вспоминали подробности этой «теплой» встречи. Гадали: отстанут от них фашисты или снова позовут в штаб?

— Мягко стелют, — в сердцах сказала Катя Шиленкина, — сегодня конфетами угощают, а завтра пистолетом угрожать начнут. Ко всему надо быть готовым.

— Чего захотели, гады, — сердилась Валентина, — предателями задумали нас сделать!

Потом сидели молча и думали с тревогой об одном: как-то там ребята?

В подвале полевой жандармерии, разместившейся на улице Софьи Перовской, вместе с десятками других горожан, подозреваемых в диверсиях, фашисты держали их товарищей.

На допрос их вызывали по одному, задавали одни и те же вопросы: — С кем вы связаны, кто давал вам задания?

— Никаких заданий нам не давали.[293]

— Где у вас хранится оружие?

— Оружия у нас нет, а партизан мы даже в глаза не видели.

Избитые, с синяками и кровоподтеками, возвращались ребята после допроса. Неужели конец? Неужели не удастся вырваться на свободу? Здесь, в холодном подвале, в ожидании новых допросов и истязаний, о многом передумали ребята. Сожалели о том, что так мало удалось сделать. «Неужели, — думали они, — так никто и не поднимет над городом красный флаг 7 ноября?» Опасаясь, что за ними могут следить и подслушивать, ребята воздерживались от разговоров. Только однажды, уходя на допрос, Борис Полев шепнул товарищам:

— Держитесь, ребята! Будем отпираться во всем, доказательств у них никаких.

На третий день в помещение, где сидели задержанные, вошел полицай и скомандовал: — Встать!

Один за другим стали подниматься люди с пола. А Борис как сидел, так и остался сидеть. И вдруг в тревожной тишине подвала раздался его голос.

— Изменник! Предатель! — крикнул он полицая.

Тот подскочил к парню и что есть силы ударил кулаком в лицо. Борис, пошатываясь, поднялся с пола, вытер рукой кровь с лица и тоже ударил полицая.

В тот день после ужасных пыток избитого до полусмерти Бориса бросили в одиночную камеру. Больше ему не суждено было встретиться с друзьями. Ему не пришлось больше увидеть и свою мать. Он так и не узнал, что 7 ноября над оккупированным городом все-таки был поднят красный флаг.

Это сделали за ребят их товарищи. 7 ноября, выйдя утром на улицу, люди увидели над одной из крыш красный флаг. Да, это был праздник, он пришел в оккупированный врагом Калинин, вселил в сердца людей новую надежду и веру в победу, в скорое освобождение. Люди поднимали вверх головы, осторожно смахивая с глаз слезы радости, едва заметными улыбками поздравляли с праздником друг друга.

Где был вывешен флаг? По воспоминаниям разных людей, можно предполагать, что в тот день в городе было вывешено два флага: один — над лыжной базой, а второй — над спортивным залом на улице Урицкого. Но, возможно, что речь идет об одном и том же случае. Так или иначе, ясно^[294] одно: подпольщики Николая Нефедова не были одиноки. Как же дальше развивались события, что стало с ребятами? Известно, что в один из тех дней к Татьяне Георгиевне Полевой, еще не знавшей о случившемся, пришел незнакомый человек. Прикрыв за собой дверь, он проговорил:

— Уходите скорее из дому. Ваш сын Борис арестован, находится в гестапо. Не сегодня завтра могут забрать и вас.

Он рассказал, что все эти дни находился в камере рядом с Борисом и его друзьями, что после долгих пыток и допросов немцы отпустили двоих — Хохлова и Пылаева. А Борис... «Он просил передать, чтобы вы вместе с сестрой поскорее уходили из дому».

V

Однажды, это было в ноябре, к Николаю Нефедову прибежал Пылаев и рассказал, что встретил на улице хорошо знакомого Василия Павлова. Тот, зная Виктора и доверяя ему, откровенно признался, что в городе он не случайно, что уже второй раз переходит вместе с товарищами линию фронта с заданием взорвать один из важных объектов противника. Задание сложное, сказал он, и хорошо бы найти надежных помощников.

«Наконец-то, — подумал Николай, — представляется случай объединить наши силы с другой группой и действовать заодно». Решили во что бы то ни стало встретиться с Павловым. Вскоре ребята договорились, что предстоящую крупную операцию проведут вместе. Но это была первая и последняя встреча подпольщиков.

В группе Павлова находились семнадцатилетние мальчишки: Женя Логунов, Юра Иванов, Женя Карпов и Женя Инзер. В те дни, когда Пылаев, Полев и Хохлов определили свою судьбу, эти пятеро решили поступить точно так же. Нелегко было юношам добиться у родителей согласия остаться в городе среди врагов.

— Мама, ты не волнуйся, — сказал Женя Логунов матери, — я буду здесь не один. Нас много, мама!

И вот во время второго «визита» в город ребятам предстояло встретиться с группой Нефедова и провести совместную операцию.

Неожиданно выпал снег, еще страшнее и сиротливее казались улицы с коробками разрушенных зданий, с черными глазницами окон. Для задуманной операции потребовались белые маскировочные халаты. Раздобыв простыни,^[295] ребята из группы Павлова собрались вечером на квартире у Жени Карпова в доме № 9 на

набережной Степана Разина и принялись мастерить халаты. В это время сюда и нагрянули гестаповцы. Одному Павлову каким-то чудом удалось бежать, остальные были арестованы. Через несколько дней гестаповцы арестовали и хозяйку квартиры Марию Ефимовну — мать Жени Карпова. После жестоких пыток они расстреляли отважную женщину, так и не сказавшую ни слова.

Если, гуляя по городу Калинину, вы окажетесь на улице Крылова, то разыщите обязательно дом под номером 26. Остановитесь здесь на минуту и снимите шапку. Здесь в 1941 году в подвале немецкой комендатуры погибли бесстрашные комсомольцы — наши земляки. Запомните их имена: Евгений Логунов, Юрий Иванов, Евгений Карпов, Евгений Инзер.

Их было много, мужественных, отважных патриотов, вставших с оружием в руках на защиту своего города. Это чувствовали фашисты. Об этом догадывались и жители города; многие из них, с радостью узнавая о новых диверсиях подпольщиков, искали возможности с ними встретиться. Особенно нелегко было мальчишкам — тем, кто, по каким-то причинам оставшись в городе, сидел дома. Вот так, как Геня Артемьев, ученик ремесленного училища № 1. В городе он остался с больной матерью, жил на улице Бебеля. В те дни, когда наши войска с боями уходили из города, Геннадий нашел пистолет. «Пригодится», — решил он тогда и спрятал его в надежное место.

И вот в конце октября, так и не дождавшись случая встретиться с подпольщиками, он решил действовать один. Утром забрался в пустовавшую квартиру на улице Бебеля, взвел курок пистолета и, затаившись возле окна, стал ждать. Со второго этажа улица была видна как на ладони. Дождавшись, когда группа фашистов поравнялась с окном, Геннадий открыл огонь. В ответ раздалась беспорядочная стрельба. Геннадий пустился бежать по дворам, по огородам. Но пуля фашиста все-таки догнала его. Раненный в ногу, он с трудом добрался до дому.

Весь день по улицам рыскали фашисты, искали смельчака. А наутро к Артемьевым явились два гестаповца. Тут же на глазах у больной матери они избили подростка и увели его с собой. О судьбе Геннадия узнали уже после освобождения города Калинина.

После неудачи, постигшей группу Павлова, Нефедов^[296] наладил связь с другой группой подпольщиков, оставшихся в городе и действовавших самостоятельно по специальному заданию. Этой группой руководил Константин Елисеев, двадцатилетний комсомолец, бывший заведующий книжной базой Калининского отделения Военторга. Очень похожими были судьбы этих молодых людей. Как и Нефедов, Константин настойчиво добивался возможности попасть в действующую армию, но здоровье не позволило ему сделать это. С радостью взялся Константин за поручение.

В отличие от группы Нефедова, перед Константином стояла другая задача: вести разведывательную работу. Это требовало от руководителя и всех подпольщиков особой осторожности, строгой конспирации. Группа имела несколько явочных квартир. Многие состоявшие в ней комсомольцы даже не знали друг друга.

Елисеев имел постоянную связь с разведотделом штаба Калининского фронта и горкомом комсомола. Через линию фронта в город на явочные квартиры приходили

разведчики, связные. Обо всем, что происходило в городе, почти в тот же день узнавали в штабе фронта. Чаще всех на квартиру Елисеева в дом № 32 в Холодильном переулке приходил связной Сережа Оспельников, ученик десятого класса средней школы № 1. Семь раз пересекал он линию фронта с заданием, не раз попадал в лапы фашистов, но ему удавалось ускользать от них. В начале декабря, когда наши войска готовились к наступлению, Сережа получил срочное боевое задание. И снова он переходит линию фронта, встречается с Елисеевым, получает от него необходимые разведывательные данные. Но вернуться обратно в штаб он не сумел — погиб...

В материалах, рассказывающих о деятельности группы Елисеева, упоминаются еще два юных разведчика: Нине ль Курков и Сережа Васильев. Вот что известно об этих ребятах. Жили они на улице Советской, в доме № 30/32. Один из них учился в средней школе № 1, другой работал на прядильной фабрике «Пролетарка». Были они друзьями. Оба увлекались конным спортом, по вечерам ходили на ипподром, где занимались в школе ворошиловских всадников.

Три раза ребятам удавалось переходить линию фронта и доставлять разведывательные данные воинским частям. В конце ноября, перейдя в четвертый раз линию фронта, друзья появились в городе. Забежали домой, чтобы отогреться с дороги. Но фашисты будто ждали разведчиков.

2%^[297]Они тут же ворвались в квартиру и арестовали их. В тот день многие видели, как двое парнишек с гордо поднятыми головами в сопровождении пятерых гестаповцев шли по улицам города. Их вели в полевую жандармерию на улице Софьи Перовской, где несколькими неделями раньше фашисты пытали трех подпольщиков из группы Нефедова. Больше им не пришлось ходить по этим улицам.

Известны и другие имена юных патриотов-школьников. Среди них были не только комсомольцы, но и пионеры. Бойцы одной из воинских частей, которая стояла за вагоностроительным заводом, знали невысокого мальчугана Васю Каширина, шестиклассника средней школы № 25. Вместе со своим школьным товарищем Витей Егоровым они выполняли задания воинской части: приносили сведения о расположении военной техники противника в Заволжской части города, о перемещениях немецких воинских частей.

У смысленных и смелых мальчишек был свой «почерк», своя особая манера, которая безотказно помогала им, — появляясь перед носом у немцев, не вызывать у них подозрений, запоминать и замечать все, что было интересно. Заплаканные, испуганные, растирая руками слезы, они шли по улицам, шарахаясь в стороны при виде немецких солдат. Когда немцы обращали на них внимание, один из них — Витя Егоров принимался реветь и звать маму, Вася начинал его успокаивать. Немцы тут же отходили прочь от перепуганных мальчишек, а им только этого и нужно было.

Однажды, вернувшись из города, ребята рассказали командиру, что на нейтральной полосе стоит брошенное зенитное орудие. Подойти к нему так, чтобы немцы не заметили, было невозможно: те сразу открывали огонь.

— А я знаю, как немецкую зенитку увезти, — сказал однажды Вася командиру. И тут же выложил свой план: в части есть грузовик, и если один конец каната привязать к грузовику, а другой зацепить за орудие, то... Дерзкая идея юного разведчика

понравилась командиру, но как и кто подползет к зенитке с канатом?

— Так ведь я вам и говорю о том, что никому, кроме меня, к этой зенитке не подобраться, — тут же заявил Вася. — А я, сами видите, как мышонок. В любую щель...

И вот что вышло из этой затеи. Средь бела дня на глазах у растерявшихся фашистов пушка, стоявшая на пустыре, вдруг вздрогнула и поехала в сторону нашей передовой. Сообразив в чем дело, немцы открыли беспорядочную стрельбу. Но было уже поздно. Из-под самого носа у фашистов^[298] ушла полевая пушка. В части ее так и называли — «пушка Васи Каширина».

Незадолго до освобождения Калинина, выполняя задание, Вася был ранен в ногу. Добраться до своих ему помог Виктор Егоров.

Кому не знакомо это чувство — чувство человека, возвращающегося в родной город? Разные бывают возвращения — и радостные и грустные, но всегда какая-то непонятная сила зовет человека: скорей бы, скорей бы домой!

...У этих людей тоже был свой дом. И было очень много причин, которые заставляли их, рискуя жизнью, сквозь свист пуль и огонь пробираться к родному дому, на пороге которого стоял враг. Это были очень трудные возвращения, но скажи тогда им — Вале Карасевой и Зине Моисеевой: «Не возвращайтесь, подождите», — они все равно пошли бы. Потому что были разведчицами. Потому что с любви к родному дому начиналась у них большая любовь и верность своей Родине.

Было от чего растеряться юным разведчицам, когда им удалось перейти линию фронта с первым боевым заданием и пробраться в оккупированный город. Руины домов, виселицы на площадях, суровая скорбь в глазах людей. И наглые лица «новых хозяев».

Маленькие, незаметные, в рваных одежонках, шли девушки по улицам, на редкие вопросы отвечали одно и то же: «Потерялись, родителей разыскиваем». Но искали другое. Зоркие глаза подмечали: вот здесь, на ипподроме, сосредоточена техника врага, за линией железной дороги — вражеский аэродром. А здесь немецкие воинские части, здесь — орудия.

Вскоре, покидая город, унося с собой немало важных сведений, оглянулись девчата назад, и каждая про себя по думала: «Мы еще вернемся, мы обязательно вернемся!»

И они возвращались сюда еще не раз. Обычно после их «визитов» в городе взлетали на воздух фашистские оборонительные сооружения, а с аэродрома, накрытого снарядами нашей артиллерии, больше не поднимались самолеты.

Несколько раз для выполнения разведывательного задания штаба Калининского фронта в город приходили и другие две девушки — Шура Жолобова и Люба Королева. Несколько раз на их след нападали фашисты, но девушкам удавалось ускользнуть из-под самого их носа.

Интересен случай, о котором в те дни не раз вспоминали бойцы Калининского фронта.^[299]

Шли бои, над Волгой стоял сплошной артиллерийский гул. И вдруг на передовой появились две девушки. Нашли командира и потребовали:

— Переправьте нас срочно на тот берег. У нас боевое задание.

Проводив девушек, командир собрал бойцов и рассказал им о двух бесстрашных патриотках, которые ушли в тыл врага.

После удачной разведки холодным ноябрьским вечером подруги возвращались к своим. Хотелось быстрее добраться в штаб и сообщить важные сведения. Подкрались к железной дороге, оставалось перебежать через полотно. И тут рядом рванула мина.

Они все же добрались. О выполнении задания докладывала одна Королева. Шуру Жолобову отправили в госпиталь — осколком мины ей перебило ступню.

Бойцами невидимого фронта называли в ту пору тех, кто вел разведывательную и подпольную работу. Подлинные имена тех людей обычно знали немногие, а меру их заслуг перед Родиной мы узнавали подчас лишь после войны.

В полевой фашистской жандармерии, размещавшейся на улице Софьи Перовской, служила переводчицей Оля Баранова, до войны студентка Калининского педагогического института. Сегодня мы многое знаем о ней. Мы знаем, как невыносимо трудно было ей ходить в те дни по улицам родного города. Шагать рядом с гитлеровским офицером и улыбаться, любезничать с ним, идти и чувствовать на себе полные презрения и ненависти взгляды своих земляков, тех, кого встречала она на улице, кто следил за ней из-за прикрытых занавесок. Теперь-то мы знаем цену этим ее улыбкам, а тогда...

Полевая фашистская жандармерия занималась выявлением оставшихся в оккупированном городе коммунистов и комсомольцев, охотилась за партизанами, за теми, кто имел или мог иметь с ними связь, кто словом или делом выказывал недовольство «новым порядком». Работая в фашистском логове, Ольга видела и слышала многое. Хорошее знание немецкого языка, разумеется, помогало ей в этом. Насилия и убийства в полицейских застенках, бесчинства солдат и офицеров гитлеровской армии, суетливое, жалкое пресмыкание перед своими хозяевами одиночек-предателей — сколько силы, воли, мужества потребовалось ей, чтобы, видя все это, не выдать себя, чтобы, кокетничая с гитлеровским офицером, успеть пробежать глазами и запомнить^[300] текст лежавшего перед ним на столе приказа о мерах борьбы против партизан. Через день содержание приказа уже было известно нашим.

Однако при всей осторожности Ольги немцы что-то заподозрили. После трех дней и ночей, проведенных в холодной камере, Оля Баранова была вызвана на допрос. Ее пытали жестоко, зверски, каждый раз задавая одни и те же вопросы:

— Кем послана в город? Через кого поддерживала связь с партизанами?

6 декабря 1941 года, за десять дней до освобождения Калинина, она погибла в фашистском застенке. Вместе с ней была расстреляна и другая разведчица — Надя Ахматова.

...В немецкий госпиталь устроился на работу доктор Петров Николай Яковлевич. Ни у кого из гитлеровцев не возникало подозрения, что 70-летний врач может оказаться разведчиком.

В военный госпиталь поступали раненые солдаты и офицеры. Кто они, откуда прибыли, каких родов войск, вовсе не обязательно вступать в разговор. Надо уметь слушать, запоминать. И доктор Петров, хорошо знавший немецкий язык, слушал и запоминал. Вскоре смог представить довольно ясно численность и расположение гитлеровских частей в городе и на фронте, планы боевых действий.

В установленный день и час, в определенном месте доктор Петров встречал связную, которая приходила в город из-за линии фронта. Ей он и передавал всю разведывательную информацию. Встречи были короткими, без разговоров, без лишних слов.

Вспоминая о докторе Н. Я. Петрове, начальник разведотдела штаба фронта Ф. Д. Пиманов написал:

«Сведения, которые мы получали в те дни от Петрова, были полностью использованы штабом фронта при разработке операции по освобождению города Калинина. В числе тех, кто обеспечил успех этой операции, имя доктора Петрова должно стоять одним из первых».

В те дни в почтовых ящиках и под дверями квартир многие люди находили листовки «Вести с советской Родины», долгожданные газеты, а в них — мужественные, правдивые слова, призыв к борьбе с врагом и вере в нашу победу. На полях листовок и газет значилось: «Прочитай и передай другому». Это писала бывший инструктор горкома комсомола Таня Виноградова. Сколько таких «Вестей» расходилось^[301] тогда по городу! Разносили их Танины друзья и помощники — ребята из подпольных групп Нефедова и Елисеева.

За боевыми действиями разведчиков и связных внимательно следили не только в штабе Калининского фронта. Работники обкома и горкома партии и комсомола постоянно руководили через них подпольной пропагандистской работой в тылу, инструктировали разведчиков, давали им советы, как вести эту работу в оккупированном городе.

Час расплаты приближался. Понимая и чувствуя это, оккупанты с каждым днем усиливали репрессии против мирных советских граждан. Начались массовые аресты. Тюрьма была переполнена. По любому, даже самому малому подозрению в связи с партизанами каратели расстреливали на месте. Каждую ночь за Московской заставой раздавались выстрелы: туда увозили арестованных.

VI

Что стало с Борисом? Удалось ли фашистам хоть что-нибудь узнать от него? Вот о чем думали ребята из группы Нефедова после того, как Хохлов и Пылаев смогли вырваться из жандармерии. Мысли о том, то под пытками парень не выдержит, проговорится, они прогоняли прочь. Нет, не на того напали. Ведь, уходя в последний раз на допрос, он сам шепнул им: «Держитесь, ребята!»

Очень хотелось помочь товарищу, спасти его. Но как? Конечно, можно сказать Виктору Пылаеву: «Подожгли или подорви здание жандармерии!» — и тот, ни слова не говоря, уйдет выполнять задание. И подожжет. Этот готов на все. Но стоит ли рисковать? И поможет ли это товарищу?.. Так или иначе, было ясно одно: надо продолжать диверсии, надо усилить их. Пусть враг поймет, что в городе не один, не два, а много, очень много подпольщиков. Может быть, это поможет отвести подозрение фашистов от Бориса?

И группа снова, на этот раз с большей осторожностью, начала действовать. Во время одной из операций Николай повредил больную ногу, и ему пришлось отказаться от дальнейшего участия в них. А Пылаев и Хохлов каждое утро докладывали своему командиру: на улице Вагжанова убито еще два фашиста, на Бурашевском шоссе уничтожен мотоциклист — вот его сумка с документами. На Сенной площади взорвали бак с бензином, а около поселка Перемерки — мост на дороге.

По улицам города началось беспорядочное движение.^[302] Ясно было: что-то неладно у фашистов. Из сообщений разведчиков, из листовок ребята узнали, что заставило немцев так нервничать: под Москвой развертывалось крупное наступление советских войск. А вскоре всем стало ясно: фашисты готовятся к отступлению.

— Надо устроить им проводы, — сказал ребятам Николай Нефедов.

Под вечер 15 декабря подпольщики, вооруженные автоматами, пробрались в конец Советской улицы и возле здания городской больницы устроили засаду. Ребята знали, что, уходя, фашисты будут сжигать и взрывать уцелевшие от бомбежек и обстрелов дома. Надо было помешать врагу. И вот в наступившей темноте во дворе появилось несколько гитлеровцев с зажженными факелами в руках.

— Поджигать задумали, гады! — зло сказал Виктор и дал очередь из автомата по черным силуэтам. Один за другим падали на землю фашистские факельщики.

Всю ночь отважные подпольщики держали под обстрелом дорогу, по которой, трусливо озираясь по сторонам, убегали фашисты.

...Пять десятков лет отделяют нас от тех далеких, незабываемых дней. В обелисках, в названиях улиц и в наших сердцах живет память о многих отважных героях. Но есть в городе Калининские улицы, которые, сохранив свои прежние названия, еще и сейчас могут рассказать о людях, достойных вечной памяти.

В доме № 17 на улице Софьи Перовской, где в дни оккупации находилась жандармерия, были зверски замучены десятки советских людей. После освобождения города здесь были найдены и опознаны тела подпольщика Бориса Полева, разведчиков Сергея Васильева и Нинеля Куркова. На петличках найденной шинели удалось разобрать буквы «РУ». В этой шинели был доставлен в жандармерию и замучен здесь Геня Артемьев, бесстрашно вступивший в единоборство с группой фашистов. А многих людей так и не удалось опознать: страшные пытки сделали их неузнаваемыми.

Те же трудности возникли и при опознании трупов, найденных в развалинах сожженного дома № 25 на улице Вольной (ныне Крылова). Пытаясь скрыть следы своих преступлений, фашисты забросали бревнами и камнями подвал, где были

замучены и расстреляны советские люди, и подожгли дом. Лишь по документам, найденным в кармане одного^[303] из них, было установлено, что это учащийся средней школы № 16 комсомолец Юрий Иванов. Удалось опознать и другого — Евгения Логунова, товарища Юрия по учебе и по подпольной работе. Это были те самые ребята, которые так и не успели провести свою совместную операцию с группой Николая Нефедова.

В Первомайском поселке в трех ямах нашли трупы 67 зверски замученных людей. Среди них была и Антонина Шпарина — бывшая работница отделочной фабрики «Пролетарка», разведчица штаба 252-й стрелковой дивизии.

В Московском районе города есть братская могила. На скромном обелиске знакомые имена: Б. Полев, Е. Логунов, Ю. Иванов, Н. Курков, С. Васильев. Сюда на братскую могилу были перенесены и останки подпольщика Виктора Пылаева, погибшего в 1943 году в тылу врага при выполнении боевого задания.

А как сложилась судьба других подпольщиков? После освобождения города Виктор Пылаев, Федор Хохлов, Василий Павлов, Екатерина Шиленкина, Тамара Гусева и доктор Николай Яковлевич Петров, как уже имеющие опыт диверсионно-разведывательной работы, разведотделом штаба Калининского фронта были направлены в тыл противника. Они активно действовали в западных районах Калининской области, еще оккупированных врагом.

Не всем удалось дожить до светлого дня победы. В начале 1944 года мать Виктора Пылаева — Ольга Гавриловна получила извещение о том, что ее сын Виктор, верный военной присяге, проявив героизм и мужество, погиб в Идрицком районе.

Погиб при выполнении боевого задания Василий Павлов. При блокаде немцами Вадинских лесов погибли подруги Шиленкина и Гусева.

В живых остались Федор Хохлов и Николай Петров. Хохлов был отличным разведчиком, награжден боевыми орденами, в восемнадцать лет, находясь в тылу врага, вступил в ряды партии. После окончания войны работал на Конаковской ГРЭС, умер в 1989 году.

Доктор Петров, несмотря на свой преклонный возраст, будучи в тылу противника, успешно выполнял боевые задания, был награжден орденом Красного Знамени. После окончания войны в течение одиннадцати лет возглавлял районную больницу. В 1951 году Указом Президиума Верховного Совета за долголетнюю безупречную работу был награжден орденом Ленина. Ушел на пенсию в возрасте 83^[304] лет. Умер в 1957 году. Таким был коммунист Н. Я. Петров, до войны — главный врач дома отдыха «Тетьково» Кашинского района.

Бывшая разведчица Александра Жолобова, окончив Высшую партийную школу при ЦК КПСС, работала преподавателем в Калининском педагогическом институте, стала кандидатом исторических наук, сейчас на пенсии, живет в Калининне. Ее подруга — разведчица Любовь Королева некоторое время работала в обкоме комсомола, в связи с болезнью ушла на пенсию. Валентина Карасева — на пенсии, живет в Винницкой области. Татьяна Виноградова после освобождения Калинина работала инструктором Калининского горкома партии, умерла в 1947 году.

Руководители подпольных групп Н. А. Нефедов и К. Н. Елисеев после обострившихся болезней умерли вскоре после окончания войны.

Пройдут годы, десятилетия. Еще краше станет город Калинин. Много славных дел и удивительных открытий совершат наши земляки. Но в сердцах людей новых поколений будет вечно жить память о патриотах, мужественно защищавших от врагов свой родной город.

И. Борисов

С. Г. Дороченков, бывший первый секретарь Погорельского райкома партии, командир партизанского отряда

В СУРОВЫЕ ДНИ

... 15 июля 1941 года прошла вторая мобилизация мужчин на фронт. Остались в деревнях и селах женщины, старики и дети, на плечи которых легли сенокос, уборка льна и зерновых культур, сев озимых, обмолот урожая и сдача хлеба государству.

И это не все. На Погорельский район возложили прокладку 40-километровой грунтовой дороги, 240 человек и 50 подвод мы послали на строительство аэродрома да еще пришлось направить на неопределенный срок две с половиной тысячи человек в Молодотудский район (теперь Оленинский) на строительство дотов и рытье противотанковых рвов. И всех этих людей нужно было обеспечивать инструментом и питанием.[305]

На организацию самых неотложных дел не хватало времени. Спал урывками. И все же не забывал постановления ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск». В нем говорилось: «Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов».

Все время думал об этом и загодя готовил людей.

А знал я людей, можно сказать, неплохо. О многих писал в районный газете «Ленинский путь», где два года был редактором, а с 1937 года, став первым секретарем райкома партии, и вовсе оказался в гуще народа. В каждом из ста шестидесяти колхозов были люди, на которых мог положиться.

Хорошо знали людей секретари райкома партии Степанов, И. А. Журавлев, председатель райисполкома К. П. Петров, его заместитель А. С. Лебедев.

Словом, когда встал вопрос о формировании истребительного батальона для борьбы с вражескими десантами, мы быстро справились с этой задачей. Такой батальон в Погорелом Городище был сформирован из 45 человек. В него вошли коммунисты,

которые по разным причинам не были призваны в армию, допризывная молодежь. Военкомат дал нам 30 канадских винтовок и на каждую из них по десять патронов. Нехватку вооружения пришлось возмещать охотничьими дробовиками и холодным оружием.

Это в районном центре. В сельских советах для борьбы с диверсантами и лазутчиками были созданы наблюдательные посты из расчета пяти — семи человек на колхоз. Эти посты наблюдали за пролетающими самолетами, чтобы сообщать о парашютистах, в деревнях было организовано круглосуточное дежурство.

1 сентября мы получили указание обкома партии незамедлительно эвакуировать в глубь страны весь колхозный крупный рогатый скот. Погорельские колхозы отправили во Владимирскую и Горьковскую области свыше ста гуртов, по сто с лишним коров и телят в каждом. Оставшийся^[306] скот, овцы и свиньи мы передали воинским частям. Опустели колхозные фермы.

Фронт приближался. Из обкома партии пришла шифровка: готовиться к партизанской борьбе. Партийному активу в случае оккупации надлежало оставаться в районе, стать ядром партизанского отряда.

Подбирая партизан, я говорил людям суровую правду о том, с какими трудностями и опасностями придется столкнуться. Не каждый ведь мог вынести тяготы кочевой партизанской жизни. Еще труднее было подбирать людей, которые бы оставались на месте, жили открыто при немцах и вели бы необходимую нам работу среди местного населения. На это не каждый соглашался.

Да и мы предлагали это дело не каждому. Семь раз подумаешь. Надо было подобрать таких людей, которым и односельчане верили бы, и для немцев они были бы не слишком заметны. Особенно важно было оставить своих людей на основных магистралях.

На большаке Зубцов — Погорелое Городище — Ульяновское для этой цели был оставлен Н. Е. Никитин — человек преклонного возраста, авторитетный и, что было очень кстати, прапорщик старой царской армии. Рядом с его деревней проходила железная дорога Москва — Рига. Мы условились, как пользоваться связью через посыльных, и дали ему пароль.

На дороге Карманово — Князьи Горы — Шаховская вести подпольную работу согласился председатель колхоза им. Кирова Назаров, а в Салинском сельсовете, что находится на большаке Погорелое Городище — Салино — Мишино — Старица, мною был оставлен молодой колхозный счетовод Виктор Хомяченков. Молодежь тянулась к нему, что было тогда важно. Я знал его еще со времени моей работы редактором райгазеты, куда он частенько приносил свои стихи и заметки. К тому же у немцев такой человек явно окажется вне подозрений: его отец был репрессирован в 1937 году, а бабушка до революции была помещицей и жила там же в деревне. Против ее раскулачивания народ заступился.

Все наши будущие подпольщики были беспартийными. Как показало время, со своей опасной задачей они успешно справились. Но с кандидатурой Никитина мы проявили оплошность — не учли, что в первую мировую войну с немцами он был награжден за

храбрость четырьмя георгиевскими крестами. Гитлеровцы узнали об этом от предателей^[307] и отомстили ему — повесили Николая Егоровича перед окнами собственного дома.

Командиром партизанского отряда утвердили прокурора района В. А. Трофимова, комиссаром — второго секретаря райкома партии Степанова. Из обкома партии пришло распоряжение приступить к созданию партизанской базы, используя для этого запасы потребкооперации. На лесные кордоны и в землянки было доставлено все самое необходимое: бумага и копирограф для листовок, крупы, горох, соль, чай, мыло, табак, спички, обувь, одежда, шанцевый инструмент и т. д. И только управились с этим делом — поступило новое распоряжение из области: вернуть все взятое на склады райпотребсоюза и ждать особых указаний...

Вернули. А вскоре оказались в лесу без продуктов, без одежды, без обуви и плохо вооруженными.

Кому и для чего это было нужно — и сейчас не могу ответить. Расскажу о тех днях поподробнее, и пусть читатель сам составит свое мнение. Во всяком случае, он имеет право знать правду.

Фронт приближался к нам все ближе и ближе. С каждым днем радио приносило весьма тяжелые вести. Вот уже Вязьма оставлена нашими войсками. Бои идут где-то возле Гжатска, это меньше, чем в ста километрах от нас.

8 октября связываюсь с первым секретарем Кармановского райкома партии соседней Смоленской области Юдиным и узнаю, что немец в шести километрах от Карманова.

— Завтра, — сказал Юдин, — фашисты займут наш райцентр. А там и к вам пожалуют...

Вечером мне удалось связаться с первым секретарем нашего обкома партии И. П. Бойцовым. Рассказал ему о тревожном известии.

Мне Иван Павлович ответил на это дословно так:

— Я только что разговаривал с командованием фронта. Никакого наступления нет. Не поднимайте там паники, а лучше оказывайте помощь воинским частям.

На чем разговор и окончился. А у нас тогда не было ни одной воинской части...

На душе было муторно. Посоветовавшись с членами бюро, я распорядился отправить в область партийный архив и начать готовить к эвакуации банк и другие организации. Были подготовлены люди для уничтожения складов заготзерна и нефтебазы.

В 8 часов утра 9 октября позвонил Юдин и сказал, что он покидает райком и уходит в лес.^[308]

— Советских войск здесь нет и врага задержать некому, — с огорчением сказал он, — так что поторапливайся с эвакуацией...

А от Карманова до Погорелого Городища всего-то навсего 45 километров. Для механизированных войск это не расстояние.

Снова звоню в обком партии Бойцову:

— Немцы, — говорю ему, — уже в Карманове...

— Если боитесь за свои семьи, — отвечает он, — то отвезите их в Емельянове. Вот такая реакция...

10 октября мы отправили в Емельянове наш Ульяновский детский дом, где было сто ребятишек, конечно, с обслуживающим персоналом и запасом одежды и продовольствия. Эвакуацией детского дома занимался председатель райисполкома К. П. Петров.

В полдень 11 октября в райкоме раздался телефонный звонок: кто-то сбивчиво сообщил, что в Староустиновском сельсовете появились немцы. Вероятно, сброшен десант.

По тревоге был поднят истребительный батальон. Его возглавлял заведующий военным отделом райкома партии С. П. Голяс. Однако вместо десанта парашютистов истребительный батальон встретился в пятнадцати километрах от Погорелого Городища с регулярными немецкими частями. Было бы безрассудством принимать бой, и Голяс увел батальон к лесной даче «Караси», где по плану формировался партизанский отряд.

Эвакуацию мы провели организованно. 11 октября немецкие танки входили в райцентр.

...Вечером 12 октября я пришел на дачу «Караси». Всего собралось двадцать восемь человек. И тут мы встретились с первым предательством: работники НКВД и милиции во главе с начальником райотдела НКВД Коноплевым и начальником райотдела милиции Цветковым под покровом ночи, пока другие спали, удрали на машине с лесного кордона и все, что было приготовлено для боя и жизни партизанского отряда в лесу, увезли с собой. Мало того, еще и оклеветали нас перед обкомом партии. Оказавшись 13 октября в Калинин, Коноплев и Цветков доложили там, что район занят немцами, первый секретарь райкома партии Дороченков ушел к себе на родину в город Ельню, председатель райисполкома Петров тоже подался в свое родное Ярцево на Смоленщину, а остальные партактивисты попросту разбежались.[309]

В январе 1942 года, после освобождения части Погорельского района, Коноплев объявился опять. Я сообщил о его предательстве И. П. Бойцову, и тот приказал судить дезертира. Военный трибунал (а я был на суде свидетелем) присудил Коноплева к расстрелу. Позже этот приговор был заменен его отправкой на фронт в штрафную часть.

Но это потом. А тогда, обнаружив исчезновение милицейской машины, я послал командира отряда прокурора Трофимова догнать беглецов и вернуть их или хотя бы вернуть наши запасы. Но и Трофимов не вернулся.

Командование партизанским отрядом я взял на себя.

Продовольственное снабжение стали налаживать через знакомых людей. В дни

оккупации колхозная власть перешла в руки старост. Некоторые из них стали работать на немцев, и в открытую действовать мы не рисковали.

В деревнях достали лопаты, пилы и топоры.

Еще не отрыты были землянки, а мы уже собрались на первое заседание бюро подпольного райкома партии. Решался вопрос: кого послать через линию фронта, чтоб через Москву связаться с Калининским обкомом?

Теперь можно сказать откровенно — желающих не оказалось. Да и не каждому можно было доверить это, по тому времени очень нелегкое дело. Пришлось идти мне, второму секретарю райкома партии Степанову и председателю райисполкома Петрову. Решили, что мы пойдем, а оставшиеся товарищи займутся подготовкой землянок, сбором разведанных и оружия.

Мы удачно перешли линию фронта (она тогда не была сплошной) и оказались в прифронтовой Москве, где встретились с секретарем Смоленского обкома партии Поповым, которому ЦК партии поручило держать связь с партизанами. Его резиденция находилась в 206-й комнате гостиницы «Москва».

В столице мы пробыли с 18 по 20 октября, но с Калининским обкомом так и не смогли связаться. Все необходимые инструкции получили у Попова. По его распоряжению нам выдали по нагану и по 21 патрону каждому.

Благополучной оказалась и обратная дорога. В особом отделе 316-й стрелковой дивизии я предъявил документ:

«Всем воинским частям. Прошу оказать содействие тов. Дороченкову С. Г. и его товарищам в переходе в тыл врага по особому заданию. Уполномоченный ЦК ВКП(б) — Попов».

Сержант-разведчик проводил нас за линию фронта. Степанова^[310] мы оставили в этой дивизии для постоянной связи с военными. Через него мы передавали добытые нами разведывательные данные, а к нам в отряд поступали листовки, газеты и даже винтовочные патроны, которых у нас почти не было.

Степанов прислал нам несколько экземпляров центральных газет с материалами о торжественном заседании в Москве по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Газеты помогли нам быстро развеять миф о падении Москвы, который распускали гитлеровские пропагандисты, люди в районе воспрянули духом, усилили сопротивление врагу.

В эти же дни мы и сами выпустили листовку. Стало известно: немецкие мародеры повсеместно начали отбирать у населения не только живность, но и отнимать печеный хлеб. Чтобы это пресечь, в листовке мы призвали крестьян добавлять в хлебное тесто «порошок Давыдова» (он применялся для протравливания семян льна). Листовки замелькали на стенах домов, на столбах. Конечно, немцы читали их тоже. И, на что мы и рассчитывали, боясь отравления, почти полностью перестали отбирать хлеб у населения.

С этого, можно сказать, и началось наше сопротивление врагу.

Действовать нам вышло на правом фланге Московской битвы. Гитлеровцы занимали почти все населенные пункты — так много было стянуто у них войск. Для партизанских действий нам пришлось выработать тактику скорых наскоков мелкими группами. В засады и на «партизанскую охоту» выходили в ночное время не более трех — пяти человек: где связь порвем, где самих связистов или мародеров побьем, где машину или склад какой уничтожим...

Были и более удачные диверсии. Об одной из них генерал-полковник Л. М. Сандалов упомянул в своей книге «На московском направлении», вышедшей в издательстве «Наука» в 1970 году.

«...Надо отметить, — вспоминал бывший начальник штаба 20-й армии — что в то время штаб и политотдел 20-й армии имел самую тесную связь с партизанским отрядом Погорельского района, действовавшим во вражеском тылу на сычевском направлении. Мы имели с отрядом надежную связь, ставили ему задачи, получали от него сведения о противнике... Во время отступления фашистских войск от Волоколамска группа партизан под командованием С. Г.[311] Дороченкова в одну из ночей в самую выюгу обезоружила и уничтожила охранников на разъезде Обовражье, восточнее Погорелого Городища.

В это время к разъезду приближался с фронта воинский эшелон, а с глубокого тыла — эшелон с горючим. Партизаны перевели железнодорожную стрелку. Произошло крушение, в результате которого погибло более 200 немецких солдат. Эшелон с горючим был сожжен.

Крушение на разъезде Обовражье наделало много шума. Противник усилил охрану железнодорожных объектов. Однако через несколько дней партизанам удалось заминировать ж.-д. мост около станции Князьи Горы и взорвать транспорт с боеприпасами...»

Надо полагать, «шум» немцы подняли не из-за погибших при крушении гитлеровцев, а совсем по другой причине. Немцев тогда гнали от Москвы на запад. Их танковым корпусам остро требовалось горючее, а мы сожгли его в Обовражье. Сотни танков и много автомашин с боевой техникой так и остались в волоколамских сугробах.

Мы и сами не рассчитывали на такую удачу: охотились за одним составом, а под откос пошли два.

Нам помог случай. Накануне из армейского штаба получили задание: хотя бы на время вывести из строя железную дорогу, по которой со стороны Ржева фашистам под Москву шли войсковые грузы.

Просто подорвать рельсы — мало толку: их в считанные часы можно восстановить. Да и дорога усиленно охранялась. Морозы стояли за тридцать. Земля скована. Взрывчатку под рельсы быстро не подложишь. А тут от нашей связной Е. М. Гожевой поступило сообщение, что в Погорельской средней школе оборудован дом отдыха для отличившихся «господ офицеров» и что поезд с ними из-под Волоколамска ожидается уже к вечеру.

Весть важная, срочная, и Ефросинья Матвеевна послала с нею своих ребят — двенадцати летнего Валентина и десятилетнего Жору. Они были нашими юными разведчиками, часто бывали в отряде и сослужили нам добрую службу.

Поезд мы решили пустить под откос непосредственно на разъезде Обовражье. Туда и направились. Остановились на опушке леса в непосредственной близости от разъезда, а на разведку послали братьев Гожевых. Конечно, под видом нищих. Немцы на нищих не обращали внимания. Этим мы и воспользовались. Попросите, мол, хлеба у немцев, а сами сосчитайте, сколько их там. Через плечо повесили Валентину[312] торбу. Для

видимости три печеных картофелины положили.

После ребята рассказывали: картошку немцы отобрали, а их плясать заставили. Но дело свое юные разведчики выполнили великолепно.

В охране разъезда оказалось шесть немцев. Нас было пятеро, но на нашей стороне была внезапность.

...Послышался шум — сначала одного приближающегося состава, потом, совсем неожиданно для нас, другого — встречного. Мысль сработала четко: не дать немцам перевести стрелки — оставить одноколейный путь открытым с обеих сторон, — и таким образом столкнуть эшелоны!

Две группы немецких солдат, по три гитлеровца в каждой, ничего не подозревая, вышли из помещения и направились переводить стрелки. Этого мы только и ждали. По моему сигналу дали дружный залп, потом еще и еще... Я и начальник штаба отряда К. П. Петров били из автоматов ППШ, а партизаны П. И. Стрелков, П. И. Цветков и Д. И. Нечаев стреляли из винтовок.

Под огнем партизан охранники бросились наутек. Поезда тем временем быстро приближались к своей неминуемой гибели. Оба ведь шли по главному пути. Шедший со стороны Ржева состав с горючим первым проскочил разъезд и врезался во встречный.

Картина была грандиозная. Паровозы, вагоны, цистерны лезли друг на друга, падали, горели. Участок дороги был надолго выведен из строя.

У Л. М. Сандалова есть неточность: мы не переводили железнодорожную стрелку, просто дали обоим составам «зеленую улицу». На тот свет...

Были и другие диверсии. Так, на железнодорожной станции Князьи Горы подпольщицей Ниной Калашниковой была взорвана водокачка, в Салинском сельсовете группа подпольщиков Виктора Хомяченкова уничтожила транспортируемый к фронту понтонный мост, в Носовском сельсовете подпольщиком Н. Е. Никитиным была повреждена кабельная связь, — свыше двухсот метров ее оказалось вырубленной, и немецкие железнодорожники почти весь день не имели связи.

Партизанские «тройки» и «пятерки» иной раз неделями не появлялись в отряде — действовали самостоятельно, выбирая подходящую цель для боя или диверсии.

Конечно, несли потери и мы. Война есть война. Однажды К. П. Петров, П. И. Стрелков, А. Б. Мезит и я^[313] устроили засаду на лесной дороге. Обстреляли легковушку с гитлеровцами. Выскочивший из нее штабной полковник метнулся с портфелем в лес и был убит. Портфель достался нам. Но и мы попали в переплет. Оказалось, следом за штабистами шла машина с охраной. Она несколько поотстала, и мы ее вначале не видели. Боя с охраной мы не приняли, постарались от нее оторваться, но в перестрелке был смертельно ранен Стрелков. До землянки мы его донесли, однако спасти от смерти не смогли. На моих руках Петр Иванович и скончался. Большим он был патриотом Родины. За храбрость в первую мировую войну удостоился четырех георгиевских

крестов, за что был произведен в офицеры, не жалел себя и в Великую Отечественную войну.

Пусть эти строчки станут ему и другим погибшим партизанам посмертной благодарностью и неувыдаемой светлой памятью — нашей и потомков.

...В январские дни 1942 года мы встретились с наступающими на запад частями Красной Армии. Партизанская жизнь окончилась.

Со мною из леса вышло десять человек. Остальные или погибли в боях с оккупантами, или влились в армейские части и ушли с ними на запад. Позже мне стало известно, что партизаны Мурашов и Волков были немцами повешены, а подпольщики комсомольцы Нина Калашникова и Гудков — расстреляны.

Виктор Хомяченков

ДИВЕРСАНТЫ

ПОГОРЕЛЬСКАЯ ПЕТЛЯ

В статье «В боях на Калининском направлении» Маршал Советского Союза И. С. Конев писал:

«Днем 12 октября части 41-го моторизованного корпуса заняли Погорелое Городище и Зубцов, а к вечеру — Лотошино и Старицу и передовыми подразделениями выдвинулись к Калинин...»

И далее:

«...14 октября танковые и механизированные части 3-й танковой группы противника при поддержке авиации отбросили только что начавшие организовывать оборону части 5-й стрелковой дивизии и с ходу ворвались в Калинин»{102}.

А где же, спросит внимательный читатель, пропадали [314] эти танковые и механизированные части 13 октября? Ведь от Старицы до Калинина всего-навсего семьдесят километров. Не встречая сопротивления, танки покрыли бы это расстояние за каких-нибудь два часа.

Вот тут мне на память и приходит наша погорельская петля. Гитлеровцев она заставила потерять, а калининцам позволила выиграть лишний день столь драгоценного времени. Это и был тот самый день — 13 октября 1941 года.

Городские власти тогда запоздали с распоряжением об эвакуации. Вагоностроители, например, только утром 13 октября получили такое распоряжение и все же успели отправить эшелон со станками, оборудованием и людьми. Успели покинуть Калинин и горожане. А пояись немцы днем раньше, все могло обернуться гораздо хуже...

Но вернемся к погорельской петле... Тут нужно внести поправку. Немцы вошли в райцентр Погорелое Городище не «днем 12 октября», как утверждал И. С. Конев, а накануне.

Бывший первый секретарь Погорельского райкома партии С. Г. Дороченков пишет в своих воспоминаниях:

«Я вышел из райкома партии в 6 часов вечера, когда немецкие танки уже вступили в районный центр, ушел на край района и утром 12 октября 1941 года был в Хлоловом Городище, в сорока километрах от Погорелого Городища. Вечером 12 октября я пришел на дачу «Караси», где намечался сбор всех, кто оставался для действия в партизанском отряде. Всего нас собралось сорок семь человек»{103}.

Автор этих строк тоже был оставлен в тылу у немцев, но не в партизанском отряде, а для организации и проведения подпольной разведывательно-диверсионной работы по месту своего жительства. Родной мой хутор Мухино, где было пять домов, входил в состав колхоза «Красный Октябрь», куда по личному указанию того же С. Г. Дороченкова меня загодя внедрили на должность колхозного счетовода.

— Отец у тебя репрессирован, в комсомоле ты не состоишь. Тебе немцы скорее поверят, — сказал мне Сергей Григорьевич, напутствуя на опасную работу.

Центральная усадьба колхоза — деревня Мишине вытянулась в два посада чуть ли не на километр вдоль большака, соединявшего Погорелое Городище со Старицей и Калини-ном. Здесь и предстояло мне действовать.

В семи километрах от райцентра ведущая к нам дорога [315] раздваивалась: одна уводила влево в густой Калачевский лес, другая заворачивала вправо, тянулась по мелколесью, затем проходила через деревни Синицино, Абалешево и Салино. А в центре деревни Мишине они вновь сходились, образуя таким образом большую, до пятнадцати километров, петлю.

Здесь-то, у места слияния этих дорог, и появилось в десятом часу утра 12 октября около 20 фашистских танков. Сопровождали их вооруженные до зубов мотоциклисты. В деревню они ворвались с пушечным громом и пулеметной трескотней. Из кустов выскочили и бросились в поле два красноармейца. Мотоциклисты догнали их, там и убили...

Видимо, это была разведывательная группа. Мы ждали немцев с запада, со стороны Калачевского леса, а они появились со стороны Салина.

Колхозникам еще затемно было объявлено о раздаче хлеба. К приходу гитлеровцев дело это было завершено. Последним со склада ехал с нагруженным возом кладовщик — белобородый старик Кузьма Лаврентьевич Егоров. Тут-то к нему и подкатила немецкая легковушка. Из нее вышел генерал с красными отворотами на шинели и, сверкнув пенсне, по-русски спросил: — Как хлеб раздаете, дедушка?

— По трудодням, батюшка...

— По едокам нужно!

— Слушаюсь, батюшка...

Подбежали офицеры-танкисты. Генерал что-то скомандовал им, взвыли моторы, и танки рванулись в сторону Старицы, до которой оставалось около тридцати километров.

В деревне не осталось ни одного немца. О нашествии свидетельствовал только вкопанный на развилке столб с указателями на немецком языке: «На Старицу», «На Калинин».

Не теряя времени, жители деревни взялись за лопаты: рыли в подпольях, во дворах, в кустах ямы и прятали в них имущество, продукты, зерно.

Чтоб хлеб не достался врагу, как велел Дороченков, я заранее составил ведомости на раздачу всего обмолоченного урожая ржи в овса. Даже на зерно, предназначавшееся для государственных поставок, на семена, фураж и страховые фонды. Общим счетом на трудодень получилось около пяти килограммов. Отдельные многосемейные колхозники получили хлеба по две-три тонны.

Когда в первых числах января 1942 года пришли к нам^[316] освободители — воины 31-й армии, — колхозники смогли поделиться с ними и хлебом, и фуражом. Часть семенного овса возвратили колхозники хозяйству на посев весной.

Но вернусь к тому дню, который мог для меня кончиться трагически. Случилось так, что первой же пулеметной очередью из танка я был ранен — задело палец. Еще две пули вспороли полушубок. Я заскочил в дом старого колхозника Ильи Николаевича Комолова. Его сын Николай был моим другом. Ему шел шестнадцатый год, мне — восемнадцатый.

Разглядывая выбитые пулями клоки шерсти, Коля Комолов даже присвистнул: — Еще бы чуть-чуть, и-и-и...

Во мне закипела злость: ну, гады... И тут на глаза мне попался указательный столб на развилке...

Как только стемнело, мы с Николаем отрыли этот столб и развернули его стрелами в сторону Калачевского леса. Едва закончили работу, как со стороны Салина послышался рев моторов. Это шел танковый корпус. Ничего не подозревая, немцы проскочили, поворот на Старицу и Калинин и углубились в Калачевский лес. Там, сделав петлю, они и столкнулись со своей же колонной. В темноте приняли ее, видимо, за противника и вступили в бой.

Через много лет вместе с С. Г. Дороченковым мы побывали в этих местах вблизи деревушки Перепечено. Обнаружили четыре подбитых своими же, вросших в землю немецких танка.

Разобравшись, немцы выправили указательный столб в Мишине и поставили возле него регулировочный пост.

Регулировщики жили в доме у Комоловых. Сам Илья Николаевич Комолов в первую империалистическую войну три года пробыл в плену у австрийцев, знал немецкий язык и все, о чем говорили между собою гитлеровцы, передавал сыну. От этих регулировщиков мы и узнали, во что обошлась захватчикам в ночь с 12 на 13 октября злополучная погорельская петля, ставшая началом нашей диверсионной работы в ближнем тылу у вермахта.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Перед войной хлеб продавался без карточек. Но выпекали его мало. В магазинах сельпо за ним всегда была очередь. Одна-единственная на всю округу ветряная мельница, что еще оставалась в соседней деревне Медведки, бездействовала. Нечего было молотить. А те крохи зерна, что выдавали^[317] на пустопорожние трудодни, колхозники мололи на своих домашних жерновах, обычно сделанных из березовых кряжей. Такие были почти в каждом доме. Они-то и помогли обеспечить хлебом и себя, и многих из тех, кто нуждался в этом в ту тяжкую пору.

А тяжкой она была для многих...

Места у нас глухие. Осенью 1941 года здесь выходили из окружения части 22-й, 29-й, 30-й армий. Большак Погорелое Городище — Старица был забит колоннами гитлеровских войск, и днем пересечь его было рискованно. Люди дожидались ночи. Группировались в лесных чащобах, у поросших ольшаником речек Мшага и Жидоховка. Люди изголодались, и жители окрестных деревень несли им свежий хлеб, вареный картофель, соленые огурцы, котелки каши, битончики с молоком или супом. Все принималось с радостью и большой благодарностью.

Особую заботу в этом проявили молодые девчата: Тамара, Нюра и Паня Климовы, Настя Андреева, Маруся Крутова, Тоня Соколова, Рая Борисова. Были и другие, о которых я не знал или теперь уже позабыл.

Тамара Климова — ей было тогда семнадцать лет — перед войной работала на местной почте письмоношцем, а в колхозе «Красный Октябрь» возглавляла комсомольскую организацию. Таким вожаком оставалась она и в дни оккупации. Это была веселая, находчивая, с излучающими доброту карими глазами дивчина.

Подругам она говорила:

— Красноармейцы и командиры идут издалека. Многие ранены. Надо помочь, чтоб они снова могли сражаться на фронте. Накормить их — это самое важное наше комсомольское задание.

Запасы у колхозников были: весь обмолоченный урожай до прихода оккупантов был роздан по трудодням и тщательно спрятан. Но, чтоб выпечь хлеб, рожь нужно было размолоть. Во многих домах днем и ночью вращались домашние мельницы. Высушенное на печке зерно дважды пропускалось через жернова. Только тогда получалась годная для выпечки мука.

Я дружил с Тамарой и часто вечерами засиживался у нее в доме, помогая ей вручную крутить тяжелые жернова.

Однажды, задержавшись у Тамары, в Мухино я возвратился поздним вечером. Чтоб не беспокоить мать, в дом вошел через двор, без стука. Из-за стола вскочили двое военных, схватились за кобуру.^[318]

Мать бросилась к ним:

— Стойте! Это мой сын!

Я присоединился к ужину, с любопытством поглядывая на столь поздних гостей. У одного из

них в петлицах было по две звезды, у другого по ромбу. Таких окруженцев я еще не встречал.

Мать собрала харчи, я показал, как лучше пройти через Зуевский лес к Волоколамску.

Тогда мне впервые довелось увидеть настоящую военную карту-двухверстку. Той же ночью в лесу они и подарили мне эту карту. Сказали:

— Нам она больше не нужна, а другим выходить из окружения поможет. Пользуйся.

Прощаясь, командир с ромбами (себя они не назвали) задержал мою руку:

— Мой совет: не лезьте на рожон. За каждого паршивого фашиста придется расплачиваться десятками жизней ни в чем не повинных людей. Населенные пункты здесь у вас густо. В каждом возьмут заложников. Диверсии на дорогах — это другое дело. Все «списано» будет на нас, окруженцев.

Так мы и поступали.

В ХОД ПОШЛИ ТОПОРЫ

Наш хутор Мухино стоял в километре от большака в лесу. Немцы сюда заглядывали редко, и то днем: побаивались партизан. Зато часто появлялись окруженцы — пехотинцы, танкисты, летчики. Пережидали как-то день артиллеристы из батареи Александра Чапаева, сына легендарного героя гражданской войны. Наведывались ржевские железнодорожники, советские и партийные работники, — словом все, кто, избегая встречи с оккупантами, пробирался в те дни на восток.

Однажды собралось их на нашем хуторе человек двадцать. Одни решили идти через приволжские леса на Высокое, откуда доносилась артиллерийская канонада, другие — в сторону Волоколамска, на Москву. Одних повел я, других — мой тринадцатилетний брат Валентин.

Возвратившись в полночь, я увидел брата уже дома. Он отогревался возле печки и разглядывал магнето. Другое магнето лежало на полу.

— Где взял? — спросил я.^[319]

— У фрицев с тракторов снял, — похвастался он. — Пусть теперь заведут...

Оказалось, группа окруженцев, которую вел Валентин, увидела в придорожных кустах два тягача с девятью прицепами. Охраны не было. Подошли посмотреть — что за груз. В группе был сапер. Он первый и смекнул: надувные понтоны.

— Мост через Волгу наводить будут, гады, — зло сказал он. — Подпалить бы.

Однако, посоветовавшись, решили: идти надо скрытно.

Простившись с группой, на обратном пути Валентин снова заглянул сюда. Удостоверившись, что охраны по-прежнему нет, отвинтил с тягачей магнето и дал тягу.

Узнав, что тягачи без охраны, я тут же рассказал обо всем моему семидесятилетнему

деду Дмитрию Ивановичу Иванову. Затем посвятили в это дело троюродного брата Васю Ермакова, моего сверстника.

...Взяв топоры, мы тихо покинули хутор. Дождь пополам со снегом хлестал в лицо, слепил глаза. Самая хорошая для такого дела погода.

Из предосторожности дали крюк, спустились к реке Мшаге, крадучись, прошли под берегом по воде и по глубокому оврагу подобралась к дороге. Тягачи были на месте. Метрах в трехстах отсюда была деревня Добрынине. Немцы, видимо, дрыхли у теплой печки.

Сначала мы попытались стащить понтоны на землю. Куда там!

— Придется прямо на прицепах, — сказал Дмитрий Иванович. — Скоро утро, руби, ребята!

За два часа мы изрубили в куски восемь понтонов и надувную лодку с веслами. Только взялись за девятый, когда из темноты донеслась немецкая речь и вспыхнул огонек карманного фонарика.

Мы прыгнули в овраг, потом спустились к реке и тем же путем возвратились домой.

— Ищи ветра в поле! — сказал Дмитрий Иванович, довольно поглаживая широченную темную бороду. — По этому мосту фрицы через Волгу не пойдут, уж это точно.

КОГДА НЕ ПУГАЛИ ВИСЕЛИЦЫ

Счет диверсий рос.

Возле сельской кузницы в деревне Мишино стояли в снегу два колесных трактора из Красноармейской МТС,^[320] которые наши не успели угнать на восток. Немцы приказали расчистить к ним дорогу, намереваясь, видимо, увезти в Германию. Да тоже не успели: в одну из вьюжных ночей мы вместе с инвалидом Иваном Борисовым продырявили керосиновые бачки, и тракторы остались в колхозе. После ремонта, уже весной 1942 года, на них пахали и сеяли. Во всей округе перекапывали поля лопатами, а тут — техника!

Пятнадцатилетние подростки Гриша Климов и Гена Пушкин были неразлучными друзьями, смелыми и сообразительными. Они выменивали у немцев на яйца и сало сахар, а потом ловко подбрасывали его в бензиновые бачки. Система подачи горючего засорялась, и машины вставали среди дороги. Декабрь был снежным, зажатые сугробами дороги — узкими, и возникшую «пробку» ликвидировали единственным способом: заглохшую машину просто перекидывали через снежный бруствер. Позже эти машины, как трофеи, достались автомобилистам 31-й армии.

К сожалению, сами дружки-диверсанты Гриша Климов и Гена Пушкин весной 1942 года трагически погибли при очистке полей от немецких мин.

Едва не кончилась трагически и диверсия с немецкой бензоцистерной. Стояла она за огородами, метрах в трехстах от дома, где жил немецкий оберет (полковник) —

начальник местного гарнизона. К слову сказать, этот полковник до революции жил где-то на юге России в своем имении и хорошо знал русский язык. Пользуясь этим, старался расположить к себе население: молодежи, например, разрешал собираться на вечерки, петь и веселиться.

Так вот, в канун 24-й годовщины Великого Октября мы с Илюшей Хорьковым прострелили из винтовки эту бензоцистерну. Стреляли через окно омшаника, отчего выстрелы были глухими и немцы их не слышали. Бензин вытек. Виновников не нашли, и немцы вроде бы об этой истории забыли.

И тут Коля Комолов и Сережа Чернышев, не посоветовавшись со мной, в открытую подошли к этой цистерне и разрезали крышку. Немцы поймали их, избили и посадили в амбар. А ночью ко мне на хутор прибежал Илья Николаевич Комолов: — Надо спасти ребят, Виктор! Комендант распорядился поставить для них в деревне виселицу.

Спасать... Но как? И тут я решаюсь использовать свой козырь — имя репрессированного отца. Да и деды мои когда-то были здесь помещиками. Правда, гроза раскулачивания^[321] и ссылки их миновала, но это уже заслуга населения окрестных деревень, дружно выступившего «за бабушку Хомячиху», которая «всем деревенским добрая кресна».

Рано утром я был уже в Мишине. Сознаюсь, страшно было идти к коменданту, а надо. У входа часовой:

— Хальт!

Появился переводчик. Говорю ему, что у меня для обер-ста есть важное сообщение. Через две-три минуты он вновь вышел, обыскал меня и ввел в комнату, где комендант завтракал.

Лет ему было за шестьдесят. У подбородка, на кителе, болтался «железный крест». Он кончил жевать и резко спросил:

— Что за важное сообщение у тебя, юноша?

Беру себя в руки. Говорю внятно, чтоб быть выслушанным:

— Вчера в амбар посадили Колю Комолова и Сережу Чернышева...

— Да, это партизаны. Мы их повесим! Тут я делаю шаг вперед:

— Господин комендант! Это не партизаны, это мои друзья!

Видимо, от удивления брови у немца поползли на лоб: — А ты кто такой есть?

— Сын Василия Александровича Хомяченкова, расстрелянного НКВД, внук здешних помещиков Хомяченко-вых, — отчеканил я.

— Ты?!

— Да!

— Кто может подтвердить? — спрашивает он, выйдя из-за стола.

— А все население деревни, — твердо говорю я и вижу в проеме двери хозяина дома Василия Яковлевича Яковлева. — Вот, — говорю, — хотя бы он...

И Яковлев, и все другие опрошенные с готовностью подтвердили все мною сказанное.

Затем я сказал обресту, что арестованные не хотели навредить германской армии, посчитали бензоцистерну не нужной теперь, а из резиновых камер хотели склеить себе калоши.

— Не казните моих друзей. Родители за это отдадут вам своих коров.

И комендант, к великой нашей радости, согласился. Взял коров и приказал провинившимся самим спилить приготовленную^[322] для них виселицу, распилить ее на дрова и принести к штабу. И еще велел каждому «всыпать по двадцать плетей». Но это были уже пустяки.

В 1943 году оба они ушли на фронт. Коля Комолов погиб, а Сережа Чернышов в бою потерял ногу. Несколько лет назад умер, оставив по себе светлую память.

Виктор Хомяченков

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

В первые месяцы войны на территории Калининского района было создано три партизанских отряда. Командиром сводного отряда стал председатель райисполкома Борис Федорович Ган, уроженец г. Твери, участник гражданской войны, член партии с 1920 года. В 1936 году Ган окончил курсы комсостава, так что в военном деле тоже разбирался.

Сейчас его уже нет. А в 1967 году, когда мне, журналисту областного радиокомитета, довелось встречаться с Борисом Федоровичем, был он еще свеж, бодр, строен, под Котовского чисто побрит, и память у него была ясная, речь выразительная и эмоциональная.

Беседу с Б. Ф. Ганом я записал на пленку, а затем переписал в блокнот. Вот его рассказ.

«Советские патриоты вступали в партизанские отряды целыми семьями. Например, Иван Николаевич Щербаков пришел в отряд с братом и дочерью. Колхозница из села Семеновское Мария Копейкина привела сына и дочь. Ее семидесятипятилетняя мать по заданию нашего штаба оставалась на оккупированной территории и выполняла серьезные поручения — передавала информацию нашим связным.

Первым конным отрядом численностью в сорок человек командовал участник гражданской войны заведующий военным отделом райкома партии Иван Николаевич Щербаков, комиссаром у него был учитель Щербининской школы Иван Иванович Булахов. В распоряжении этого, состоявшего из колхозников отряда находилось семнадцать верховых и двадцать транспортных лошадей, а местом действия были Московское шоссе и Тургиновский тракт.

До 15 ноября отряд конников вел разведку и данные своих наблюдений тут же сообщал частям Красной Армии. В начале декабря, когда немцы стали подтягивать к городу войска, партизаны этого отряда стали минировать дороги.^[323]

Мины были заложены между деревнями Азарниково и Степаньково, между Коробеино и Григорово. И в других местах. На минах подорвалось больше ста двадцати немцев, много конных подвод, несколько автомашин. Кроме того, отряд во многих местах нарушал проводную связь, взрывал мосты.

Впоследствии партизаны отряда Щербакова присоединились к одной из регулярных частей Красной Армии и три дня вместе с нею дрались на подступах к Калинин.

Второй отряд был сформирован из рабочих и служащих Савватьевского торфопредприятия. Командовал им И. И. Конодо, тоже участник гражданской войны, прослуживший восемнадцать лет в рядах Красной Армии. Комиссаром был утвержден секретарь парторганизации торфопредприятия И. И. Пашакин.

Действовал отряд по левому берегу Волги. Эти бои начались 16 октября, сразу же после захвата немцами Калинина. С 20 октября партизаны ушли на Волоколамское и Бура-шевское шоссе, на Тургиновский тракт. Там они вели разведку, минировали дороги. 4 ноября в деревне Турово завязали бой с вражеской разведкой. Убили одного немецкого офицера и трех солдат. Взяли трофеи: пулемет, четыре винтовки, несколько автоматов и три ящика патронов. Немцы бежали, захватив своих раненых. Были и другие стычки. Отряд вошел в город вместе с армейскими частями.

Третий отряд вначале состоял под командованием секретаря партийного бюро торфопредприятия Васильевский Мох Голубева. Человек он был молодой, горячий. 19 октября в бою возле деревень Старое и Новое Каликино неосмотрительно выскочил на дорогу и был убит. Его с почестями похоронили в поселке Васильевский Мох.

Отряд возглавил Яков Яковлевич Зуев, работавший председателем Васильевской артели «Промысловый кустарь». Также участник гражданской войны. Комиссаром был секретарь райкома партии по кадрам А. К. Сорокин.

Немцы боялись леса. Вокруг Калинина было много немецких частей, и фронтовых, и тыловых. Все дороги и тропинки оказались перекрытыми. И только благодаря тому, что партизаны хорошо знали каждый лесок, каждую в них тропинку, они умело проходили этими тропинками и, почти без потерь, действовали на вражеских коммуникациях.

Особо хочу сказать о наших разведчиках. Неоценимую помощь оказывали они частям Красной Армии. Связь была^[324] непосредственная. И наши воинские части использовали их весьма активно.

Разведчица Александра Дормидонтова много раз приносила ценные сведения. Несколько раз задерживалась фашистскими патрулями, допрашивалась в немецких штабах, однако благополучно возвращалась в отряд. А потом ушла с частями Красной Армии и воевала до Победы. Была награждена многими медалями и орденами, в том числе орденом Славы.

Стойкими бойцами и умелыми разведчиками зарекомендовали себя партизаны Александр Александров, Михаил Миронов, Василий Поляков и особенно молодой парень Костя Копейкин из села Семеновское».

...Тогда же, в 1967 году, записал я и рассказ командира конного партизанского отряда Ивана Николаевича Щербакова.

«Была у нас, — вспоминал он, — в селе Семеновском лазейка через фронт. Отыскал ее Костя Копейкин. Ему, жителю этого села, каждая ложбинка, каждый кустик здесь знакомы были. Пойди поймай его! Да и других разведчиков не раз проводил он тут. Лет ему было 16–17, не больше. Шустрый был паренек и смелости завидной. Бывало, вырядится под нищего — ив Калинин. Облазает его вдоль и поперек, а ночью обратно. И только записывай, где у немцев минометы, где орудия. И на карте покажет. Данные тут же передавались в штаб 256-й стрелковой дивизии генералу Горячеву.

Был такой случай. Долго не удавалось войсковой разведке засечь немецкие дальнобойные пушки, которые били откуда-то с восточной стороны Калинина. Отправил я на это дело Костю. Он долго не возвращался. Под утро явился. Высмотрел. Стоят пушки в лесу за Малыми Перемерками.

Как же, спрашиваю, ты установил? Оказывается, когда он там крутился, его сцапали повара, привели на свою кухню и заставили колоть дрова. И пока он их колол, засек, откуда пушки бьют. И сбежал.

Это тоже нашим пригодилось. По указанному месту дали залп «катюши», и там над лесом долго громыхало и стоял дым — рвались немецкие снаряды.

— Когда город был освобожден, — закончил рассказ Щербаков, — я побывал в том лесу. Побитой, сожженной техники было много. Вот вам и Костя Копейкин».

Позже Костя добровольцем вступил в Красную Армию, воевал под Ржевом. Там и сложил свою лихую голову.^[325]

ВО ВРАЖЕСКОМ ЛОГОВЕ

...Это было в начале ноября 1941 года. Ранним морозным утром 9 ноября к берегу Волги спустились две девушки и двое военных в полушубках. Девушки, повязанные в старенькие платки, в стоптанных валенках и осенних холодных пальтишках о чем-то переговорили с военными и осторожно ступили на неокрепший, гладкий, как стекло, лед.

Лед потрескивал под легкими шагами, прогибался, но девчонки все смелее бежали к берегу. Вот они уже на том берегу, вышли на дорогу, пошли к городу.

Из-за сарая вдруг показался солдат в каске, что-то прокричал и вскинул автомат. Потом все скрылись за сараем.

— Эх, влипли, Илья Сергеевич, — сказал молодой лейтенант.

— Погоди, Коля, рано запричитал. Думаю, Баранова вывернется, — ответил Сорокин.

Казалось, вечность прошла до того, как они снова увидели девчат. Теперь подруги торопливо, не оглядываясь, направились по дороге в Калинин.

— Кажется, пропустили, — облегченно вздохнул Сорокин. — Ну что ж, пожелаем нашим беженкам удачи. Пошли, доложим капитану.

Капитан Артеменко, начальник одного из отделов УНКВД, командовал отрядом, разместившимся в поселке Первое Мая близ деревни Старая Константиновка. В этом отряде шла подготовка разведчиков, направляемых в захваченный гитлеровцами Калинин. И вот сегодня под видом беженок, возвращающихся в родной город, были переправлены за линию фронта Ольга Баранова и Надя Ахматова.

Родилась Оля в 1920 году в рабочей семье. Рано лишилась отца. Мать, работавшая уборщицей, осталась с двумя детьми.

Оля росла любознательной, пытливым девочкой. Училась легко, в классе была запевалой всех пионерских и комсомольских дел. В 1938 году окончила среднюю школу и поступила в педагогический институт на литературный факультет. И тут она всюду была первой — и в учебе, и в художественной самодеятельности, и на физкультурных соревнованиях.

Оля заканчивала третий курс, когда началась война. В октябре гитлеровцы подошли к Калинин, и Ольга с матерью эвакуировались в село Беле-Кушалское.^[326]

В эти дни каждый из ее сверстников задавал себе вопрос: что он может сделать, чтобы выполнить свой долг перед Родиной? Ольга сказала матери: «Я знаю, что делать: пойду в партизаны».

Девушка пошла в ближайшую воинскую часть, откуда направили ее к капитану Артеменко. Здесь она прошла ускоренный курс подготовки для работы в тылу врага. И вот теперь отправилась на выполнение своего первого задания.

Появление девушек в Калининe ни у кого не вызвало подозрений. Многие горожане при эвакуации оказались в соседних деревнях, вскоре занятых оккупантами, и сами немцы дали приказ старостам возвращать их в город. Для любопытных у разведчиц был готов ответ: они вернулись из деревни по просьбе родителей, чтобы присмотреть за квартирой. И родители, мол, скоро вернутся.

В первые дни Ольга и Надя ходили вместе по улицам города, присматривались, запоминали, где разместились немецкие штабы, где стоят танки, артиллерия. Побывали в своих квартирах, но жить решили в доме одной из подруг, так же, как и они, вернувшейся в город, чтобы сторожить родительский дом. Вместе жить было удобнее — с наступлением холодов многие так делали.

Но однажды Ольга ушла в город одна и не вернулась. Надя, узнав, что Ольга осталась жить в своей прежней квартире на улице Достоевского, даже обиделась — пришли сюда вместе, задание получали вместе и назад возвращаться должны вдвоем. А она вот какой фокус выкинула!

Но фокуса никакого не было. Дело в том, что в доме, где поселилась Ольга, оккупанты открыли казино для офицеров, и тут разведчица могла быстрее найти путь к выполнению своей основной задачи, о которой Надя не знала.

Ольга быстро познакомилась с солдатами, обслуживающими казино, стала брать у них в стирку белье. Молодую, красивую прачку, знающую немного немецкий, заметили офицеры. Особенно присматривался один из штаба, что находился поблизости, на улице Софьи Перовской, в бывшем здании торфотреста. После двух-трех бесед он предложил ей работать при штабе переводчицей. Немного поколебавшись, Ольга согласилась. С первых же дней работы Ольга поняла, что нелегко ей будет в этом штабе, даже^[327] страшно. Это был штаб немецкой полевой жандармерии. В подвале дома находились арестованные. Здесь их пытали, истязали, расстреливали. Пришлось собрать всю волю, чтобы, присутствуя при этих зверствах, не выдать своих подлинных чувств.

Ольга выдержала эту моральную пытку — «шефы» поверили в ее лояльность. Вскоре она была переведена в другой штаб, рангом повыше, — в штаб тайной полевой полиции (ГФП), что находился в Первомайском поселке, на улице Ткача.

Теперь она оказалась там, куда ей было поручено проникнуть, — внедриться в разведорган противника.

Тайная полевая полиция была частью аппарата гитлеровской военной разведки — абвера. Чекисты знали, что ГФП в Калининe занимается активной вербовкой агентуры для засылки в тыл Красной Армии с шпионскими и диверсионными заданиями.

Нелегкая задача была поставлена перед Ольгой Барановой. Она должна была знать все о работе ГФП в Калининe, как можно скорее выяснить, кого готовит ГФП, для каких целей, когда и где будут переправляться их агенты в наши тылы.

Как тяжело было работать комсомолке во вражеском логове! Офицеры ГФП, которых она должна была сопровождать как переводчица, целыми днями рыскали по городу, осматривали уцелевшие здания клубов, учреждений. Вслед за ними солдаты грузили в

машины ценную мебель, картины, художественные изделия. А по ночам эти же «культурные» грабители пытали, расстреливали арестованных. В заснеженной Первомайской роще росла гора трупов советских людей, замученных и казненных оккупантами. Сопровождая гитлеровцев, Ольга не раз ловила на себе ненавидящие взгляды жителей города.

Однажды она встретила с Надей Ахматовой, которую не видела уже несколько дней. И с первой же минуты Ольга поняла, что встретила не подругу, а непримиримого противника.

— Ну как, стараешься, красавица? — зло спросила Надя.

— Приходится, Надюша, — как можно миролюбивее и спокойнее ответила Ольга, надеясь, что у Ахматовой появится хоть какая-то догадка.

— Слишком быстро ты забыла, как твои товарищи за нас дерутся! Дорого тебе обойдется это, милая.^[328] Что могла сказать в ответ девушка? Тяжесть давила, и обида жгла, — она понимала, что ее считают предательницей.

— Думай, Надя, что хочешь. Только ты не права.

Ахматова резко повернулась и ушла. Встретились они еще раз, в последний, совсем при других обстоятельствах...

Ольга продолжала расхаживать по городу с офицерами, веселая и беззаботная. Каждая такая «прогулка» давалась ей нелегко, но это помогало ей больше узнавать, больше видеть, больше слышать. Разведчица всегда помнила о задании Артеменко. Она видела в лицо предателей, запоминала их фамилии, знала о их грязных делах, о которых они охотно рассказывали ей, «фрау Ольге».

В конце ноября обстановка в Калининне обострилась до предела. Гитлеровцы чувствовали себя как на вулкане. Не утихали бои. В городе действовали подпольные группы. Неизвестные лица стреляли по вражеским штабам. Ночами куда-то исчезали часовые, горели склады топлива, кто-то рвал провода связи. Задержанные ни в чем не признавались.

Вдруг оказалось, что с трудом набранные для ремонта электростанции рабочие ничего не умеют делать. Не работал хлебозавод. Наспех сколоченная городская администрация во главе с бывшим офицером царской армии Ясинским оказалась беспомощной.

Для подавления сопротивления советских патриотов в Калинин прибыла специальная карательная часть — «зон-деркоманда-7а». Кровью и виселицами был отмечен путь этой команды по территории Литвы, Белоруссии, Смоленской области.

В Калининне ее деятельность началась также с массовых репрессий. Для выявления подпольщиков, партизан, коммунистов использовались провокаторы, в основном завербованные из уголовников. Была создана так называемая «русская тайная полиция».

В тюрьме гестапо арестованные подвергались пыткам, мало кто выходил оттуда

живым.

Ольга знала, что ей грозит в случае провала, но продолжала свое дело. 22 ноября она передала в складке шелкового шарфика небольшую по размеру записку, в которой сообщила важные сведения о расположении штаба ГФП, о скоплении танков около «Резинки» (поселок Резинстрой), о провокационных слухах, распространяемых гитлеровскими офицерами о захвате Москвы и Ленинграда, об избиениях и издевательствах, творимых в городе гитлеровцами, о двух^[329] предателях, которые могут появиться в тылу Красной Армии с диверсионными заданиями.

Надя Ахматова между тем выполняла свою задачу. За несколько дней она собрала сведения о расположении одной воинской части и ее штаба, о размещении огневых точек, танков и автомашин. С этими сведениями она должна была вернуться в расположение отряда Артеменко. Но возвратиться ей не пришлось.

Однажды вечером, во время очередной прогулки по городу, к ней подошел молодой человек. Она не могла скрыть радости от этой встречи. Этого красивого парня она знала еще до войны, когда работала кассиром в городском саду, а затем видела его в отряде Артеменко. В коротком разговоре Надя узнала то, о чем и не догадывалась. Собранные сведения она передала в отряд и одновременно получила новое задание: ей предстояло быть связной у Ольги!

По совету сорудника УНКВД (которым оказался молодой человек) она на следующий день побывала в квартире Ольги на улице Достоевского. Соседи сказали, что Ольга там уже не живет. Она получила от немцев комнату в доме на Лесной улице — поближе к работе. Надя об этом уже знала и пришла не за этим. В полуподвале дома, рядом с квартирой Ольги, приютились переселенцы из Затверечья — мать и дочь. Надя должна была встретиться с тетей Пашей, чтобы взять у нее «посылку» для передачи в отряд. Встреча состоялась, пароль сработал. С этого момента они встали в одну цепочку, именуемую в разведке связью.

Ольга изредка появлялась в своей прежней квартире. С тетей Пашей она связалась еще тогда, когда жила в этом доме. По договоренности она оставляла здесь сверток с какой-либо вещью, где было спрятано донесение. Тетя Паша после встречи с Надей эти свертки стала передавать ей. Надя исправно выполняла свою работу. Донесения шли по назначению.

И все же в конце ноября гестапо удалось напасть на след Ольги. Подруга, у которой жила Ольга в первые дни, в разговоре с соседкой случайно проговорила о том, что Оля и Надя пришли в город с той стороны. Соседка оказалась предательницей. В ночь на 1 декабря Ольга была арестована и доставлена в гестаповскую тюрьму, расположенную на площади Ленина в подвале здания бывшего горсовета.

В эту же ночь были арестованы и Надя, и ее хозяйка дома. Начались допросы.

Ольга была брошена в холодную одиночную камеру.^[330] Допрашивали на первом этаже, в кабинете пыток. Следователь Шульц, садист по натуре, избивал до полусмерти свою жертву, сохраняя при этом сладкую улыбку. Помогал ему некто Лебедев, фашистский холуй, стоявший наготове с ременной плетью в руках. Из кабинета по всему зданию раздавались крики и стоны истязуемых.

Не избежала пыток и Ольга. Измученной и голодной девушке Шульц задавал один и тот же вопрос: кем послана в Калинин? Ответ был один: «Я ничего не знаю». Держалась она стойко.

После Шульца стал допрашивать шеф «зондеркоманды» Ойген Штеймле — оберштурмбаннфюрер СС. Этот вел себя вначале вполне корректно. Разговаривал с Ольгой как с разведчицей. Ольга почувствовала, что он пытается вести какую-то игру, смысл которой надо было понять. Она знала, что гестаповцы не прощают, когда находят у себя «красных шпионов». Но она работала не в гестапо, а в ГФП. За ее появление в этом ведомстве гестапо не отвечало. Штеймле разоблачением «красной» в ГФП, конечно, мог в какой-то мере оправдать свои провалы, поправить репутацию и, к удовольствию своего начальства, насолить коллегам из ГФП. Отношения гестапо и ГФП никогда не были гладкими. Но Штеймле мог и отпустить ее, взяв обязательство работать на гестапо. Для Ольги это была единственная реальная возможность спасти жизнь — согласиться на предложение Штеймле, выбраться из тюрьмы, а затем уйти к своим. Но она считала такой выход предательством и не могла пойти на это.

Учтивый и деликатный Штеймле понял, что агента гестапо из нее не получится. И тогда он превратился в зверя.

5 декабря 1941 года. Еще в камере Ольга услышала артиллерийскую канонаду: войска Калининского фронта перешли в наступление.

Слышала она гул орудий и тогда, когда ее везли из гестаповской тюрьмы в застенки ГФП на улице Софьи Перовской. Начальнику «зондеркоманды» было не до интриг против абвера: «красных шпионов» он передал в лапы ГФП.

Их казнили на рассвете 6 декабря 1941 года. Они стояли рядом — Ольга Баранова и Надя Ахматова.

Н. Шушаков[331]

ТОНЯ

После освобождения Калинина была назначена специальная комиссия по розыску жертв гитлеровской оккупации. Состоял в этой комиссии и бывший работник Пролетарского райисполкома Семен Егорович Махоркин. От него в конце пятидесятых годов я и услышал имя Тони Шпа-риной.

— Помню я это время очень хорошо, — рассказывал Махоркин. — В Калинин мы вернулись 16 декабря, как только немца отсюда вышвырнули. Всего два месяца прошло, а города было не узнать: развалины да пепелища. Стали искать погибших людей. Население помогало, слышали по выстрелам, где казни совершались. Хоронить их гитлеровцы не успевали. Так, чуть копнут да снежком притрусят.

От исполкома у меня было задание: находить эти страшные ямы и хоронить замученных наших товарищей по-человечески. Насмотрелся тогда, до конца жизни хватит... Особенно страшная яма была найдена в Первомайской роще. Было здесь среди замученных несколько девушек. Подошел к одной — руки скручены проводом, на

щеках вырезаны звезды, ногти сорваны, глаза выколоты, тело изрезано ножами. Не люди, звери... Пальтишко было на ней, и в подкладке я нащупал паспорт. Достал. На фотографии улыбающееся лицо, глаза смеются, носик чуть вздернут. Прочел: Антонина Михайловна Шпарина, год рождения 1921, место рождения — город Калинин.

...Как оказалась Тоня в руках гестапо, за что гилеровцы подвергли ее нечеловеческим истязаниям, — ни ему, ни другим в ту пору узнать не удалось. Потрясенный этим рассказом, я разыскал семью Тони — мать и сестру. Тогда же записал их рассказ.

Мать — Матрена Алексеевна:

— Горше такого горя не бывает... Пятеро у меня их было, детей-то. А Тоня ближе всех к сердцу. Душевная, веселая. Семья у нас рабочая.

Мы с отцом век на «Пролетарке» проработали. И дети, как стали подрастать, туда же пошли. Тоня до войны на ситцевой работала. А в сорок первом, как мужчины наши ушли на фронт, и она загорелась: «Пойду и я!» Я ей говорила тогда: «Куда тебе, ты девушка, не твое это дело...» Но хоть говорила так, а знала — не послушает она меня. Если что решила — не повернешь. Характер. Мы^[332] в ту пору из города ушли в Старое Чопрово, рядом с Кулиц-кой. Тоня с нами. Молчит, но по глазам вижу: не забыла свое. А война — вот она, рядом. Пришли в деревню военные. И сразу Тоня к ним. Сперва белье бойцам стирала. А как-то раз под вечер в военной машине домой приехала. Вошла в избу, глаза светятся. «Пришла — говорит, — проститься!» И командир у порога стоит, ее дожидается. «Вы, — говорит, — не плакать, а гордиться дочкой, мамаша, должны, что она у вас такая...» Так больше Тонечку мы и не видели, живую-то...

Сестра — Анна Михайловна Матросова:

— В нашей семье Тоня была любимицей. Любили ее мы за характер — бодрый, неунывающий. За сердечность. И за песни. Жили мы тогда в своем доме на 7-й улице Красной Слободы. Не больно богато жили, но дружно и весело. Старшие работали, младшие учились. Наш дом был все равно что молодежный клуб. А Тоня была его душой. Растормошить могла кого угодно. У Тони весь мир состоял из хороших людей. Не было у нее не только плохих людей, но и скучных дел, неприятных обязанностей. Все выходило у нее легко, для всех сияла щедрая улыбка.

Тоня пела на клубной сцене. Охотно шила сестрам платья, азартно играла в волейбол, возилась с соседскими ребятами, работала на фабрике, наводила блеск в доме и делала десятки других дел.

Смелая она была, не умела отступать. Помню, как купались мы на Волге. Тоне тогда исполнилось десять лет. Большие ребята сговорились плыть на ту сторону. Поплыли четверо, среди них Тоня. От бакена двое повернули назад. Потом отстал третий. Тоня осталась одна. Мы кричим ей, чтобы вернулась, а она плывет. Из последних сил, но доплыла.

Вот такая наша Тоня была в мирной жизни. А что было в военной — ничего мы об этом не знаем...

Мать и сестра запомнили только одну фамилию — Журавлев.

— Буду в штабе у Журавлева, — сказала, прощаясь, Тоня. И ушла... навсегда.

...Образ девушки, муки, которые ей выпали, обязывали к поиску. В районе Кулицкой дислоцировался штаб 252-й стрелковой дивизии. Если Тоня выполняла задания войсковой разведки, была надежда, что ее не забыли. Пошли запросы в архив, письма бывшим офицерам штаба. Увы, — никаких следов.[333]

Впору было прекратить переписку, когда пришло последнее письмо. Москвич М. И. Лев писал:

«...случайно встретил товарища по войне, и он рассказал мне о Ваших запросах... В октябре 1941 года меня назначили офицером связи при штабе 252-й стрелковой дивизии. Штаб находился в районе станции Кулицкая. Мне часто приходилось доставлять пакеты на командные пункты полков. И вот однажды, прибыв в полк подполковника Журавлева, встретил я в блиндаже начальника штаба трех девушек. Знакомый офицер рассказал мне, что девушки эти из Калинина, сами вызвались идти в тыл, в разведку, и теперь ждут задания.

Девушки были в ватниках, в солдатских ботинках, оди-наково коротко острижены. Они сидели, обнявшись, на низких земляных нарах и негромко пели. Одна из них мне особенно запомнилась: уверенный взгляд, волевое лицо. Я тогда не узнал ее имени. А теперь, взглянув на фотографию Тони, не сомневаюсь: это была она.

На КП я пробыл тогда недолго. И девчат этих больше не встречал. Начались бои. Я был контужен. И только вернувшись в свою часть из госпиталя, узнал об их трагической гибели. В полку рассказывали: девушки, выполнив ряд заданий, не раз побывав в Калинине, доставили командованию ряд ценных сведений о враге. Но в конце концов их немцы схватили и замучили. Наши солдаты горевали о них, как о родных сестрах».

...И еще одно свидетельство. После того как о Тоне Шпариной рассказала областная газета, к автору этих строк пришла пережившая оккупацию Лидия Семеновна Абалихина и, дополняя это скорбное повествование, рассказала: — О последних днях Тони я узнала случайно. На третий день после освобождения Калинина возвращались мы домой. Шли по разрушенным кварталам. Вдруг меня окликнули. Я не сразу узнала в солдатской шинели Витю из 70-й казармы. Фамилии его не помню. Сбивчиво, наспех он мне рассказал вот что.

Когда пришли немцы, из Калинина он уйти не успел. В начале декабря его схватила немецкая полиция по подозрению в краже овса у немецкой армии. Посадили его в подвал дома, где до оккупации был городской Совет. На следующий день сюда привели Тоню. Ее он хорошо знал. В первую же ночь ее взяли на допрос и избили. О себе она Виктору ничего не рассказывала, только раз обмолвилась:

— Все равно ничего не добьются. Узнать бы, кто им обо мне рассказал! [334]

Избили ее очень сильно, но она находила силы смеяться, подбадривать Виктора. Даже пела. Ее вызывали на допрос еще дважды. А в третий раз она не вернулась...

* * *

Вот, пожалуй, и все о девушке с «Пролетарки», которая пела в хоре и азартно играла в волейбол, а в час испытаний рванулась по велению сердца на линию огня...

Похоронили Тоню в братской могиле на берегу Волги вместе с воинами, павшими в боях за Калинин.

Вечная память...

М. Яковлев

ИЗ СООБЩЕНИЯ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИССИИ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ЗЛОДЕЯНИЙ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ СООБЩИКОВ ОБ УЩЕРБЕ, ПРИЧИНЕННОМ ИМИ ГРАЖДАНАМ, КОЛХОЗАМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ НА ТЕРРИТОРИИ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ ...

В ГОРОДЕ КАЛИНИНЕ

В этом административном и культурно-промышленном центре области за время своего только двухмесячного хозяйничанья немецко-фашистские захватчики сожгли и разрушили более 70 предприятий, среди них один из крупнейших в Союзе — вагоностроительный завод, текстильные предприятия: хлопчатобумажный комбинат «Пролетарка», фабрику им. Вагжанова и др.

Выведено из строя все энергетическое хозяйство города: ГЭС № 2 и 3, ТЭЦ № 1. Уничтожена или приведена в негодность вся высоковольтная и низковольтная сеть, трансформаторные подстанции.

Сожжены прекрасные новые жилые дома по проспекту им. Чайковского и по Ленинградскому шоссе. Сожжены также целые жилые кварталы по улицам Вольного Новгорода, Урицкого, Советской, Верховской, Мусоргского, по проспекту Калинина, кварталы в Затверечье и в районе вагонного завода.

Всего в городе разрушено и приведено в непригодное для жилья состояние 7700 зданий с объемом 4880 тыс. куб. м.

Разрушены и выведены из строя водопроводная сеть^[335] протяжением 47,1 км и канализационная сеть протяженностью 34 км.

Трамвайное хозяйство с протяженностью путей в 42,6 км приведено в негодность. Медный троллейный провод протяженностью 46,6 км снят и увезен в Германию.

Телефонная и телеграфная связь города также приведена в негодность. Разрушены все мосты через реки Волгу и Тьмаку. Большой ущерб причинен торговой сети и сети общественного питания.

Немецкие оккупанты уничтожили в городе драматический театр на 1000 мест, театр филармонии на 500 мест, театр юного зрителя на 500 мест, кинотеатр «Эрмитаж», прекрасные клубы-театры вагонного завода и фабрики им. Вагжанова. Они разрушили и повредили 42 школы с объемом 178 тыс. куб. м, детсадов с объемом 33 600 куб. м, разрушили и привели в негодность 22 здания детских яслей объемом 85 тыс. куб. м.

Немецкие варвары сожгли библиотеку им. Горького с книжным фондом, содержащим свыше 500 тыс. томов, и целый ряд других библиотек. Уничтожили также памятник В. И. Ленину, памятник жертвам революции 1917 г.

Общий ущерб, причиненный народному хозяйству города, превышает 1,5 млрд. руб.

Председатель областной комиссии содействия ЧГК Бойцов

Отв. секретарь областной комиссии содействия ЧГК Вахров{104}

Юрий Иванов

ПОБЕГ {105}

Шли второй день: без отдыха, без остановок. В больших деревнях присоединялись новые толпы беженцев. Шли километровой колонной: женщины с грудными детьми,

дети постарше, старики, старухи. Двигались медленно, несмотря на понукания конвоиров.

Первую ночь провели в скотном дворе какого-то длинного, словно вымершего села. К ночи студёный ветер стих, но мороз завернул еще крепче, и часовые, сторожившие беженцев, заходили во двор греться.^[336]

К общей радости, во дворе на колосниках оказалось полно соломы. Затаскивали ее наверх на зиму для тепла и подстилки в стойлах. Беженцам эта солома пришлась очень кстати.

Антошка, Сергей, Федька, Груздь устроились на ночь в коровьих яслях. Мать, Дуду калка с Катькой, другие односельчане легли на солому рядом.

Беженцы заполнили всю постройку: и стойла, и колосники, и проход. Когда стемнело, скотный двор превратился в огромный муравейник. Никого не видно, но со всех сторон шепчутся, шушукуются, охают, шуршат соломой. Только несмышленные, маленькие, плакали и кричали в голос, да неподалеку от Антошки в углу надрывно кашлял и рассуждал сам с собой глухой старик.

— Куда ж они гонят нас, такую рать?.. — гудел он. Ему боязливо и невнятно отвечал женский голос.

— Я дык понимаю — в Ярманию, — рассуждал старик.

— Нужен ты в Ярмании, — отозвался кто-то.

— Вот я и толкую: почто гонят, почто помереть не дают дома?

Под его бормотание, невнятные шорохи и шепот мальчишки забылись. Разбудили их рано, выгнали на улицу.

Солнце еще не показалось, только-только начало развидняться. Ветви ближних деревьев, крыши домов, сараев и бань покрывал белый пушистый иней. Когда солнце выглянуло, иней засверкал разноцветными блестками, словно заулыбался первому лучику. Дым белыми султанами тянулся над заснеженными крышами, таял в воздухе.

Чтоб быстрее согреться, люди двигались поначалу охотно и споро. Конвоиры даже не подгоняли, благодушно шли группами впереди и сзади колонны, поручив катить ненужные велосипеды большим мальчишкам. Досталось по велосипеду и Сергею с Федькой.

Федьке это занятие понравилось. Когда конвоиры отходили подальше, он прилаживал одну ногу на педаль и, отталкиваясь другой, ехал. Сергей, поначалу шагавший спокойно, начал подражать ему. Прodelывали они это до тех пор, пока Федькин велосипед не поскользнулся на укатанной, как стекло, дороге и горе-ездок не полетел на него, застряв ногой в спицах.

К Федьке уже бежал владелец велосипеда, размахивая плеткой, но Федька успел высвободить ногу и юркнуть в толпу. Немец зло вытянул плеткой ни в чем не

повинного Сергея и забрал оба велосипеда.[337]

Корчась от боли, придерживая ушибленное плечо, Сергей вернулся к своим.

— Достукался? — мать глядела строго, но ни ругать, ни жалеть Сергея не стала. — Рядом иди. Видишь, Антошка бредет из последних сил, возьми его за руку.

Устал не один Антошка. От голода, от долгого перехода движения людей становились все медленнее и тяжелее. Шли полдня, а привала все не было. Некоторые не выдерживали, падали. Немцы подгоняли плетками, толкали прикладами. Остервенев, начали расстреливать.

Упала молодая, болезненного вида женщина с грудным ребенком. Несла она его второй день, привязав к себе по-цыгански шалью. Конвоир подскочил к ней, стал избивать. Женщина поднялась и снова упала. Тогда конвоир — здоровенный немец в белой каске — вырвал у нее ребенка и далеко зашвырнул в сугроб. Женщина закричала, рванулась к сугробу. Немец разозлился, навел на нее автомат. Ближние к ней старухи и молодые женщины с воплями окружили несчастную. Конвоиры плетками погнажи толпу бегом.

Мать очень боялась за Антошку — шел он из последних сил. Ноги совсем не слушались, сделались как чужие. Один валенок тер. После случая с велосипедом Сергей не отходил от брата ни на шаг. Чередуюсь с матерью, они вели Антошку за руку. Потом повели вдвоем, поддерживая с обеих сторон. Несмотря на холодный ветер, глаза у Антошки слипались, очень хотелось лечь и уснуть.

— Не спи, Антош, не спи! — повторяла мать.

Груздь шагал сам. Мать его, тетя Клава, самая молодая и сильная из деревенских, то и дело брала его на руки, и Груздь отдыхал. Пришлось временами тащить матери и Антошку. И досталось же ей!

Антошкины ноги за это время успевали немного отойти, он даже засыпал на мгновение, и шагалось потом полегче.

К вечеру, когда силы совсем начали оставлять беженцев, подошли к Волге. На том берегу темнели дома деревни. Рядом, у переправы, задрав в небо хвост, торчал остов обгоревшего самолета. Иней еще не покрыл его — видно, сбили недавно. На посиневшем от сумерок холодном снегу самолет походил на огромный крест.

— Наш!.. — прошептал Сергей. — Звезда видна...

Волгу Антошка увидел впервые. Слышал о ней от деда Егора, теперь увидел. Показалась она широкой-преширокой, не то что Тьма или Тверца в Медном. Дед Егор рассказывал, что Волга берет начало в их Тверской земле.[338] На высоком обрывистом берегу колонну остановили, небольшими группами стали сгонять на лед. Противоположный берег оказался еще выше, ко всему — сильно накатанным, скользким. Забирались с трудом. Некоторые ползли, скатываясь, снова карабкались вверх. Немцы опять стали махать плетками, но уже не расстреливали.

В деревне разместили беженцев по домам.

— Айн, цвай, драй... — отсчитывал горластый немец, подталкивая к крыльцу.

В каждый дом загоняли человек по сорок — пятьдесят.

Хозяйка, куда попали Лемеховы, пожилая юркая женщина, оказалась не только расторопной, но и доброй. Затопила печку, поставила чугуны с картошкой. Антошка, не помня себя, сразу же заснул, как вошли в избу. Через некоторое время его разбудили. Обжигаясь и торопясь, преодолевая сонливость, он ел разваристую картошку, плохо соображая, где находится. Попросил еще. Мать отдала ему половину своей картофелины. В котомке Сергея оставалось несколько кусочков мяса, берегли их на крайний случай. Лишь по крошечному мороженому кусочку положили в рот и сосали, как сахар.

Пригревшись на полу, Антошка снова заснул, как умер.

— Вставай, Антош, вставай!.. Тихо только, тихо... Пойдем, — тормозила его мать.

В полной темноте Антошка принялся обуваться.

В избе было душно и жарко. Пахло прелой обувью, портянками, махорочным дымом... Кто-то бредил во сне, стонал.

Перешагивая через людей, натываясь на вещи, они вышли во двор. В самом конце, у раскрытой на улице двери, маячили фигуры.

— Кто это?

— Наши. Груздь тут, Катя, Федька с младшей сестрой и матерью...

Не желая выходить из теплого двора на холод, Антошка запротестовал: — Мам, куда мы? Серенька где?

— Тише ты, тише!.. Часовой услышит. Сергей тут, тут!.. — голос матери прерывался.

Она взяла Антошку за одну руку, Сергея — за другую, и они побежали. Федька тащил рядом четырехлетнюю Райку, прикрывая ей рот варежкой, чтоб не разревелась. Мать ее, тетя Саша, жалобно причитая, попевала за ним. Выбиваясь из сил, они добежали до леса. Так запарились, что упали^[339] в снег и стали лизать его. Бегать по сугробам, хоть и неглубоким, тяжело, но страх, что часовые заметят и поднимут стрельбу, гнал их, как зайцев.

Отдышавшись, уже спокойнее направились в лес. Только теперь Антошка понял, что от конвоиров в белых касках они убежали и ни в какую Ярманию их не погонят.

В лесу женщины посоветались и решили попытать счастья — добраться до города. У каждого там жили родственники, каждый мог найти там приют. Лемеховы надеялись разыскать Дашу.

ПИСЬМА УЧИТЕЛЬНИЦЫ ЛАШИНОЙ

Перед войной Антонина Матвеевна Лашина преподавала литературу в средней школе № 7. Накануне вступления гитлеровцев в Калинин, 13 октября 1941 года, она со своей семьей ушла из города. Два месяца прожила в рамешковской деревне Рязанчиха, работала в сельской школе.

Вскоре после освобождения Калинина Антонина Матвеевна вернулась в родной город. К этому времени ее муж Т. П. Лебедев был призван в действующую армию. Четырнадцатилетняя дочь Нина осталась в деревне на попечении душевных, добрых людей.

Письма А. М. Лашиной дочери и мужу — подлинно человеческие документы о том трудном времени. Они дают яркое представление о жизни в прифронтовом городе, каким еще долго оставался Калинин. В них не скрываются невзгоды, не приукрашивается быт. Строки этих писем свидетельствуют о том, что переживали советские люди в очень тяжелое для страны время, как сильна была их вера в наше правое дело, в победу, как стремились они сделать все от них зависящее, чтобы приблизить ее.

Письма А. М. Лашиной 50 лет бережно хранит ее дочь Нина Тимофеевна Лебедева, тоже заслуженная учительница школы РСФСР. Она долгое время преподавала литературу в средней школе № 12, где последние годы своей жизни работала ее мать.[340]

* * *

11 января 1942 г.

Милая Нинуся! Я добралась благополучно: в половине четвертого была в Кушалине, прямо попала на машину и к огонькам была дома.

...Школы откроются не все, 7-я в этом году работать не будет. Обещают устроить в другую школу.

Город начинает немножко приходить в себя. Люди работают, стоят в очередях, с 1-го января торгует рынок. Начали проводить электричество, радио; работают колонки.

У нас в квартире живет по-прежнему много чужих людей... Варю на обед суп, ем рязанчинский хлеб и сухари, пока не голодаю. Пайка еще не получаю... Пиши письма на открытках и почаще! Почта работает нормально.

13 января. 12 часов дня.

Милая дочурка! Мы спим в комнате, где температура 4 градуса тепла.

...Был два дня М. И. Калинин. Выступал на собрании партактива, говорил о нашей неперемной победе.

Я ходила к тете Татьяне. Шла по Красной Слободке. Вместо улицы и фабричных корпусов — чистое поле и кой-где тополя. Жуткая картина... Сильно строчит пулемет и бухают зенитки.

19 января 1942 г.

Дорогая моя дочурка! Очень я по тебе соскучилась, но все время радуюсь, что ты в деревне. Я получила назначение в школу № 16, с завтрашнего дня иду работать. Сегодня пошла посмотрела: дверей и стекол нет; парт, столов тоже нет; директора и вообще никого не нашла.

Школа № 6 будет уже заниматься. Завтра собирают ребят, а в школе грязи еще по колено, ужасно холодно и почти нет мебели. Как учиться?

За хлебом очереди, его не хватает, поэтому выдают пшеницу.

Бомбят нас каждый почти день. Сегодня ночью бросили бомбу на углу Радищевой, в здание рядом с Домом крестьянина. Я совсем перестала бояться бомбежки, но очень жаль, что гибнут невинные люди. На Бассейной улице бомбой разрушено семь домов, погибло десять человек, много ранено.

Вчера ездили за торфом. На дороге видели два трупа убитых немцев. Их много лежит под снегом. А 14 января^[341] вырыли на улице Софии Перовской, там, где дом торфотре-ста, в саду, 22 трупа партизан. Руки вывернуты, пальцы отрублены, носы тоже.

Какая ужасная вещь война... Какое море горя кругом!

25 января 1942 г.

...Сегодня воскресенье. Я проснулась раньше всех, села за письменный стол и пишу.

До сегодняшней ночи я спала в кабинете, но здесь вчера была температура на 0, а сегодня — минус 2. Нет никакой надежды квартиру обогреть. Дров мало. Купили торфу, возили его на санках километров за пять.

Учеба в школах идет совсем плохо. Некоторые школы вовсе не отапливаются. Из 60 человек приходят в класс человек девять. Все физические и химические приборы, книги — все погибло, испорчено. Учителя, директора — все не знают, как работать в таких условиях, а работать нужно.

Папа в Старице, а может быть, теперь и дальше, так как их госпиталь первичный и пойдет за фронтом.

Под Ржевом немцы взяты в кольцо. Заняты нами города Холм, Торопец, Старая Торопа, Западная Двина, Андреаполь, еще какой-то.

Что тебе еще написать, моя девочка? Вспоминаю часто, беспокоюсь, скучаю, но радуюсь, что ты в тепле и сыта. Как хорошо, что у тебя есть хлеб и картошка, у многих этого нет. Я ни разу не поела картошки, как сюда пришла. Я вчера променяла табак на два куска мыла. Пришлю и тебе. Хороший урок дает тебе жизнь...

23 февраля 1942 г.

Милый Прокофьич! Вчера нужно бы полежать, но Валя (девушка, живущая в нашей квартире) получила лошадь, и поэтому мы поехали за торфом. Дорога плохая, лошадь наша легла и не желала ехать. Наволновались, набегались, потратили на это весь день до шести часов. Торф далеко по дороге к Горютину. Люди везут на санках топливо, застревают в ухабах, ругаются, плачут или покорно стоят над мешками, не зная, что с ними делать. Я всем помогала, кого видела в таком положении. Столько видела благодарных взглядов, столько слышала теплых слов...

Очень я измоталась и не совсем здорова. Лицо все заплыло, глаз почти не видеть; ветром надуло щеки, а нос оборвала платком так, что он похож на грушу. Полежу сегодня, а завтра с 12-ти часов в школу.

Сохрани себя для нас. Я тебе уже говорила и еще раз^[342] повторю, что жить мне без тебя плохо, что у меня все время сознание неполноты, ненастоящей жизни, временной...

Вчера позвала детишек живущих в нашем доме погорельцев, подарила им Миныны игрушки. Рады как были!

Мне хочется отдать людям все лишнее: отдала два стула отдам одну кровать — не возражаешь?

До свиданья, мой дорогой! Будь здоров и бодр духом

2 марта 1942 г.

Милый мой Прокофьич!

...Город наш оживает с каждым днем: работаем, чистим ремонтируем...

В школах занятия идут по-прежнему Библиотеки не работают, читальню в Доме учителя открыли

15 марта 1942 г.

Милая дочурка! Жизнь такая суматошливая, что не успеваешь ничего сделать. Я была у папы. Брала опять отпуск на два дня... Папу перевели в конно-санитарную роту. Сделали его повозником, а он и обращаться-то с лошадьми не умеет...

Мы много работаем на воскресниках. Вчера например чистили дорогу от заносов. Очень полезная и нужная работа. Нам дали участок, где машины никак не могли проехать Поработали три часа — и все в порядке! Из-за заносов очень трудно было мне приехать из Старицы, 25 километров прошла пешком, потом ехала на трех машинах

28 марта 1942 г.

Дорогая дочурка! Все работаю, проверяю тетради Некогда почитать, пошить. В дни отдыха — воскресники. Завтра у меня два воскресника: по школе с 9 часов по дому с 5 часов.

Сегодня в моем прикрепленном классе не было 12 человек: кто болен, кто уехал в деревню за картошкой, кто возит из лесу дрова, кто торф... Что с них спросишь?

...В городе все еще беспокойно. Я знаю, что мы не из полошливых, мы с тобой обе не очень трусим а все же радуюсь, что тревоги тебя не тревожат. Было хорошо когда не объявляли тревогу, а теперь опять воеет сирена! тревожно настраивает радио: «Внимание, внимание! « У нас его еще нет, но ведь оно на всех углах. А какая отчаянная поднимается стрельба по немецким самолетам!.. Были случаи гибели прохожих от осколков зенитных снарядов Движение по городу прекращается. Милиция поставит куда-нибудь к стене, и стоишь. Бывает, тревога объявляется по три раза в день, часа на полтора. Летают эти стервятники по 25–40 сразу. Нас хорошо охраняют ястребки, спасибо.[343] В магазинах кой-что получаем. Недавно выдавали крупу по 200–300 граммов, макарон по столько же, мороженой картошки по два килограмма.

Дома я себе готовлю немного: парю мороженую свеклу, когда есть — с картошкой, когда картошки нет — с мороженой капустой.

...Трамваи ходят теперь и до Советской больницы. Ходят от вагонзавода до мясокомбината. По волжскому мосту уже ездят (пока еще по разрешению), рыночный мост давно готов; трамвайный через Тьмаку все взрывали, чтобы разобрать. Теперь почти разобрали, примутся за постройку нового.

5 апреля 1942 г.

Милый Прокофьич! Питаюсь я неплохо. Сыта каждый день. Плохо одно, что часто есть хочется. Из деревни мне привезли две меры картошки, варим ее. Хлеб у меня есть. На рынке ничего не покупаю, так как все очень дорого, нечего и пытаться.

...Бомбить — бомбят иногда по несколько раз в день. Жертвы и попадания редко бывают. Два дня тому назад летел немецкий самолет, строчил из пулемета, сбросил четыре бомбы... Разрушен один дом, без людских жертв. В нашей школе 15 стекол вылетело и одна рама целиком...

11 апреля 1942 г.

Моя дорогая дочурка! Если бы подсохла дорога, я пришла бы к тебе на 1-е Мая, но это невыполнимо: дорога будет ужасная, а обуви хорошей нет.

...Растаял снег, и обнаружилось много мин. Несчастий от них сколько! На стадионе в Пролетарском районе пострадало 17 бойцов, на улице Спартака разорвало на части нашего ученика и четырех взрослых. Много, много случаев. Сегодня нашли мину около нашей школы. Другую мину нашли во дворе Вагжановки. Есть предположение, что заминировано котельное отделение в школе...

15 апреля 1942 г.

Милый Прокофьич! У нас уж с неделю спокойно, не бомбят... В подвале 16-й школы нашли два ящика с минами, а под ними две мины с каким-то особым соединением. Что было бы, если бы взорвались?

...Третий день плохо с хлебом. Мы, правда, получили в своей лавке, а в других — беда!

...Купила сегодня огородных семян на 27 рублей — каково! Всего три чайных ложки. Очень они нужны. В колхозы нас отправят, но на огород я все же записалась...[344]

22 апреля 1942 г.

Милая дочурка! Сегодня у меня праздник: твои письма, папина открытка.

...Караул, Нинок, застреляли зенитки, а самолет где-то над самой головой! Слышно, как налетели наши ястребки, погнались... и вот все стихло.

Недавно я готовила доклад: как увязать уроки по литературе с современным моментом. Я подошла к этому всем сердцем, всей душой стремилась через уроки воспитать в ребятах хорошие человеческие качества. Я не могла пройти мимо Натальи Лагунской и Лизы Калитиной из «Дворянского гнезда». Какие женщины! Перед ними тогда все дороги были закрыты, нормальной считалась жизнь в рамках семьи, а у них запросы шире, больше. Все тургеневские женщины таковы. Жизнь толкала их на неверную дорогу — Лизу, например, в монастырь, к религии. Но это не умаляет их ценности. В наше время Лиза пошла бы другой дорогой, дорогой Зои Космодемьянской или Лизы Чайкиной. И как велико у них чувство долга!

...Недавно очень подняла мое настроение одна ученица — Степанишина. Она теперь старший сержант, разведчица, была на фронте. Месяц тому назад написала записку, не застав меня дома, теперь опять зашла. Она искала меня, чтобы сказать, что хорошие люди, настоящие советские, есть, что их много на фронте. «Какие люди!» — говорила она, захлебываясь. Она вспомнила сочинение о дружбе, которое мы писали в прошлом году, и сказала, что только теперь поняла, что это значит.

Из записной книжки А. М. Лашиной

1942, апрель

Мясо стоит: свинина — 320 рублей, молоко — 50 рублей литр, яйца — 200 рублей десяток, масло постное — 250 рублей литр.

1942, май

Цены на базаре: свинина 350 руб. кг (на деньги нет), молоко 50–60 руб. литр, яйца 140–150 руб., масло русское 800 руб. (не на деньги), щавель на щи — 16 руб., сморчки на два супа 30 руб., одна картошина 3–5 руб., котелок картошки (солдатский) — 50 руб.

8 августа 1942 г.

Милый Прокофьич! Победам на вашем фронте радуемся, но боимся еще верить. Всему, что творится на юге, огорчаемся. Со страхом включаем радио, слушаем его уже в 6 часов утра.[345] Нас два дня бомбили — 5-го и 6-го. Сброшены бомбы в поселке им. Крупской, где-то еще.

У Лавровских жила одна семья, у них единственный чудесный сынишка шести лет. Поехали на машине в Торжок на рынок, попали на рынке под бомбежку — и вот мальчонки нет. Жалко мальчика.

...Завтра отправляемся с Валецкой в лес на заготовку дров. Всем прислали бумажки. На мою долю

четыре кубометра. В противном случае — «лишаетесь жилой площади». Ничего не поделаешь...

4 сентября 1942 г.

Милый Прокофьич! Вчера была на огороде и расстроилась: во-первых, украдена вся брюква, во-вторых, свекла — мышинные хвостики, а картошка — горох. Что случилось, не могу понять, но картофель весь пропал, не только листья, но даже стебель. Очень все это меня расстроило. Думала, что хоть ползимы проживем без нужды.

В столовых стало настолько плохо, что и говорить не приходится. Задушили тушеной зеленой и без масла капустой, а на первое все щи...

Холодеет. Нет стекол, нет дров, дом не ремонтируют; лопнула труба, и водопровод закрыли. Чинить его, конечно, не будут — нужно менять все трубы. К довершению всего, собака ходит по пятам, просит есть. Настроение у меня, как видишь, плохое...

Все дело за фронтом... На юге страшное. Хотелось бы сделать что-нибудь непосредственно полезное фронту, а тут все не то.

Сейчас уверовала, что можно в школе воспитать нового, честного человека, буду это выполнять со всей ответственностью.

Прости, что я все о себе. Ты у меня всегда на сердце и в мыслях, и забота о тебе большая.

8 ноября, 6 часов утра

Милый Прокофьич! Шестого получила твое письмо от 31 октября. Были очень рады, что у тебя все благополучно. Не очень доверяю всему, что ты так хорошо расписал.

...И на 7-е, и вчера у нас прилетали «гости». Объявили тревогу. Нина с Еленой были в квартире Кошелевых, а я дома. Впрочем, вчера и Нина со мной. Легли на диван и сладко заснули — никакой «тревоги» не испытывали.

С ребятами в школе «клеится». Они очень прислушиваются к моему мнению. Накануне праздника урок у нас был^[346] особенный: говорили стихи; я им сказала, что добытое 25 лет назад нужно удержать, просто-напросто объяснила — почему, сказала, что убедилась в необходимости воспитать из них людей с новыми качествами. Урок прошел тепло.

Целую крепко. Нина еще спит. 40 минут восьмого.

Письмо дочери к отцу

20 декабря 1942 г.

Здравствуй, папка! Ура! Памятник Ленину вновь высится на площади!

Ночью ударил мороз, и когда я пошла утром за завтраком, то чуть не отморозила нос.

Утро было чудесное. Солнце, небо синее, снег сверкающий.

В час дня мы пошли на площадь Ленина. Там уж возвышалась фигура вождя, пока еще закрытая полотном. Но вот полотно упало, и мы увидели новый памятник. Он гораздо больше старого, поза Ленина более спокойна, нет поднятой руки. Делал его тот же скульптор (Меркуров). Был митинг, а после митинга все разошлись домой: занятий в тот день у нас не было. И «гости» нас не потревожили. Но на следующий день вечером была объявлена тревога.

Целую тебя крепко-крепко.

17 января 1943 г.

Милый Прокофьич! Мы живем все так же: сыты, сума-тошимся с утра до ночи, зябнем, угораем. (Военная цензура вымарала строчки о бомбежке и о том, что на окне лопнула плотная бумага, заменявшая стекло. — С. Ф.). Рама замочла, ее не откроешь. С улицы заколачивать — нет гвоздей, нет лестницы да нет и времени. А дует в окно отчаянно. Сижу сегодня весь день и ломаю голову — как же мне быть? Помощников у меня нет. Ну, да придумаю что-нибудь.

Рядом с нами, в доме Егора Семеновича, умерла женщина, трое детей остались... Горя сколько кругом! Скорей бы крышка окаянными немцам.

Из дневника Нины

18 января.

Ура! Ура! Ура! Сейчас радио сообщает о прорыве блокады Ленинграда.

27 января, в день своего юбилея (50 лет), явился уволенный по болезни из армии папа. Теперь он работает в ДКА (Доме Красной Армии).

Семья собралась вместе... Счастливая судьба: уцелел дом, сохранились книги, остались живы. Я часто думаю об этом. Другим пришлось хуже...

Подготовил С. Флигельман^[347]

Группа ветеранов 133-й стрелковой дивизии, побывав недавно на северо-западной окраине города, где в ноябре 1941 г. проходил передний край нашей обороны, обнаружила в Комсомольской роще свои обвалившиеся полузаросшие блиндажи. Рядом играли дети, уже не внуки — правнуки...

А земля все еще хранит память...

Помнят и благодарные люди. Каждый год 16 декабря, в день освобождения города, приходят тверяки к братским могилам. «Тридцатьчетверка» на Ленинградском шоссе, 122-миллиметровая гаубица у Орши, стелы, мемориальные доски на калининских улицах, обелиск Победы, над которым дважды в год загорается Вечный огонь, — все

это непреходящие символы великой народной трагедии и великой нашей победы.

50 лет назад здесь отгремели последние залпы. Но и сегодня еще описаны не все достойные памяти эпизоды войны, не все герои названы поименно.

Это заставляет ветеранов вновь и вновь братья за перо, чтобы воскресить для потомков правдивые страницы нашей военной истории. Свидетельством чему и настоящая книга.[348]

Примечания

{1} Битва за Москву. М., 1985. С. 20.

{2} «Совершенно секретно! Только для командования!» М., 1967. С. 297.

{3} Там же. С. 326–328

{4} «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 329–331.

{5} Цит. по кн.: Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, кн. 2-я. М., 1961.

{6} Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 214.

{7} История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. М., 1975. С. 97.

{8} Центральный архив Министерства обороны СССР (далее — ЦАМО), ф. 354, оп. 5806, д. 11, л. 204.

{9} Военно-исторический журнал. 1989. № 1. С. 16.

{10} С 10 октября — командующий Западным фронтом.

{11} В пламени войны. М., 1969. С. 10.

{12} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 5, л. 3 .

{13} ЦАМО, ф. 354, оп. 5806, д. 11, л. 253–254.

{14} Там же, ф. 1146, оп. 1, д. 9, л. 68.

{15} Наименование населенных пунктов приводится по карте изд. 1941 г. В скобках дано современное наименование.

{16} ЦАМО. ф. 354, оп. 5806, д. 11, л. 253–254.

{17} Там же, д. 27, л. 7–8.

{18} ЦАМО, ф. 354, оп. 5806, д. 27, л. 8.

{19} ЦАМО, ф. 4509, оп. 1, д. 5, л. 7.

- {20} «Совершенно секретно! Только для командования!» С. 341.
- {21} ЦАМО, ф. 3067, оп. 1, д. 5, л. 13; ф. 354, оп. 5806, д. 27, л. 6–36.
- {22} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 8, л. 3.
- {23} Там же, ф. 3067, оп. 1, д. 5, л. 44.
- {24} Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 8, л. 15–17
- {25} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 5, л. 33.
- {26} Там же, ф. 3067, оп. 1, д. 5, л. 47.
- {27} Военно-исторический журнал. 1976. № 11. С. 86.
- {28} ЦАМО, ф. 384, оп. 8529, д. 6, л. 174.
- {29} Там же, ф. 4509, оп. 1, д. 5, л. 17.
- {30} ЦАМО. ф. 354, оп. 5806, д. 7, л. 111.
- {31} Там же, д. 11, л. 225.
- {32} Там же, ф. 4509, оп. 1, д. 12, л. 3.
- {33} Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 1, л. 7.
- {34} Советская военная энциклопедия. Т. 4. М., 1977. С. 43–44.
- {35} ЦАМО, ф. 221, оп. 1351, д. 52, л. 13–14.
- {36} Там же, ф. 354, оп. 5806, д. 1, л. 54–55.
- {37} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 6, л. 47.
- {38} Там же, ф. 354, оп. 5806, д. 11, л. 253–254, 282–286.
- {39} Гот Г. Танковые операции. М., 1961. С. 161.
- {40} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 5, л. 63.
- {41} Богданов Н. В небе гвардейский Гатчинский. Л., 1980. С. 76.
- {42} Богданов Н. В небе гвардейский Гатчинский. С. 78–79.
- {43} ЦАМО, ф. 354, оп. 5806, д. И, л. 337; ф. 213, оп. 2002, д. 5, л. 66.
- {44} Муриев Д. З. Провал операции «Тайфун». М., 1966. С. 79.

- {45} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 7, л. 175–176.
- {46} Там же, ф. 354, оп. 5806, д. 14, л. 94.
- {47} Муриев Д. 3. Провал операции «Тайфун». М., 1972. С. 96.
- {48} ЦАМО, ф. 354, оп. 5806, д. 14, л. 130.
- {49} ЦАМО, ф. 213, оп. 2070, д. 5, л. 3.
- {50} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 5, л. 54.
- {51} Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 44.
- {52} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 31, л. 15; ф. 376, оп. 10824, д. 103, л. 36, 37, 39; ф. 386, оп. 8593, д. 17, л. 188.
- {53} Военно-исторический журнал, 1989. № 1. С. 41–42.
- {54} История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 281.
- {55} Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1973. С. 164.
- {56} Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 170; Военно-исторический журнал. 1967. № 1. С. 89–92.
- {57} ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 30, л. 108.
- {58} Василевский А. М. Дело всей жизни. С. 164–165.
- {59} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 5, 132–133.
- {60} Рубеж великой битвы. Калинин, 1961. С. 44–45.
- {61} Советская военная энциклопедия. Т. 4. С. 45.
- {62} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 10, л. 264.
- {63} Там же, ф. 1525, оп. 1, д. 12, л. 16.
- {64} Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 18, л. 23 А, Б.
- {65} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 1, л. 43.
- {66} ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 27, л. 10.
- {67} Блокнот агитатора. 1950. № 11. С. 13–15.
- {68} Конев И. С. Воспоминания // Знамя. 1987. № 12.

- {70} Севастьянов П. В. Неман — Волга — Дунай. М., 1961. С. 86–97.
- {69} П. С. Телков — командир 5-й стрелковой дивизии.
- {71} Рубеж великой битвы. Калинин, 1961. С. 91–96.
- {72} Семенов А. Ф. На взлете. М., 1969. С. 42–47
- {73} ЦАМО, ф. 384, оп. 8529, д. 5, л. 115.
- {74} ЦАМО, ф. 384, оп. 8529, д. 17, л. 149.
- {75} Ивушкин Н. Б. Место твое впереди. М., 1976. С. 36–56.
- {76} Солдаты Великой Отечественной. Ярославль, 1987. С. 12–33.
- {77} Вышли на фронт «катюши». М., 1982. С. 82–83, 84.
- {78} В пламени войны. М.: 1969. С. 34–40.
- {79} Рубеж великой битвы. С. 116–121
- {80} Битва за Москву. М., 1985. С. 33–38.
- {81} Битва за Москву. С. 52–67.
- {82} Тверской государственный объединенный историко-архитектурный и литературный музей. № 2338. Печатный экземпляр.
- {83} Рубеж великой битвы. С. 97–105.
- {84} Полевой Б. Н. Эти четыре года. М., 1978. С. 61–68.
- {85} Красная звезда. 1941, 18 декабря.
- {86} Рубеж великой битвы. С. 81–90.
- {87} ЦАМО, ф. 384, оп. 8551, д. 7, л. 476.
- {88} Там же, ф. 1528, оп. 1, д. 1, л. 48.
- {89} ЦАМО, ф. 1528, оп. 1, д. 1, л. 65.
- {90} Там же.
- {91} Рубеж великой битвы. С. 106–108.
- {92} Политическая агитация. 1981. № 21–22. С. 52–54.
- {93} ЦАМО, ф. 386, оп. 8599, д. 146, л. 25

- {94} Полевой Б. Н. Эти четыре года. С. 69–80.
- {95} Рубеж великой битвы. С. 109–115.
- {96} Это было на Калининском фронте. М., 1985. С. 177–181.
- {97} Это было на Калининском фронте. С. 130–134.
- {98} Это было на Калининском фронте. С. 142–147
- {99} Правда. 1942. 14 января.
- {100} ПАКО, ф. 429, оп. 2, д. 32, л. 41. Копия
- {101} «Пролетарская правда» за 16.12.1942 г
- {102} В пламени войны. С. 8, 11.
- {103} Рукопись С. Г. Дороченкова в Зубцовском музее. С. 18–19.
- {104} ПАКО, ф. 147, оп. 13 (1), д. 426, л. 50–75. Подлинник.
- {105} Из документальной повести «Стоит деревушка...» (М.: Детская литература, 1988). Автор — артист Калининской областной филармонии Юрий Иванович Иванов, уроженец дер. Федоткино Калининского района. Имена людей и названия населенных пунктов в повести подлинные, кроме Антошки Лемехова (сам автор).

Список схем (вклейка схем расположена между страницами 48-49)

Разработанный немецко-фашистским командованием план наступления на калининском направлении

Калининская оборонительная операция . 10октября - 4 декабря 1941

Положение войск в районе Калинина на 14 октября 1941 г.

Контрудар оперативной группы Ватутина

Рейд 21-й танковой бригады в район Калинина

Положение войск в районе Калинина на 2 декабря 1941 г.

Решение командующего Калининским фронтам на наступление, принятое 2 декабря 1941 г.

Боевые действия по освобождению г. Калинина . 5-16 декабря 1941 г.